А. В. Соколов

Библиотечно-информационная школа и ноосфера

Библиотечно-информационная наука • Отечественные классики • Том 3
Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

А. В. Соколов

Библиотечно-информационная школа и ноосфера

Санкт-Петербург
СПбГИК
2018

УДК 021
ББК 78.03
С59

Монография издается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного института культуры

Редколлегия серии: А. С. Тургаев (главный редактор серии),А. Ю. Русаков (ответственный редактор серии), П. Н. Базанов, В. В. Брежнева,Г. В. Варганова, Т. В. Захарчук, М. Н. Колесникова, Д. А. Эльяшевич

Автор Соколов Аркадий Васильевич,заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор,федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшегообразования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Научный редактор С. А. Басов
Вступительная статья С. А. Басова

Рецензенты:
Ю. Н. Столяров, доктор педагогических наук, профессор,Научный центр исследования книжной культуры Российской академии наук
Г. В. Варганова, доктор педагогических наук, профессор,федеральное государственное бюджетноеобразовательное учреждение высшего образования«Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Соколов, Аркадий Васильевич

С59 Библиотечно-информационная школа и ноосфера / А. В. Соколов; науч. ред. С. А. Басов; вступ. ст. С. А. Басова; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 2018. – 444 с. – (Библиотечно-информационная наука: отечественные классики / редкол.: А. С. Тургаев (гл. ред.) и др. ; т. 3).

ISBN 978-5-94708-268-5

Издание продолжает серию публикаций ведущих представителей библиотечно-информационной науки – преподавателей Санкт-Петербургского государственного института культуры. Монография охватывает исследования А. В. Соколова (р. 1934) в области библиотековедения и библиографоведения, информатики и документологии, теории социальной коммуникации, культурологии и футурологии. Основное внимание в книге уделено осмыслению гипотезы ноосферы и противоречиям постиндустриальной цивилизации XXI в. В книгу включен мемуарно-лирический раздел «Друзей моих прекрасные черты» и библиографический список публикаций А. В. Соколова за 2013–2018 гг. Адресовано специалистам библиотечно-информационной отрасли. Издание приурочено к 100-летию Санкт-Петербургского государственного института культуры и к 85-летнему юбилею автора.

УДК 021
ББК 78.03

ISBN 978-5-94708-268-5

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственныйинститут культуры», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
От ретроспективы к перспективе. Слово научного редактора 6
Предуведомление. Чтобы свеча не погасла 14
Глава 1. Динамика библиотечно-информационной школы 20
1.1. Форматы библиотечного образования 20
1.1.1. Зарождение отечественной библиотечной школы 21
1.1.2. Становление библиотечной школы (1930–1950 гг.) 24
1.1.3. Институционализация библиотечного образования в СССР (1960-е – 1970-е гг.) 27
1.1.4. Поколение шестидесятников (1975−1989) 31
1.1.5. Информатизация постсоветской школы (1991–2009) 37
1.1.6. Болонизация библиотечного образования (2010−2018) 43
1.1.7. На распутье современной России 51
1.2. Ступени библиотечно-информационного образования 56
1.2.1. Стандартные классы библиотечно-информационной школы 58
1.2.2. Компетентность как критерий уровня образования 63
1.3. Профилированное обучение бакалавров и магистров 72
1.3.1. Понятие о профилированном обучении 72
1.3.2. Профилирование магистров по типам библиотек 74
1.3.3. Научные и учебные пособия для профилированного обучения 78
1.4. Дилогия «Введение в магистратуру» и «Магистерский интеграл» 83
1.4.1. «Введение в библиотечно-информационную магистратуру» 85
1.4.2. «Магистерский интеграл» 88
Глава 2. Конспекты непрочитанных лекций 92
2.1. Библиосфера и документосфера: метатеоретический конспект 93
2.1.1. Понятие о библиосфере 95
2.1.2. Библиосфера как коммуникационная суперсистема 98
2.1.3. Функции библиосферы 104
2.1.4. Разграничение понятий «книга» и «документ» 128
2.1.5. Документосфера как инфраструктура культуры 136
2.2. Системный кризис индустриальной документосферы 147
2.2.1. Проявления системного кризиса документосферы 149
2.2.2. Объективные и субъективные причины кризиса 157
2.2.3. Библиоутопии и библиоантиутопии 160
2.2.4. Альтернативные пути выхода из кризиса 165
2.3. Библиотековедческий конспект: ресурсы и миссии 170
2.3.1. Библиотечная педагогика 173
2.3.2. Библиотечный маркетинг 177
2.3.3. Библиотечный гуманизм 189
2.3.4. Проект Национальной электронной библиотеки 197
2.4. Библиографоведческий конспект: элегия «сумерки» 200
2.4.1. Библиография в пространстве библиосферы 203
2.4.2. Библиография в пространстве документосферы 208
2.4.3. Библиография в пространстве инфосферы 217
2.4.4. Сумерки и симулякры российской библиографии 221
2.4.5. Туманный рассвет 227

Глава 3. Опережающее образование – путь в ноосферу 231
3.1. Концепции ноосферы как среды обитания человечества 237
3.1.1. Философско-теологические концепции 239
3.1.2. Естественнонаучные концепции 244
3.1.3. Феноменологические концепции 251
3.1.4. Техногенные концепции 257
3.1.5. Гуманистические концепции 258
3.2. Идеологема ноосферы 264
3.2.1. Специфика ноосферы 264
3.2.2. Генезис (зарождение) ноосферы 266
3.2.3. От традиционной к техногенной цивилизации 267
3.2.4. Время великих перемен 269
3.2.5. От техногенной к посттехногенной цивилизации 272
3.2.6. Эскиз ноосферы 276
3.3. Моделирование ноосферного человека 280
3.3.1. Проекты «новых людей» и антропологические революции 282
3.3.2. Кибернетические модели ноосферного человека 290
3.3.3. Трансгуманистические миражи 295
3.4. Российский путь в ноосферу 302
3.4.1. Стратегические задачи Российской Федерации 302
3.4.2. Похороны библиотечной профессии 306
3.4.3. Консервативный ренессанс библиотечной профессии 310
3.4.4. Конструктивный ренессанс библиотечной профессии 314
3.4.5. Библиотечная профессия и Вечная женственность 324
Глава 4. Мемуарно-лирические страницы 329
4.1. Друзей моих прекрасные черты 329
4.1.1. Акмеологические радости В.А. Бородиной 329
4.1.2. Научные маршруты Т.Ф. Берестовой 333
4.1.3. Человек родом из героического поколения (А.Н. Ванеев) 344
4.1.4. Служение библиотечному гуманизму (Е.Ю. Гениева) 353
4.1.5. Безупречное служение библиотечное (М.Я. Дворкина) 356
4.1.6. Идущий впереди (В.К. Клюев) 363
4.1.7. Библиотечная методология В.С. Крейденко 369
4.1.8. Поэтика книжности В.П. Леонова 374
4.1.9. Удивительное рядом. Новелла о Ю.Н. Столярове 382
4.1.10. Библиофутурологическое творчество Якова Шрайберга 402
4.2. Ренессанс Института культуры 409
4.2.1. Кафедра информатики 409
4.2.2. Структуры Института культуры 416
4.2.3. Ренессансная портретная галерея 422
Библиографический список. 2013–2018 431

А. В. Соколов
Предисловие

Научно-мемуарная монография, написанная в жанре биобиблиографических отчетов, представляет «ретроспективу» публикаций профессора А. В. Соколова, начатую автором в 1994 году. Издания были приурочены к юбилейным датам ученого и опубликованы под заглавиями «Ретроспектива–60», «Ретроспектива–70», «Ретроспектива–75», «Ретроспектива–80». Настоящая, в отличие от предыдущих, приурочена не к 85-летнему юбилею профессора, который состоится в 2019 г., а к 100-летию Санкт-Петербургского государственного института культуры. Монография охватывает исследования автора в области библиотековедения и библиографоведения, информатики и документологии, теории социальной коммуникации, культурологии и футурологии, получившие отражение в научных публикациях 2013−2018 гг. (120 названий). Основное внимание уделяется осмыслению гипотезы ноосферы и противоречиям постиндустриальной цивилизации XXI в. Здесь рассмотрены новые теоретические проблемы: взаимодействие библиосферы, документосферы, инфосферы в культурном пространстве России; сочетание библиотечной педагогики и библиотечного маркетинга; становление системы цифровых библиотек и перспективы библиотечной профессии; трактовка библиографии – поисковой инфраструктуры информационного общества и библиофутурологии – концепции прогнозирования книжной коммуникации. Показано критическое значение для будущего человечества, которое имеет реализация опережающего образования и использование культурного наследия библиосферы для гуманизации ноосферы. Рассмотрены различные концепции ноосферы и модели человека ноосферного, а также роль библиотечной профессии в прокладывании российского пути в ноосферу.

Продолжая традицию предыдущих «ретроспектив», в настоящее издание включен мемуарно-лирический раздел «Друзей моих прекрасные черты», имеющий целью сохранить дух профессионального содружества, свойственный научно-педагогическому поколению. Книга может быть интересна и полезна научной элите, коллегам-преподавателям, гуманитарному студенчеству. Широкий читательский адрес книги – российская интеллигенция XXI в.

С. А. Басов
Слово научного редактора: от ретроспективы к перспективе

За четверть века вышли в свет четыре «ретроспективы» профессора А. В. Соколова. Вообще говоря, мне неизвестны продолжающиеся издания аналогичного жанра. Помнится, выпущенная под эгидой Петербургского библиотечного общества первоначальная «Ретроспектива–60» была задумана как юбилейный сборник научных статей в области информатики, библиографии, библиотечного дела и библиотечного образования. Однако стандартные кондиции юбилейного издания соблюсти не удалось, и получился «персональный факто-концептографический обзор с профессионально-фольклорными иллюстрациями», демонстрирующий «наивные, но прогрессивные претензии информатики, библиотечную школу эпохи застойного советского тоталитаризма, пульс библиотечной и библиографической науки того времени»[1]. Таким образом, личностно-юбилейная по замыслу «ретроспектива» приобрела ценность «документа эпохи», адресованного современникам и потомкам.

Последующие «Ретроспектива–70» и «Ретроспектива–75», изданные Библиотекой Академии наук, готовились как отчеты о научно-педагогической деятельности автора, которые сопровождались подытоживающей библиографической информацией. Отсюда жанр издания – «биобиблиографический отчет». Сквозными проблемами «ретроспектив» были и остаются проблемы литературоведения и интеллигентоведения, метатеория социальной коммуникации и библиотечная профессиология, взаимосвязи информатики и библиотечно-библиографических дисциплин, а также отдельные теоретические проблемы библиотековедения и библиографоведения, включая библиоутопии и «вживление кибернетических мозгов демонам-киборгам»[2]. «Ретроспектива–80» была задумана не как отчет о текущей научной и педагогической деятельности в тот или иной хронологический период, а как подведение итогов творчества профессора А. В. Соколова в 1962–2012 гг. Поэтому пришлось принять жанр «сборник научных трудов». Содержательный анализ показал,

[1] Ретроспектива–60: тр. для библиотекарей и информатиков / науч. ред. С. А. Басов. СПб.: Независим. гуманитар. акад., 1994. С. 3.

[2] Ретроспектива–75: биобиблиогр. отчет / науч. ред. С. А. Басов. СПб.: Б-ка Рос. акад. наук, 2009. С. 356.

что требуется не один сборник, а целая трилогия. Поскольку указанное пятидесятилетие в жизни автора связано с библиотечным факультетом, трехтомник «Ретроспектива–80» он посвятил 95-летию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Напомню содержание трилогии, изданной Санкт-Петербургским государственным институтом культуры в 2014 г.

Том 1 «Библиотечно-информационная школа» характеризует эпоху становления информатики и Государственной системы научно-технической информации в нашей стране. Кафедра научной информации ЛГИК им. Н. К. Крупской, созданная в октябре 1967, была первой кафедрой такого рода в вузах культуры, положившей начало информатизации библиотечного образования. Опыт разработки концепции социальной информатики и метатеоретические обобщения, сделанные на её основе, до сих пор не утратили актуальности. Главы, посвященные библиотечной профессиологии и эволюции постсоветской библиотечной школы вплоть до начала в ней Болонского процесса, логично вписываются в содержание тома 1, придавая ему относительную завершенность.

Том 2 «Философия информации и социология информационного общества» представляет собой изложение двух взаимосвязанных, но целостных концепций, посвященных сущности информации и информационного общества. Эти концепции включают структуру наук об информации и систематизацию трактовок информационного общества, которые целесообразно использовать в учебном процессе гуманитарной высшей школы. Предложенные интерпретации информации и информационного общества являются нетривиальными и могут служить предметом научных дискуссий.

Том 3 «Книжность – гуманистический оплот нации» преемственно связан с результатами предыдущей научной деятельности автора, отраженных в «ретроспективах» прошлых лет, и подытоживает новейшие исследования последнего пятилетия. Здесь представлены следующие излюбленные предметы научных интересов профессора А. В. Соколова: теория и история библиографоведения; русская интеллигенция и библиотечная интеллигенция как её составная часть; социально-культурная деятельность в эпоху глобальной техногенной цивилизации; понятие гуманизма, исторические вехи его развития и типы гуманизма; библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия российской книжности. Эпилогом трилогии является проблемно-постановочный параграф, посвященный обоснованию книжности как гуманистического оплота нации. Завершая его,

автор высказал пожелание, что научным документально-коммуникационным дисциплинам следует сосредоточиться на разработке проблемы «Книжность в глобальной техногенной цивилизации», причем первоочередной задачей он назвал гуманизацию библиотечного образования[3].

Высказанное пожелание во многом предвосхитило тематику настоящего издания, ибо изучение взаимосвязей ноосферы и библиотечно-информационной школы является ключевой проблемой библиофутурологии. Следовательно, настоящая «ретроспектива», как ни парадоксально это звучит, обращена не столько к ретроспективе прошлого, сколько к перспективе будущего, воплощенного в ноосфере. Содержательная преемственность между «Ретроспективой–80» и настоящей монографией, знаменующая вектор перехода «от ретроспективы к перспективе», проявляется в следующих положениях:

1. Универсальна предложенная А. В. Соколовым общенаучная дефиниция: «информация – средство выражения смыслов коммуникабельными знаками». Достоинство этой дефиниции в том, что она распространяется на главные типы информации: семантическую, биологическую, машинную. Именно это определение следует учитывать при информатизации библиотечного образования, библиотек и библиографии. Понимание библиографии как поисковой инфраструктуры документосферы, обоснованное в настоящей монографии, базируется на универсальной дефиниции информации.

2. В «Ретроспективе–80» подробно изложены взгляды зарубежных и отечественных специалистов на «информационное общество» и «общество знаний», которые рассматриваются как закономерный этап социально-культурной эволюции человечества. С точки зрения философско-теологических и натуралистических концепций ноосфера также закономерный этап биосоциальной (и даже космической) эволюции. Отсюда следует, что информационное общество – не конечный пункт эволюции человечества («точка Омега» в концепции П. Тейяра де Шардена), а преамбула, подготавливающая почву для становления ноосферы.

3. Для становления ноосферы решающее значение имеет формирование «человека ноосферного», по своим интеллектуальным и этическим качествам приближающегося к модели «интеллигента» индустриального общества, полученной в «Ретроспективе–80».

[3] Ретроспектива–80: сб. науч. трудов / науч. ред. С. А. Басов: в 3 т. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2014. Т. 3. С. 453–454.

Богатый эмпирический материал относительно двенадцати поколений русской интеллигенции (XI–XXI вв.), представленный в томе 3 «Ретроспективы», свидетельствует о коэволюции книжности и интеллигентности, которая имеет закономерный характер. Гуманистические ресурсы российской библиосферы должны быть использованы для «выращивания» поколения создателей и обитателей ноосферы.

4. Принципиальное значение имеет вывод А. В. Соколова, что библиотеки смогут оправдать свое существование только в том случае, если возьмут на себя выполнение гуманистической миссии в техногенном информационном обществе. Гуманизация информационного общества, как и гуманизация посттехногенной ноосферы, необходима потому, что техническая мощь цивилизации нуждается в гуманистическом (культурном) противовесе во избежание нравственной деградации населения. Заслуга Соколова состоит в том, что он не просто провозгласил верховенство гуманистических идеалов, но и вывел в «Ретроспективе–80» эталонную (общую) формулу гуманизма и производную от нее формулу библиотечного гуманизма. Эта формула используется им в предлагаемой книге при рассмотрении гуманистических ресурсов библиотек (параграф 2.3).

5. Профессор А. В. Соколов всегда уделял большое внимание библиотечной профессиологии как одному из актуальных библиотековедческих учений. Он обосновал понятие «библиотечная интеллигенция» и посвятил интеллигентам-книжникам два тома исторических очерков. В многочисленных статьях и книгах представлены результаты его социально-психологических исследований библиотечного студенчества и библиотекарей-практиков. Постоянной заботой профессора во всех его «ретроспективах» является совершенствование библиотечной школы. По мнению Соколова, ноосферная будущность страны зависит от библиотечного сообщества в большей степени, чем от постановлений правительства.

6. Оперируя философскими категориями и теоретическими абстракциями, автор «ретроспектив» все-таки не стал кабинетным мыслителем, далеким от «злобы дня». Неслучайно замысел «Ретроспективы–60» родился во время активного участия Соколова в становлении Петербургского библиотечного общества. Ему всегда была близка идея общественно-государственного партнерства и библиотечной политологии, которую он разрабатывал в своих публицистических выступлениях. В связи с этим уместно перейти с языка науки на язык общественно-публицистического диалога.

Редактор: Аркадий Васильевич, В апреле 2016 года в «Литературной газете» вы опубликовали статью-предупреждение «Библиосфера в зоне риска», где доказывали, что современная библиотечная политика способна нанести ущерб национальной безопасности страны. Поясните свою позицию и выскажите свое мнение, изменилась ли политика государства за последние два года?

А. В. Соколов: Электронная коммуникация способна дополнить исторически сложившуюся библиосферу как область книжной коммуникации, обеспечивающей библиотечно-библиографическими средствами движение смыслов культуры в социальном пространстве и сохранение культурного наследия в историческом времени, но не способна её заменить. Информационные технологии не могут противостоять угрозе дегуманизации общества, ибо оперируют информационными, а не гуманистическими ресурсами. Гуманистический ресурс – это люди, а не машины. Поэтому претензия инженеров-информатиков на стратегическое управление книжной коммуникацией является опасной авантюрой. Русская культура рискует задохнуться в объятиях пошлого технократизма.

Редактор: Буду признателен, если вы напомните о своем участии в борьбе против попытки насильственного слияния двух национальных библиотек страны. Всем памятно письмо, адресованное Президенту России, которое Вы подготовили вместе с В. П. Леоновым и Ю. Н. Столяровым, Ваше участие в пресс-конференции, а также в обсуждении стратегии развития РНБ в Законодательном собрании Санкт-Петербурга.

А. В. Соколов: Политика дегуманизации отрасли культуры в начале 2017 года поставила на повестку дня вопрос о слиянии двух крупнейших национальных библиотек – Российскую государственную библиотеку (РГБ, бывшую Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина в Москве) и Российскую национальную библиотеку (РНБ, бывшую Государственную публичную библиотеку РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге). Эта важнейшая национально-культурная акция готовилась келейно, в бюрократических кабинетах, втайне от российских библиотекарей, кровно заинтересованных в нормальном развитии головных организаций отрасли. Совместно с друзьями-единомышленниками В. П. Леоновым и Ю. Н. Столяровым мы подготовили письмо-обращение в Администрацию Президента, озаглавленное «Министерство культуры против библиотек», где говорилось, что в нашей стране происходит многолетнее и последовательное разрушение

библиотечной системы. Сеть муниципальных библиотек ежегодно сокращается на 700–900 учреждений, происходит отток квалифицированных кадров. Библиотечная школа и библиотечная наука находятся в кризисе. Особенно большую тревогу вызывает тот факт, что руководство отечественной культуры озабочено не кризисным состоянием библиотечной отрасли и разумным использованием её культурно-просветительного и научно-информационного потенциала, а экономией затрат на содержание РГБ и РНБ. В случае объединения библиотек источники экономии якобы лежат на поверхности: не нужно дублировать фонды, достаточно получать один «обязательный экземпляр» вместо двух; будет решена проблема дефицита площадей и сократятся вдвое затраты на обработку литературы и ведение электронных каталогов. Конечно, скудные финансы, выделенные Минкульту, нужно расходовать бережно, но почему бы из соображений экономии не объединить Третьяковскую галерею и Русский музей?!

Мы писали о том, что судьбу российских библиотек решают посторонние люди без участия библиотечных профессионалов, что министерские чиновники диктуют, какие национальные библиотеки нам нужны. Ясно одно. Преодоление кризисного состояния библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению невозможно на пути построения единой и единственной электронной библиотеки. Главное, чего нам не хватает, – это общение читателей и библиотекарей в гостеприимных интерьерах сельских, школьных, публичных, научных и национальных библиотек. Здесь много проблем, и важнейшая из них – определение гуманистической миссии российских библиотек в информационном обществе.

Благодаря активному сопротивлению широких кругов российской интеллигенции абсурдный проект «интеграции» национальных библиотек удалось предотвратить. Но политика «разбиблиотечивания» России последовательно и упорно продолжается ведомством культуры. По мнению министерства, основной задачей библиотек является не пропаганда чтения книг, формирование книжных фондов и гуманизация социума, а оцифровывание документных коллекций, подключение библиотек к сети Интернет и использование Национальной электронной библиотеки (НЭБ). Публичные библиотеки трансформируются в «третье место» – общедоступные (хорошо бы еще и самоокупающиеся) культурно-досуговые центры, привлекающие не книжными выставками и встречами с литераторами,

педагогами, деятелями культуры, а игровыми комнатами и «чашечкой кофе» в культурном интерьере. Чиновников не беспокоят хронические трудности с комплектованием литературой и периодикой, переданном на рассмотрение местных властей.

Удивительна, нет – возмутительна обскурантская позиция Министра культуры, заявившего, что «не следует наращивать книгохранилища, ведь хранение и бесплатная выдача книг это тот функционал библиотеки, который сейчас отходит на второй план». Таким образом, о гуманистической миссии библиотек, национальной и краеведческой идентичности, гражданской и нравственной ответственности речь не идет. Есть факты, свидетельствующие о том, что ведомство культуры не прочь вообще избавиться от библиотечного бремени. В официальном документе под названием «Публичная декларация целей и задач Минкультуры России на 2018 год» нет упоминаний о библиотечном деле, и отсутствует слово «библиотека».

Редактор: Аркадий Васильевич, как и Вы, я стараюсь следить за основополагающими документами и действиями государства, влияющими на состояние и перспективы развития библиотечного дела. И вот что удивительно: если в Основах государственной культурной политики (документ утвержден Президентом России в 2014 году), есть важные положения о сохранении и развитии библиотеки как института поддержки чтения, то на уровне Государственной Думы, Правительства и Министерства культуры мы наблюдаем решения, благодаря которым в законе о библиотечном деле искажено представление о значении и статусе национальных библиотек страны (благодаря включению новелл о НЭБ), Правительство то вводит, то отменяет нормативы размещения учреждений культуры в регионах, Министерство вообще исключает библиотеки из своих планов. Подобные решения и действия, не опирающиеся на обоснованные стратегические представления о путях развития библиотечного дела, всё больше напоминают хаос… В этих непростых условиях наверняка должна возрастать роль общественных институтов, Российской библиотечной ассоциации? Как известно, РБА объявила подготовку Концепции развития библиотечного дела стратегической целью Библиотечного конгресса. Конгресс 2018 года во Владимире завершился без видимого стратегического результата. Судя по всему, пока ничего не получается и у общественности. Как вы оцениваете ситуацию?

А. В. Соколов: Я выразил свое мнение в разделах 2.2. Системный кризис индустриальной документосферы и 3.4. Российский путь

в ноосферу этой книги. Не хочется повторять сказанное. Позволю себе только выразить надежду, что наша с Вами четвертьвековая эпопея по изданию «ретроспектив» не пройдет незамеченной библиотечным сообществом нашей страны.

* * *

В свои без малого восемьдесят пять Аркадий Васильевич Соколов поражает своей энергией, постоянным творческим поиском, фантастической работоспособностью, педагогической мудростью и человеческой добротой. Благодаря его новаторским работам мы можем увидеть глубинные, сущностные связи библиотечной сферы с развитием человека и общества, осознать нашу высшую ноосферную миссию – всех людей, связавших свою жизнь с книгой и библиотекой… Многие лета, дорогой Аркадий Васильевич!!!

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ. ЧТОБЫ СВЕЧА НЕ ПОГАСЛА

«Отец русской библиографии» *Василий Степанович Сопиков* (1765–1818) счел полезным начать свой классический труд «Опыт российской библиографии» (т. I–V. СПб., 1813–1821) ***Предуведомлением***, в котором сообщал, что «библиография, или основательное познание о книгах, составляет существенную часть истории народного просвещения». Здесь он доказывал, что «библиография из всех человеческих познаний есть самая пространнейшая наука» и «помощью её науки и изящные искусства гораздо удобнее распространяются и достигают своего совершенства». Его тревожил тот факт, что «несмотря на нынешние быстрые успехи просвещения, в России поныне не достает еще такой книги, из которой можно было бы видеть состояние и постепенный ход отечественной нашей словесности». Трудолюбивый и усердный книжник сокрушался, что «при всем моем желании угодить любителям просвещения в своем отечестве, не смог исполнить во всей полноте плана моего» и высказывал надежду, что «благосклонные отзывы просвещенных любителей русской словесности будут мне совершенною наградою и послужат одобрением к дальнейшему труду»[4].

Не будем нарушать традицию «предъуведомлений» в библиотечно-библиографических трудах. Конечно, наша «Ретроспектива-85» не может конкурировать с «пространнейшим» «Опытом» В.С. Сопикова, подытожившим русскую книжность с начала книгопечатания на Руси до 1813 года, но все-таки она посвящена замечательному событию отечественного просвещения и культуры – столетию ***Петербургской библиотечной школы***, начало которой датируется учреждением в 1918 году в составе вновь образованного Петроградского института внешкольного образования *книжно-библиотечного отделения.* При всем моем желании заслужить «благосклонные отзывы просвещенных любителей русской словесности» я не сумею воспроизвести столетнюю историю Петербургской библиотечной школы как «существенную часть истории народного просвещения».

[4] Цитирую по: Рейсер С.А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 год: учебное пособие для библиотечных институтов. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1956. С. 80-86.

Однако не могу не отразить в настоящей «ретроспективе» юбилей библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского института культуры, потому что вот уже более полувека, моя судьба связана со старейшим библиотечным вузом, и его столетие – это знаковое событие моей личной жизни. Как отразить? Предъуведомление призвано ответить на этот вопрос, то есть пояснить, как нужно понимать заглавие «Ретроспективы-85» – ***Библиотечно-информационная школа и ноосфера.***

Всякий юбилей – праздничное торжество, которое имеет три аспекта, так сказать, три хронологических измерения. Поздравляя юбиляра, можно вспоминать его славную историю, основоположников и подвижников, героику прошлых лет – получается мемуарно-историческая дань прошлому. Можно, гордясь и торжествуя, акцентировать внимание на достижениях сегодняшнего дня – получается апология настоящего. Наиболее трудной, интересной, но рискованной задачей является осмысление футурологического измерения, то есть предвосхищение тех вызовов и альтернатив, с которыми предстоит столкнуться в будущем сегодняшнему юбиляру. Жанр «ретроспективы», естественно, склоняет к мемуарно-историческим воспоминаниям, и я не в силах сопротивляться его справедливым требованиям. Однако позволю себе уклониться от излишеств юбилейной апологетики. Сегодня для библиотечной школы полезнее не апологетическое, а критическое мышление: слишком много свидетельств кризисного состояния российской библиосферы и слишком часто звучат пророчества о конце библиотечной профессии и книжно-библиотечного дела вообще. Столетие существования Петербургской библиотечно-информационной школы – это краткий миг в социально-культурной эволюции человечества. Есть ли гарантии сохранения библиотечно-библиографического института в обозримом будущем? Чтобы ответить на этот животрепещущий вопрос, я решил главное внимание в настоящей «ретроспективе» посвятить футурологическому измерению. Поскольку большинство авторитетных футурологов предсказывают формировании ноосферы как среды обитания человечества будущего, я избрал в качестве главной темы «Ретроспективы-85» – ***«Библиотечно-информационная школа и ноосфера»***, надеясь порадовать нашего юбиляра радужными перспективами.

Итак, ***целью*** настоящей «Ретроспективы-85» является исследование *перспектив развития российской библиотечно-информационной школы в связи с формированием ноосферы.* С этой целью

необходимо, во-первых, проследить динамику становления и функционирования отечественной библиотечной школы (мемуарно-историческое измерение); во-вторых, оценить уровень современного кризисного состояния библиосферы (критическое измерение); в-третьих, систематизировать концепции ноосферы, бытующие в современной науке (футурологическое измерение); в-четвертых, определить миссию библиотечно-информационного института в ноосфере будущего (синтез измерений). Достижение заявленной цели – весьма сложная и трудоемкая задача, требующая усилий большого исследовательского коллектива. В течение последних пяти лет я пытался так или иначе осмыслить перечисленные проблемы, и результаты моих усилий представлены в виде публикаций (см. библиографический список), обобщенных в «Ретроспективе-85». Однако, подобно отцу русской библиографии, я не могу говорить об «исполнении во всей полноте плана моего», сейчас просматривается только первое осознание путей к поставленной цели, но никак не её достижение. Обращу внимание на те темы и проблемы, которые только вскользь упоминались в предыдущих «ретроспективах», но в «Ретроспективе-85» вышли на первый план.

1. Ноосфера и ноосферогенез являются в последние годы мировоззренчески заряженной философской и общенаучной проблемой, связанной с космической, биологической и социально-культурной эволюцией. В моих публикациях впервые предпринята попытка связать эволюцию книжности с перспективами формирования разумной оболочки нашей планеты и развивается эволюционный подход, нацеленный на выявление факторов, определяющих будущность книжной коммуникации.

2. Для построения системы документально-коммуникационных и книговедческих наук ключевое значение имеют понятия «библиосфера», «инфосфера», «документосфера», которым уделено много внимания в «Ретроспективе-85». Понятие «документосфера» является неологизмом, впервые предложенным мною в качестве объекта документологии; впервые рассмотрены также функции библиосферы (2016).

3. Отличительной особенностью настоящей «ретроспективы» является анализ популярных футурологических сюжетов, связанных с киберсоциализацией, трансгуманизмом, искусственным интеллектом. С одной стороны, они воплощают объективную тенденцию научно-технического прогресса, а с другой стороны, в силу технократической односторонности, представляют угрозу для естественной

эволюции человечества. Роль книжности в этих процессах до сих пор не рассматривалась.

4. Эволюция библиотечно-информационной школы представлена как последовательная смена педагогических форматов, обусловленных социально-культурной средой. В моих педагогических взглядах главное внимание уделено методологии опережающего образования и футуризации образования, которые представляют собой путь человечества в ноосферу.

5. «Ретроспектива-85» отличается научным энциклопедизмом, в котором сочетаются философско-антропологический подход и актуальные дисциплинарные направления в области библиотековедения, библиографоведения, документологии. Так, обладают научной новизной для библиотековедения проблемы: информатизация библиотечного сознания, библиотека как информационный и гуманистический ресурс, соотношение библиотечного маркетинга и библиотечной педагогики. Стимулом для преодоления теоретического застоя в области библиографии могут послужить очерки о прошлом и будущем библиографической науки «Парадигмы библиографоведения» и серия библиографоведческих статей, опубликованные в соавторстве с Т.Ф. Берестовой в 2014 году. Считаю вкладом в документологию статьи, посвященные эпистемологии документа (серия «на путях познания документосферы»), месту документосферы в культурном пространстве России, документосфере как предмету преподавания в библиотечно-информационной школе, которые отражены в «Ретроспективе-85».

6. Традиционным является раздел «Друзей моих прекрасные черты», который выполняет мемуарную функцию, изначально присущую «ретроспективам». Здесь представлены без излишней апологетической ретуши словесные портреты выдающихся российских библиотековедов и педагогов библиотечно-информационной школы, которых я искренно почитаю не только как замечательных интеллигентов-книжников и «героев нашего времени», но и как своих личных друзей, коллег и единомышленников. В связи со столетним юбилеем родного библиотечного факультета в «Ретроспективу-85» вошло собрание стихотворных зарисовок, которые, несомненно, взволнуют старшее поколение и, может быть, заинтересуют молодежь.

7. Наконец, раскрою глубинный замысел, побудивший меня к созданию серии «ретроспектив», посвященных сбережению книжности как гуманистического оплота нации. Этот замысел выражен

афоризмом ***Чтобы свеча не погасла,*** дошедшим до нас из глубины веков. Древнерусская книжность изначально была средством сплочения русской народности. Летописи донесли до нас озабоченность Великого князя московского и владимирского Семёна Гордого (1316–1356): «А пишу вам се слово того для, чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не погасла».

Неслучайно в сумбурные годы перестройки о завете собирателей русских земель напомнили в своем диалоге Л.Н. Гумилев и А.М. Панченко[5]. Александр Михайлович Пащенко счел нужным подчеркнуть: «Судя по духовным грамотам первых московских князей, они любили выражение: «свеча бы не погасла». Ему придавалось особое, даже чрезвычайное значение. Это были заветные слова, своего рода семейный девиз, притом девиз созидательный. Московские князья собирали, а не расточали, строили, а не разрушали. Они крепко держались друг за друга, почитали родителей и заботились о чадах: в первых пяти поколениях, от младшего сына Александра Невского Даниила, который получил в удел Москву в 1263 году и «затеплил свечу», и до Василия Дмитриевича, наследовавшего победителю Мамая, нет или почти нет фамильных распрей,– дело для тогдашней Руси неслыханное». Мудрый этнолог Лев Николаевич Гумилев счел нужным заметить: «Но в истории случалось и случается так, что ветер гасит свечу, и разверзаются хляби небесные и тушат огонь, и воцаряется тьма, и умолкают голоса, и мир объемлет молчание. Оно страшнее всего, потому что сопутствует бездне и обрекает души на одиночество» (с. 5-6).

Горящая свеча – это передаваемое из поколения в поколение пламя духа, наполняющее жизненной силой современное общество перед лицом враждебных испытаний. Универсальная эволюция поставила человечество перед выбором ***ноосфера или некросфера?*** В потемках глупости и невежества современная Россия ищет свой путь в ноосферу, в этих поисках отечественная книжность может стать путеводной свечой. Петербургская библиотечная школа существует для того – ***чтобы свеча не погасла!***

[5] Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л.: Сов. писатель, 1990. 130 с.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ ШКОЛА

Петербургская школа белой ночью явилась.
Поступить в неё может каждый, если захочет.
Напишите прошенье: – Мин херц, сделай милость…
Напишите, и Пушкин за вас похлопочет.

Петербургская школа возле невского брега,
Где Фонтанка, где Невский, где Марсово поле.
Её лучшие классы – в наших библиотеках:
Петербургская библиотечная школа.

В этих классах не учат таблиц логарифмы,
В них не знают дидактики новой и старой.
Там одухотворяют легенды и мифы,
Достоевский и Блок там ведут семинары.

В нашей школе пожизненно мы – первоклашки.
Не одно поколенье здесь росло и училось.
Мы, конечно, старались, но бывали промашки.
Извините нас, Пушкин, что не все получилось.

Современная школа не выглядит модной
Оцифрованной мультимедийной картинкой,
Но хранится в спецхранах силуэт благородный –
Петербургская школа с ленинградской морщинкой.

ГЛАВА 1. ДИНАМИКА БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ШКОЛЫ

Поучительно проследить столетнюю историю изменения содержания и формы библиотечного образования, начиная с курсов, организованных Л. Б. Хавкиной в Народном университете имени А.Л. Шанявского в 1913 году, до наших дней. Предварительная оценка показывает, что российская библиотечная школа за последние сто лет прошла противоречивый путь становления, достигла институциональной зрелости, была источником новаторской научной мысли и объектом разнообразных бюрократических реформ. Историческую динамику библиотечной школы можно представить в виде следующих этапов: 1. Зарождение; 2. Становление; 3. Институционализация; 4. Поколение шестидесятников; 5. Информатизация; 6. Болонизация; 7. На распутье современной России. Чтобы облегчить сопоставление перечисленных этапов, будем их характеризовать в соответствии с *форматом*, учитывающим аспекты всякого отраслевого образования, инженерного или военного в том числе (параграф 1.1).

Современная библиотечно-информационная школа находится на педагогическом распутье между технократическим и гуманистическим направлением. Особенно актуальна проблема подготовки магистров – интеллектуальной элиты библиотечной профессии. Разрешение данной проблемы подробно рассмотрено в параграфах 1.2−1.4.

1.1. Форматы библиотечного образования

Применительно к библиотечной школе отраслевой формат выглядит следующим образом:

а) целевая направленность (профессиональное кредо);

б) общегуманитарная основа (литература, история, педагогика, психология, культурология, философия);

в) общепрофессиональное теоретическое знание (библиотековедение, библиографоведение, книговедение и др.);

г) прикладные библиотечно-библиографические умения и навыки, информационные технологии;

д) организационная реализация библиотечной школы.

1.1.1. Зарождение отечественной библиотечной школы пришлось на время революционных социально-культурных преобразований в России, а именно: 1910-е годы – последнее десятилетие царствования династии Романовых и 1920-е годы – первое десятилетие Советской власти. Вспомним характерные особенности этих десятилетий.

1910-е гг. – эпоха Серебряного века гуманитарной русской культуры. 1910-е гг. – эпоха Серебряного века гуманитарной русской культуры. По словам исследователя феномена таланта в русской культуре В.Ф. Овчинникова, «Серебряный век – сияние России во всех областях творческой деятельности, пик в эволюции генерации таланта и гениальности в русской культуре»[6]. Н.А. Бердяев вспоминал: «Только жившие в то время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое влияние духа охватило русские души.... Много дарований было дано русским людям начала века»[7]. Не удивительно, что в такой духовной обстановке зародилась гуманистическая идея *библиотечного профессионализма*, которую Первый всероссийский съезд по библиотечному делу (1911 г.) выразил в своей резолюции: «Признавая, что необходимым условием правильного развития общественно-библиотечного дела является наличие специально подготовленного библиотечного персонала, и констатируя почти полное отсутствие такого персонала в настоящее время, Съезд считает необходимым, чтобы органы местного самоуправления безотлагательно приняли серьезные меры для устранения этого важного дефекта»[8].

Заслуга воплощения в жизнь пожелания Съезда принадлежит классику отечественного библиотековедения Л.Б. Хавкиной (1871–1949). Ей удалось организовать в 1913 году при Народном университете имени А.Л. Шанявского краткосрочные библиотечные курсы. Правда, содержание сначала трехнедельных, а с 1918 года полугодичных курсов сводилось к освоению прикладных умений и навыков, но и это было очень важно для становления библиотечной профессии. Тем более, что курсы издали первые учебные пособия для библиотекарей: «Примеры каталогизации», «Авторские таблицы Кеттера» (1916), «Руководство для небольших библиотек» Л.Б. Хавкиной (1917). Однако процесс зарождения библиотечной школы был

[6] Овчинников В.Ф. Феномен таланта в русской культуре. Калининград, 1999. С. 260.

[7] Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №2. С. 135–136.

[8] Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу 1–7 июня 1911 г.: избранные материалы. СПб.: РНБ, 2011. С. 179.

далек от завершения; для этого потребовалось десятилетие активного библиотечного строительства в первые годы Советской власти.

1920-е гг. смотрятся по-другому. Большевики, захватившие власть, ставили задачу не модернизировать Россию, то есть наверстать отсталость от передовых стран путем заимствования их достижений, а создать новый, прекрасный и справедливый мир, соответствующий социалистическим идеалам и утопиям, выношенным человечеством в целом и русским народом в частности. Это был уникальный социокультурный эксперимент, задуманный радикальной русской интеллигенцией. Важнейшее значение придавалось политическому просвещению, которое рассматривалось как основа *культурной революции*. Суть этой революции виделась в переходе от буржуазной культуры Серебряного века к культуре победившего пролетариата. Правда, пролетарская культура к моменту Октябрьского переворота отсутствовала, но большевики рассчитывали быстро её построить, опираясь на завоеванную власть. Поскольку коммунизм приходилось строить из «массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма»[9], *коммунистическое воспитание* всегда было в числе важнейших стратегических задач большевистской партии.

Большевистская культурная революция была *литературоцентристской*, и главными её инструментами были печать, школа, библиотека. Все неграмотные граждане до 50 лет обязаны были учиться, для их обучения были мобилизованы комсомольцы и сельская интеллигенция. Дело было поставлено по-большевистски и дало свои плоды: если в 1920 году в России были грамотны 44,1% населения (73,5% в городах), то в 1932 году грамотность по СССР в целом составляла 90,3% (города – 97%). В срочном порядке началась подготовка книжников – бойцов идеологического фронта. В 1918 году, несмотря на тяжелые условия разрухи и гражданской войны, был образован Петроградский институт внешкольного образования (ПИВО) с культурно-просветительным и книжно-библиотечным отделениями. В Москве на базе Народного университета имени А.Л. Шанявского был создан Институт народного образования, в котором была библиотечная секция (факультет) во главе с Л.Б. Хавкиной. В общей сложности за годы гражданской войны были открыты 40 институтов народного просвещения с факультетами внешкольного образования, которые готовили библиотечных и клубных работников. Однако высшего университетского образования они не давали, ведь продолжительность обучения в них составляла один – два года.

[9] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 411.

Повышенный спрос на библиотекарей и клубных работников был обусловлен бурным ростом библиотек и клубов – опорных баз культурной революции. В 1920 году количество библиотек превысило уровень 1917 года, из них 85% принадлежали Наркомпросу, остальные – партийным и профсоюзным организациям. Все библиотеки были бесплатными (до революции одну треть составляли платные библиотеки), повсеместно открывались читальни, укомплектованные газетами и агитационно-пропагандистской литературой. В 20-е годы были учреждены многие крупные научные библиотеки: Государственная библиотека иностранной литературы (1922), Политехническая (1923), библиотека Института В.И. Ленина (1923), по народному образованию (1925), Государственная научная библиотека (1927) и др. В общей сложности за период с 1917 по 1927 открылось более 1300 научных и специальных библиотек, главным образом при вузах и научно-исследовательских учреждениях, которые нуждались в квалифицированных библиотечных кадрах.

В июле 1924 года был созван I Библиотечный съезд РСФСР, в резолюции которого говорилось: «Вся масса библиотечных работников вместе со всей трудовой интеллигенцией твердо осознала значение Советской власти и Коммунистической партии в борьбе за массовую культуру и социальное раскрепощение трудящихся. Основную цель своей работы библиотечные работники видят в том, чтобы выковать из библиотеки орудие выработки коммунистического мировоззрения, чтобы превратить её в очаг воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма. Усилиями библиотечных работников библиотека должна стать активным борцом за очередные лозунги Советской власти, через неё трудящиеся должны приобщиться к текущим политическим, хозяйственным и культурным задачам строительства Советского Союза»[10]. Таким образом, произошло рождение *библиотекаря советской формации*.

Научно-педагогический статус формирующейся библиотечной школы быстро повышался: в 1924 году при Всероссийской публичной библиотеке имени В.И. Ленина был учрежден Институт библиотековедения, осуществлявший годичные библиотечные курсы, а в 1925 / 1926 гг. двухгодичные курсы для научных библиотек; в 1929 г. при Институте открывается аспирантура и активно обсуждается вопрос об организации библиотечного вуза. Наконец, 10 июля 1930 г. Совнарком РСФСР принял постановление об организации

[10] История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. Ноябрь 1920–1929. М., 1979. С. 196–197.

на базе Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина высшего учебного заведения, которое вскоре было названо «Московский библиотечный институт» (МБИ). МБИ был включен в общую сеть вузов республики, начиная с 1930 / 1931 учебного года. Первым директором библиотечного вуза была назначена Г.К. Дерман (1882–1954). Формат библиотечной школы 1920-х годов можно представить в следующем виде:

а) кредо: подготовка «активных борцов» коммунистического воспитания и политического просвещения;

б) гуманитарная основа в виде учебников политграмоты;

в) общепрофессиональные теоретические дисциплины отсутствуют;

г) прикладные умения и навыки сводились к сочетанию библиотечной техники и общественно-политической подготовки;

д) первые очаги советской библиотечной школы в виде институтов внешкольного образования, библиотечных курсов и семинариев.

1.1.2. Становление библиотечной школы (1930–1950 гг.) – героический период в истории России, отмеченный такими эпохальными событиями, как сталинский тоталитаризм, индустриализация, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства. Напомню некоторые факты.

1930-е годы стали апогеем большевистской культурной революции. Официальный статистический сборник того времени «Культурное строительство СССР» (М.–Л.: Главполитиздат, 1940) с несомненными пропагандистскими целями сообщает, что в 1938/39 годах в СССР было в 1,2 раза больше учеников в школах, чем в Великобритании, Германии, Франции и Италии, вместе взятых, а по количеству студентов СССР превосходил Великобританию, Францию, Германию, Италию. Японию, вместе взятые, в 1,4 раза. Поистине – страна учащихся! Правда, бытовая культура в советских городах, по справедливому замечанию Ю.Н. Столярова, компрометировала ленинскую концепцию культурной революции[11]. По сравнению с 1928 годом в 1941 году количество библиотек увеличилось с 27 тысяч до 95 тысяч (в 3,5 раза); клубов – с 32,9 тысяч до 118 тысяч (в 3,7 раза); театров – с 451 до 908 (вдвое). Кадры культпросветработников увеличились в 8 с лишним раз, причем было

[11] Столяров Ю. Н. «… Необходима громадная работа» // Агитатор. 1989. № 10. С. 17–21, 23–27.

налажено среднее и высшее культурно-просветительное образование. Вероятно, эти цифры преувеличены, но вряд ли они являются абсолютной мистификацией.

Книгоиздательский социальный институт превратился в высокопроизводительную отрасль народного хозяйства с централизованным плановым управлением и жесткой идеологической цензурой. Общий тираж изданий, выпущенных в 1931 году, в 10 раз превысил тиражи 1913 года, а тираж сельскохозяйственной литературы – в 66 раз. В 1940 году выпуск только школьных учебников достиг 125,5 млн. экз., что в 5,5 раза больше того, что издавалось для всех учебных заведений царской России в 1913 году[12]. Не будет преувеличением сказать, что одним из важнейших достижений большевистской культурной революции является создание мощного библиотечно-библиографического социального института (БСИ) – славы и гордости отечественной книжности. Органической структурно-функциональной подсистемой БСИ была библиотечная школа.

В 1930 году Наркомпрос утвердил систему подготовки библиотечных кадров из четырех уровней: библиотечные институты (высшее образование), техникумы (среднее), ученичество и заочные библиотечные курсы. 1 октября 1930 г. начались занятия в Московском библиотечном институте, учрежденном в качестве структурного подразделения Всесоюзной публичной библиотеки имени В.И. Ленина. Одновременно с МБИ открылись несколько библиотечных техникумов: Ленинградский, Ростовский, Средневолжский, Ярославский и др. В 1935 г. был учрежден библиотечный институт в Харькове, в 1941 г. Ленинградский политико-просветительный институт был преобразован в ЛГБИ. Количество библиотечных техникумов было увеличено до 30. В высших и средних учебных заведениях расширяются вечернее и заочное отделения. Но дефицит библиотечных кадров не ослабевал: в крупных городских и центральных библиотеках без специального образования было 45–50 процентов, в сельских – 70–75 процентов библиотечных работников. В послевоенные 1950-е годы продолжался рост системы библиотечного образования. Образовались библиотечные факультеты в университетах и педагогических институтах Белоруссии, Латвии, Эстонии, Азербайджане, Армении и Грузии, при Высшей профсоюзной школе в Ленинграде. В РСФСР в 1950 г. работали 42 библиотечных техникума. В 50-х гг. начался выпуск первых вузовских учебников и пособий

[12] Шомракова И.А., Баренбаум И.Е. Всеобщая история книги. СПб., 2005. С. 218–221.

«Организация библиотечных фондов», «Систематический каталог», «Работа с читателями», «Общая библиография», «История библиотечного дела в СССР».

Между тем вне библиотечной отрасли происходили немаловажные события, обусловленные *научно-технической революцией* в середине XX века. Стремительный рост научных публикаций (взрыв информации) в середине XX в. породил среди ученых представление об *информационном кризисе*. Известный физик и науковед Джон Бернал (1901–1971) заявил в своей книге «Наука в истории общества», что «во многих областях создалось такое положение, когда по сути дела легче открыть новый факт или создать новую теорию, чем удостовериться в том, что они еще не были открыты или выведены»[13]. Подавляющая часть научного сообщества, как в нашей стране, так и за рубежом, усматривала причину информационного кризиса в архаичных («времен парусного флота») технологиях книжной коммуникации вообще и библиотечного дела в частности. Авторитетные ученые разных стран убеждали правительства, что необходимо построить новую, внебиблиотечную систему научно-информационной коммуникации, основанную на средствах механизации и автоматизации умственного труда. Консервативным библиотекарям было выражено недоверие, и язвительные западные технократы бросили в их адрес: «Помните, что произошло с динозаврами: они погибли от собственной неповоротливости».

Советские ученые страдали от информационного кризиса не меньше зарубежных коллег, а гораздо больше. Доступ к информации осложняли, во-первых, «железный занавес», изолировавший советскую науку, во-вторых, межъязыковой барьер (подавляющее большинство специалистов иностранными языками не владело). Чтобы улучшить ситуацию, в 1952 г. был образован в системе Академии наук СССР Институт научной информации, призванный издавать реферативный журнал, отражающий в свернутом виде зарубежную информацию по всем отраслям естественных и точных наук (научно-информационная задача) и изучать проблемы механизации и автоматизации информационных процессов (научно-исследовательская задача). Обратим внимание, что сфера научной информации и библиотечно-библиографическая сфера никак не взаимодействовали друг с другом. Педагогический формат библиотечной школы этапа становления (30-е – 50-е гг.) выглядел следующим образом:

[13] Бернал Дж. Наука в истории общества. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. С. 681.

а) кредо: принцип партийности, коммунистическое воспитание;

б) стандартный набор гуманитарных дисциплин: история КПСС, марксизм-ленинизм, политическая экономия в сочетании с идеологизированными курсами отечественной и зарубежной истории, отечественной и зарубежной литературы, педагогики и психологии;

в) общепрофессиональная проблематика концентрируется вокруг изучения наследия В.И. Ленина и Н.К. Крупской, борьбы с «космополитизмом» и буржуазным библиотековедением; наблюдается оживление научно-педагогической мысли, выразившееся в издании учебных пособий для библиотечных вузов и техникумов; никакого взаимодействия с органами научно-технической информации не предусматривается;

г) в ответ на постоянные призывы приблизить высшее библиотечное образование к нуждам практики в 50-е годы значительно расширилось производственно-практическое обучение студентов непосредственно в библиотеках;

д) становление системы высшего и среднего специального образования, включающей аспирантуру, появление первых кандидатов и докторов наук библиотечно-библиографического профиля – тенденция институционализации библиотечной школы.

1.1.3. Институционализация библиотечного образования в СССР (1960-е – 1970-е гг.) заключается в приобретении библиотечной школой статуса *функционального элемента библиотечного социального института* (БСИ). Обратим внимание на то, что под социальным институтом понимается не отдельное учреждение или служба (выражение – «библиотека − социальный институт» некорректно), а «исторически сложившаяся устойчивая форма организации совместной деятельности людей»[14], включающая профессиональное сознание (социальные цели и идеалы, технологические знания и умения, этические нормы, запреты, принципы) и совокупность специализированных учреждений, обеспечивающих воспроизводство социальных отношений, организацию труда, научные исследования, подготовку профессиональных кадров. В эпоху индустриальной цивилизации ***Библиотечный социальный институт*** – это исторически сложившаяся, целесообразно организованная и социально (юридически) признанная система

[14] Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19.

учреждений, включающая: а) учреждения профильной для данного института профессиональной практики (библиотеки, библиографические службы, книжные коллекторы, реставрационные мастерские и т.п.); б) учреждения подготовки кадров (профессиональное образование, прежде всего – библиотечная школа); в) органы государственного управления и общественные ассоциации; г) научно-исследовательские центры (отраслевая наука); д) отраслевая коммуникация (периодические издания, профессиональные семинары и конференции). На зарубежных коллег в 70-е годы ошеломляющее впечатление производили выступления наших представителей на международных форумах: 330 тысяч библиотек (больше всех в мире!), более 5 миллиардов совокупный фонд (больше всех в мире!), 280 тысяч библиотечных работников (больше всех в мире!), Библиотека СССР имени В.И. Ленина – самая большая библиотека в Европе! У нас самое передовое социалистическое библиотековедение! Самая мощная библиотечная школа! СССР – великая библиотечная держава! – повторяли мы с законной гордостью, энтузиазмом и оптимизмом.

Институционализация библиотечной школы означает, что в структуре БСИ формируются: «сеть образовательных учреждений (государственных и негосударственных); специфические социальные общности (педагоги и учащиеся); учебный процесс как особый вид деятельности»[15]. В Советском Союзе институционализация библиотечной школы происходила на фоне политической «оттепели» и догматического идейного застоя, научно-технической революции, становления ГСНТИ и теории научной информатики. Она характеризовалась, с одной стороны, экстенсивным ростом числа высших и средних учебных заведений, готовящих библиотечные кадры, с другой стороны, ликвидацией автономии библиотечного образования. В 1964 году библиотечные вузы были преобразованы в институты культуры, включающими библиотечный факультет и факультет культурно-просветительной работы (КПР), а техникумы – в культурно-просветительные училища с библиотечными отделениями.

60-е и 70-е годы, вошедшие в историю как время «брежневского застоя», в библиотечном деле были весьма урожайными на образование новых институтов культуры. В 60-е годы Министерство культуры РСФСР учредило следующие вузы культуры: 1960 г. – Восточно-Сибирский; 1967 – Краснодарский и Челябинский; 1968 –

[15] Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 366.

Хабаровский; 1969 – Кемеровский и Казанский; 1971 – Самарский; 1972 – Орловский; 1974 – Алтайский; 1975 – Пермский. В общей сложности, учитывая МГИК и ЛГИК, получаются 12 российских вузов, готовящих библиотечные кадры высшей квалификации. В 1991 г. к ним присоединился Тюменский вуз культуры, в 1999 – Волгоградский (но без библиотечного факультета!), в 2000 г. – Арктический институт культуры и искусств, Белгородский институт искусств и культуры, Чувашский институт культуры и искусств.

На библиотечных факультетах велись серьезные теоретические и капитальные исторические исследования, писались солидные учебники и учебные пособия, даже монографии, практиковались научные дискуссии в библиотечной и библиографической периодике, защищались многочисленные кандидатские и докторские диссертации, формировались научно-педагогические школы не только в столичных, но и в провинциальных вузах культуры. Заметно увеличился научный ценз преподавательского корпуса. О творческом оживлении (боюсь сказать «расцвете») научной библиотековедческой мысли в это время свидетельствуют, по крайней мере, два достопримечательных факта. Во-первых, организационная реформа, заключающаяся в централизации библиотечного дела и формировании единой системы библиотечного обслуживания населения; во-вторых, завершение издания Советской Библиотечно-библиографической классификации в 30 томах для научных библиотек и в виде сокращенного варианта для общедоступных библиотек (в начале 80-х годов авторам этого труда была присуждена Государственная премия). Эти факты аккумулировали творческие достижения советского библиотековедения, и они были успешно включены в контекст традиционно сложившегося библиотечного образования. Но их нельзя считать факторами обновления и радикального преобразования библиотечной школы. Факторы обновления поступили извне, и связаны они были с процессами информатизации, инициированными научно-техническим прогрессом.

Шестидесятые годы – время торжества советской науки, претендовавшей на лидерство в мировом научно-техническом прогрессе, освоившей ядерную энергетику и ракетную технику, вырвавшейся в космическое пространство. Руководство страны, озабоченное эффективным информационным обеспечением ученых и инженеров, приняло широкую программу построения Государственной системы научно-технической информации (ГСНТИ). Министерство культуры РСФСР всегда чутко реагировало на новации в государственной

политике, а организация мощной ГСНТИ, несомненно, была новацией политической, подкрепленной несколькими постановлениями Совета Министров и ЦК КПСС. Поэтому неудивительно, что Министерство культуры, альтруистически помышляя не о ведомственных, а о государственных интересах, в инициативном порядке приступило к подготовке квалифицированных кадров для новоявленной информационной отрасли. В 1962 г. на библиотечных факультетах в Москве и в Ленинграде, наряду с отделениями массовых библиотек и детских библиотек, были открыты отделения технических библиотек, которые возглавили соответствующие выпускающие кафедры. Таким образом, советская библиотечная школа, традиционно ориентированная на подготовку пропагандистов коммунистической идеологии, неожиданно приобрела научно-технический компонент. Конечно, о деидеологизации не могло быть и речи, но все-таки отделение технических библиотек сразу стало считаться элитным. Можно сказать, что библиотечный факультет сделал первый шаг на пути трансформации в библиотечно-информационное учебное заведение.

Неуклонно продолжая политику информатизации библиотечного образования, Министерство культуры РСФСР пять лет спустя сделало следующий, весьма решительный шаг в этом направлении, который заключался в учреждении на библиотечных факультетах институтов культуры *кафедр научной (научно-технической) информации*. Новоявленным научно-педагогическим коллективам поручалось преподавание курса «Научная информация» всем студентам, включая отделение детских библиотек. Первой кафедрой такого рода стала кафедра научной информации, образованная в октябре 1967 г. в Ленинградском государственном институте культуры имени Н.К. Крупской. В 70-е гг. аналогичные кафедры появились в Московском и Кемеровском, Казанском и Краснодарском, а также в других вузах культуры. Было принято решение об увеличении срока обучения на библиотечных факультетах (до пяти лет в очной форме и шести лет в заочной и вечерней форме), что позволило усилить общенаучную и общепрофессиональную подготовку. Образовательный формат библиотечной школы в конце 70-х выглядел так:

а) кредо профессии: библиотеки – опорные базы коммунистического воспитания трудящихся и научно-технического прогресса; социалистическое библиотековедение и советская библиография признаются передовыми и прогрессивными учениями;

б) идеологически выдержанная общегуманитарная основа остается стабильной, её дополнили курсы атеизма, этики, эстетики; вместе с тем в комплекс общенаучных дисциплин были включены дисциплины «высшая математика», «концепции естествознания», «основы промышленного производства», чуждые гуманитарному сознанию; получилась уродливая эклектика – смешение гуманитарии и инженерии;

в) для усиления общепрофессиональной библиотечно-библиографической подготовки важное значение имело образование кафедр научно-технической информации (информатики), которые активно способствовали научной интеграции информатики и библиотечно-библиографических дисциплин; научно-теоретический уровень последних значительно повысился;

г) благодаря курсу «Технические средства библиотечной работы», усилилась подготовка студентов в области технической вооруженности библиотек, что позволило Кемеровскому и Московскому института ввести специализацию по использованию в библиотеках средств механизации и автоматизации; правда, в вузах культуры повсеместно отсутствовали компьютерные классы и специальные лаборатории для проведения практических занятий с техническими средствами;

д) громадный экстенсивный рост всесоюзной системы библиотечного образования не сопровождался целенаправленной политикой в организации учебного процесса: специализация обучения по типам библиотек сменялась специализацией по комплексам литературы; в 70-е годы в МГИКе и ЛГИКе библиотечный факультет был поделен на факультет специальных библиотек и факультет универсальных библиотек, но в 1977 году эту новацию отменили.

1.1.4. Поколение шестидесятников (1975–1989) – поколение библиотечной интеллигенции, духовное формирование которого происходило в период «хрущевской оттепели» 1956−1968 гг., а творческая зрелость пришлась на 70-е − 80-е годы. Затруднительно дать логическую дефиницию поколения шестидесятников. Александр Галич выразился витиевато: «Мы – цветы середины столетья». Евгений Евтушенко блеснул афоризмами: «Шестидесятники – это Маугли социалистических джунглей» или «Шестидесятники – это поколение генетически предрасположенных к страху, но начавших его побеждать»[16]. В библиотечно-информационной школе поколение шестидесятников стало инициатором научно-революционных

[16] Евтушенко Е. Волчий билет. М., 1998. С. 7; 148.

преобразований в содержании библиографической и библиотечной подготовки студентов[17].

Признанным лидером революционных преобразований в библиографическом профессиональном сознании был *Олег Павлович Коршунов*. Его выступления отличались несокрушимой логикой, бесстрашной критикой общепризнанных догм и авторитетов (за исключением К. Маркса!). Используя потенциал информационного, системного, функционального подхода, восхождение от абстрактного к конкретному, отважный библиографовед стремился к раскрытию сущности библиографии, к разграничению сущностно-общего и исторически-конкретного уровней библиографии как целостного общественного явления. По словам Э.К. Беспаловой, «Теория обрела системный характер, высветила информационную природу библиографической деятельности. Основные понятия подняты до уровня частнонаучных категорий, имеющих не только классовое, но и общечеловеческое содержание. Никогда еще общетеоретическая работа не поднималась так высоко, не вызывала столь серьезной дискуссии, ломки устарелых и твердо закрепившихся объяснений. Это революция в познавательной деятельности, но она имела моменты постепенного накопления, которые в теории О.П. Коршунова достигли концентрированной силы»[18].

До сих пор сохраняет актуальность четырехэлементная системно-функциональная модель библиотеки, предложенная шестидесятником Юрием Николаевичем Столяровым более тридцати лет назад[19]. Теперь стало ясно, что «модель библиотеки» Ю.Н. Столярова может именоваться «моделью документно-коммуникационного центра», ибо она годится и для архива, и для музея, и для информатория, и для познавательно-досугового центра типа Интернет-кафе. Инициированная им дискуссия вокруг документологии (общей теории документа) имеет большое значение для понимания перспектив развития библиотековедения, библиографоведения, книговедения, а также организации библиотечно-библиографического образования[20]. Тем самым библиотековед Ю.Н. Столяров выводит

[17] Этот процесс подробно рассмотрен в книге: Соколов А.В. Библиотечная интеллигенция в России. Часть 2. XX – начало XXI века. Исторические очерки. М.: ЛИБЕРЕЯ-БИБИНФОРМ, 2008. С. 130-186.

[18] Беспалова Э.К. Главный итог // Сов. библиография. 1987. №6. С.10.

[19] Столяров Ю.Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. М.: Книга, 1981. 255 с.

[20] Концепция документологии развернуто аргументирована и изложена в статье: Столяров Ю.Н. Опыт разработки и преподавания курса

библиотечную школу за пределы библиотечного социального института на простор *документных коммуникаций.* Библиотечно-информационные факультеты (БИФ) в связи с этим должны стать *документо-информационными* факультетами (ДИФ) и воспроизводить не библиотечную, а *документную интеллигенцию,* то есть специалистов широкого профиля, способных стать творческим авангардом не только в библиотечно-библиографической, но и в архивной, музейной, любой другой документо-коммуникационной сфере.

У нас нет возможности останавливаться на концепциях других библиотечных интеллигентов-шестидесятников и научно-педагогических дискуссиях того времени. Отметим только, что благодаря критически мыслящему поколению шестидесятников была осознана необходимость корректировки формата библиотечного образования, принятого в советской школе и актуальность пересмотра содержания учебной литературы, подготовленной предыдущими поколениями библиотековедов и библиографоведов. Массив учебников, учебных пособий, методических указаний, хрестоматий, практикумов и задачников, созданный многолетними трудами преподавательских коллективов, оказалось девальвированным. За исключением учебника «Библиотечные фонды» под ред. Ю.Н. Столярова и Е.П. Арефьевой, в арсенале советской библиотечной науки не осталось ни одного пособия, которое можно было бы рекомендовать постсоветским студентам. Безнадежно устарели учебник «Библиотековедение. Общий курс» под ред. К.И. Абрамова и Н.С. Карташова (М., 1988) – концентрированная квинтэссенция социалистического библиотековедения, а также учебник О.И. Талалакиной «История библиотечного дела за рубежом» (М., 1982), вещавший о глубоком кризисе библиотек США и Великобритании. Архаично выглядели учебники «Библиотечные каталоги под ред. Г.И. Чижковой (М., 1977), «Библиотечное дело: Организация и управление» И.М. Фрумина (М., 1980), «Работа с читателями» под ред. В.Ф. Сахарова, не говоря об «Истории библиотечного дела в СССР» К.И. Абрамова. В области библиографии, благодаря смелому новаторству О.П. Коршунова, положение было более благополучным, и учебники «Библиография: общий курс» (М., 1981) и «Библиографическая работа библиотеки: организация и методика (М., 1990), вышедшие под ред. О. П. Коршунова, сохранили свою

«Документология»: история, современное состояние, ближайшие перспективы // Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве. Междунар. Симпозиум. Сб. статей. М., 2007. С. 87–95.

научно-педагогическую ценность. Однако учебные материалы по отраслевым библиографиям явно нуждались в обновлении.

Есть основания обозначить 80-е годы в качестве периода кризисного состояния советской библиотечной системы, как и советской цивилизации в целом. Сокращалась общая численность библиотек, снижались основные показатели библиотечного обслуживания населения, падал престиж библиотечной профессии. Болезненно ощущалось ухудшение комплектования библиотек новейшей отечественной и зарубежной литературой и периодическими изданиями. Над библиотечной школой сгустились грозовые тучи общего недовольства. Практики библиотечного дела, неизменно получавшие по распределению не тех специалистов, которых ожидали, публично заявляли: «В очевидных несовершенствах системы подготовки библиотечных кадров сегодня никого убеждать не приходится... Об этом свидетельствует растущая год от года некомпетентность выпускников библиотечных учебных заведений...»[21].

Социологические опросы в большинстве вузов культуры показали, что уже на 2-м курсе 78% студентов очного обучения почувствовали уменьшение интереса к учебе, на 3-м курсе их стало 84%, на четвертом уже 85%, т. е. подавляющее большинство. При этом более половины респондентов признались, что они повторили бы выбор учебного заведения. Мотив очевиден: для студентов-очников важно получить высшее образование в принципе, сама же библиотечная профессия их не прельщает. Печально, что процесс обучения в библиотечной школе для многих молодых девушек оказался *разочаровывающим*. Правда, несколько утешает тот факт, что 67% заочников подтвердили увлеченность библиотечным делом и библиографией.

На основе социально-демографических данных и материалов анкетирования были сконструированы следующие социальные портреты студентов библиотечного факультета 80-х гг. *Типичный заочник*, точнее, заочница, – это трудолюбивая и скромная женщина, замужняя, воспитывающая ребенка. Она обладает практическим опытом работы по специальности, нередко и дипломом о среднем библиотечном образовании. Воспитание в семье с невысоким уровнем культуры негативно сказалось на её начитанности, эстетическом вкусе, общительности. Диплом о высшем образовании воспринимается такой студенткой как труднодоступная ценность, получаемые знания проецируются на повседневную трудовую деятельность.

[21] Ратманова С. Как завоевать авторитет // Библиотекарь. 1989. № 1. С. 30.

Сознательно выбрав библиотечную профессию, она с увлечением постигает специальные дисциплины, одновременно интересуясь литературой и историей. Её чуждо юношеское демонстративное самоутверждение, импонирует руководство наставников. Самоотверженно трудясь в период сессии, заочники хотели бы освободиться от учебных нагрузок в межсессионный период.

Портрет *типичной студентки-очницы* выглядит по-другому. Это вчерашняя школьница, имеющая смутное представление о библиотечной профессии и до конца не решившая посвятить себя этому делу. Пользуясь материальной поддержкой родственников, она ведет беззаботно-юношеский, зачастую рассеянный образ жизни. Тяга к массовой культуре, низкий уровень начитанности объясняются влиянием окружения в детские и отроческие годы. Диплом о высшем образовании представляется легкодоступной ценностью, профиль образования (библиотечное или иное) значения не имеет. Из-за неудовлетворительной организации учебного процесса, собственного равнодушия и безответственности студентка не проявляет особой заботы о профессионализации. Она склонна отстаивать право на самостоятельность, например, свободное посещение лекций, не подкрепленное самодисциплиной и навыками самообучения.

Полученные социальные портреты студентов очного и заочного обучения, несмотря на привлекательность некоторых черт, далеки от совершенства (каждый по-своему). Профессионализм заочников вырабатывается посредством репродуктивно (т.е. большей частью механически) усвоенных прикладных знаний, умений, навыков. Общенаучная подготовка и культурный кругозор оставляют желать много лучшего. Большинство студентов-заочников не в состоянии самостоятельно адаптироваться к сложным условиям конкуренции и рынка, завоевать общественную симпатию и авторитет. Их неспособность к инновационной деятельности, критическому мышлению, пересмотру привычных стереотипов подтверждают миф о несокрушимом консерватизме библиотечной профессии.

Более эрудированные и честолюбивые выпускники дневных факультетов могли бы внести свежую струю в застойную библиотечную атмосферу. Однако их самореализации препятствуют, по крайней мере, три обстоятельства. Во-первых, слабая профессиональная ориентация, социальная незрелость и инфантильность студентов. Во-вторых, склонность библиотечных коллективов использовать молодых и неопытных дипломированных специалистов на непрестижных и рутинных операциях, дабы привить им любовь к читателю,

дать возможность лучше узнать библиотечные технологии. В-третьих, малочисленность ежегодно приходящего в библиотеки молодого пополнения. *Библиотечное среднее специальное образование* удивило нас совпадением своих печалей с печалями высшей библиотечной школы.

Образ жизни советского *педагога-библиотековеда* (библиографоведа) поколения шестидесятников есть *самоотверженная суета*. Аудиторная нагрузка (800–900 часов в год) является чрезмерной. Кроме того, общественные мероприятия, подготовка к учебным занятиям, внеаудиторное индивидуальное общение с учащимися. Здесь затраты времени не планируются, но зато планируется научно-исследовательская деятельность. Неудивительно, что ни один из преподавателей не оценил напряженность своего труда как «нормальную», две трети дали оценку «постоянно высокая, иногда стрессовая», одна треть ощущает перегрузки «время от времени». Только 5% опрошенных считали состояние своего здоровья хорошим, 75% – удовлетворительным, а 20% (каждый пятый!) – плохим. Две трети преподавателей требовали «коренного пересмотра» действующих нормативов на педагогическую работу, одна треть довольствовалась «частичной корректировкой». Сторонников сохранения существующего положения не было. При этом самое удивительное – *поголовная удовлетворенность* педагогов результатами своего труда. Никто из опрошенных, вопреки постоянным перегрузкам, вопреки ненормальным условиям работы, вопреки недовольству учащихся и рекламациям практиков, не заявил, что он «почти всегда» не удовлетворен результатами своей личной педагогической деятельности. Самокритичные высказывания отсутствовали, но зато было немало предложений по совершенствованию системы библиотечного образования, которые сводились, как правило, к пересмотру учебных планов.

В итоге получился социальный портрет *библиотечного педагога*, святого и грешного советского интеллигента, сотканного из противоречивых черт: чрезмерная аудиторная и внеаудиторная нагрузка, «почти всегда» приносящая чувство удовлетворения; преданность идеологическим и культурным традициям героических предшественников и учителей; консервативная, но доброжелательная сдержанность по отношению к научно-педагогическим новациям (в том числе относительно научных революций в библиотековедении и библиографоведении) и мечты о модернизации учебных

планов; привычка к авторитарному стилю управления в рамках добродушной патриархальности.

Подытоживая результаты всесоюзного исследования, формальные характеристики библиотечной школы 80-х годов можно представить в следующем виде:

а) кредо: общее недовольство, осознание надвигающегося кризиса, растущее разочарование студентов очного обучения в перспективах профессии;

б) утрата авторитета идеологических курсов и сохранение привлекательности классических гуманитарных дисциплин;

в) господство в учебном процессе догматического «социалистического библиотековедения» наряду с «научной революцией» в общем библиографоведении;

г) архаичная методика обучения, отсутствие оснащения библиотечных факультетов копировально-множительной и вычислительной техникой;

д) административно-командная система управления в учебных заведениях и в отрасли культуры, ставшая привычной и редко вызывающая раздражение.

Можно добавить еще одну характерную черту профессионального библиотечного сознания: *неистребимый оптимизм*, спасительная уверенность в благополучном исходе кризиса библиотечной школы. Впрочем, все советские люди надеялись на преодоление духовных, экономических, политических кризисов, связанных с плановой экономикой, догматической идеологией, административно-командной системой.

1.1.5. Информатизация постсоветской школы (1991–2009). Распад Советского Союза не избавил библиотечную школу от печалей, удручавших её в 80-е годы, а заметно их усугубил. Централизованная административно-командная система ослабла, а профессиональное самоуправление не сложилось. В зависимости от инициативы педагогов в 1990-е годы наметились разные пути выхода из кризиса библиотечно-педагогической школы, которые практиковались в разных вузах. Перечислю наиболее значимые.

1. В духе либерально-демократического реформирования по западным образцам были разработаны курсы *библиотечного менеджмента* и *библиотечного маркетинга*. Учебное пособие И.М. Сусловой «Основы библиотечного менеджмента»

(М.: Либерея, 2000) открыло серию пособий педагогов МГУКИ, которую увенчал учебник Суслова И.М., Клюев В.К. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности. – СПб.: Профессия, 2009. 600 с. Это направление естественно смыкается с информационным менеджментом[22] и информационно-библиотечным обслуживанием[23].

2. *Информационная аналитика* – получение выводного знания путем логической обработки известных сведений, строго говоря, выходит за пределы библиотечно-библиографической сферы, но овладение ею соблазнительно и перспективно (Н.А. Сляднева, Г.Ф. Гордукалова)[24].

3. Привлекательным и популярным стало педагогическое направление *информационная культура,* у истоков которого стоит Ю.С. Зубов. Главный идеолог в настоящее время Н.И. Гендина.

4. В МГУКИ, благодаря усилиям Л.Я. Шрайберга и А.И. Земскова, развивается библиотечно-информационное направление «*Электронные библиотеки*», базирующееся на богатом опыте автоматизации библиотечно-библиографических процессов, накопленном ГПНТБ России.

5. В Кемеровском университете культуры и искусств И. С. Пилко плодотворно разрабатывает проблематику информационных и библиотечных технологий в научном и в педагогическом плане[25].

6. С 1990 г. в СПбГУКИ читается курс «*Социальные коммуникации*», который несколько позже появился в МГУКИ (В.Т. Клапиюк) и других вузах.

Общей особенностью всех библиотечно-педагогических новаций 1990-х годов явилось то, что все они так или иначе были связаны и информационным обслуживанием, или информационными технологиями, или информационным мировоззрением, то есть носили информационную окраску. Если суммировать перечисленные направления, можно сделать вывод, что постсоветская библиотечная школа вступила в фазу *информатизации,* соответствующую принципам и нормам современной техногенной цивилизации. Не случайно же в конце прошлого столетия *не осталось ни одного*

[22] Гиляревский Р.С. Информационный менеджмент: управление информацией, знанием, технологией: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2009. 304 с.

[23] Брежнева В.В., Гиляревский Р.С. Информационное обслуживание: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2012. 368 с.

[24] Гордукалова Г.Ф. Анализ информации: технологии, методы, организация: учеб.-практ. пособие. СПб.: Профессия, 2009. 512 с.

[25] Пилко И.С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2006. – 342 с.

библиотечного факультета, все они поменяли вывески, на разные лады варьируя метафору «информация».

В структуре головного вуза библиотечного образования – *Московского государственного университета культуры и искусств* (МГУКИ) в 2003 г. образовался Библиотечно-информационный институт (БИИН), объединивший два факультета: факультет информационных ресурсов и факультет библиотековедения, библиографии и информатики. Вне БИИНа остался факультет менеджмента и социально-информационных технологий, выросший в свое время на базе кафедры отраслевой библиографии и давно уже информатизированный. В 2011 году БИИН преобразовался в Институт информационных коммуникаций и библиотек. В *Санкт-Петербургском, Краснодарском, Казанском* университетах культуры и искусств библиотечные факультеты были переименованы в «библиотечно-информационные» или «информационно-библиотечные» с широким ассортиментом кафедр – от традиционной кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми до кафедры информационно-аналитической деятельности. Зато неизменный лидер библиотечной информатизации *Кемеровский* ГУКИ не только трансформировал библиотечный факультет в факультет информационных технологий, но и ликвидировал кафедры библиотечно-библиографического профиля, образовав вместо них кафедру технологии документальных коммуникаций и кафедру технологии автоматизированной обработки информации.

По пути информатизации довольно далеко продвинулись *Алтайская* академия культуры и искусств, где на факультете информационных ресурсов и дизайна кафедру библиотековедения преобразовали в кафедру менеджмента информационных ресурсов и библиосоциальной работы, и образованная в 1991 г. *Тюменская* академия культуры и искусств, учредившая на базе БИФ факультет информатики и социальных коммуникаций. В *Пермской академии культуры* (статус академии получила в октябре 2012 г.) существует факультет документально-информационной коммуникации, в *Хабаровском* институте – факультет социально-культурной и информационной деятельности. Недавно созданные *Волгоградский* и *Чувашский* институты еще не обзавелись факультетами библиотечно-информационного рода, зато в *Арктическом* институте культуры и искусств (учрежден в Якутске в 2000 г.) имеется факультет информационных, библиотечных технологий и менеджмента культуры.

Среди ведущих педагогов библиотечной школы утвердилось убеждение, что именно ***информатизация указывает выход из кризиса.*** Это убеждение воплотилось в *Государственном образовательном стандарте по специальности 052700 – Библиотечно-информационная деятельность, утвержденном в феврале 2003 г.* (стандарт второго поколения). Содержание этого стандарта воплощено в литературном памятнике библиотечной педагогики – сборнике нормативных документов и учебно-методического обеспечения, изданном в 2005 г.[26]. Анализ этого беспрецедентного педагогического шедевра дает представление о состоянии высшей библиотечной школы в 1990-х – 2000-х годах.

В стандарте воплощена мечта прогрессивно мыслящих педагогов о российском библиотекаре информационного общества. Думалось, что библиотечная школа выполнит свой долг перед библиотекарями-практиками и перед собственными выпускниками, если из её лона будут выходить а) *менеджеры*, соответствующие требованиям либерально-демократической рыночной экономики; б) *технологи-организаторы* автоматизированных библиотечно-информационных систем, способные правильно составить техническое задание на разработку такого рода систем, принять участие в создании информационного и лингвистического обеспечения для них, обеспечить их эксплуатацию и дальнейшее развитие; в) *референты-аналитики*, владеющие искусством свертывать и развертывать информацию, извлекать и синтезировать явно не выраженные смыслы сообщений. Наряду с этими нетрадиционными квалификациями планировалась подготовка *библиотекарей-библиографов*, носителей жизнеспособных традиций книжной культуры, но модернизированных и информатизированных в духе XXI в. Именно эти четыре квалификации предусмотрены новым образовательным ГОСТом, созданным коллективом педагогов-новаторов Московского, Петербургского и Кемеровского университетов культуры. Судя по ГОСТу, высшая библиотечная школа 2000 г. характеризуется *радикальной информатизацией,* которая заключалась в следующих основополагающих педагогических решениях:

Во-первых. Включение в состав общепрофессиональных дисциплин неадаптированных к библиотечно-библиографической

[26] Библиотечно-информационная деятельность. Специальность 052700: Государственный образовательный стандарт, примерные программы, учебные планы: сб. норматив. док. и учеб.-метод. обеспечения / под общ. ред. О. П. Мезенцевой. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2005. 992 с

сфере курсов «Информатика» и «Информационные технологии», в которых термин «библиотека» не употребляется вообще (это странно для специальности 052700 – Библиотечно-информационная деятельность);

Во-вторых. Стандартизация трех нетрадиционных квалификаций, имеющих сильную информационно-технократическую окраску. Эти квалификации призваны показать становление в библиотечной школе прогрессивных информационных технологий на месте архаичной книжности. К сожалению, подготовить полноценных технологов автоматизированных библиотечно-информационных систем, референтов-аналитиков или менеджеров информационных ресурсов невозможно только за счет специальных дисциплин; нужна соответствующая общенаучная база, т. е. математическая, радиоэлектронная, логико-лингвистическая подготовка, которая не предусмотрена образовательным стандартом. В итоге получатся прилежные исполнители, а не творческие разработчики и организаторы. Хорошие исполнители, конечно, тоже нужны, но их должна готовить средняя, а не высшая школа. Возникает опасение, что радикальная информатизация университетов культуры приведет к тому, что из высших учебных заведений они превратятся в информационные техникумы, распространяющие вузовские дипломы.

В-третьих. Дегуманитаризация библиотечного образования, состоящая в вытеснении традиционного гуманитарного содержания информационно-технократическими новациями. Из федерального компонента гуманитарных и социально-экономических дисциплин исключен курс «Литература (литературоведение)». Это абсурд. Для библиотекаря-библиографа именно литература, воплощенная в книжную форму, является основным объектом труда, а для библиотечного интеллигента благоговение перед Книгой – необходимое этическое качество. Литературоцентризм всегда присутствовал в библиотечном образовании, теперь он заменяется «информациоцентризмом».

Радикальную информатизацию и дегуманитаризацию библиотечного образования нельзя считать безобидными увлечениями. Информоцентрированная библиотечная школа ориентируется на подготовку кадров не столько для библиотечной, сколько для иных коммуникационных отраслей, обрекая библиотечно-библиографический социальный институт на кадровый голод. Даже ценой радикальной информатизации не удалось избавиться от недовольства студентов, педагогов, библиотечной общественности. Большинство

постсоветских студентов лишено беззаботной студенческой юности, и обучается скорее виртуально, чем реально. Смогли ли педагоги избавиться от учебных перегрузок и обрести досуг для научных исследований? Ничего подобного. Скудное жалованье вынуждает трудиться на полторы ставки, преподавать в нескольких вузах на пределе физических возможностей. Боюсь, что в жизни библиотечных педагогов светлые мгновенья педагогического удовлетворения случаются гораздо реже, чем двадцать лет назад. Удовлетворены ли библиотеки новым пополнением, поступающим из библиотечных учебных заведений? Трудно сказать, потому что это пополнение до библиотек не доходит.

Получается *парадоксальный итог*: студенты были недовольны библиотечными курсами – теперь этих курсов нет, есть другие курсы, которые студентам недоступны; педагоги жаловались на перегрузки – теперь они вынуждены трудиться на полторы–две ставки; библиотекам не нравились молодые специалисты, направляемые по распределению, – теперь они лишены притока библиотечной молодежи. Формат библиотечно-информационной школы 1990-х – 2000-х гг. выглядит так:

а) кредо профессии: педагогические услуги, деидеологизация;

б) общегуманитарные дисциплины в значительной мере вытесняются информационно-технологическими дисциплинами;

в) общепрофессиональная подготовка обеспечивается комплексом библиотечно-информационных дисциплин;

г) прикладные профессиональные умения концентрируются вокруг Интернет-технологий;

д) симуляция образовательного процесса.

Что может ждать радикально информатизированную школу в дальнейшем? Экстраполяция вектора движения библиотечной педагогики от книжной культуры к культуре информационной, от библиотечно-библиографических фондов и справочных аппаратов к информационным ресурсам приводит к выводу, что в информационном обществе библиотечная школа должна перейти в новое качество и превратиться в *информационную школу*, естественным образом *закончив свой жизненный цикл*. Это летальный исход библиотечной школы, который снимает вопрос о кризисе: нет школы, значит, и кризиса её быть не может!

Как относятся к этой перспективе ректоры вузов культуры? В 2007 году, побывав в Москве на международном симпозиуме «Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве» я убедился в том, что в лексиконе руководителей вузов культуры отсутствуют ключевые слова «книга», «библиотека», «библиография». Причина понятна: красочный имидж вузам культуры и искусств придают музыкально-художественные факультеты, гуманитарно-философский ореол – культурологические факультеты, наконец, информационные специальности и кафедры олицетворяют мощь современной науки, а от библиотечных патриархов ни денег, ни славы. Со старомодной книжностью и библиотечностью выходить на рынок инновационных проектов и тем более в «мировое образовательное пространство» нелепо и стыдно. Поэтому хозяева университетов, академий, институтов предпочли бы избавиться от обременительных наследников библиотечной интеллигентности, как от нежеланных гостей на фестивале коммерциализованной культуры. Ректорский нигилизм – одна из коренных и неустранимых причин деградации библиотечной школы.

Другая коренная причина – неспособность библиотечной школы вписаться в рыночную экономику. Она остается одной из дотационных областей государственного образования. Нет ни одного негосударственного библиотечного вуза. Отсюда невозможность обрести экономическую независимость и гарантированное развитие в будущем. Третья причина – ослабление деловых взаимосвязей с библиотеками. Профессиональная дезориентация выпускников, игнорирующих библиотечную сферу, питает незаинтересованность библиотек в существовании нынешней библиотечной школы. Четвертая причина – беспомощность и пассивность библиотечно-библиографических преподавательских коллективов, не имеющих перспективных программ развития библиотечной школы и не пытающихся их разработать. Очевидно, что перечисленные причины затруднительно устранить в кратчайшие сроки за счет усилий библиотечного сообщества. Где же все-таки выход из кризисной ситуации? Может быть, признанная в Европе болонская идеология высшего образования нам поможет?

1.1.6. Болонизация библиотечного образования (2010–2018). Болонский процесс (Bologna Process) стартовал в 1999 г., когда в Болонье была принята «Болонская декларация европейских министров образования». Политический смысл декларации заключался в формировании унифицированного общеевропейского

культурного и экономического пространства путем «мобильности граждан с возможностью трудоустройства для общего развития континента» и повышения «международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования». Практические новации состояли: 1) во введении двух образовательных ступеней: *бакалавриат* – сокращенная профессионализация, завершающаяся присвоением первой ученой степени «бакалавр» (bacca laureatus – «украшенный лавром») и *магистратура* – углубленная профессионализация, дающая степень «магистр» (magister – «мастер», «наставник»); 2) во внедрении *квантификации педагогических услуг* в виде системы перезачета зачетных баллов как «надлежащего средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности». Формат болонской школы воплощает принципы либеральной педагогики:

а) кредо: свобода самореализации личности;
б-в) рынок образовательных услуг и свобода выбора их;
г) приоритет самообразования;
д) свобода организации личной образовательной деятельности.

В 2003 г. Министерство образования Российской Федерации, стремясь войти в европейское культурное пространство, присоединилось к Болонскому процессу. Был разработан «План мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы», предусматривающий разделение высшего образования на два уровня (бакалавриат и магистратуру) и подготовку по всем профессиям (научно-практическим направлениям) федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) по квалификациям (степеням) – бакалавр и магистр. С 2011 года специалитет (пятилетний срок обучения с выдачей диплома «специалист») в большинстве вузов, в том числе вузах культуры, был отменен, и прием производился либо в бакалавриат, либо в магистратуру. Среднее профессиональное образование сохранило целостность, но дифференцировалось на базовую и углубленную форму с разными образовательными программами.

В 2010 г. вступили в силу два Федеральных государственных образовательных стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 071900 Библиотечно-информационная деятельность. Эти стандарты, известные как

стандарты третьего поколения, в отличие от библиотечно-образовательных стандартов первого (2000 г.) и второго (2003 г.) поколений, предусматривали подготовку не универсального специалиста высшей квалификации, а бакалавров и магистров, ориентированных на одинаковые виды профессиональной деятельности, но отличающихся специфическими общекультурными и профессиональными *компетенциями*. С целью реализации предусмотренной Болонской декларацией студенческой мобильности, стандарты обязывали вузы «обеспечить обучающимся реальную возможность участвовать в формировании своей программы обучения, включая возможную разработку индивидуальных образовательных программ» и провозглашают право обучающихся «при переводе из другого высшего учебного заведения при наличии соответствующих документов на перезачет освоенных ранее дисциплин (модулей) на основании аттестации».

В 2018 году кадры по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» готовили 41 высшее учебное заведение, в том числе 18 базовых вузов культуры (13 федерального и 5 регионального статуса), 14 классических университетов, 3 педагогических вуза и 6 отраслевых университетов. В качестве наиболее популярных профилей подготовки бакалавров называются «Менеджмент библиотечно-информационной деятельности», «Информационно-аналитическая деятельность», «Библиотечно-информационные технологии», «Библиотечно-педагогическая деятельность». Однако во всех вузах, кроме СПбГИК, хронически происходит сокращение приема на бакалавриат, а количество магистрантов исчисляется единицами.

Следует признать, что внедрение болонских образовательных стандартов является не поверхностным косметическим реформированием, а *революционной и болезненной модернизацией* исторически сложившейся отечественной образовательной системы. Впрочем, революционные модернизации по зарубежным образцам никогда не бывают безболезненными, и с неизбежными инновационными издержками рекомендуется смириться, уповая на восхитительный конечный результат. Оценивая готовность российской библиотечной школы к переходу на «болонские рельсы», И.С. Пилко привела следующую таблицу:

Таблица

Принципиальные различия российской и европейской систем высшего профессионального образования[27]

Российское высшее образование	Европейское высшее образование
Фундаментальность общенаучной и профессиональной подготовки	Прикладной характер профессионального образования
Единый учебный план, баланс универсализма и профилирования	Индивидуальные учебные планы, многообразие профилей подготовки
Ограниченное число элективных учебных курсов	Приоритет элективных курсов над обязательными
Фиксированные сроки обучения	Вариативные сроки обучения
Синхронная организация учебного процесса	Асинхронная организация учебного процесса
Значительный удельный вес студентов-заочников	Преобладание дневной и дистанционной форм обучения
Дифференцированная (балльная) оценка знаний и умений	Образовательные кредиты (зачетные единицы)

В силу отмеченных И.С. Пилко «принципиальных различий» российская библиотечная педагогика оказалась плохо подготовленной к восприятию «болонского формата». Правда, бакалавриат был освоен без особых затруднений, ибо учебный план подготовки бакалавров, предусмотренный «стандартом третьего поколения», представляет собой *кальку* с предыдущих учебных планов обучения специалистов. Чтобы компенсировать потерю учебного времени (четыре года вместо пяти), предусматривалось внедрение интенсивных и интерактивных методов обучения, обновление и дополнение содержания учебных курсов, совершенствование внеаудиторных и самостоятельных занятий путем использования электронных педагогических ресурсов (e-learning) и т. д.

Разумеется, «библиотекарь новой формации» со степенью бакалавра не должен воспроизводить библиотекаря-библиографа прошлых лет. Согласно стандарту третьего поколения, библиотечные бакалавры должны обладать 15 общекультурными компетенциями (от владения культурой мышления и способности анализировать социально-значимые проблемы и процессы до умения работать с информацией в глобальных компьютерных сетях и стремления

[27] Пилко И.С. Российская библиотечная школа на пороге решительных перемен // Информационный бюллетень РБА. 2010. № 58. С. 30–31.

к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства) и 41 профессиональной компетенцией, включая способность создавать и предоставлять информацию, отвечающую запросам пользователей, готовность принимать компетентные управленческие решения в профессионально-производственной деятельности, способность к созданию благоприятной культурно-досуговой среды, готовность к проведению социологических, психолого-педагогических, маркетинговых исследований, применению методов и процедур информационного анализа текстов и т. д.

Признанный лидер библиотечной педагогики Т.Я. Кузнецова в статье «Библиотечные кадры сегодня и завтра: пути решения проблемы кадров, которые „решают все“»[28] предлажила фантастическую профессиограмму «библиотекаря новой формации»: «Это не только *хранитель документного культурного наследия*, аккумулированного в фондах библиотек, *служитель Книги* как культурного феномена, *знаток* художественной, научной и научно-популярной литературы, *воспитатель* культуры чтения, *организатор* культурно-досуговой деятельности. Современный библиотекарь это также *аналитик-синтезатор*, умеющий осуществлять поиск и оценивать качество информационных ресурсов с учетом потребностей и запросов пользователей, *информационный навигатор* и *посредник* в системе документных коммуникаций, в том числе электронных, *инструктор* по освоению информационной культуры, *специалист в области социальных коммуникативных технологий*» (курсив авт. – А.С.). Работнику современной библиотеки «необходимо быть широко образованным специалистом, владеющим, кроме своей профессии, навыками смежных отраслей знания и сфер деятельности: информатики, педагогики, психологии, социологии, правоведения, культурологии, коммуникативистики и многих других» (с. 7–8). В этой профессиограмме аккумулированы мечты всех поколений педагогов отечественной библиотечной школы.

Выдающимся достижением современного преподавательского корпуса библиотечно-информационной школы является подготовка и выпуск в свет межвузовской серии базовых учебников «Бакалавр библиотечно-информационной деятельности». Председатель Учебно-методического совета вузов России по образованию в области библиотечно-информационной деятельности В.К. Клюев оценил эту работу следующим образом: «Такого масштабного

[28] Кузнецова Т.Я. Библиотечные кадры сегодня и завтра: пути решения проблемы кадров, которые «решают все» // Науч. и техн. б-ки. 2009. № 3. С. 7–12.

комплексного издательского проекта в нашей отрасли никогда не было! К подготовке линейки учебников (с единой концепцией подачи материала, оформлением книг и рекомендательным грифом) привлечены самые именитые вузовские педагоги и авторитетные практики библиотечного дела. Это своеобразное концентрированное знание по основным аспектам библиотечной деятельности!»[29]. В этой «линейке» запланированы 13 книг, охватывающих 10 учебных курсов библиотечно-информационного бакалавриата, в том числе «Библиотековедение», «Библиографоведение», «Документоведение» (в двух частях), «Библиотечно-информационное обслуживание», «Социальные коммуникации», «Библиотечный фонд», «Справочно-поисковый аппарат библиотеки» и др. Однако никаких ни методических, ни учебных материалов, адресованных магистрантам или аспирантам у нас нет, и этот пробел дезавуирует привлекательную идею многоуровневой системы высшего образования (бакалавриат − магистратура − аспирантура).

Дело в том, что *выращивание магистров* – библиотечной элиты завтрашнего дня – это самая сложная и ответственная проблема библиотечной «болонизации». Сокращенная профессионализация бакалавров не может не снизить интеллектуальность профессии. Магистратура призвана сгладить это негативное следствие. И здесь возникают неведомые нам до сих пор научно-педагогические проблемы. Формировать библиотечную магистратуру приходится фактически с нуля. У нас нет ни традиций обучения магистрантов, ни адресованных им учебно-методических пособий, ни преподавательских кадров, подготовленных для работы со специфической аудиторией будущих магистров. Кроме того, и саму эту аудиторию мы представляем смутно. Как отбирать магистрантов из библиотечных бакалавров? Какие требования следует предъявить специалистам с небиблиотечным образованием? Нужен ли стаж практической работы в библиотеке? Каков коммерческий статус магистратуры? Главное – чему учить в магистратуре? Нет уверенности, что библиотечные коллективы с восторгом воспримут новобранцев с магистерскими дипломами, и нет гарантии, что библиотечные магистры устремятся в наши библиотеки. Тем не менее, перед библиотечно-информационными факультетами и перед испытывающим кадровый голод российским библиотечным сообществом стоит весьма актуальная и важная задача: использовать предоставленные

[29] Клюев В.К. Библиотечное образование: мы идём «своим путём» // Университетская книга. 2017. Июнь. С. 80.

государством возможности для формирования интеллектуальной элиты библиотечной профессии.

Введенный в действие с 1 января 2010 г. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению 071900 Библиотечно-информационная деятельность (степень «магистр») четко перечисляет те общекультурные и профессиональные компетенции, т. е. знания, умения, навыки, которыми должен овладеть дипломированный магистр. Вот некоторые из них: ПК-1 – готовность проводить системный анализ деятельности библиотечно-информационных структур, моделировать, прогнозировать, выявлять тенденции их развития; ПК-5 – готовность к разработке стратегии применения информационно-коммуникативных технологий в библиотечно-информационной деятельности; ПК-8 – готовность к стратегическому управлению развитием кадровых, финансовых, материально-технических и информационных ресурсов, внедрению инноваций в библиотечно-информационную практику; ПК-16 – готовность к организации и проведению комплексных научных исследований по проблемам библиотечно-информационной деятельности; ПК-23 – способность к организации психологически комфортной библиотечной среды. В общей сложности нужно освоить 27 профессиональных компетенций, которые начинаются словами «способность» или «готовность». Если обобщить стандартные компетенции, получится сказочный чудотворец-универсал, готовый разрешить вековечные библиотечные проблемы и способный сделать библиотеку светочем разума и прогресса. Если же объединить чудотворца-магистра с фантастическим библиотечным бакалавром «новой формации», получается команда сказочных богатырей, не вмещающаяся в лоно библиотечной профессии.

Баснословные интеллектуально-познавательные требования стандарта третьего поколения не воспринимаются всерьез, потому что к их воплощению не готовы ни преподавательский корпус, ни студенческая масса. В преподавательском корпусе преобладают опытные и заслуженные педагоги пенсионного или предпенсионного возраста, которые сформировались в библиотечной школе XX в. Трудно ожидать от них овладения в полном объеме общекультурными и профессиональными компетенциями, которые предусмотрены стандартом. Значит, неизбежны пробелы в подготовке «библиотекарей новой формации», не говоря о магистерской элите. Практически невосполнимый урон наносит студентам очного обучения внеучебная трудовая деятельность, истощающая молодого человека

физически и деформирующая нравственно. На первом месте оказывается не освоение «образовательных компетенций», а выполнение требований работодателя. Поэтому приходится согласиться с суровым приговором профессора А.М. Мазурицкого: *библиотечно-информационное образование находится в состоянии кризиса.*

В обстоятельной статье[30] авторитетный педагог библиотечной школы перечисляет кризисные явления в области современного библиотечно-информационного образования, которые он образно назвал «ударами колокола». Вот они: сокращение числа бюджетных мест, выделяемых вузам и ссузам на подготовку специалистов библиотечного дела; введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), разрушевшее систему профориентационной деятельности библиотечных факультетов; объединение библиотечных факультетов вузов культуры с другими факультетами; пассивность библиотечного сообщества. Следует признать, что перечисленные причины кризисных явлений в библиотечной школе обусловлены как объективными, так и субъективными причинами.

Объективные причины перечислила в 2017 году профессор философии Саратовского государственного университета Вера Владимировна Афанасьева в открытом письме министру образования и науки О.Ю. Васильевой. Автор письма, по собственному её признанию, «русский интеллигент, которому нечего терять, кроме своего ума и нравственного закона в себе», следующим образом «назвала вещи подобающими им именами»: 1. тотальная нищета российского образования; 2. беспрецедентная бюрократизация, абсурдная канцеляризация, чиновничий диктат; 3. патологическая ложь – «мы давно уже забыли о радости научного общения, о профессиональном энтузиазме, о наслаждении говорить правду»; 4. обесценивание знания, образованности, просвещения в качестве рыночных услуг; 5. душевное нездоровье педагогической корпорации – страх, скудоумие, лживость, лицемерие[31]. Трудно оспорить вывод В.В. Афанасьевой о том, что болезнь российского образования есть естественное следствие нездоровья всей страны.

Субъективными причинами кризиса библиотечной школы являются: политика Министерства культуры и местной власти, управленческие решения ректората, психологические установки

[30] Мазурицкий А.М. Кризис библиотечно-информационного образования, или По ком звонит колокол // Науч. и техн. б-ки. 2018. № 5. С. 14–23.

[31] http://philologist.livejournal.com/9233361.html (Дата обращения 24.08.2018); Афанасьева О.В. Пять признаков тяжелой болезни // Литературная газета. 2017. 19–25 апреля.

педагогов и учащихся. При желании негативным субъективным факторам можно противопоставить позитивные субъективные факторы и нейтрализовать кризисную ситуацию. Именно к этому и призывает Александр Михайлович, ратуя за формирование чёткой государственной политики в библиотечной сфере, восстановление статуса МГИК как головного вуза отрасли, созыв профессиональной конференции и т.д. Конечно, общественная пассивность наказуема утратой престижа и авторитета, поэтому нельзя не присоединиться к призывам А.М. Мазурицкого, надеясь на благоразумие субъектов власти. Ведь субъекты, обличенные властью, должны понимать, что, кроме текущих расчетов, существуют еще стратегические программы, и именно в контексте этих программ целесообразно рассматривать перспективы библиотечного образования. Поскольку стратегическое мышление предполагает выбор из множества программ, идеологи библиотечной школы оказались в положении «витязя на распутье».

1.1.7. На распутье современной России. Древнерусскую метафору «витязи на распутье» использовали три славных декана библиотечной школы в коллективной статье, посвященной поиску вектора совместного развития библиотек и библиотечно-информационного образования[32]. Они пришли к выводу, что «налицо две ярко выраженные тенденции современного развития наших библиотек. Первая – наращивание электронных информационных ресурсов, что, в конечном счете, должно привести к созданию единого регионального и общероссийского информационного пространства. Вторая – библиотеки всё чаще берут на себя функции культурно-досугового центра, становятся местом общения, своеобразным клубом по интересам» (с. 73). Куда ориентировать студентов? Мудрые витязи-деканы не рискнули сделать выбор в пользу той или иной альтернативы, а ограничились призывом «коллег по преподавательскому цеху и работодателей к диалогу, чтобы понять, что необходимо работодателю и какие коррективы мы должны внести в содержание подготовки специалистов библиотечного дела» (с. 74).

Деканский призыв повис в воздухе, потому что у каждого типа российских библиотек – свой «работодатель»: у школьной библиотеки – директор школы, у публичной библиотеки – местный магистрат, у научно-технической библиотеки – владелец предприятия,

[32] Мазурицкий А.М., Калегина О.А., Кузичкина Г.А. «Витязи на распутье»: библиотеки и библиотечно-информационное образование в поисках вектора совместного развития // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 4. С. 61–76.

у областных (краевых) универсальных научных библиотек – региональная власть, у национальных библиотек – федеральная государственная власть. Если собрать за всероссийским «круглым столом» всех библиотечных работодателей и учредителей библиотек, получим калейдоскоп субъективных пожеланий в адрес библиотечной школы, но не получим ответа на главный, стратегически важный вопрос: *Почему библиотечная школа нужна современной России*? Русские интеллигенты-просветители Серебряного века, большевики-книгочеи и советские интеллигенты-книжники знали ответ на этот вопрос и воплотили его в форматах библиотечной школы. Информатизация превратила «библиотечную» школу в школу «библиотечно-информационную», а либеральная болонизация постепенно выталкивает рудименты книжности из библиотечно-информационного симбиоза. Отсюда – ощущение кризиса, которое обусловлено утратой стратегического смысла существования библиотечно-информационного образования. Готовить исполнителей информационных и культурно-досуговых услуг по запросам обывателей цифрового общества? Этого слишком мало. России нужна такая библиотечная школа, которая способствовала бы решению стратегических задач, стоящих перед страной. Что я имею в виду?

Современное российское общество – общество риска дегуманизации. Дегуманизация, т. е. утрата цивилизованного облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизированная техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны. Библиотечный социальный институт располагает драгоценным гуманистическим ресурсом, без использования которого невозможно преодолеть недуги дегуманизации и социальные пороки, включая алкоголизм, наркоманию, преступность. Книжные фонды – это не только источник получения информации и средство заполнения досуга, но и необходимый элемент национального самосознания и общечеловеческой культуры. Поэтому научные и публичные, детские и школьные, национальные и региональные библиотеки представляют собой не просто социально-культурные учреждения, а *гуманистический оплот нации*, необходимый для предотвращения самоубийственной моральной деградации информационного общества риска[33]. Стратегической задачей

[33] Более подробно см.: Соколов А. В. Библиотека и гуманизм: миссия библиотеки в глобальной техногенной цивилизации. СПб.: Профессия; М.: Гранд-Фаир, 2012. 400 с.

библиотечного образовательного института является формирование ***поколения библиотечной интеллигенции XXI века***, способной использовать все библиотечно-библиографические ресурсы для гуманизации общества знаний. *Гуманистический формат* библиотечной школы видится в следующем виде:

а) кредо: гуманизация российского общества;

б) общегуманитарная основа (литература, история, педагогика, психология, культурология, философия);

в) общепрофессиональное теоретическое знание (библиотековедение, библиографоведение, книговедение, социальные коммуникации, информатика);

г) прикладные библиотечно-библиографические умения, Интернет-технологии;

д) трехуровневая система «бакалавриат − магистратура − аспирантура».

Гуманистический формат – не единственное направление современного распутья библиотечного образования. Есть еще направление *цифровизации*, которое удачно согласуется с государственной Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента В.В. Путина 9 мая 2017 года. Государственно мыслящий профессор МГИК В.К. Степанов опубликовал «Манифест библиотек цифровой эпохи»[34], к которому нельзя не прислушаться, хотя и солидаризироваться с ним тоже нельзя.

Вадим Константинович рассуждает следующим образом: Человечество стоит в начале эпохального и во многом непредсказуемого этапа своей эволюции. Смена цивилизационной парадигмы, основанная на переходе к цифровой системе коммуникаций, фактически выдавливает библиотеку в её традиционном виде из общественного производства. Библиотека, ориентированная на аналоговую систему коммуникаций, катастрофически быстро теряет социальную востребованность. Библиотекарям необходимо обрести честное, открытое и глубокое понимание того, что будущее библиотек не в консервации вчерашних подходов, а в ориентации на реалии сегодняшней и завтрашней жизни. Миссия библиотек в цифровой среде – борьба с информационным невежеством и информационным неравенством путем предоставления самого широкого доступа

[34] http://www.calameo.com/read/0034547383b7da70af379

к наиболее ценным интеллектуальным ресурсам, формирования в социуме творческой и созидательной атмосферы.

Непременным условием изменения роли и значения библиотек является качественное улучшение состава и квалификации библиотекарей. Библиотечный персонал формировался в аналоговую эру по принципу отрицательной селекции: его основу составляли социальные аутсайдеры – люди, отказавшиеся от серьезных жизненных амбиций, инертные и крайне слабо подготовленные в компьютерном отношении. Методом качественного обогащения кадрового состава отрасли является тотальная переаттестация сотрудников библиотек на федеральном, региональном и ведомственном уровнях. Аттестационные мероприятия должны отделить работников, способных к переобучению, от тех, которые страдают неполным профессиональным соответствием и подлежат сокращению. Аттестации подлежат все без исключения сотрудники библиотек и профильных учебных заведений. Основным стимулом продолжения карьеры в библиотеке станет максимально творческий характер труда в сочетании с высокой заработной платой. При этом фонд заработной платы библиотек не потребует серьезного увеличения, поскольку эффективно использующий цифровые инструменты библиотекарь в состоянии выполнять объем работы как минимум 2–3 специалистов аналогового типа.

Параллельно с переподготовкой практических библиотечных работников должна кардинально реформироваться и библиотечно-информационная школа. В основе профессионализации должны лежать две базовые компетенции: глубокая гуманитарная подготовка и экспертное владение арсеналом инструментов информационной деятельности. Первая компетенция обеспечивает поиск, оценку и рекомендацию источников конкретным пользователям. Вторая является залогом авторитета библиотекарей как высококлассных специалистов в области информационных ресурсов. Вдобавок к профессиональным, современный библиотекарь должен обладать такими личностными качествами, как коммуникабельность, инициативность, лидерство и готовность к переменам. Ясно, что, по мнению автора «Манифеста», в профессиональном сознании библиотекаря цифровой эпохи должна преобладать ориентация на обслуживание клиентов, а не на гуманизацию постиндустриального общества. Исходя из содержания «Манифеста» В.К. Степанова, получается следующий образовательный формат цифровой библиотечной школы:

а) кредо: цифровое общество;

б) общегуманитарная основа (литература, история, педагогика, психология, культурология, философия);

в) общепрофессиональное теоретическое знание исключается как устаревшее;

г) прикладные информационные умения, Интернет-технологии;

д) всероссийская система аттестации и переподготовки библиотечных кадров.

Сопоставление и осмысление содержания образовательных форматов библиотечной школы на различных исторических этапах позволяет заметить следующие немаловажные закономерности:

1. Существует зависимость целевых установок (воспитательного кредо) и организационных условий образовательного процесса библиотечной школы от субъективных внешних политических и социально-культурных факторов, которые предопределяются государственной властью и социальными ожиданиями.

2. В качестве объективного внешнего фактора выступает информатизация (компьютеризация, интернетизация) библиотечно-библиографической практики, которая влияет на прикладной аспект библиотечной педагогики, предопределяя те умения и навыки, которыми должны владеть библиотечные профессионалы.

3. Общекультурное и общепрофессиональное содержание библиотечного образования включает гуманитарное и библиотечно-библиографическое знание, которое образует стабильную сущность профессии и не может быть исключено из библиотечной профессиологии.

4. Субъективные и объективные внешние факторы обусловливают динамичные изменения библиотечного образования, которые нельзя спрогнозировать и предвидеть априори. Отсюда необходимость в продолжении профессионального образования и самообразования в течение всей жизни.

5. Опыт информатизации и болонизации в последние десятилетия свидетельствует о риске депрофессионализации библиотечной школы из-за утраты стратегических представлений о социальной миссии библиотечно-библиографического института в постиндустриальной цивилизации.

1.2. Ступени библиотечно-информационного образования

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) определил *профессиональное образование* как «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере»[35]. Законодательно установлены четыре уровня профессионального образования (статья 10): 1) среднее профессиональное образование; 2) высшее образование – бакалавриат; 3) высшее образование – специалитет, магистратура; 4) высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации. К последним относятся научно-педагогические кадры, подготавливаемые через аспирантуру (адъюнктуру, ординатуру). Таким образом, в нашем государстве узаконены четыре ступени профессионального библиотечно-информационного образования, образно говоря, *четыре класса библиотечно-информационной школы (БИШ).* Первый класс представляют техникум или училище культуры, – среднее специальное образование; второй класс – бакалавриат вуза; третий класс – магистратура вуза; четвертый класс – аспирантура.

К сожалению, Федеральный Закон не предусмотрел критерии разграничения образовательных ступеней. Сказано только, что цели среднего образования заключаются в подготовке «квалифицированных служащих и специалистов среднего звена в соответствии с потребностями общества и государства» (статья 68), а высшее образование обеспечивает подготовку «высококвалифицированных кадров в соответствии с потребностями общества и государства» (статья 69). Относительность параметров «квалифицированный – высококвалифицированный» приводит к размытости границ между классами БИШ, к дублированию и несогласованности учебно-методического процесса. Попытаемся определить критерии разграничения различных структурных уровней библиотечно-информационного образования. Оттолкнемся от очевидного сходства познавательного процесса (познания явлений и закономерностей реального мира) и образовательного процесса.

Всякое человеческое познание реального мира (обыденное и научное, эмпирическое и рациональное, теоретическое и экспериментальное) заключается в последовательном поиске ответов на вопросы ***что? где? как? зачем? почему?*** Типичная

[35] Закон «Об образовании в Российской Федерации»: текст с изм. и доп. на 2013 г. М.: 2013. 208 с.

последовательность выглядит следующим образом. Сперва нужно получить представление о предмете, понять, ***что*** он собой представляет и ***где*** он обитает. Имея понятие о предмете, например, зная ***что*** есть школьная библиотека, можно перейти к вопросу ***как*** технологически функционирует библиотека и ***как*** усовершенствовать её деятельность. Вопросы что? где? как? возникают относительно явлений (предметов, процессов, свойств), которые существуют в реальной действительности и воспринимаются органами чувств. Например, публичная библиотека, книжная выставка, компьютерная технология – все это реально наблюдаемые явления. Но наблюдение, отвечающее на вопросы что? где? как? не позволяет познать сущность явления. Для познания сущности библиотеки и библиотечной деятельности нужно задуматься над вопросом ***зачем*** существуют библиотеки? достижению каких целей служит их деятельность? Необходимо также осознать, ***почему*** возникли библиотеки, ***почему*** библиотечная деятельность происходит так, а не иначе, какие закономерности управляют библиотечными системами? Данная последовательность диктуется логикой познания: от восприятия явления – к пониманию его сущности.

Теперь можно сформулировать следующую *гипотезу* разграничения уровней библиотечно-информационного образования. *Первый класс,* готовящий репродуктивных исполнителей, отвечает на вопросы ***что?*** и ***где?*** Что есть библиотека? библиотечный фонд? библиография? библиотечное обслуживание? электронная библиотека? и т.д. Где они находятся в системе документных коммуникаций? *Второй класс,* ориентированный на подготовку технологов библиотечно-информационного производства, отвечает на вопрос ***как?*** Как функционирует библиотека? Как действует информационная система? Как обслуживать различные категории клиентов? Как формировать документные фонды? и т.д. *Третий класс*, ориентированный на подготовку организаторов-менеджеров и проектировщиков библиотечных систем, отвечает на вопрос ***зачем?*** Специфика деятельности магистров заключается в критической оценке наличного состояния дел, формулировке и обосновании целей модернизации (совершенствования) библиотечно-информационных систем, проектировании соответствующих инноваций и определении их реальной эффективности. *Четвертый класс*, представленный в форме аспирантуры, должен стать «альма матер» библиотековедов, библиографоведов, книговедов, обеспокоенных ответом на вопрос ***почему*** реальная библиотечно-информационная сфера устроена

так, а не иначе? Задача ученых не только раскрыть причинно-следственные связи и закономерности, действующие в библиотечно-информационных системах, но и предложить направления совершенствования современных технологических процессов и организационных структур.

Для верификации предложенной гипотезы сопоставим требования к библиотечным кадрам, представленные в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) среднего и высшего профессионального образования, а также ФГОС подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. Напомним, что согласно «Закону об образовании РФ», ФГОС обладает директивной силой, поскольку он представляет собой «совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования» (статья 2)

1.2.1. Стандартные классы библиотечно-информационной школы. В качестве сравниваемых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) используем: 1) Стандарт среднего профессионального образования по специальности 071901 Библиотековедение, утвержденный в 2010 году; 2) Проект стандарта высшего образования уровня «бакалавриат» по направлению 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность, подготовленный в 2014 году; 3) Проект стандарта высшего образования уровня «магистратура» по направлению 51.04.06 Библиотечно-информационная деятельность, подготовленный в 2014 году; 4) Стандарт высшего образования уровня «кадры высшей квалификации» по направлению 51.06.01 Культурология, утвержденный в 2014 г. Сопоставление облегчается тем обстоятельством, что федеральные стандарты имеют унифицированную структуру, в которой предусмотрены обязательные характеристики и требования. Однако его затрудняет понятийно-терминологическая несогласованность, обусловленная тем, что ФГОС разрабатывались разными авторскими коллективами, не всегда заботившимися о преемственности классов БИШ.

- ***Нормативные сроки обучения*** в разных классах варьируются в широких пределах. *Среднее профессиональное образование*: для получения базовой квалификации *Библиотекарь* продолжительность очной формы обучения составляет 1 год 10 месяцев на базе среднего (полного) общего образования и 2 года 10 месяцев

на базе основного общего образования; для углубленной подготовки, соответствующей квалификации *Библиотекарь, специалист по информационным ресурсам,* время очной формы обучения увеличивается до 2 лет и 10 месяцев на базе среднего (полного) общего образования и 3 лет 10 месяцев на базе основного общего образования. Предусмотрено также очно-заочное (вечернее) и заочное образование, сроки которых увеличиваются не более, чем на 1 год или 1,5 года в зависимости от подготовки студентов в общеобразовательной школе.

Бакалавриат в очной форме обучения, включая каникулы, предоставляемые после прохождения государственной итоговой аттестации, составляет 4 года и увеличивается при вечерней или заочной форме обучения до 5 лет по усмотрению образовательной организации. Срок обучения по программе очной *магистратуры* составляет 2 года и пролонгируется для заочников не более, чем на полгода. Продолжительность обучения в очной аспирантуре установлена 3 года и продлевается при заочной форме обучения до четырех лет, вне зависимости от применяемых образовательных технологий.

В итоге для подготовки магистра с углубленной подготовкой из выпускника полной средней школы (11 классов) при дневной форме обучения требуется: 3 + 4 + 2 = 9 лет, а для прохождения аспирантуры еще 3 года. Если же ориентироваться только на заочную форму обучения, получается для кандидата наук 4 + 5 + 3 + 4 = 16 лет. Таким образом, усердный учащийся только после 30 лет сможет освоить образовательные программы всех классов БИШ и приобщиться к интеллектуальной библиотечно-информационной элите. Затем раскрывается перспектива непрерывного профессионального образования в течение всей жизни (lifelong education).

● ***Объекты профессиональной деятельности,*** указанные в стандартах, представляют собой предметы труда выпускников различных классов библиотечно-информационной школы, отвечая на вопрос ***что*** их ожидает на практике? Оказывается, что объекты трудовой деятельности питомцев *средней библиотечной школы* весьма многочисленны и разнообразны, в том числе: государственные, региональные, муниципальные библиотеки и информационные центры; библиотеки учреждений и организаций независимо от их организационно-правовых форм, документные и информационные фонды, библиотечно-информационные ресурсы и программное обеспечение. Объектами профессиональной деятельности

выпускников *бакалавриата* являются: библиотечно-информационная деятельность по удовлетворению потребностей общества в информационных ресурсах, формирование и организация библиотечных фондов, использование современных информационно-коммуникационных технологий библиотечно-информационной деятельности, применение психолого-педагогических методик, содействующих духовно-нравственному развитию личности и формированию информационной культуры. Объекты профессиональной деятельности *магистров* выглядят так: системный анализ библиотечно-информационной деятельности, применение информационно-коммуникационных технологий, социально-экономическое обоснование библиотечно-информационной деятельности, проектирование библиотечной инновационной деятельности в социально-коммуникационной сфере, организация подготовки и повышение квалификации библиотечно-информационных кадров. Воспитанники *аспирантуры* будут иметь дело с такими объектами профессиональной деятельности, как: культурная политика, методология социально-гуманитарных исследований, образование, воспитание и просвещение в сфере культуры, технологии создания, распространения и сохранения ценностей культуры, культурная индустрия, информационные системы и процессы в сфере культуры, библиотечно-информационные системы, социокультурный менеджмент и маркетинг, средства производства, распространения и хранения информации в области культуры и т.п.

Нетрудно заметить, что выпускники средней школы (первоклассники) ориентированы на библиотеки всех типов, библиотечно-информационная деятельность бакалавров и магистров также распространяется на любые библиотеки, а объектами научных исследований магистров и аспирантов могут быть любые реалии библиотечно-информационного мира, представляющего собой не что иное, как ***систему документной коммуникации***. В эту систему входят библиотеки, библиографические и информационные учреждения и системы всех типов и видов, включая и библиотечно-информационную школу. В первом классе БИШ будущие профессионалы обретают первый опыт взаимодействия с документной коммуникацией, получают общее представление о библиотеках и библиотечно-информационных технологиях. На последующих ступенях профессионализации первоначальный опыт углубляется и расширяется, но документная коммуникация неизменно остается неисчерпаемым объектом изучения бакалавров, магистров, аспирантов. Можно

сделать вывод, что система документной коммуникации является основным объектом библиотечно-информационного познания, тем ***что***, с общего представления о котором начинается профессионализм в БИШ. Однако сопоставление областей профессиональной деятельности, предусмотренных в различных ФГОС, показало, что, наряду с неизменным ***что*** в библиотечно-информационном образовании немаловажную роль играет вопрос ***где***?

• ***Области профессиональной деятельности*** – это места трудовой занятости выпускников БИШ в системе документных коммуникаций. Здесь выбор весьма широк. Питомцы *средней школы* составляют более 40% сотрудников российских библиотек всех видов, это основной профессиональный ресурс библиотечной практики, занятый репродуктивным исполнительским трудом. Специалисты с высшим библиотечным образованием, которым соответствуют нынешние *бакалавры,* не превышают 20% штатных сотрудников. Используя современные технологии, они обеспечивают формирование и использование библиотечно-информационных ресурсов, сохранение документного наследия, библиографическую деятельность публичных и научно-технических библиотек. *Магистров* ожидают научно-исследовательские отделы государственных, республиканских, краевых, областных и ведомственных библиотек и информационных центров, система государственного и общественного управления библиотечно-информационной деятельностью, образовательные организации среднего профессионального образования, образовательные организации высшего образования и федеральные библиотечно-информационные центры, обеспечивающие разработку теории, методологии библиотечно-информационной деятельности и современных информационных технологий. Наконец, участками самореализации выпускников *аспирантуры* служат культурологические и социально-гуманитарные исследования, менеджмент в сфере культуры, проектирование оптимальной организационной структуры библиотечно-информационных организаций, разработка новых концепций развития библиотечно-информационной сферы, экспертно-консультативная, информационно-аналитическая деятельность, сохранение и популяризация культурного наследия и т.п.

Таким образом, каждый класс библиотечно-информационной школы ориентирован на определенный участок документо-коммуникационной системы. Тип библиотеки и функциональные подразделения в ней (ответ на вопрос ***где?***) в значительной мере

предопределяют предлагаемый ФГОС ответ на вопрос ***как?*** связанный с видом практической деятельности библиотечного работника.

• ***Виды деятельности выпускников*** различных «классов» библиотечно-информационной школы, как ни странно, практически совпадают. Питомцы средней школы, ориентированные на работу в библиотеках всех типов, способны выполнять четыре вида деятельности: производственно-технологическую, организационно-управленческую, психолого-педагогическую, информационно-аналитическую. Бакалавры и магистры владеют перечисленными видами деятельности, плюс проектная и научно-исследовательская. Аспирантура готовит аспирантов к организационно-управленческой, психолого-педагогической, проектной и научно-исследовательской деятельности. Получается распределение видов деятельности, представленное в таблице 1.

Таблица 1

Распределение видов деятельности выпускников библиотечно-информационной школы

Первый класс: средняя школа	**Второй класс: бакалавриат**	**Третий класс: магистратура**	**Четвертый класс: аспирантура**
Производственно-технологическая деятельность	Производственно-технологическая деятельность	Производственно-технологическая деятельность	
Организационно-управленческая деятельность	Организационно-управленческая деятельность	Организационно-управленческая деятельность	Организационно-управленческая деятельность
Психолого-педагогическая деятельность	Психолого-педагогическая деятельность	Психолого-педагогическая деятельность:	Преподавательская и воспитательная деятельность
Информационно-аналитическая деятельность	Информационно-аналитическая деятельность	Информационно-аналитическая деятельность	
	Проектная деятельность	Проектная деятельность	Проектная деятельность
	Научно-исследовательская деятельность	Научно-исследовательская деятельность	Научно-исследовательская деятельность

Парадоксальность распределения видов деятельности, представленного в таблице 1, можно усмотреть в том, что нарушается логика разделения труда, согласно которой более квалифицированному магистру следует выполнять те виды деятельности, которые бакалавру недоступны; бакалавр должен решать задачи, недостойные внимания магистра. Таблица же демонстрирует круговорот «повторения пройденного»: во всех классах БИШ изучаются шесть повторяющихся видов профессиональной деятельности и все классы выглядят «на одно лицо». Можно подумать, что магистры готовятся к выполнению тех же видов профессиональной деятельности, что и бакалавры. Однообразие – продукт стандартизации, ибо ФГОС стремятся унифицировать все ступени образования, на то они и «стандарты» (английский standard – норма, образец). Но все-таки до абсурдного дублирования дело не доходит, поскольку под одинаковыми названиями скрывается разное содержание. Это содержание закодировано в виде *компетенций*, предусмотренных ФГОС третьего поколения. Именно компетенции приводятся в стандартах в качестве отличительных особенностей выпускников данного класса, и они показывают ***как*** осуществляется одна и та же деятельность, например, технологическая или организационно-управленческая, квалифицированным библиотекарем, бакалавром, магистром. Таким образом, разделение компетенций между классами библиотечной школы может служить *содержательным критерием разграничения классов*.

1.2.2. Компетентность как критерий уровня образования. Компетентностный подход в отечественном образовании был официально провозглашен в 2001 году в «Стратегии модернизации содержания общего образования»[36], которая была подготовлена авторитетной экспертной группой, созданной российским Министерством образования и Национальным фондом подготовки кадров. Учитывая процессы интеграции мировой экономики и европейской системы высшего образования, смену образовательной парадигмы, наконец, государственную политику, осуществляемую в Российской Федерации, стратегия провозгласила, что «основным результатом деятельности образовательного учреждения должна стать не система знаний, умений и навыков сама по себе, а набор *ключевых компетентностей* в интеллектуальной, гражданско-правовой, коммуникационной, информационной и прочих сферах».

[36] Стратегия модернизации содержания общего образования. Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М., 2001.

После присоединения России к Болонскому процессу компетентностный подход был положен в основу федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) высшего и среднего профессионального образования.

Идеи компетентностного подхода приобрели в XXI веке широкую популярность среди отечественных педагогов, они рассматриваются в работах А.М. Аронова, В.И. Байденко, А.Г. Бермус, И.А. Зимней, О.Е. Лебедева, Л.О. Филатовой, И.Д. Фрумина, А.В. Хуторского, П.Г. Щедровицкого и др. Все эксперты понимают компетентностный подход как *модернизацию содержания образования* в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность, однако однозначное толкование понятий «компетенция» и «компетентность» отсутствует. Обобщая суждения различных авторов, примем следующие трактовки: ***Компетентность*** есть готовность и способность личности сознательно и целенаправленно осуществлять профессиональную библиотечно-информационную деятельность. Условием *готовности к деятельности* являются понимание целей и ценностей профессиональной активности, а также ценностные ориентации и мотивации, усвоенные в результате образовательно-воспитательного процесса в библиотечно-информационной школе. Условием *способности к деятельности* служат: а) природные задатки и склонности, б) приобретенные в ходе обучения и самостоятельного познания знания, умения, навыки, личный опыт.

Главное достоинство компетентностного подхода к образованию – его *гуманистичность*, заключающаяся в том, что он напрямую связан с идеей гармонично развитой личности, выступающей не только в качестве специалиста, профессионала своего дела, но и в качестве полноценного члена коллектива и общества. Поэтому компетентностный подход служит инструментом *гуманистической педагогики.* Гуманистическая педагогика сформировалась с учетом исторического опыта XIX и XX веков, когда выявилась ограниченность абстрактного рационализма, неприемлемость авторитарного похода к процессу воспитания и обозначилась необходимость сосредоточить усилия на формировании свободной, самостоятельно думающей и действующей личности, гражданина-гуманиста, способного делать обоснованный выбор в разнообразных учебных и жизненных ситуациях. Задачами гуманистического обучения и воспитания являются не только передача студенту определенной совокупности знаний, умений и навыков, но и развитие общенаучного кругозора, критического мышления и самодисциплины,

способности к креативным решениям, готовности к самообучению, а также осознание гуманистических ценностей. Конечную цель образования педагоги-гуманисты видят в том, чтобы помочь молодому человеку стать компетентной личностью, правильно найти свое место в современном мире и прожить яркую, радостную и полноценную жизнь.

Компетентность профессионала библиотечно-информационной деятельности складывается из общекультурных компетенций и профессиональных компетенций. ***Общекультурные компетенции (ОК)*** характеризуют личностное развитие человека, понимание им целей, ценностей и причинно-следственных связей в условиях современной российской действительности, готовность менять в себе то, что должно измениться как ответ на вызовы времени с сохранением некоторого ценностного ядра образования. ***Профессиональные компетенции (ПК)*** характеризуют достигнутую степень профессионализма, то есть способность выполнять производственно-технологическую, организационно-управленческую и другие виды профессиональной деятельности на уровне, свойственном данному классу БИШ.

Надо признаться, что здесь возникают затруднения. Оказалось, что компетенции ОК идентифицируют не один какой-нибудь класс библиотечной школы, а могут быть отнесены ко всем классам одновременно. Например, требуется, чтобы библиотекарь, специалист по информационным ресурсам, «понимал сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлял к ней устойчивый интерес» (ОК 1), мог «решать проблемы, оценивать риски и принимать решения в нестандартных ситуациях» (ОК 3), «занимался самообразованием, осознанно планировал повышение квалификации» (ОК 8) и т.д.; магистру же предписывается «непрерывно совершенствовать и повышать свой интеллектуальный, культурный и духовно-нравственный уровень» (ОК 1), «проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, брать на себя всю полноту ответственности» (ОК 5), развивать «способность к профессиональной эксплуатации современного оборудования и приборов» (ОК 7) и пр. В ФГОС бакалавриата по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» обнаружились те же безадресные, но привлекательные общекультурные компетенции типа «стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства»; «умение критически оценивать свои достоинства и недостатки» и пр. Перечисленные «общекультурные компетенции» по сути дела являются

благими пожеланиями, удостовериться в наличии которых у выпускников БИШ совершенно невозможно. Они не идентифицируют ступени образования, поэтому практически бесполезны. Удивительно, что в стандартных программах подготовки по направлению Библиотечно-информационная деятельность отсутствуют общекультурные компетенции, обеспечивающие *понимание* целей, ценностей и причинно-следственных связей библиотечно-информационной деятельности в условиях современной российской действительности и глобального технократизма. Для формирования компетенций такого рода требуются культурно-исторические, психолого-педагогические, социально-философские дисциплины, которые должны обязательно присутствовать в составе базовых дисциплин образовательной программы. Почему-то их там нет.

Теперь сопоставим профессиональные компетенции (ПК), отнесенные ФГОС к различным классам БИШ (см. Таблица 2). Это сопоставление имеет критическое значение, поскольку именно различия ПК мы рассматриваем как критерий разграничения стандартных ступеней библиотечно-информационного образования – средней школы, бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Сопоставительный анализ различных ячеек таблицы приводит к следующим выводам, подтверждающим нашу гипотезу.

1. Производственно-технологическая деятельность выпускников первого класса (средняя школа) и второго класса (бакалавриат) практически совпадает и носит исполнительский характер, в отличие от производственно-технологической деятельности магистра, имеющей управленческий характер (моделирование, прогнозирование, разработка стратегии. Этот вывод распространяется на психолого-педагогическую деятельность, где сотрудники со средним специальным образованием и бакалавры обеспечивают библиотечно-информационную работу с читателями, а магистры заняты проектированием этой деятельности и осуществляют управление персоналом библиотеки. В информационно-аналитической сфере сохраняется то же разделение труда: непосредственное исполнение – выпускники первого и второго класса, а руководящая оценка и экспертиза – прерогатива третьего класса (магистры).

2. Организационно-управленческая, проектная и научно-исследовательская деятельность – это разновидности творческой деятельности, соответствующей определению: «творчество – деятельность человека по преобразованию действительности (как природной, так и социальной), завершающаяся созданием нового

оригинального продукта; процесс конструктивных преобразований информации и созидания инновационных результатов, субъективно и объективно значимых»[37]. Поскольку творческие инновации в библиотечно-информационной сфере требуют достаточно высокого профессионализма, их инициаторами, как правило, являются специалисты третьего или четвертого класса. Выпускников первого и второго класса БИШ резонно рассматривать как потенциальных участников практических или научно-исследовательских проектов, а не как руководителей.

3. Профессиональные компетенции (ПК) библиотечно-информационных работников нуждаются в обновлении с учетом их функции разграничения ступеней образования. Целесообразно выделить три группы ПК: а) *общепрофессиональные*, действующие на всех ступенях, например, соблюдение требований профессиональной этики выпускниками всех классов; б) *базовые* – производственно-технологическая, психолого-педагогическая, информационно-аналитическая на уровне первого и второго класса; в) *творческие* – организационно-управленческие, проектные, научно-исследовательские на уровне третьего и четвертого класса. Освоение базовых ПК означает овладение знаниями, умениями, навыками, достаточными для того, чтобы профессионально отвечать на эмпирические (данные в опыте) вопросы: ***что*** есть библиотечное дело? ***где*** мое место в библиотечной сфере? ***как*** функционирует библиотечная система? Освоение творческими ПК означает приобретение компетентности, достаточной для того, чтобы профессионально отвечать на теоретические (возникшие в абстрактном умозрении) вопросы: ***зачем*** нужна библиотека в XXI веке? В чем цель, миссия библиотечного дела? ***почему*** библиотечная сфера стала такой, какой она есть? Какие объективные законы управляют библиотечной деятельностью?

4. Отказ от банальных формулировок общекультурных компетенций (ОК) не означает, что библиотечно-информационная школа может отказаться от социально-гуманистической подготовки своих выпускников и сосредоточиться на чисто профессиональных компетенциях. Это тупиковый путь познания, потому что, не выходя за пределы эмпирического библиотечного опыта, мы никогда не сможем получить ответы на вопросы ***зачем?*** и ***почему?*** Задача состоит в том, чтобы обогатить образовательные программы ФГОС

[37] Творчество: теория, диагностика, технология: словарь-справочник для специалистов в области образования, инноваций и гуманитарных технологий в социальной сфере. СПб., 2008. С. 126–127.

по направлению Библиотечно-информационная деятельность адаптированными применительно к документной коммуникационной системе базовыми дисциплинами культурологического, социологического, психолого-педагогического профиля.

Таблица 2

Сопоставление профессиональных компетенций

Деятельность	Первый класс: средняя школа	Второй класс: бакалавриат	Третий класс: магистратура	Четвертый класс: аспирантура
Производственно-технологическая	Комплектование, учет, хранение фонда, аналитико-синтетическая обработка документов, обслуживание читателей, научно-методическая работа, маркетинг	Формирование документных фондов, баз и банков данных, выявление и качественное удовлетворение запросов потребителей, качественная и количественная оценка работы библиотеки	Системный анализ, моделирование, прогнозирование библиотечно-информационных структур, разработка стратегии применения информационных технологий	
Организационно-управленческая	Планирование и контроль работы исполнителей, внедрение инновационных технологий, соблюдение этических и правовых норм, знать принципы управления персоналом	Анализ управленческой деятельности библиотек, осуществление текущего планирования, учета и отчетности, мотивация и стимулирование персонала, организация системы маркетинга	Стратегическое управление библиотечно-информационными ресурсами, постановка долгосрочных целей и задач, экономический анализ и оценка эффективности, нормативное регулироварие	Готовность организовать работу исследовательского коллектива в сфере культуры; способность планировать и решать задачи собственного профессионального и личного развития

Психолого-педагогическая	Повышение образовательного и культурного уровня читателей, внедрение дифференцированного обслуживания, реализация досуговой и воспитательной функции, сохранение национальных традиций	Библиотечное общение с пользователями, воспитательно-образовательная работа, формирование информационной культуры читателей, учет национальной специфики, создание культурно-досуговой среды	Составление проектов и программ образовательной и социокультурной деятельности библиотеки, владение психолого-педагогическими методами управления персоналом, участие в системе непрерывного профессионального образования	Готовность к преподавательской деятельности по основным образовательным программам высшего образования
Информационно-аналитическая	Использование информационных и телекоммуникационных технологий, использование корпоративных информационных систем, обеспечение информационной безопасности электронных фондов	Выявление и оценка информационных ресурсов общества, аналитико-синтетическая переработка информации, изучение информационных потребностей	Экспертиза продуктов и услуг; проведение системного анализа производственно-технологический деятельности в библиотечно-информационной сфере	–

Проектная	–	Использование результатов прогнозирования и моделирования, участие в комплексных инновационных проектах, предпроектное исследование и проектирование библиотечно-информационных услуг	Определение перспективных тенденций, проектирование и оптимизация библиотечно-информационных процессов, проектирование инновационных программ развития библиотечно-информационных центров	Проектирование и осуществление комплексных междисциплинарных исследований; разработка новых методов социокультурных исследования и их применение в сфере культуры и образования
Научно-исследовательская	–	Изучение и анализ библиотечно-информационной деятельности, научно-методическая работа, проведение социологических, психолого-педагогических и маркетинговых исследований	Исследование направлений библиотечно-информационной деятельности, экспертная оценка и прогнозирование информационных объектов, мониторинг информационного рынка	Критический анализ и оценка современных научных достижений, генерирование новых идей при решении исследовательских и практических задач в отрасли культуры

Пирамидальная структура библиотечного образования, состоящая из четырех последовательных ступеней, соответствующих этапам познавательного процесса, представляется дидактически оправданной и практически работоспособной. Однако её развитию препятствует административная политика стандартизации и хаотическое состояние учебных дисциплин, практикуемых разными российскими вузами по собственному усмотрению. Нам нужно не очередное поколение Федеральных государственных образовательных стандартов, а *стратегическая блок-схема*, представляющая собой

«дорожную карту», разработанную на весь период библиотечно-информационной профессионализации, составляющий от 12 до 16 лет. Идеологической основой системы библиотечного образования должен служить, на мой взгляд, гуманистический формат, рассмотренный в предыдущем параграфе. В этой «дорожной карте» должны найти разрешение следующие практические проблемы оптимизации структуры библиотечно-информационной школы:

а) *Организационные рассогласования* на уровне среднего библиотечного образования обусловлены существованием двух потоков учащихся с различной общеобразовательной базой: окончившие 11 классов (имеющие полное среднее общее образование) и окончившие 9 классов (имеющие основное общее образование). Каждый поток нуждается в специфическом психолого-педагогическом подходе. Кроме того, ФГОС предусматривает, помимо базовой квалификации «Библиотекарь», еще углубленную квалификацию «Библиотекарь, специалист по информационным ресурсам», которая предусматривает особый учебный план с довольно продолжительным сроком обучения (почти три года для выпускников 11 класса и четыре года для выпускников 9 класса). В результате абитуриенты библиотечного бакалавриата делятся уже не на два, а на три потока: выпускники общеобразовательной школы с аттестатом зрелости; выпускники библиотечной школы с дипломом «Библиотекарь»; выпускники библиотечной школы с углубленной подготовкой. Педагогическая проблема заключается в том, чтобы организовать учебный процесс во втором классе библиотечной школы таким образом, чтобы исключить дублирование материала, уже известного студентам. Та же организационная проблема возникает в третьем классе, когда в магистратуре встречаются библиотечные бакалавры и бакалавры других отраслей знания, желающие сменить профессию. Уместно вспомнить также, что диссертации по специальность 05.25.03 успешно защищают не только выпускники библиотечной школы.

б) *Профилирование обучения* в соответствии с потребностями библиотечно-информационной практики. Профилированное обучение целесообразно осуществлять на уровне бакалавриата по *технологическим профилям* а на уровне магистратуры по *менеджерским* профилям. Проблема заключается в определении технологических процессов и организационно-управленческих функций в реальных библиотеках разных типов, которые могут соответствовать профессиональным компетенциям выпускников библиотечно-информационной школы.

в) *Научные проблемы* возникают в контексте оптимизации библиотечного образования в связи с тем, что мы не можем считать завершенным формирование цикла библиотековедческих научных дисциплин и исчерпанной проблематику познания библиотеки. На мой взгляд, недооценка значимости библиотечной системы и низкий социальный статус библиотечной профессии в значительной степени объясняются отсутствием в структуре библиотековедческого знания таких дисциплин, как библиотечная аксиология, библиотечная информатика, библиотечная политология, библиотечная культурология, библиотечная антропология, библиофутурология. Здесь широкий простор для творческой библиотековедческой мысли.

В последующих параграфах мы остановимся на проблемах профилирования библиотечно-информационного образования и усиления научной подготовки магистрантов как элиты библиотечной интеллигенции.

1.3. Профилированное обучение бакалавров и магистров

1.3.1. Понятие о профилированном обучении. Согласно статье 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (2012), ***профилирование образования*** представляет собой, «ориентацию образовательной программы на конкретные области знания и (или) виды деятельности, определяющие её предметно-тематическое содержание». В современной педагогике под ***профилированным обучением*** понимается «специальная педагогическая система, ставящая целью интегрировать усилия дисциплин, принадлежащих основной образовательной программе, в решении задач формирования и развития у студентов профессиональных компетенций». Рекомендуется придерживаться следующих принципов: отбор учебного материала, исходя из задач формирования конкретных компетенций; элементы системы должны комплексно дополнять друг друга; не допускается искажения целостности отобранных дисциплин[38]. Профилирование учебных курсов рассматривается как педагогическая технология, реализующая компетентностный подход в образовании[39].

В библиотечной высшей школе проблемы профилирования специально никогда не обсуждались, хотя практически

[38] Околелов О.П. Конструктивная педагогика. Монография. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 137–138.

[39] Дячкин О.Д., Околелов О.П. Профилирование учебных курсов как педагогическая технология // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 152–154.

на библиотечных факультетах с 60-х гг. использовались профилированные учебные планы. Профилирование выражалось в специализациях по типам библиотек – массовые, технические, детские, и в специализациях по комплексам литературы. В 2003 году Государственный образовательный стандарт узаконил в специальности «Библиотечно-информационная деятельность» четыре альтернативные квалификации: библиотекарь-библиограф, преподаватель; технолог автоматизированных информационных ресурсов; референт-аналитик информационных ресурсов; менеджер информационных ресурсов. Здесь профилирование было реализовано в довольно представительных (около 40% учебного времени) циклах специальных дисциплин, дисциплин специализации и факультативов, а также в различных вузовских компонентах[40]. В связи с переходом на Болонскую многоуровневую систему, основанную на компетентностном подходе к обучению, проблема профилирования подготовки бакалавров и магистров приобрела повышенную актуальность, поскольку ФГОС третьего поколения предоставляет вузам широкую свободу действий. Как воспользоваться этой свободой во благо библиотечной отрасли?

Для начала необходимо принять *критерий разделения компетенций* между двумя уровнями высшего образования (бакалавриатом и магистратурой). Здесь напрашивается следующее решение: организационно-управленческая и проектная библиотечно-информационная деятельность, требующая творческих новаций – сфера занятости магистров, а исполнительские, методически регламентированные производственно-технологические процессы – сфера преимущественного использования выпускников бакалавриата и питомцев средней специальной библиотечной школы. Это решение фиксирует разделение труда в практической деятельности, которое предопределяет содержание обучения магистров и бакалавров, а также потребности в его профилировании.

Профилирование трудовой деятельности бакалавра обусловлено тем обстоятельством, что библиотечная профессия не монолитна, а делится в зависимости от *типа трудовой деятельности* на два направления: 1) специалисты в области библиотечного обслуживания в режиме непосредственного общения с читателями; 2) специалисты в области формирования, хранения, комплектования

[40] Библиотечно-информационная деятельность. Специальность 052700: Государственный образовательный стандарт, примерные программы, учебные планы / под общ. ред. О.П. Мезенцевой. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. 992 с.

фондов и аналитико-синтетической переработки документных потоков. Первые относится к *социологическим профессиям типа «человек – человек»*, и их компетентность включает коммуникабельность, экстраверсию, толерантность, способность к педагогическому воздействию на различные аудитории. Бакалавров данного профиля можно назвать ***библиотекарь-читателевед.*** Вторые тяготеют к *филологическим (семиотическим) профессиям «человек – знаковая система»*, которые востребуют компетенции создания и понимания текстов, интроверсию, вдумчивость, смысловую память. Здесь требуется дополнительная дифференциация, и вырисовываются профили: ***библиотекарь-фондист***, ***библиограф-систематизатор, библиограф-книговед***. Включение библиотек в электронные сети потребовало от всех библиотечных работников овладения информационно-технологической компетентностью (компьютерная грамотность, формально-логический стиль мышления, готовность к постоянным инновациям), которая свойственна *информационным профессиям типа «человек – техника»*[41]. Это обстоятельство обусловило правомерность именовать основные виды библиотечной деятельности видами *библиотечно-информационной деятельности*, а библиотекарей и библиографов считать *информационными работниками*.

Обратим внимание на то, что профилированное обучение библиотечно-информационных бакалавров не требует учета типа библиотечного учреждения, кроме, пожалуй, библиографа-систематизатора, да и тут важен не тип библиотеки, а её отраслевая принадлежность. Отсюда – быстрая адаптация читателеведа или фондиста к условиям технической или городской, или универсальной научной библиотеки. Другое дело – магистры, ориентированные на организационно-управленческую или проектно-инновационную деятельность. Здесь типология библиотек имеет существенное значение, и её целесообразно *считать основанием* при определении профиля подготовки того или иного магистра. На проблеме профилирования библиотечно-информационных магистров по типам библиотек остановимся специально, потому что она совершенно не разработана в нашем библиотековедении.

1.3.2. Профилирование магистров по типам библиотек. Хотя библиотечно-информационная магистратура существует

[41] Типизация профессий предложена академиком Е.А. Климовым. См.: Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1995. 224 с.

в некоторых вузах культуры несколько лет, профилирование подготовки магистров не практикуется, точнее, признается лишь один профиль – *менеджмент библиотечно-информационной деятельности*. Следовательно, магистратура понимается как источник управленческих кадров, и её выпускник может претендовать на руководящую должность во всякой библиотеке, независимо от наличия или отсутствия у него опыта практической библиотечно-библиографической работы. Другое продолжение карьеры – научно-исследовательская или педагогическая деятельность (разумеется, при наличии вакансий). Подобное понимание роли магистратуры в библиотечном социальном институте не только ошибочно, а просто вредно, потому что для преодоления кризисных явлений в библиотечном деле требуется не интеллектуальная элита широкого профиля, а высокообразованные магистры (шесть лет очного обучения!), ориентированные на библиотеки определенного типа. Чтобы завоевать доверие государственной власти и российского общества к библиотечной профессии, необходимо воспитать молодое поколение библиотечной интеллигенции, способное повысить эффективность библиотечно-информационной деятельности, специфика которой заключается в том, что она – деятельность *практическая*. Эту специфику хорошо выразила М.Я. Дворкина в своем определении: «***библиотечно-информационная деятельность*** – разновидность информационной деятельности, представляющая собой совокупность трудовых процессов, технологических и творческих, обеспечивающих выполнение библиотекой основных функций по организации сбора, обработки, сохранности и доступности документов, других информационных объектов и миссии перед обществом»[42]. Беда в том, что затруднительно определить те типы библиотек, на которые следует ориентироваться в процессе профилированного обучения в библиотечно-информационной магистратуре.

Типология библиотек имеет репутацию «общетеоретической проблемы библиотековедения», не получившей общепринятого разрешения, несмотря на творческие усилия М.И. Акилиной, Е.Н. Гусевой, Н.С. Карташова, Ю.Н. Столярова, И.М. Фрумина, О.С. Чубарьяна и других теоретиков. Современное представление о типах и видах библиотек дает учебник «Библиотековедение. Общий курс», опубликованный в 2013 году под научной редакцией А.Н. Ванеева

[42] Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. М.: Изд-во ФАИР, 2009. С. 15.

и М.Н. Колесниковой[43]. В качестве основного, главного признака деления авторы учебника приняли социальное назначение, в соответствии с которым все библиотеки подразделяются на *общественные* и *личные*. Далее общественные библиотеки делятся на *универсальные* и *специальные.* Универсальные, в свою очередь, подразделяются на *универсальные научные* (УНБ) и *публичные (массовые)* библиотеки, среди которых в отдельные категории выделяются *детские и юношеские* библиотеки, а также специализированные *библиотеки для слепых*. Специальные библиотеки предназначаются для удовлетворения специальных коммуникационных потребностей отдельной отрасли или нескольких отраслей общественного производства, социального института или особой социальной группы. Здесь представлены: научные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, военные, педагогические, музыкальные, театральные библиотечные системы; образующие своеобразные категории вузовские и школьные библиотеки, а также библиотеки средних специальных учебных заведений; библиотеки различных религиозных конфессий, политических партий, законодательных органов, например, Библиотека Государственной Думы РФ и пр.

Однозначная типизация библиотек затрудняется тем обстоятельством, что на признаки социального назначения накладываются признаки читательской аудитории, состава фондов, ведомственной принадлежности, иногда имеющие определяющее типологическое значение. Оставим в стороне личные библиотеки, которые редко становятся предметом профессиональной библиотечно-информационной деятельности, и обратимся к библиотекам общественного пользования. С точки зрения общественного назначения различаются библиотеки следующих типов:

А. *Национальные и региональные универсальные научные библиотеки*. Национальная библиотека является хранилищем максимально полного репертуара отечественных изданий, научно-методологическим центром книжной культуры и организационным центром библиотечной системы, чем определяется её статус культурного символа и документированной памяти нации. Аналогично региональные библиотеки, осуществляя краеведческие функции, выражают идентичность своего региона и служат центром региональной библиотечной системы. Культуроцентристская сущность библиотек типа А позволяет квалифицировать их в качестве

[43] Библиотековедение. Общий курс: учебник для бакалавров / науч. ред. А.Н. Ванеев, М.Н. Колесникова. СПб.: Профессия, 2013. С. 119–128.

культурологических центров, а ведущих сотрудников в качестве ***библиотекарей-культурологов***. Эталоном библиотекаря-культуролога могут служить В.В. Стасов (1824−1906) и Н.Ф. Федоров (1829−1903).

Б. *Школьные и детские библиотеки* предназначены для обеспечения первичной социализации подрастающего поколения, которая заключается в овладении родным языком, основами научных знаний и этнической культуры, правилами поведения в обществе, содействии гармоничному развитию личности. Именно в школьные годы происходит формирование самосознания человека. Сотрудники школьных и детских библиотек выполняя педагогическую функцию руководителя чтением учащихся, соответствуют профессиональному профилю ***педагог-библиотекарь***.

В. *Публичные общедоступные библиотеки* ориентированы на библиотечно-информационное обслуживание, организацию культурного досуга и культурное просвещение населения, функционируя на уровне массовой культуры. Их можно отнести к категории массмедиа, где они сочетаются с прессой, радиовещанием, телевидением, которые служат главными каналами массовых коммуникаций. Специфическая особенность публичных библиотек заключается в постоянных межличностных контактах пользователей и библиотечных работников, что является проявлением библиотечной профессии как профессии типа «человек − человек». Профессионалов профиля В правомерно считать социальными работниками и назвать ***социолог-библиотекарь.***

Г. *Отраслевые (специальные) библиотеки* создаются для библиотечно-информационного обслуживания профессиональных социальных групп, сотрудников научных, технических, образовательных, производственных учреждений, бизнес-центров и других участников общественного производства. Круг отраслевых библиотек, включающий научные, вузовские, медицинские, сельскохозяйственные, деловые и прочие специальные библиотеки, весьма широк и разнообразен. Общей характеристикой учреждений этого типа является использование информационно-аналитических методик, разработанных в учении о научно-технической информации (научной информатике). *Информационная аналитика,* нацеленная на получение нового знания путём аналитико-синтетической переработки документных потоков – сложная и перспективная область современной библиографии, поэтому специалистов этого типа назовем ***информатик-библиограф.***

Поскольку подготовка всех магистров, в отличие от бакалавров, ориентирована на выполнение организационно-управленческой и проектно-инновационной деятельности, профили «менеджмент» и «проектирование» теряют смысл и исключаются. Таким образом, профилированное обучение предлагается осуществлять на уровне бакалавриата по *технологическим профилям* библиотекарь-читателевед, библиотекарь-фондист, библиограф-систематизатор, библиограф-книговед, а на уровне магистратуры по *менеджерским* профилям библиотекарь-культуролог, педагог-библиотекарь, социолог-библиотекарь, информатик-библиограф. Разумеется, перечисленные фигуры бакалавров и магистров являются фигурами гипотетическими, поскольку их нет среди выпускников библиотечно-информационной школы. Но если бы, допустим, завтра инициативные вузы, пользуясь правами, предоставленными им федеральными образовательными стандартами третьего поколения, решились начать профилированное обучение, то на какие научные издания и учебные пособия они смогли бы опереться?

1.3.3. Научные и учебные пособия для профилированного обучения. Вопрос о профилировании подготовки бакалавров и магистров возник впервые, поэтому не удивительно, что никакими специально подготовленными учебно-методическими материалами мы не располагаем. Однако у нас есть довольно обширный опыт специалитета, который представлен в серии учебников для бакалавров, изданных в 2013–2017 гг. издательством «Профессия», а также учебных пособиях, монографиях, научных статьях по библиотековедению, библиографоведению, документоведению, книговедению, опубликованных в последние годы. Этот задел вполне достаточен для того, чтобы обеспечить профилированное обучение бакалавров. Поэтому нет необходимости специально анализировать проблему пособий по профилированию бакалавров. Другое дело – магистры. Здесь никакого фактического опыта в библиотечно-информационной высшей школе не существует. Однако можно найти немало научных и учебных публикаций, пригодных для реализации предложенных нами гипотетических менеджерских профилей. Некоторые из них будут указаны в списках литературы, приведенных ниже.

Содержательную структуру образовательной программы магистра принято делить на две части: **базовые дисциплины,** обязательные для магистров любого профиля, и **профилирующие (вариативные) дисциплины**, обеспечивающие профилирование

учащихся. Главное требование к базовым дисциплинам – развитие компетенций, необходимых для выполнения организационно-управленческой и проективной деятельности в библиотечно-информационной сфере. Базовая компетентность складывается из общекультурных компетенций и профессиональных компетенций. *Общекультурные компетенции* характеризуют *понимание* целей, ценностей и причинно-следственных связей библиотечно-информационной деятельности в условиях современной российской действительности. *Профессиональные компетенции* характеризуют, во-первых, *готовность* к проектированию инновационных технологических и организационно-управленческих решений; во-вторых, *способность* реализовать инновационные проекты в библиотечно-информационной практике.

Краткая характеристика базовых дисциплин образовательной программы библиотечно-информационного магистра приведена в статье, подготовленной совместно с Ю.Н. Столяровым[44]. Не будем повторять опубликованные аргументы, воспроизведем только перечень базовых дисциплин. В качестве общекультурных дисциплин были предложены: История русской интеллигенции, Информационное общество и общество знания, История и футурология книжной культуры. Общепрофессиональными названы дисциплины: Социология и психология чтения, Документология, Семантическая информатика (бывшая научная информатика), Теория и методология социокультурного проектирования, Библиотечная политология. Нет сомнений, что перечисленные базовые дисциплины легко могут быть разработаны нашими учеными-педагогами и воплощены в виде учебных пособий в печатном или электронном формате. Мы опасаемся, что затруднения возникнут с определением состава профилирующих дисциплин, которые каждый вуз уполномочен выбирать самостоятельно по собственному усмотрению. Может оказаться, что непроизвольно возникнет столько профилированных магистерских программ, сколько библиотечно-информационных магистратур. Здесь целесообразно ориентироваться на **четыре набора профилирующих (вариативных) дисциплин**.

А. *Культурологический профиль* включает рассмотрение следующих философских и социологических проблем: культурное наследие, институты социальной памяти, современные цивилизации, национальная идентичность, библиотеки в информационном

[44] Соколов А.В., Столяров Ю.Н. Концепция реализации библиотечно-информационной магистратуры в России // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 11. С. 5–28.

обществе, цифровая культура, наука и религия в контексте культуры и др. Профилирование обеспечивают вариативные дисциплины:

- Мировые цивилизации,
- Философия и социология культуры,
- Институты социальной памяти.

Литература:

1. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
2. Жириновский В.В., Добреньков В.И., Васецкий Н.А. Социология мировых цивилизаций: учебное пособие. – М.: Академический проект, 2014. – 608 с.
3. Запесоцкий А.С. Философия и социология культуры. – СПб.: Наука, 2011. – 816 с.
4. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. – М.: Прогресс–Традиция, 2011. – 1024 с.
5. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. – М. Канон, РООИ «Реабилитация», 2008. – 400 с.
6. Соколов А.В. Российские библиотеки в информационном обществе: профессионально- мировоззренческое пособие. – М.: Литера, 2012. – 400 с.
7. Философия музея: учебное пособие / под ред. М.Б. Пиотровского. – М.: Инфра-М, 2013. – 192 с.
8. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наук, 1999. – 448 с.

Б. *Педагогический профиль* включает рассмотрение проблем: детская литература и детская психология чтения, воспитание культуры чтения и информационной культуры, педагогическая деятельность детского и школьного библиотекаря, педагогическая и социальная антропология, преемственность поколений и др. Профилирование обеспечивается следующими вариативными дисциплинами:

- Библиотечная педагогика,
- Информационная культура личности,
- Педагогическая деятельность школьного и детского библиотекаря,
- Педагогическая антропология,
- Поколения современной России.

Литература:

1. Амонашвили Ш.А. Гуманная педагогика. Актуальные вопросы воспитания и развития личности. Кн. 1. – М.: Амрита, 2010. – 285 с.
2. Гендина Н.И., Колкова Н.И., Скипор И.Л., Стародубова Г.А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: учебно-методическое пособие / 2-е изд. – М.: Школьная б-ка, 2003. – 296 с.
3. Жукова Т.Д., Чудинова В.П. Реализация целей образования через школьные библиотеки. – М.: РШБА, 2007. – 224 с.
4. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М. Новое литературное обозрение, 2005. – 328 с.
5. Тихомирова И.И. Библиотечная педагогика или Воспитание книгой: учебно-методическое пособие. – СПб.: Профессия, 2011. – 384 с.
6. Тихомирова И.И. Педагогическая деятельность школьного библиотекаря: учебно-методическое пособие. – М.: РШБА, 2014. – 464 с.
7. Чистяков В.В., Безух К.Е. Основы педагогической и социальной антропологии: учебное пособие для вузов. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 443.

В. *Социологический профиль* включает рассмотрение проблем: социокультурное пространство обыденной жизни, модели образа жизни, массовая культура и массовая информация, социальная педагогика, межнациональные отношения, манипуляция сознанием и др. Профилирование обеспечивают следующие вариативные дисциплины:

- Массовая культура,
- Социальная педагогика,
- Социология культуры,
- Манипуляция сознанием.

Литература:

1. Больц Н. Азбука медиа. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 136 с.
2. Евдокимов В.А. Массмедиа в социокультурном пространстве: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 224 с.

3. Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – М.: Академический проект, 2009. – 380 с.
5. Карпухин О.И, Макаревич Э.Ю. Формирование масс: Опыт историко-социологического исследования. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 547 с.
6. Липский И.А. Социальная педагогика. Методологический анализ: учебное пособие. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 320 с.
7. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебное пособие для педвузов / 3-е изд. – М.: Академия, 2000. – 200 с.
8. Орлова Э.А. Социология культуры: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2012.– 575 с.
9. Синкевич З.В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. – 203 с.

Г. *Информационно-аналитический профиль* включает рассмотрение следующих проблем: анализ информации, интеграция библиографии и информационной деятельности, информатизация постиндустриального общества, перспективы Интернет, сущность информации, типология информации, информационные ресурсы и электронные документы, управление знаниями и конвергентные технологии, проект Национальной электронной библиотеки и др. Профилирование обеспечивают следующие вариативные дисциплины:

- Интеграция библиографии и информационной деятельности,
- Логико-лингвистический анализ текстов,
- Перспективы Интернет и конвергентные технологии,
- Управление знаниями,
- Философия информации.

Литература:

1. Гендина Н.И. Лингвистические средства библиотечно-информационных технологий: учебник. – СПб.: Профессия, 2015. – 440 с.
2. Гордукалова Г.Ф. Анализ информации: методы, технологии, организация: учебно-практическое пособие. – СПб.: Профессия, 2009. – 512 с.

3. Информатика как наука об информации: Информационный, документальный, технологический, экономический, социальный и организационный аспекты / под ред. Р.С. Гиляревского. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 592 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Высшая школа экономики, 2000. – 608 с.
5. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс. Очерки о прошлом и будущем библиографической науки. – Челябинск : ЧГАКИ, 2014. – 490 с.
6. Соколов А.В. Философия информации: профессионально-мировоззренческое пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.
7. Управление знаниями: Хрестоматия / Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента». 2010. – 514 с.
8. Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках: Справочник / науч. ред. Р.С. Гиляревский и Г.Ф. Гордукалова. – СПб.: Профессия, 2007. – 664 с.

Представленные списки литературы носят иллюстративный характер. Их задача показать, что профилирующие курсы легко обеспечить литературными источниками, не говоря о публикациях в Интернете. Дискуссионными являются перечни профилирующих дисциплин. Ведь ни одна из дисциплин никогда не преподавалась на библиотечных факультетах. Новизна проблематики, предложенной для изучения будущим магистрам, не должна смущать, поскольку профилированная подготовка библиотечно-информационных магистров планируется впервые. Мы ставим задачу вырастить новое поколение библиотечной интеллигенции, способное обеспечить достойное существование библиотечной профессии в технократическом информационном обществе. Для этого нужно разговаривать на одном языке с господствующей элитой. Поэтому освоение нетрадиционных учебных дисциплин должно стать нормой, а не исключением в процессе профилирования магистров по типам библиотек.

1.4. Дилогия «Введение в магистратуру» и «Магистерский интеграл»

Для проявления творческой инициативы Федеральные образовательные стандарты дают вузам широкие полномочия самостоятельно определять профильную направленность магистратуры

и формировать основной состав дисциплин общенаучного и профессионального циклов. Так, в ФГОС третьего поколения есть указание, что «профильная направленность основной образовательной программы (ООП) магистратуры определяется высшим учебным заведением», которое располагает 75% учебного времени. Не удивительно, что знакомство с рабочими учебными планами магистратуры в различных вузах показало огромное разнообразие преподаваемых студентам курсов. Так, в качестве профессиональных читаются дисциплины: Библиотечная имиджиология, Межличностное общение, Технология Web-текстов, Логистика и аудит информационных ресурсов, Самоменеджмент руководителя библиотеки, Менеджмент качества библиотечно-информационной деятельности, Библиотека XXI века и др. Курсы по выбору демонстрируют, насколько обширен и красочен мир библиотечно-информационного знания: Основы библиотерапии, Концепции развития библиотечного образования в России, Статус библиотековедения в системе наук, Историография библиотечно-информационных наук, Фандрайзинг в практике библиотек, Управление инновациями в библиотеке, Формирование и развитие фирменного стиля библиотеки, Эргономика библиотечно-информационной деятельности, Валеология библиотечно-информационной деятельности, Актуальный библиотечный дизайн, Организация библиотечного пространства и т.д. и т.п.

Поскольку либеральные принципы Болонской идеологии не ограничивают свободу педагогического самовыражения вузов, каждый преподавательский коллектив исповедует собственное понимание ООП магистратуры и содержания стандартных компетенций магистров. В этих условиях исключается издание учебников и учебно-методических пособий, приемлемых для всех или даже большинства вузов. Хуже того: единство библиотечной профессии становится проблематичным, ибо магистры, подготовленные разными вузами, будут иметь различное профессиональное мировоззрение, разные ценностные ориентации и плохо понимать друг друга в процессе общения. Получается абсурд: образуется столько библиотечных школ, сколько числится магистратур.

Я полагаю, что избежать угрозу хаоса можно только путем введения минимум двух контрольных точек: контроль «на входе» и контроль «на выходе». Под «контрольными точками» понимаются не альтернативные курсы, а курсы, рекомендуемые ФГОС в качестве обязательных для включения в основную образовательную программу (ООП) библиотечно-информационного магистра.

Содержание этих курсов целесообразно представить в виде *дилогии учебных пособий*, которые назовем «Введение в магистратуру» и «Магистерский интеграл». Задача дилогии: обеспечить преемственность между уровнями образования «бакалавриат» и «магистратура». Как планируется решить эту задачу?

1.4.1. «Введение в библиотечно-информационную магистратуру.» Нельзя игнорировать тот факт, что, в зависимости от первоначальной профессиональной подготовки, учащиеся библиотечно-информационной магистратуры делятся на две группы: во-первых, выпускники библиотечно-информационной школы, имеющие степень бакалавра по направлению «библиотечно-информационная деятельность»; во-вторых, бакалавры других научно-технических направлений. Различная исходная подготовка создает серьезные затруднения в обучении магистрантских групп , ибо требуется дифференцированный подход к «библиотекарям» и «небиблиотекарям». Дело в том, что библиотечно-информационная магистратура должна быть преемственно связана с библиотечно-информационным бакалавриатом, поскольку они, согласно Болонской концепции, представляют собой два последовательных уровня высшего библиотечно-информационного образования. В то же время нельзя отказаться от приема в «библиотечную» магистратуру специалистов-«небиблиотекарей», потому что они часто становятся весьма полезными библиотечными работниками. Как правило, педагоги и инженеры, филологи и историки целенаправленно стремятся в библиотечно-информационную магистратуру для того, чтобы получить знания, необходимые для библиотечно-информационной деятельности. Но они не в состоянии освоить образовательную программу магистратуры, не владея азами библиотечной профессии, которые дает библиотечно-информационный бакалавриат. Как разрешить эту дилемму?

Есть два пути. Первый путь прост и прям: ориентироваться на дипломированных выпускников библиотечно-информационной школы, а «небиблиотекарям» предложить ликвидировать пробелы в профессиональной подготовке методом самообразования. Недостаток этого пути в том, что дипломы магистров, т.е. «мастеров» получат неполноценные выпускники, ибо далеко не каждый «небиблиотекарь» сможет освоить экстерном квалификацию бакалавра. В итоге качество второго уровня высшего библиотечно-информационного образования будет скомпрометировано.

Другой путь более замысловат: его суть в том, чтобы в течение первого семестра добиться однородности профессионального сознания всей группы магистрантов, т.е. сгладить противоречие «библиотекарь – небиблиотекарь». Для этого нужно львиную долю аудиторного и внеаудиторного времени в начале учебного года посвятить углубленному изучению только одной профессиональной дисциплины, а именно: «Введение в библиотечно-информационную магистратуру». Содержанием вводной дисциплины должно стать сжатое, обобщенное *изложение теоретико-методологических оснований библиотечно-информационного бакалавриата*. Дидактическое назначение «Введения» двоякое: во-первых, оно подытоживает на уровне научной интеграции комплекс профессиональных дисциплин бакалавриата, что, несомненно, будет способствовать полезному углублению профессионализации библиотечных магистрантов; во-вторых, оно приобщает магистрантов «небиблиотекарей» к основным понятиям, проблемам, теориям, методологическим подходам, которые свойственны классическим библиотечно-информационным научным дисциплинам. Второй путь является предпочтительным, поэтому приведем дополнительные аргументы в его пользу.

Решающее значение для реализации двойного назначения «Введения в библиотечно-информационную магистратуру» имеет содержание, так сказать, «контент» учебного пособия по данному курсу, которого сегодня нет. Естественно, возникает вопрос о прецедентах, об аналогах магистерского введения. Нам удалось обнаружить два издания, решавшие аналогичные задачи: 1) Высшие библиотечные курсы: учебно-методический комплекс / Российская государственная библиотека. М.: Пашков дом, 2011. 360 с.; 2) Столяров Ю.Н. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: полный курс лекций для аспирантов и соискателей. Орёл: ОГИИК, 2007. 266 с. Первый источник решал задачу адаптации «небиблиотекарей» к профессиональному библиотечному знанию путем преподавания суммы профессиональных дисциплин, входящих в учебный план бакалавриата (социальные коммуникации, документология, библиотековедение, аналитико-синтетическая обработка документа, информационные технологии, общее библиографоведение). Кроме того, предусмотрен обширный перечень факультативных дисциплин (курсов по выбору) конкретизирующий представление слушателей о современной библиотечно-информационной деятельности (книжные памятники, эволюция

и перспективы развития документа, управленческое документоведение, практический фандрейзинг, инновации в библиотеке и др.). Главное преимущество Высших библиотечных курсов (ВБК), функционирующих в РГБ, заключается в возможности непосредственного контакта слушателей с ведущими специалистами библиотечного дела, которые читают лекции, ведут семинары, коллоквиумы, дискуссии. В итоге «небиблиотекари» после одногодичного повышения квалификации без отрыва от производства пополняют ряды библиотечных бакалавров. Разумеется, ВБК не ставят задачу подготовить библиотечно-информационных магистров и их метод суммирования дисциплин бакалавриата нам не подходит, но рекомендовать их издания учащимся магистратуры целесообразно.

Значительно ближе к проблематике магистратуры курс лекций Ю.Н. Столярова, который, по словам автора, представляет собой «пособие – единственное в своем жанре», преследующее цель научной интеграции библиотековедения, библиографоведения, книговедения. Вооружившись методологией научного познания, Юрий Николаевич определяет статус библиотековедения, библиографоведения, книговедения как научных дисциплин, определяет соотношение между ними, их место в системе наук. Особенно интересны его исследования сущности базовых научных концептов «книга», «документ», «читатель», которые далеко превышают типичный уровень познания, доступный бакалавру, и соответствуют проблематике библиотечно-информационной магистратуры.

Однако лекции Ю.Н. Столярова не могут заменить специальное «Введение в магистратуру», которое должно представлять собой *компендиум* (свернутое, обобщенное изложение) теоретико-методологических основ библиотечно-информационного бакалавриата, нацеленное на формирование магистерских компетенций. Благодаря обобщению в компендиуме научных знаний, почерпнутых из библиотековедения, библиографоведения, документоведения, информатики, учащиеся приобщаются к методологии системного познания, присущей магистерскому уровню. Исходя из профессиологических и дидактических соображений, вырисовывается следующая гипотетическая структура «Введения в библиотечно-информационную магистратуру»:

Глава 1. Форматы российского библиотечного самосознания и библиотечно-педагогические форматы (1913–2018).

Глава 2. Библиотечная педагогика и работа с читателями.

Глава 3. История библиографии как начало науки о книге.

Глава 4. От книгоцентризма к документоцентризму.

Глава 5. Информационный подход в библиографоведении и библиотековедении.

Глава 6. Системный подход в библиотечно-библиографических науках. Библиотечный социально-культурный институт.

Глава 7. Социология и психология чтения.

Глава 8. Маркетинг и Интернет в библиотечной науке и практике.

Глава 9. Интеграция социально-коммуникационных наук.

Естественно, что при наполнении структуры соответствующим контентом, потребуются те или иные коррективы. Тем не менее, можно надеться, что профессионально-мировоззренческое содержание перечисленных глав должно представлять интерес для выпускников библиотечного бакалавриата, поскольку оно обобщает и раскрывает в новых аспектах известные им знания и содержит новую для них информацию. Для магистрантов «небиблиотекарей» вводный курс послужит первой ступенью для освоения сущностей, о которых речь пойдет в последующих базовых профессиональных и общекультурных курсах магистратуры.

Среди обязательных курсов магистратуры важнейшее профессионально-мировоззренческое значение имеет также курс *История и футурология книжной культуры.* Подобно тому, как знание отечественной истории делает человека гражданином, знание истории книжной культуры необходимо для превращения магистранта в интеллигента-книжника. Профессионально ущербным и невежественным является магистрант, не изучивший «Всемирную историю книги» Л.И. Владимирова, «Всемирную историю библиотек» Б.Ф. Володина, «Историю иностранной библиографии» К.Р. Симона, «Эволюцию информационной деятельности» Б.А. Семеновкера, не знакомый с деятельностью М. Дьюи, П. Отле, Ш.Р. Ранганатана, не читавший труды отечественных классиков Л.Б. Хавкиной, Н.А. Рубакина, Н.К. Крупской, Б.С. Боднарского, М.Н. Куфаева, Н.В. Здобнова, Е.И. Шамурина, Р.С. Гиляревского, О.П. Коршунова, Ю.Н. Столярова и др. Историческая ретроспектива должна быть увязана с футурологическим представлением о возможных перспективах развития библиотечно-информационной деятельности, поэтому прогностическая компоненты также должны войти в систему подготовки магистра и здесь центральная роль принадлежит «Магистерскому интегралу».

1.4.2. «Магистерский интеграл». В математике «интеграл» мыслится не как сумма, а как целостность бесконечно малых

величин. В процессе познания интегрирование понимается как объединение элементов знания (фактов, концепций, методов) в единое целое (теорию, науку). Мы используем метафору «интеграл» для обозначения завершающего курса магистратуры, которому свойственна следующая специфика. Во-первых, «Магистерский интеграл» является *итогом,* синтезирующим основные элементы библиотечно-информационного знания. Отсюда – *научно-интеграционное содержание* пособия, соответствующее уровню магистерской (элитарной) подготовки. Во-вторых, научно-интеграционное содержание предполагает *обобщающую (метатеоретическую) форму изложения*, когда упор делается не на описание фактов, а на закономерные взаимосвязи в междисциплинарном комплексе «Библиотековедение – Библиографоведение – Книговедение – Информатика». В-третьих, мы живем в период кардинальных преобразований, связанных с болезненной трансформацией индустриальной цивилизации XX столетия в глобальную информационную цивилизацию XXI века, и именно пособие, интегрирующее содержание различных дисциплин, может служить базой для *футуризации обучения* и *опережающего образования.* Опыт междисциплинарного синтезирования библиотечно-информационного знания на уровне метатеоретического обобщения может стать предпосылкой для творческого развития библиотековедения, библиографоведения, книговедения, информатики как самостоятельных дисциплин социально-коммуникационного цикла наук..

Гипотетическая структура завершающего метатеоретического курса библиотечно-информационного образования выглядит, на мой взгляд, следующим образом:

Глава 1. Библиотечно-информационный социальный институт в информационном обществе

1.1. Утопии и антиутопии будущего библиотек в XXI веке.

1.2. Концепции информационного общества.

1.3. Противоречия информационного общества.

1.4. Функции и миссии библиотечно-информационных центров.

Глава 2. Тенденции развития библиотечно-библиографического знания в XXI веке

2.1. Интеграция и дифференциация библиотечного и библиографического знания.

2.2. Базовые концепты библиотечно-информационного знания: Книга, Документ, Информация.

2.3. Цикл информационно-коммуникационных наук.

2.4. Метатеории библиотековедения и библиографоведения.
Глава 3. Антиномии библиотечно-информационной деятельности
3.1. Техногенная цивилизация – Гуманитарная культура.
3.2. Глобализация человечества – Национальная идентичность.
3.3. Интернетоцентризм – Литературоцентризм.
3.4. Маркетинг – Педагогика.
Глава 4. Научно-технический прогресс и библиотечно-информационная сфера
4.1. Искусственный интеллект и коллективный интеллект – предпосылки построения ноосферного общества.
4.2. Конвергентные технологии (нано-био-инфо-когнитивные технологии) и их воздействие на социальные коммуникации.
4.3. Формирование homo informaticus – нового антропологического типа (постчеловек).
4.4. Социальная память – гарант сохранения человеческого общества.

Задача создания учебного пособия типа «Магистерского интеграла» ставится впервые. Дилогия «Введение в библиотечно-информационную магистратуру» и «Магистерский интеграл» – это самодеятельный авторский проект, стимулом для выдвижения которого послужили три соображения:

Первое. Перед нынешними библиотечно-информационными факультетами стоит жизненно важная задача: использовать предоставленные государством возможности для формирования ***духовной элиты библиотечной профессии*** в виде магистров (мастеров) библиотечного дела. Почему нельзя ограничиться уровнем бакалавров или специалистов? Потому что их компетенций недостаточно для того, чтобы повысить социальный престиж, преодолеть недоверие государственной власти и российского общества к библиотечной профессии. Для этого необходимо воспитать молодое поколение библиотечной интеллигенции, способное занять достойное место в социальной структуре общества знаний XXI века.

Второе. Если оглянуться на столетнюю эволюцию библиотечного образования, которая началась в 1913 году с библиотечных курсов Л.Б. Хавкиной, можно заметить тенденцию повышения его научного ценза. На смену бесхитростным библиотечным курсам 20-х годов в 30-е годы пришли библиотечные техникумы, дававшие технологические умения и навыки, и было институировано высшее библиотечное образование, сначала трехлетнее (в 30-е гг.), затем четырехлетнее, наконец, пятилетнее. Библиотечная профессия

обзавелась собственными специальными дисциплинами, которые образовали ядро профессионального образования библиотечных специалистов средней и высшей квалификации. Специальную подготовку дополняли общенаучные и гуманитарные дисциплины, которые обеспечивали гармоническое развитие личности библиотекаря-библиографа. В 80-е − 90-е годы происходившие в стране социально-культурные и экономические реформы вынудили библиотечную школу вступить на путь преобразований, которые завершились подписанием Болонской конвенции. В результате возникла четырехступенчатая образовательная система. Профилирование магистров является высшим, завершающим уровнем в иерархической системе библиотечно-информационного образования. Реализация этого уровня является сложнейшей, беспрецедентной научно-педагогической задачей современной библиотечной школы.

Третье. Решающее значение имеет ***организационный вопрос***: кто станет инициатором формирования конструктивной образовательной программы российской магистратуры и воплощения её в учебники и учебные пособия? Здесь нет альтернатив. Организационным центром должен стать ***Учебно-методический совет*** **(УМС)** по направлению «Библиотечно-информационная деятельность». Лидеры библиотечно-информационного образования, входящие в состав УМС, способны разработать номенклатуру базовых общенаучных и общепрофессиональных дисциплин для бакалавриата и магистратуры, а также сформировать авторские коллективы для подготовки учебников и учебных пособий. Опыт создания в 2013–2017 гг. совместно с издательством «Профессия» 12 учебников для бакалавров – тому свидетельство. Но есть одно условие: *общественно-государственное сотрудничество* с целью формирования поколения библиотечной элиты, соответствующей потребностям общества знания XXI века. Началом этого сотрудничества должна стать *национальная программа подготовки учебников для магистратуры*, без которых ни о каком элитарном высшем образовании говорить не приходится. Только совместными и (добавлю) самоотверженными усилиями федеральной власти и профессорско-преподавательского состава вузов можно преодолеть современный кризис библиотечно-информационной школы и выработать новый формат библиотечного образования XXI века, который я бы назвал ***ноосферным***.

ГЛАВА 2. КОНСПЕКТЫ НЕПРОЧИТАННЫХ ЛЕКЦИЙ

Идея магистерского интеграла, изложенная в разделе 1.4.2, возникла не на пустом месте. Ей предшествовали концепция социальной информатики как метатеории информационно-коммуникационных наук и метатеоретическая концепция социальной коммуникации. На кафедре научной информации, организованной в 1967 г. в Ленинградском институте культуры, мы исходили из убеждения, что наша кафедра существует в библиотечной школе ради процветания библиотечного дела. Для этого нам следует исповедовать не научную информатику, развиваемую учеными ВИНИТИ, а *социальную информатику,* ориентированную на потребности библиотечного социального института. Цель формирования социальной информатики мы видели в повышении теоретического уровня библиотековедения и библиографоведения за счет интеграции с информатикой и выхода на уровень метатеоретических обобщений. Тщательно обдумав содержание и научный статус социальной информатики, мы пришли к выводу, что она должна представлять собой *метатеорию (теорию теорий)*, обобщающую аналогичную проблематику научной информатики, библиотековедения, библиографоведения. В томе 1 «Ретроспективы – 80» подробно описаны разработанные кафедрой метатеоретические подходы к рассмотрению следующих фундаментальных проблем: типизация и классификация библиотечно-библиографических информационно-поисковых языков; социальные функции и миссии библиотечно-библиографической деятельности; метатеоретический анализ системы социально-коммуникационных наук и сопоставление объектов и предметов библиотековедения, библиографоведения, научной информатики, социальной информатики.

В 90-е годы во избежание технократической односторонности библиотечной информатизации (раздел 1.1.5) было решено курс социальной информатики преобразовать в курс социальных коммуникаций. «Социальные коммуникации» вошли в состав базовых дисциплин библиотечно-информационной школы. В этом курсе *социальная коммуникация* понимается как движение воплощенных в знаковой форме смыслов (знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий) в социальном пространстве и социальном времени. Всякая библиотека, библиографическая служба, информационный центр

признаются структурно-функциональными элементами смысловой социальной коммуникации. Поэтому учение о *социальной коммуникации* (коммуникология, коммуникативистика) является обобщающей *метатеорией* по отношению к дисциплинам документо-книговедческого цикла, включая библиотековедение, библиографоведение, архивоведение, музееведение, палеографию, инкунабуловедение и т.д.

Отношение «метатеория – обобщаемая (конкретная) теория» есть отношение взаимной зависимости. Метатеория использует содержание конкретных теорий для построения обобщающих концепций (типологий, периодизаций, закономерностей, принципов, тенденций и т.п.), а конкретные теории применяют эти концепции для углубления и обогащения своего содержания. Метатеоретические обобщения в рамках социальной информатики и коммуникологии всегда были в центре моих научных поисков, но вместе с тем углубление в конкретную проблематику библиотечно-библиографических и документо-книговедческих дисциплин диктовалось логикой исследования. Моим амплуа в библиотечно-информационной школе является преподавание курсов «Социальная информатика» и «Социальные коммуникации», содержание которых частично опубликовано[45]. Я никогда не претендовал на чтение лекций по библиотековедению, библиографии или документологии, но у меня непроизвольно накапливались, возможно, небезынтересные «конспекты непрочитанных лекций» по этим предметам. Поэтому в «Ретроспективе-85» я решил представить эти «конспекты» в трех частях: 1. Метатеоретический конспект, посвященный библиосфере, документосфере и системному кризису; 2. Библиотековедческий конспект; 3. Библиографоведческий конспект.

2.1. Библиосфера и документосфера: метатеоретический конспект

Понятия «библиосфера» и «документосфера» отсутствуют в фундаментальной «Библиотечной энциклопедии» и других словарях библиотечной терминологии, в справочниках библиотекаря и справочниках библиографа. Следовательно, в них не нуждаются

[45] Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа: учеб. пособие для библиотечных факультетов / под ред. А.В. Соколова. Л.: ЛГИК, 1976. 319 с.; Соколов А.В. Социальные коммуникации: учебник для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». СПб. : Профессия, 2014. 288 с.

ни библиотековеды-теоретики, ни библиотекари-практики. Не обнаружились эти понятия в энциклопедическом словаре «Книговедение» (1982) и в энциклопедии «Книга» (1999), адресованных российским книговедам. Правда, «библиосфера», или в переводе на русский язык «мир книг» все-таки присутствует в лексиконе книжников. Так, с 2003 года московский Дом деловой книги метафорично именуется «Библиосфера». А в 2005 году ГПНТБ Сибирского отделения РАН учредила журнал «Библиосфера», тематический профиль которого охватывает библиотековедение, библиографоведение, книговедение, информатику. Благодаря ученым сибирякам, библиосферу стали трактовать как пространство книжной коммуникации, включающее библиотечные, библиографические, книгоиздательские, книготорговые социальные институты и сопутствующие социальные явления вроде библиофильства и цензуры. Назначение библиосферы усматривалось в роли посредника (медиа) между социальными коммуникантами (авторами) и читательской аудиторией, включая будущие поколения.

Что же касается документосферы, то это – неологизм, очень редко встречающийся в научных текстах. Только в одном словаре-справочнике удалось обнаружить дефиницию следующего содержания: «*Документосфера* – сфера обращения документированной информации. Характеризует состояние, качество документальной памяти человечества. Включает такие коммуникационные явления, как: документальный поток, документальный массив, документальный ресурс, документальный фонд, документальная информация; процессы: документирование, документография, документальное обслуживание и др.»[46].

Причина пренебрежения понятиями «библиосфера» и «документосфера» видится в том, что наши ученые коллеги увлечены конкретно-эмпирическими отраслевыми исследованиями, а не метатеоретическими обобщениями. Наш опыт показал, что понятия «библиосфера» и «документосфера» необходимы для *метатеоретического изучения* социальной коммуникации и культурной преемственности в условиях индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Только благодаря метатеоретическому подходу можно осмыслить кризисные явления в современной книжной коммуникации и обусловившие их причины. Начнем с уточнения содержания понятия «библиосфера».

[46] Ильганаева В.А. Социальные коммуникации (теория, методология, деятельность): словарь-справочник. Харьков: «Городская типография», 2009. С. 83.

2.1.1. Понятие о библиосфере. В качестве первого приближения примем формулировку: ***библиосфера*** – это те области социальной коммуникации, где создаются, обрабатываются, хранятся, распространяются и используются *книги* в виде произведений письменности и печати. Оставим за пределами рассмотрения электронные издания, поскольку цифровая коммуникация относится к безбумажной «инфосфере», а не к полиграфической «библиосфере».

Библиосфера зародилась на Руси с принятием христианства. В монастырских ризницах, помимо церковных облачений, хранились богослужебные руководства, хозяйственные и юридические письменные документы, а ризничий выполнял функции библиотекаря и архивариуса. В «сокровищницах» княжеского двора древнерусские князья берегли, наряду с драгоценностями, книги, а также разные «памятки» и «грамотки», игравшие роль административных и дипломатических актов или финансовых обязательств. В новгородском Софийском соборе и псковском Троицком соборе были «книгохранилища», где собирались акты государственного значения, исходящие от веча, архиепископа, князя, посадника. Древняя Русь не знала апостолов, учивших живым словом, большинство христианских святителей были людьми книжной культуры, и их ученики в случае пожара сперва спасали иконы и книги, а затем – остальное имущество.

Роль «учения книжного» в отечественном просвещении красочно живописал Василий Осипович Ключевский (1841–1911): «Как взглянул русский разумный и понимающий человек на просвещенный мир сквозь привозные книги, так и впал в уныние от собственного недостоинства, от умственного и правового убожества. Тогда русский ум припал жадно к книгам, к этим «рекам, напояющим Вселенную, этим исходищам мудрости». С тех пор разумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек «книжный», то есть обладающий научно-литературным образованием, и самою глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента»[47]. Великий историк совершенно верно отметил неразрывную взаимосвязь между русской книжностью и русской интеллигентностью, которая красной нитью проходит через всю тысячелетнюю историю отечественной культуры.

Просвещенная Россия не имела своих философов и религиозных пророков, но она взрастила *созвездие гениальных писателей и поэтов*, которые почитались как «властители дум»

[47] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 301.

образованного общества и заменяли ему и философов, и пророков. Наследием просветительского энциклопедизма XVIII века, мечтавшего охватить весь универсум человеческого знания, запечатленный в книжной форме, стало *синкретическое*[48] *учение о книге*, в котором мир книг рассматривался без дифференциации библиографических, библиотечных, книготорговых, книгоиздательских и прочих аспектов. Синкретические взгляды господствовали в России более столетия: со статьи В.Г. Анастасевича «О библиографии», опубликованной в 1811 году, до статьи Н.М. Лисовского «Книговедение как предмет преподавания, о его сущности и задачах» (1915). В отечественной науке синкретическая стадия была впервые обозначена Э.К. Беспаловой в контексте «исторической эпистемологии библиографоведения»[49] и всесторонне рассмотрена Н.К. Леликовой[50].

В эпоху древнерусской рукописной книжности, пользующейся устной и в ограниченном масштабе рукописной коммуникацией, может сложиться культ Книги, но системная библиосфера образоваться не может. Сословное дворянское просвещение XVIII века фактически не нуждалось в коммуникационных институтах библиосферы. Традиционный культ Книги и книжников в середине XIX столетия сменился *литературоцентризмом,* опирающимся на полиграфическую технологию тиражирования изданий и книжный рынок. Когда появился массовый спрос на книгу, возникли общедоступные библиотеки, а аристократов-библиофилов потеснила разночинная библиотечная интеллигенция, образовались условия для становления структурных *оснований библиосферы* – системы социальных институтов, обеспечивающих книжную и газетно-журнальную коммуникацию в обществе. В качестве *начальной исторической вехи* российской библиосферы можно принять *Серебряный век русской культуры* – время формирования книжной суперсистемы, датируемое 1894–1922 гг.[51].

---

[48] **Синкретизм** – слитность, нерасчлененность, первоначальное, неразвитое состояние чего-либо, например, синкретизм первобытного искусства – единство танца, музыки и пения.

[49] Беспалова Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.): монография. М.: Изд-во МГУК, 1994. 282 с.

[50] Леликова Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. СПб.: РНБ, 2004. 415 с.

[51] Сущность феномена Серебряного века и характеристика библиотечно-библиографической интеллигенции того времени содержатся в книге:

В XIX столетии на базе полиграфической техники в капитализирующейся России происходило формирование пяти книжных институтов: издательского, журналистского, книготоргового, библиографического, библиотечного. Серебряный век стал свидетелем не только распада синкретического учения, но и идейного противостояния «академистов» и «общественников», о котором довольно эмоционально писал Б.С. Боднарский[52]. «Академисты» образовали аристократическое крыло российских книжников, поклоняющееся репертуарной (национальной) библиографии как конечной ценности (кредо – «библиография ради библиографии!»), а «общественники» представляли демократическое крыло, считающее библиографию не самоцелью, а рекомендательным средством просвещения (кредо – «библиография для народа!»). Конфронтация аристократов и демократов была обусловлена противостоянием двух утопических проектов, вдохновленных, надо подчеркнуть, самыми высокими культурными и просветительными побуждениями: *филологическая утопия* – детально инвентаризировать книжное пространство «от великого философского трактата до пошленькой брошюрки и прейскуранта включительно» (А.Д. Торопов); *социально-психологическая утопия* – гармонично согласовать книжное пространство и социальное пространство по принципу: каждому читателю – его книгу, каждую книгу – её читателю. Практика показала, что практическая реализация этих проектов недостижима, однако привлекательность благородных утопий была неотразимой не только для современников Андрея Дмитриевича Торопова (1851−1927) – организатора Русского библиографического общества, но и для нынешних проектировщиков электронных библиотек.

Кажется не случайным, а знаковым хронологическое совпадение отечественной инициативы Русского библиографического общества по созданию исчерпывающе полного «каталога всех русских книг гражданской печати » и идеи ***Поля Отле*** (1868−1944) организовать в 1895 г. Международный библиографический институт для постоянного ведения каталогов, отражающих всю печатную продукцию всех стран, вышедшую в свет с начала книгопечатания. Разумеется, решить эту задачу «гениальному мечтателю» Отле и его трудолюбивым единомышленникам не удалось, но они преуспели

Соколов А.В. Библиотечная интеллигенция в России. Часть 2. XX − начало XXI века. Исторические очерки. М.: Либерея, 2008. С. 4−76.

[52] Боднарский Б.С. Библиография как синтез книжной мысли // Библиографические известия. 1916. № 3–4. С. 83–90.

в другом грандиозном начинании, которое заключалось в реформации традиционной библиотечно-библиографической деятельности. Дело в том, что вместо классической категории *Книга* они ввели в оборот неклассическую категорию *Документ*.

Библиографы-новаторы обратили внимание на то, что ученые и инженеры в основном интересуются не книгами, периодическими изданиями в целом, сборниками статей и т.п., отражающими прошлое состояние науки и техники, а статьями, газетными вырезками, фотографиями и чертежами, фирменной рекламой и пр., несущими новейшие и конкретные сведения. Первые они назвали *макродокументами, а вторые – микродокументами*. Таким образом, *было положено начало документальному подходу к социальной коммуникации.* В европейских фирмах и университетах стали создаваться центры документации, которые, в отличие от библиотек, предпочитавших работать с макродокументами, сосредоточились на сборе, обработке, хранении, поиске и предоставлении потребителям микродокументов. В процессе документационной деятельности использовались не только методы библиографического книгоописания, но и аналитические методы аннотирования, реферирования, оценки и обобщения микродокументов, которые значительно обогатили инфраструктуру библиосферы. Итак, началось формирование «документосферы», о которой речь пойдет в разделе 2.1.4.

Завершая знакомство с библиосферой, примем следующее общее определение: ***Библиосфера*** *– сложившаяся на индустриальном этапе техногенной цивилизации система книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая сохранение, воспроизводство и дальнейшее развитие национальной культуры*. Библиосфера представляет собой *интегральную социальную систему*, объединяющую учреждения и организации, так или иначе связанные с книжной коммуникацией. Наличие книги является *принципом отграничения* библиосферы от остального пространства культуры. Для дальнейшего развития этой дефиниции обратимся к системной и функциональной характеристике библиосферы.

2.1.2. Библиосфера как коммуникационная суперсистема. Системный подход к библиосфере. Системный подход, наряду с информационным, деятельностным, функциональным и прочими «подходами» вошел в арсенал общенаучных методов в эпоху научно-технической революции XX века. Первооткрывателями системного подхода в нашей стране были Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976) и Игорь Викторович Блауберг (1929–1990). Их публикации в начале

70-х годов привлекли внимание всего научного сообщества и в наши дни обрели статус классических[53]. Передовые библиографоведы, библиотековеды, книговеды немедленно овладели новой методологией, и на страницах научных статей и монографий, учебных пособий и диссертаций замелькали термины «система», «системность», «системное исследование», «системный анализ», «теория систем», «системный подход» и производные от них. Действительно, если понимать под системой «целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях, то системность обнаруживается во всяком произведении письменности и печати, в библиографических потоках и библиотечных фондах, в библиотечных учреждениях и их сетях, в библиотечной школе и в научном познании. Можно сказать, что системный подход к книжной коммуникации эффективно используется на всех её уровнях, во всех её элементах и структурах. Если так, зачем прибегать к какому-то суперсистемному подходу, о котором классики системной методологии ничего не говорили? Позвольте объясниться.

Системный подход – универсальный общенаучный метод, поэтому применять его можно в рамках отдельной отрасли знания, а можно – в масштабе межотраслевого комплекса. Так, библиографовед-системщик, изучающий библиографические явления в границах библиографической отрасли (напомню, что эти границы обусловлены известным «принципом отграничения» – библиография существует там, где обнаруживается библиографическая информация), применяет отраслевой системный подход и раскрывает *сущности первого порядка.* Если же он выходит за пределы отраслевых библиографических систем и включает в предмет своего исследования библиотечные, книгоиздательские, книготорговые отраслевые системы, то ему потребуется понятие *суперсистемы* – системы систем. Системный подход в этом случае достигает межотраслевого уровня обобщения, и его уместно назвать *суперсистемным* подходом. С помощью суперсистемного подхода выявляются *сущности второго порядка,* имеющие метатеоретическое значение. Книжная коммуникация включает в качестве элементов все институты, занятые созданием, хранением, обработкой, распространением книжной продукции, а также авторов и читательские массы, поэтому при

[53] Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с. (Философы России XX века); Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с. (Философы России XX века).

целостном её изучении требуется не какой-либо отраслевой, а суперсистемный, т.е. метатеоретический, подход.

Должен признаться, что идея суперсистемного подхода возникла у меня не в результате абстрактных логических размышлений, а в ходе осмысления трансформаций библиотечно-библиографической сферы России в XX веке. В чем заключались эти трансформации? Одной из замечательных примет, можно сказать, социально-культурным достижением библиотечно-библиографической интеллигенции Серебряного века было формирование *демократической книжной суперсистемы*. Свобода предпринимательства в журналистике, в книгоиздательском и книготорговом деле, разумеется, в рамках, установленных правительством, существовала со времен Екатерины Великой. В пореформенную эпоху, когда сложился литературоцентризм общественной жизни, и печатное слово было широко востребовано читающей публикой, книгоиздательская деятельность значительно оживилась. Происходило постепенное становление библиотечно-библиографического социального института, где роль основного учредителя играло государство, а общественность участвовала в качестве благотворителя. Но эти успехи книжности были разобщены, локальны и бессистемны, хотя они имели большое просветительное значение. Можно сказать, что в XIX веке в России образовалось *книжное пространство* – область бытования Книги, но отсутствовали книжные социальные институты, книжные системы и, тем более, не было книжной суперсистемы. Но идея системности вызревала.

Начиная с 90-х годов XIX века, теоретическая мысль отечественных основоположников науки о книге интуитивно двигалась в направлении *системного подхода* к познанию книжного дела. В 1891 году Н.М Лисовский в статье «Материалы для словаря русского книговедения» (Библиограф. – 1891. – № 1. – С. 18–19) перечислил те «отрасли деятельности», которые имеют отношение к книговедению, а именно: 1) книгописание манускриптов, книгопечатание, типографии; 2) книгоиздательство, включая вопросы о праве собственности на произведения литературные и художественные; 3) библиографическое книгоописание, составление каталогов и указателей; 4) книгохранение – библиофильство, библиотечное дело, архивоведение; 5) книжная торговля; 6) цензура. В 1913 году он обнародовал свою знаменитую схему «триединства» книгопроизводство – книгораспространение – книгоописание, дополнив её разделами: журнализм, законы о печати, книжная статистика. Теоретические изыскания А.М. Ловягина также были направлены на системное представление книговедческих знаний. Об этом свидетельствует предложенная им в 1900 году

«энциклопедия библиологии», состоящая из 4 разделов и 12 подразделов. В качестве подразделов он называет библиотековедение, архивоведение, историю и организацию книжной торговли, практическую библиографию, книгоиздательское дело и др.

Возродившаяся в 1970-х годах книговедческая мысль восприняла традиции системности. А.И. Барсук разработал «принципиальную схему книговедения», состоящую из книжного дела и комплекса книговедческих научных дисциплин. В качестве «отраслей книжного дела» он назвал редакционно-издательское дело, оформление книги (искусство книги), библиографическое дело, статистику печати, библиотечное дело, книготорговое дело. Отрасли книжного дела объявлялись объектами изучения специальных книговедческих дисциплин. Системным ядром многоотраслевого знания о книге и книжном деле Барсук объявил общую теорию книговедения[54]. В 1989 году, рассматривая соотношение понятий «книжное дело» и «история книжного дела», Е.А. Динерштейн предложил «фасетную классификацию», состоящую из фасетов: книгопроизводство (издательское дело, книгопечатание), книгораспространение (книжная торговля и пр.), информация о книге (библиографическая, статистическая), книгоиспользование (библиотечное дело, библиофилия)[55]. Можно было бы продолжать примеры, но и сказанного достаточно для того, чтобы подтвердить мнение о распространении системного подхода в книговедении.

Книговеды, начиная с Н.М. Лисовского, обосновывали системность книжной практики и научного знания о книге. Некоторые теоретики, не довольствуясь этим, отстаивали целесообразность учета системных взаимосвязей «книга – читатель» и «книговедение – читателеведение»[56]. Наиболее вдумчивые мыслители указывали на взаимозависимость книжного дела и общественного сознания. А.А. Беловицкая настойчиво подчеркивала, что «книгопроизводство начинается и происходит в общественном сознании; книгораспределение и книговоспроизводство происходят также в общественном сознании. Именно поэтому книга всегда была, есть и будет способом отражения и средством формирования общественного сознания»[57].

---

[54] Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М., 1975. С. 28–29.

[55] Динерштейн Е.А. О понятиях «книжное дело» и «история книжного дела» // Динерштейн Е.А. Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). Избранные статьи. М., 2004. С. 31.

[56] В 80-е годы советские книговеды поставили вопрос о формировании особой научной дисциплины – *читателеведения;* пионером здесь выступил И.Е. Баренбаум. О современном состоянии читателеведения позволяют судить монографии: Аскарова В.Я. Динамика концепции российского читателя (конец X – начало XXI веков) СПб: СПбГУКИ, 2003. 426 с.; Бородина В.А. Теория и технология читательского развития в отечественном библиотековедении. Научные и методологические основы. М.: Школьная библиотека, 2006. – 336 с.

[57] Беловицкая А.А. Общее книговедение. М., 1987. С. 156.

Тезис этот кажется бесспорным, но его нельзя учесть в книговедческих системах до тех пор, пока в них отсутствуют выразители общественного сознания, т.е. авторы книжной продукции (литераторы, журналисты, ученые). В качестве внешнего фактора желательно учитывать государственную власть, которая может ограничивать книжную коммуникацию или, напротив, способствовать чтению определенных произведений.

Таким образом, системный подход логично выводит книговедческие исследования на уровень метатеоретических обобщений, то есть, на уровень библиосферы как суперсистемы книжности. Теперь ***библиосферу*** можно представить в виде *структурированного книжного пространства (суперсистемы)*, в качестве элементов (функциональных подсистем) которой выступают социальные институты индустриальной книжности (книгоиздание и книжная торговля; библиотечное дело и библиография) плюс институты литературного творчества и журналистики, обеспечивающие создание оригинальных текстов. Общественным назначением книжной суперсистемы является обеспечение *книжной коммуникации*, то есть движения осмысленных сообщений в социальном времени и пространстве.

Атрибутом (необходимым свойством) библиосферы является ***книжное пространство,*** обозначающее область бытования (существования) книги в обществе. Эта область охватывает: во-первых, *читателей* (пользователей) книги; во-вторых, *книжные социальные институты*, обеспечивающие производство, хранение и распространение книжной продукции, в-третьих, государственные *органы управления*, ограничивающие (например, цензура) или расширяющие (ликвидация безграмотности) книжное пространство. Принцип отграничения книжного пространства в социальной среде – наличие книги в исторически обусловленной форме (рукописной или печатной). Помимо «книжного пространства», можно представить «документное пространство» – область бытия документов, где, помимо книжных социальных институтов, располагаются архивный и музейный институты. В зависимости от исследовательских задач используются также понятия «информационное пространство» (Берестова Т.Ф. Общедоступная библиотека как часть информационного пространства; теоретико-методологические аспекты. – Челябинск: ЧГАКИ, 2004. – 461 с.); «пространство библиотеки» (Леонов В.П. Пространство библиотеки: Библиотечная симфония. – М.: Наука, 2003. – 123 с.); «социокультурное пространство» (Каптерев А.И. Информатизация социокультурного пространства. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 512 с.).

Пространство перечисленных суперсистем является их отличительной социально-демографической характеристикой. Главными структурными элементами этих суперсистем являются *книжные социальные институты* – функционально специализированные системы, типичными элементами которых являются: сеть работающих с книгой учреждений, органы управления, учебные заведения, научные центры, специальные

коммуникационные каналы (см. 1.1.3). Библиосфера включает следующие связанные с библиотечной школой институты: книгоиздательский, книготорговый, библиотечный, библиографический. В библиосфере особую социальную группу образуют *библиофилы* – собиратели изданий с внесодержательными полиграфическими (формат, дизайн, иллюстрации, шрифт и пр.) и аксиологическими признаками (редкость и ценность книги). Поскольку библиофильские собрания часто уникальны и обладают научной и культурной ценностью, библиофильство оценивается как *социально-культурное движение* в читательской среде. Социальные движения основаны на добровольной любительской активности независимых книголюбов. Библиофилы могут организовывать общественные объединения, кружки, клубы по интересам, но эти объединения не являются социальными институтами, так как они удовлетворяют потребности не общества, а только своих членов.

Позволю себе предложить «библиосферную метафору», чтобы прояснить смысл предложенных системных абстракций. Представьте себе: в Океане Человечества есть Море Книжности – это пространство бытия читателей – пользователей книжной продукции. В Море Книжности расположены острова, населенные профессионалами-книжниками. Каждый остров – книжный социальный институт, обитатели которого заняты разными видами труда: практической работой с книгой, педагогической деятельностью, научными исследованиями, управлением институтом, внутриинститутской коммуникацией. Острова образуют два архипелага: один архипелаг Книжное дело, куда входят институты книгоиздания, книжной торговли, библиотечный, библиографический; второй архипелаг – Авторы-коммуниканты, то есть социальные институты литературы и журналистики. Библиофильство – живительные течения в Море Книжности. Климатические условия в ареале Книжности определяются политикой государственной власти в области книжной коммуникации. Они могут быть благоприятны, и тогда архипелаги расширяются и обустраиваются, а могут быть суровыми, и тогда архипелаги разрушаются, библиофильские течения истощаются.

Море Книжности – это, собственно говоря, и есть Библиосфера, то есть система систем, расположенных в книжном пространстве и являющихся объектами государственного управления. Благодаря суперсистемному подходу можно судить о внешних факторах, определяющих развитие библиотечно-библиографических институтов и инициативных движений книжников. Такими факторами являются *государственная политика* и *читательский спрос*. Немаловажно, что в нашем поле зрения оказываются многочисленные и разнообразные социальные функции, определение которых является излюбленной темой бесконечных дискуссий библиотековедов, библиографоведов, книговедов. Мы, конечно, не можем остаться в стороне от этих дискуссий.

2.1.3. Функции библиосферы. Функциональный подход к библиосфере. Постановочные статьи Ю.Н. Столярова, опубликованные на страницах журнала «Научные и технические библиотеки»[58], возвращают нас к дискуссиям о функциях библиотек, библиографии, книги, которые не одно десятилетие беспокоят наших ученых и педагогов. Надо признать, что среди ведущих библиотековедов именно Ю.Н. Столяров приложил немало усилий для развития функционального подхода, справедливо полагая, что «вопрос о сущностной функции библиотеки – это самый кардинальный вопрос библиотековедения», и не раз обращался к этому «кардинальному вопросу»[59]. В чем причины бесконечности наших споров? Их, по крайней мере, две. Во-первых, расхождения в понимании неоднозначного феномена функции; во-вторых, дисциплинарная замкнутость, когда аналогичные ряды функций строились библиотековедами, библиографоведами, книговедами в отрыве друг от друга. Попробуем избавиться от этих стереотипов.

Функцию будем понимать как ***общенаучную категорию***. Общенаучные категории в структуре научного познания играют роль связующего звена между философским и частнонаучным знанием. Не обладая свойственной философским категориям мировоззренческой широтой, они, тем не менее, служат основой для формирования методологических подходов, используемых различными частными науками, сближая конкретное знание с философскими обобщениями. Типичными общенаучными категориями являются «информация», «система», «функция», служащие фундаментом соответственно информационного, системного, функционального подхода[60]. Используемые в разных отраслях знания общенаучные категории имеют различные, хотя и содержательно связанные интерпретации. Так, категория «функция» имеет три интерпретации: теоретическую, технологическую и социологическую.

---

[58] Столяров Ю.Н. О системных функциях библиотеки и их наименовании. Постановочная статья // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 6. С. 30–43; Он же. О сущностных функциях элементов библиотеки и их наименовании. Постановочная статья // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 7. С. 3-16.

[59] Столяров Ю.Н. Сущностные функции библиотеки // Школьная библиотека. 2003. № 3. С. 15–18; Он же. Системные функции библиотечного фонда // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 12. С. 30-39.

[60] Развернутую трактовку понятия «подход исследовательский» предложили академики РАО Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. Словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. С. 117–121.

Теоретическая интерпретация функции понимается как *зависимость (закономерная связь)* между двумя множествами. Математически *функциональная зависимость* читается следующим образом. Если каждому элементу x из множества X поставлен в соответствие элемент y из множества Y, то *соответствие* y = f (x) именуется функцией, заданной на множестве X со значениями из Y. Буква f в этом обозначении является знаком функции. Множество X называется *областью задания*, а множество Y – *областью значений* функции. Обозначенный буквой x элемент множества X называется *независимой переменной* или *аргументом* функции. Функциональные зависимости в математической или описательной форме широко используются в технических, биологических, общественных теориях. Нетрудно привести примеры функциональных зависимостей из библиотековедческой практики. Допустим, множество X – число жителей в поселении, а множество Y – число библиотек, тогда функция y = f (x) покажет распределение читателей по библиотекам в разных поселениях.

Технологическая интерпретация учитывает операции, выполняемые функциональными элементами технологического процесса. Ю.Н. Столяров в цитированной статье, посвященной функциям элементов библиотеки, подробно рассмотрел внутрибиблиотечные технологические процессы и показал их функциональную сущность. Аналогичные технологические функции легко обнаруживаются в книгоиздательском деле и при подготовке библиографической продукции. Некоторые биологи рассматривают биологические процессы как технологические действия в живой природе и распространяют на них функциональный подход, толкуя о функциях органов чувств и т.п.

Социологическая интерпретация представляет функцию не как зависимость или операцию, а как организованное взаимодействие социальных субъектов, редко поддающееся цифровому выражению. Здесь функция определяется как *нормативный круг деятельности*, которую определенный институт или социальная группа выполняет в обществе, например, функции государства, функции семьи, функции денег. Именно социологическое понимание функции вызывает споры в библиотековедении, библиографоведении, книговедении. Для моделирования некоторых библиотечно-библиографических ситуаций можно обратиться к формуле y = f (x). Допустим, принять, что в качестве независимой переменной x выступает библиотечная деятельность, или библиографическая

деятельность, или книжное дело, а значением функции у являются различные социальные ценности (услуги), предоставляемые х, которые определяют содержание данной функции. Но здесь модель реальной коммуникации получается неполной, потому что отсутствует субъект-пользователь, духовные потребности которого удовлетворяет библиотечно-библиографическая деятельность. Поэтому примем следующее определение: ***социальная функция*** – *удовлетворение общественных потребностей, закрепленных за данным социальным институтом в силу сложившегося разделения труда.* Достоинство этого определения в том, что оно учитывает функциональную специализацию и специфику социальных институтов в виде взаимосвязи «потребность – функция – социальный институт».

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что в библиотековедении, библиографоведении, книговедении могут найти применение все три интерпретации общенаучной категории «функция»: и теоретические функциональные зависимости, и функциональные структуры технологических процессов, и социальные функции институтов в целом. Однако остаются открытыми самые главные вопросы:

- Сколько и каких социальных функций выполняют библиотечный, библиографический, книготорговый, книгоиздательский институты?
- Практикуется ли дублирование социальных функций, выполняемых несколькими институтами? Если да, то какие функции дублируются, а какие не дублируются?
- Возможна ли интеграция социальных институтов в единую многофункциональную социальную суперсистему, в которой каждый институт выполнял бы свою особую специфическую функцию?

Чтобы ответить на эти вопросы, придется обратиться к публикациям коллег, в которых представлен функциональный подход к познанию библиотечного дела, или библиографии, или книжного дела. Причем будем различать стабильные, *сущностные,* функции и исторически преходящие *прикладные* (производные) функции. Надо признать, что функциональный подход в библиотековедении, библиографоведении, книговедении осуществляется несогласованно, и полученные результаты сопоставимы лишь частично. Все известные мне публикации страдают отраслевой обособленностью, которая противоречит общенаучному статусу категории «функция». Поэтому вначале поделим наш обзор на три части по отраслевому принципу, а затем определим функциональную систему библиосферы с метатеоретической позиции.

1. Функциональный подход в библиотековедении. Развитие библиотековедческой мысли в России началось с осмысления

социальных функций библиотек[61]. Интеллигенты-книжники XIX века трактовали публичные библиотеки как просветительные учреждения, содействующие вместе с тем развитию промышленности и науки. Н.А. Рубакин утверждал: «библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль». В начале XX века библиотековеды стали использовать понятие «функция библиотеки», имея в виду педагогическую функцию внешкольного образования и просвещения народа. Обосновывая роль библиотеки в народном образовании, Л.Б. Хавкина подчеркивала, что в библиотеке, «как лучи света в главном фокусе, сходятся все виды внешкольного образования». Подводя итоги развитию дореволюционного библиотековедения, А.Н. Ванеев пришел к выводу, что, наряду с углубленной теоретической разработкой *педагогической* функции, были предприняты первые попытки обоснования *идеологической* и *информационной* функций библиотек.

В советское время главной функцией библиотек всех типов была объявлена агитационно-пропагандистская, состоящая в пропаганде учения В.И. Ленина о культурной революции под идейным руководством Главполитпросвета во главе с Н.К. Крупской. Крупская призывала «превратить библиотеку, даже самую маленькую, в идеологический центр, помогающий делу строительства социализма». Вспомогательная роль отводилась культурно-образовательной функции, состоящей в помощи самообразованию читателей. В 30-е гг. в связи с индустриализацией страны перед советскими библиотеками была поставлена задача «ведения технической информации в её библиотечных формах». Таким образом, подытоживает А.Н. Ванеев, в 30-е годы на основании ленинского принципа партийности советские библиотековеды обосновали три важнейшие функции библиотек – *агитационно-пропагандистская, культурно-образовательная, информационная*.

В послевоенные годы функции советских библиотек были уточнены и дополнены. Приоритет получила *идейно-воспитательная* функция, нацеленная на развитие у трудящихся коммунистического сознания. *Образовательная* функция стала трактоваться как содействие всестороннему развитию личности путем комплексной пропаганды литературы и расширения круга читательских интересов. Активно обсуждались проблемы «Библиотеки на службе

[61] Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). М.: Пашков дом, 2003. С. 114–115, 124–129, 155–161; Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. С. 22–31, 72–77, 104–109, 144–148.

науки» и «Библиотека и информация», но содержание *информационной* функции библиотек разного типа оставалось дискуссионным. В 1974 году ЦК КПСС принял постановление «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе». где советские библиотеки названы важнейшими опорными базами партийных организаций по коммунистическому воспитанию, идеологическими и научно-информационными учреждениями с соответствующей функциональной ориентацией.

В последующие годы появились предложения о дополнении стандартной триады функций советских библиотек – идейно-воспитательная (идеологическая). культурно-образовательная, информационная (научно-вспомогательная) – еще несколькими функциями, трактуемыми разнообразно. Публикации отечественных библиотековедов 1980-х – 2000-х гг., посвященные функциональному подходу, довольно полно представлены в хрестоматии по общему библиотековедению[62]. Пожалуй, главным теоретическим достижением библиотековедов того времени является введение понятия о сущностных функциях.

В начале 80-х гг. В.Р. Фирсов, критически осмыслив творчество создателей функциональных рядов, пришел к заключению, что, хотя библиотекам свойственна «полифункциональность», в основе их деятельности всегда лежала и лежит «инвариантная функциональная структура, определяющая специфику данного вида социального института»[63]. В последующих своих работах Владимир Руфинович обосновал перечень *сущностных* библиотечных функций, неизменно присутствующих в библиотечной деятельности. В этот перечень вошли: *познавательная* функция, выражающая «стремление культуры к воссозданию целостной картины мира, которая воплощается в представлениях здравого смысла, в научных знаниях, теориях и т.д.»; *ценностно-ориентационная (аксиологическая)* функция, «отражающая стремление общества к реализации ценностных ориентаций, воплощенных в системе идеологии, морали, в художественной культуре, искусстве и т.д.»; *коммуникативная функция*, обеспечивающая «историческую преемственность поколений» и «взаимодействие различных культур одного исторического

[62] Фомина А.А., Шабалина М.В., Колесникова М.Н. Общее библиотековедение. Часть 2. Учение о библиотеке: хрестоматия. Т. 1 / науч. ред. А.Н. Ванеев. М.: Либерея-Бибинформ, 2008. 312 с.

[63] Фирсов В.Р. О принципах подхода к анализу деятельности библиотек как социального института // Проблемы оптимизации функционирования библиотечных систем: сб. науч. тр. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 1. Л., 1981. С. 24–32.

периода» [64]. Важное методологическое значение имеет утверждение В.Р. Фирсова о том, что сущностные функции конкретизируются в большом количестве производных функций, и что соотношение между ними нужно рассматривать через призму категорий «сущность» и «явление» [65].

Соглашаясь с основными положениями публикаций В.Р. Фирсова, нельзя не заметить, что из поля его зрения выпали *кумулятивная и мемориальная* функции библиотек, благодаря выполнению которых библиотечный социальный институт котируется в качестве *института социальной памяти*, наряду с архивами и музеями. Мемориальная функция, несомненно, является важнейшей социальной функцией, ведь библиотеки изначально создавались как книгохранилища. Соотношение между сущностными и прикладными (производными) функциями обозримо представлено в табличной форме (Таблица 1), где под «коммуникационной системой» подразумевается библиосфера и библиотечные институты.

Таблица 1

Сущностные функции	Прикладные функции
Первичны, исходны	Вторичны, производны
Независимы от социально-культурных, политических, экономических условий	Зависимы от социально-культурных, политических, экономических условий
Стабильны, неизменны, ограничены по составу	Динамичны, изменчивы, неограниченны по составу
Представлены во всех проявлениях практической деятельности	Свойственны некоторым, функционально специализированным явлениям
Раскрывают сущность данной коммуникационной системы на абстрактно-теоретическом уровне	Реализуют ресурсы данной коммуникационной системы для удовлетворения текущих потребностей
Отражают необходимость существования данной коммуникационной системы в общей системе социальных коммуникаций	Отражают взаимосвязи данной коммуникационной системы с другими областями общественной жизни

[64] Фирсов В.Р. Социальная роль – социальные функции – библиотечная деятельность: проблема принципа отграничения // Методологические аспекты изучения процессов функционирования библиотечных систем: сб. науч. тр. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1982. С. 21–34.

[65] Фирсов В.Р. Сущностные функции библиотечной деятельности: культурологический подход // Науч. и техн. б-ки СССР. 1985. № 5. С. 15–20.

Современное состояние функционального подхода в библиотековедении представлено Р.С. Мотульским в учебнике для бакалавров «Библиотековедение. Общий курс»[66] и М.Я. Дворкиной в альтернативном учебнике для бакалавров «Общее библиотековедение»[67]. Оба автора, принимая дифференциацию социальных функций библиотек на сущностные (неизменные) и производные (вариативные), отмечают дискуссионность состава этих функций и цитируют многочисленные частично совпадающие «триады» и «диады» сущностных функций, а также пространные перечни производных функций, например: воспитательная, образовательная, идеологическая, культурно-просветительная, производственно-вспомогательная, рекреационная (досуговая), гедонистическая и др. В итоге читатели (студенты вуза) остаются в недоумении: фундаментальный профессионально-мировоззренческий вопрос – сколько и каких функций выполняют библиотеки? – ответа не находит. Я полагаю, что с подобной педагогической недоговоренностью мириться нельзя. Нужно критически осмыслить и упорядочить предложения разных авторов. Рискнем обратиться к статистике и определим те функции, которые чаще других упоминаются в перечнях сущностных функций, приведенных в учебниках. Оказывается, что таких функций всего пять, они имеют примерно равную частотность и образуют перечень:

- Кумулятивная – формирование документных фондов;
- Коммуникативная – предоставление документов и устное общение;
- Мемориальная – хранение социальной памяти;
- Информационная – сообщение о документах в библиотеке или вне её;
- Аксиологическая – ценностно-ориентационное воздействие на читателя.

Нетрудно заметить два обстоятельства. Во-первых, функции логично связаны и предполагают друг друга. Так, без кумуляции (сбора фонда) нельзя осуществлять коммуникационную или мемориальную функцию, а формирование библиотечного фонда без последующего его использования абсурдно. Следовательно, возможно интегрировать взаимосвязанные сущностные функции в единую и единственную интегральную функцию, которую Ю.Н. Столяров назвал

[66] Библиотековедение. Общий курс: учебник для бакалавров / науч. ред. А.Н. Ванеев, М.Н. Колесникова. СПб.: Профессия, 2013. С. 103–110.

[67] Общее библиотековедение: учебник для бакалавров / науч. ред. М.Я. Дворкина, Л.И. Сальникова. М.: МГИК, 2015. С. 98–102.

«эмерджентной» и *«документо-коммуникационной»*, представляющей собой *акт коммуникации* между библиотечным фондом и контингентом пользователей. Целевое назначение этого акта, по его словам, заключается в том, чтобы обеспечить каждому документу – соответствующего пользователя, каждому пользователю – соответствующий документ. Отсюда следует, что интегральная функция – это не рядовая функциональная зависимость, а *назначение* библиотечного института. Во-вторых, лишь одна кумулятивная функция выполняется только библиотечным социальным институтом и не свойственна другим документальным институтам (издательствам, книжной торговли, библиографическим службам). Значит, по области распространения можно сущностные функции библиотечного института разделить на единственную *видовую*, принадлежащую лишь библиотекам, – это кумулятивная функция, и на несколько *родовых* функций, выполняемых параллельно другими родственными институтами (коммуникативная, информационная, мемориальная, аксиологическая). Теперь обратимся к функциональному подходу в библиографической науке.

2. Функциональный подход в библиографоведении. Первооткрывателем методологии библиографоведения является А.И. Барсук, который посвятил методам библиографии и библиографоведения целую главу в своей фундаментальной монографии[68]. Последующую динамику развития функционального подхода в библиографической науке обстоятельно анализировал К.П. Чуприн[69]. Он отмечал, что в середине 70-х гг. О.П. Коршунов вывел на абстрактном уровне три сущностные функции библиографической информации – поисковую, коммуникативную, оценочную[70]. Участники развернувшейся дискуссии предлагали собственные функциональные триады, например. «констатирующая, ориентирующая, педагогическая» (А.И. Барсук), «конструктивно-информационная,

[68] Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М.: Книга, 1975. С. 93–113.

[69] Чуприн К.П. Социальные функции библиографии как системы // Сов. библиография. 1983. № 3. С. 47-55. Он же. Теоретико-методологические аспекты исследования социальных функций библиографической деятельности: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1989. 16 с. Он же. Социальные функции библиографии как объект исследования // Российское библиотековедение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Т.Ф. Лиховид. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 353–380.

[70] Коршунов О.П. Проблемы общей теории библиографии. М.: Книга, 1975. 191 с.

управленческая, агитационно-пропагандистская» (Д.Ю. Теплов), «информационная, рекомендательная, справочная» (И.В. Гудовщикова) или ратовали за включение в состав основных функций идейно-воспитательной, культурно-просветительной, учебно-воспитательной, познавательной, моделирующей и некоторых других. Важно отметить, что, в отличие от своих оппонентов, Коршунов рассматривал выведенные им абстрактные функции именно как сущностные, имманентно присущие библиографии, а «идейно-воспитательные, культурно-образовательные, научно-вспомогательные» считал производными, конкретными проявлениями сущностной триады. Таким образом, в отечественном библиографоведении сформировались два уровня функционального подхода: сущностный, абстрактно-теоретический и «явленческий», конкретно-эмпирический, основанный на практическом опыте. В библиотековедении, как уже отмечалось, аналогичную идею В.Р. Фирсов высказал несколько позже – в начале 80-х гг.

Функциональный подход в библиографии не ограничивался общеотраслевым уровнем; И.В. Гудовщикова предлагала распространить его на уровень отдельных видов библиографии, уровень типов библиографических изданий, наконец, на уровень отдельных библиографических пособий. Функциональная специфика библиографии художественной литературы была рассмотрена С.А. Трубниковым. Функции государственной библиографии (8 функций) детально охарактеризовал Б.А. Семеновкер. Структурно-функциональные особенности национальной и научно-вспомогательной библиографии были исследованы в некоторых кандидатских диссертациях учеников О.П. Коршунова. Интересную иерархическую структуру основных функций библиографии предложила М.Г. Вохрышева. Она выдвигает одну единственную интегральную функцию – *упорядочение документных массивов с целью ориентации в них*, которая возглавляет шесть абстрактных функций менее общего уровня – идентифицирующая, структурирующая, ценностно-ориентационная, познавательная, информационная, коммуникационная, связанные с выполнением практических библиографических процедур[71]. Иерархия сущностных функций библиографии М.Г. Вохрышевой близко напоминает функциональную конструкцию Ю.Н. Столярова (см. предыдущий раздел), во главе которой находится интегральная *документо-коммуникационная* функция.

[71] Вохрышева М.Г. Теория библиографии: учеб. пособие. Самара: изд-во СГАКИ, 2004. С. 21–24.

Сравнивая использование функционального подхода в библиографоведении и в библиотековедении, нельзя не обратить внимания на их концептуальную близость, вплоть до совпадения многих сущностных функций. Более того, терминологическая разноголосица среди библиографоведов и расхождения в понимании сути функционального подхода, пожалуй, превосходят аналогичные явления в библиотечной науке. Учитывая эти обстоятельства, еще в 1984 г. я выразил сомнение в целесообразности автономной разработки функциональной проблематики применительно только к библиотечной или только библиографической деятельности[72]. Этот вывод был категорически отвергнут О.П. Коршуновым, который аргументировал свою точку зрения тем, что функционально совпадающие процессы библиотечного дела и библиографии содержательно различны. Например, библиотечный поиск в фонде документов осуществляется иначе, чем библиографический поиск в каталоге[73]. Я вернулся сейчас к спору тридцатилетней давности, потому что в нем затронут принципиальной важности вопрос о функциях библиосферы, включающей как библиотечный сектор, так и библиографический сектор. Общенаучный функциональный подход, как и другие общенаучные методологические подходы, не может применяться в различных секторах библиосферы обособленно и сепаратно, ибо тогда не удастся выявить социальные функции библиосферы в целом.

Вернемся к сущностным функциям библиотечного социального института, определенным в предыдущем разделе. Там были установлены четыре *родовых* функции, выполняемых несколькими социальными институтами (коммуникативная, информационная, мемориальная, аксиологическая), и *видовая* кумулятивная функция, принадлежащая лишь библиотекам. Методологическое значение этого вывода для функционального подхода в библиографии состоит в том, что известные родовые функции должны быть представлены в перечне библиографических сущностных функций и вместе с ними там должна присутствовать видовая сущностная функция, свойственная исключительно библиографии. Выполняется ли это условие?

Нам известна «функциональная триада», введенная в научный оборот О.П. Коршуновым в 1975 г., состоящая из трех функций библиографической деятельности. Сорокалетняя история

[72] Соколов А.В. Социальные функции библиотечной и библиографической деятельности // Науч. и техн. б-ки СССР. 1984. № 6. С. 25.

[73] Коршунов О.П. Библиография. Теория, методология, методика. М.: Книга, 1986. С. 134–137.

отечественного библиографоведения подтвердила жизнеспособность теории О.П. Коршунова, и в новейшем учебнике для бакалавров вновь воспроизведена его знаменитая «триада»[74]. Социальная (общественная) функция библиографической деятельности определяется как «способ практической реализации её общественного назначения». В зависимости от удовлетворяемых потребностей различаются три сущностных функции: А. Поисковая – библиографический поиск нужных документов; В. Коммуникативная – доведение до потребителя сведений о прошлом, настоящем и будущем документальных потоков; С. Оценочная – отбор, характеристика и рекомендация потребителям наиболее ценных документов, соответствующих целевым и читательским установкам. Эти сущностные функции согласуются с библиотечными функциями следующим образом:

А. Поисковая функция является специфической *видовой* библиографической функцией и не имеет коррелята среди библиотечных сущностных функций. Благодаря видовой функции библиография выступает в качестве поисковой *инфраструктуры*[75] в системе документных коммуникаций. Инфраструктурное назначение библиографии заключается в создании и поиске библиографической информации, необходимой для книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов и прочих субъектов документных коммуникаций. Библиографический поиск используется во всех институтах библиосферы, которые освобождаются от создания собственных поисковых средств.

В. Коммуникативная функция коррелирует с тремя *родовыми* функциями: *информационной*, реализуемой практически в информационно-библиографической деятельности; *мемориальной*, реализуемой в ретроспективной библиографии; коммуникативной, охватывающей библиографическую деятельность в целом.

С. Оценочная функция является прямым аналогом родовой аксиологической функции; она совпадает с библиотечной аксиологической деятельностью по целевой направленности, но осуществляется библиографическими, а не библиотечными методами.

---

[74] Коршунов О.П., Леликова Н.К., Лиховид Т.Ф. Библиографоведение: учебник / под общей ред. О.П. Коршунова. СПб.: Профессия, 2014. С. 53–62.

[75] ***Инфраструктура*** (от латинского infra – ниже, под и structure – строение, т.е. дословно «подструктура») мыслится как вспомогательная (вторичная) система (совокупность взаимосвязанных элементов), обеспечивающая функционирование некоторой первичной системы.

На основе сущностных функций формируются виды библиографии (учетно-регистрационная, рекомендательная, научно-вспомогательная и др.), выполняющие производные (прикладные) функции. Более подробно классификация функций библиографии представлена в нашей публикации[76].

Итак, можно констатировать ***конгруэнтность*** (структурное подобие) сущностных функций библиотечного дела и библиографии, которое заключается в совпадении *родовых* функций – коммуникационной, мемориальной, информационной, аксиологической, и в наличии специфической *видовой* функции – кумулятивная в библиотековедении и поисковая в библиографоведении. Однако в документной коммуникации (в системе «документ – потребитель») библиотечный и библиографический институты не являются ни начальной, ни конечной инстанцией, а выступают в качестве *посредников* между «миром книг (документов)» и «миром читателей». Эти два мира являются объектами изучения книговедения и читателеведения, в которых функциональный подход находит применение во всех своих интерпретациях.

3. Функциональный подход в книговедении и читателеведении. В 70-е гг. общее признание получило определение «Книговедение – комплексная наука о книге и книжном деле». В этом комплексе нашли свое место все научные дисциплины, связанные с книгой, прежде всего: теория и практика книгоиздания, библиополистика (учение о книжной торговле), библиотековедение, библиографическая наука, интегральная общая теория книги. В дальнейшем объект книговедения был расширен до «книга – книжное дело – читатель», в связи с чем появилась дисциплина «читателеведение». Правда, библиотековедение и библиографоведение, давно сложившиеся в самостоятельные науки педагогического цикла, развивались независимо от книговедческих концепций.

В качестве методологической основы был признан функциональный подход, раскрывающий функциональные зависимости между книгой и другими социальными реалиями. В духе функционального подхода в 1970 г. А.И. Барсук предложил развернутое определение книги: «Книга – это произведение письменности и печати, являющееся продуктом общественного сознания, идейно-духовной жизни общества, одним из средств сохранения,

[76] Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Системный подход и классификация функций библиографии в документоцентристской парадигме // Библиосфера. 2014. № 2. С. 9–14.

распространения и развития всех форм идеологии (политических взглядов, науки, морали и т.п.), орудием социальной борьбы, воспитания, организации и формирования общественного мнения, орудием научного и технического прогресса»[77]. Достоинство этого определения в том, что сделан акцент на социальных функциях книги, правда не сущностных, а внешних, легко наблюдаемых «явленческих» функциях. В 1974 г. была опубликована фундаментальная статья И.Е. Баренбаума и А.И. Барсука, в которой охарактеризованы методы книговедческих исследований, а именно: функциональный, аналитико-тематический, структурно-типологический, типографический[78]. Авторы утверждали, что «изначальной универсальной функцией книги является *коммуникативная функция*». Из этого утверждения логично следует, что коммуникативная функция – это *сущностная* функция книги. Данную точку зрения разделяет польский книговед Кароль Гломбёвский, который писал: «Принимая функции книги как основной закон интерпретации, мы сможем понять суть всех процессов, связанных с изготовлением, распространением и использованием книги.... Книгу как явление следует анализировать прежде всего с точки зрения её функциональной оправданности, её коммуникативности»[79]. Кшиштоф Мигонь, в свою очередь, заявлял: «Несомненно, основной функцией книги является её коммуникативность в культуре и обществе, поскольку она (книга) прежде всего инструмент социальной коммуникации»[80].

Обратим попутно внимание на одно немаловажное обстоятельство. Если в приведенных выше цитатах слово «книга» заменить на «библиотека» или «библиография», то истинность новых суждений сохранится. Это обстоятельство свидетельствует в пользу конгруэнтности методологии библиотеко-книговедческих наук. Конгруэнтность не ограничивается функциональным подходом. Если обратиться к типологическому методу, обстоятельно рассмотренному

[77] Барсук А.И. К определению понятия «книга» // Издательское дело. Книговедение. 1970. № 6. С. 6.

[78] Баренбаум И.Е., Барсук А.И. К вопросу о методах книговедческих дисциплин // Книга. Исследования и материалы. 1974. Сб. 29. С. 20–45.

[79] Гломбёвский К. Функциональная концепция науки о книге // Проблемы общей теории книговедения. М., 1978. С. 25–43.

[80] Мигонь К. Наука о книге. Очерк проблематики: пер. с польск. М.: Книга, 1991. С. 31.

А.А. Гречихиным, легко удостовериться в применимости его во всех науках о книге[81].

Помимо коммуникативной (информационно-коммуникационной) функции, позволяющей вести диалог через эпохи, поколения и расстояния, в книговедческой литературе в качестве универсальных и непременных, то есть сущностных, функций книги, называют «консервацию духовного наследия человечества» – *мемориальную* (мнемическую) функцию; *познавательную* функцию (книга – источник знания), которая часто смешивается с *информационной* функцией (книга – источник информации); *аксиологическую* функцию – функцию носителя научных, религиозных, эстетических, этических, культурно-исторических и прочих общественных ценностей. Так, эстетическая ценность книги обеспечивается как внешней формой (искусство книги); так и внутренней формой (художественными достоинствами литературного произведения, стилистикой текста); этическая ценность заключается в формировании литературными средствами гуманистических идеалов правды и добра. Прикладными функциями являются качества, присущие не всем книгам, а только некоторым типам изданий и литературы, выполняющим учебную, научно-вспомогательную, производственную, справочную, развлекательную, рекламную, патриотическую, культовую, гедонистическую и прочие социальные функции.

Что же есть книга с точки зрения функционального подхода? Согласно требованиям логики, в дефиниции должны быть представлены не частные и изменчивые характеристики, а стабильные и необходимые, то есть сущностные функции. Как следует из сказанного выше, книговеды обнаружили такие сущностные функции книги, как коммуникативную, мемориальную, познавательно-информационную, аксиологическую. Эти функции нам знакомы, потому что они фигурировали в библиотечных и библиографических функциональных перечнях. Следовательно, функциональный подход в книговедении не противоречит, а согласуется с функциональными подходами в библиотековедении и библиографоведении. Это согласование состоит в том, что соблюдается *конгруэнтность* (структурное подобие) сущностных функций книги, библиотечного дела и библиографии. Условиями конгруэнтности являются, во-первых, совпадение

[81] Гречихин А.А. Библиотипология как научное направление. Особенности становления и развития в российском книговедении. М.: МГУП, 2003. 432 с. См. также: Беловицкая А.А. Общее книговедение: учебное пособие. М.: Книга, 1987. С. 230–238.

родовых функций (это условие соблюдается); во-вторых, наличие специфической *видовой* функции. Для выработки научной дефиниции книги нужно определить такую видовую функцию книги, которая не может быть присуща библиотеке или библиографическому пособию. Эта функция нуждается в особом рассмотрении, потому что до сих пор вопрос о ней не ставился.

Я полагаю, что книге свойственно качество, которым не могут обладать учреждения и социальные институты, – это магия книги. ***Магия книги*** кажется особенно сильным, хотя и эзотерическим, аргументом в пользу неискоренимой вековечности книжности в человеческом бытии. «Книга – это волшебница» – утверждал революционер-народник Н.А. Морозов (1854–1946), которому книги скрасили 25-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости[82]. В 1930 году Герман Гессе написал эссе «Магия книги», где сказано: «Давайте не скорбеть чрезмерно о том, что из понятия «книга» выхолощено почти все его былое величие. Но все же нам вовсе не следует опасаться будущего искоренения книги. Ибо и до инфантильнейших, опьяненных прогрессом людей вскоре дойдет, что функции письма и книги непреходящи. Станет очевидным, что выражение в слове и передача этого выражения посредством письма не только важнейшие вспомогательные, но и единственные средства вообще, благодаря которым человечество имеет историю и непрерывное сознание самого себя»[83]. Именно таинственная магия книги питает апологетическую мифологию книжности (см. раздел 2.2.3). Неслучайно здравомыслящий И.Е. Баренбаум призывал не игнорировать «традиционный взгляд на книгу как на «чудо из чудес», выдающийся феномен культуры»[84]. Магический статус Книги подтверждает традиционный жест Президента страны, который во время инаугурации кладет руку на том Конституции.

Я не могу сказать, что книговедение, изучая функции книги, берет в расчет и магическую её функцию, ведь функциональную зависимость y = f (x) магической назвать нельзя, ибо она не учитывает то «пламя духа», с которым таинственно связана книга. Однако существует целое «содружество» научных дисциплин,

[82] Цит. по: Лихтенштейн Е.С. Слово о книге. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. М., 1969. С. 29.

[83] Гессе Г. Магия книги: Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. М.: Книга, 1990. С. 134.

[84] Баренбаум И.Е. Книговедение и электронная книга // Книга. Исследования и материалы. М.: Терра, 1999. Сб. 76. С. 14.

которое, по словам академика С.С. Аверинцева (1937–2004), сплачивает «любовь к слову» и которое «выясняет сущность духовной культуры человечества через языковый и стилистический анализ письменных текстов». Это «содружество» именуется *филология*[85]. Сущность филологии Аверинцев видит «не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания. Одна из главных задач человека – понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся исчислению вещь, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но также перед каждой эпохой, перед всем человечеством. Филология есть служба понимания и поможет выполнению этой задачи» (с. 456). Филологическая «любовь к слову» – одно из проявлений магии книги, поэтому книговедение входит в «содружество» филологических дисциплин, и в его функциональной направленности должна присутствовать *филологическая функция*, заключающаяся в понимании и разъяснении гуманистического наследия, воплощенного в книжных фондах, созданных человечеством. Именно эта филологическая функция является *видовой* сущностью теории книги, отличающей её предмет не только от библиотековедения и библиографоведения, но и от учений об издательской деятельности и книжной торговле, входящих в комплекс книговедческих дисциплин.

Теперь нам известны все функциональные признаки, которые должны войти в дефиницию книги. Осталось сформулировать эту дефиницию в удобочитаемом виде. Не будем мудрствовать лукаво, а обратимся к классикам книговедения. М.Н. Куфаев (1888–1948) произнес в 1921 г. пророческие слова: ««Правильнее всего понимать книгу как *вместилище всякой мысли и слова, облеченных в видимый знак* (курс. Куфаева)»[86]. Современник М.Н. Куфаева Н.М. Сомов (1867–1951) в своем библиологическом сочинении исходил из дефиниции: Книга – «всякий материал, удобочитаемый и легко переносимый, на котором графически закреплены какие-либо мысли»[87]. «Удобочитаемое и портативное вместилище мысли и слова, предназначенное для выполнения коммуникативной

[85] Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. Киев: Дух и литера, 2006. С. 452–456.

[86] Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004. С. 61–62.

[87] Сомов Н.М. Сущность книговедения. Библиологический очерк. М., 1933. С. 9.

функции», – вот формулировка, показывающая, что Книга в сущности – разновидность коммуникационного сообщения. Немного уточняя формулировку М.Н. Куфаева и дополняя её свойствами, отмеченными Н.М. Сомовым и другими книговедами, получаем следующую дефиницию:

Книга *– долговременное портативное сообщение, выраженное человекочитаемыми знаками и предназначенное для передачи социально ценных духовных смыслов численно неопределенным аудиториям читателей.* В этой дефиниции учтены следующие функциональные свойства книги:

а) *коммуникабельность* – выполнение коммуникативной функции путем передачи в пространстве и времени духовных смыслов (мыслей) – результатов духовной деятельности авторов в виде знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий, которые они хотят обнародовать;

б) *мемориальность* – передача смыслов во времени: если материальная форма является стабильной, книга становится долговременным (в принципе – вечным) и в то же время портативным *хранилищем социальной памяти*;

в) *информативность* заключается в том, что книга представляет собой сообщение, адресованное численно неопределенным аудиториям современников и потомков;

г) *ценность* обусловлена тем, что её содержание образуют не любые, а *социально ценные смыслы*, создаваемые не только автором, но и редакторами, рецензентами, художниками-дизайнерами, издателями, посредниками; книга – результат *коллективного* труда, *форма социализации индивидуального творчества*;

д) *филологичность* книги воплощается в знаковых структурах (текстах и изображениях), образованных *человекочитаемыми* (воспринимаемыми органами чувств человека) *знаками* (способ производства знаков – рукопись или полиграфическая печать – не является сущностным признаком книги);

е) книга *антропоморфична,* то есть соразмерна физическим и умственным параметрам человеческого организма, что обеспечивает доступ к её содержанию без посредничества технических устройств (очки не в счет).

Если обратиться к теории и практике книгоиздательской деятельности и книжной торговли, то нетрудно установить, что и той, и другой присущи в соответствующих отраслевых формах *родовые* сущностные функции – мемориальная, коммуникативная,

информационная, аксиологическая. В этом проявляется их генетическая общность. А их функциональная специфика выражается *видовыми* сущностными функциями: издательскому институту книгопечатания свойственна *производственная* функция (тиражирование книг), а книготорговому институту – функция *коммерческой прибыли* (торговля всегда нацелена на получение прибыли). Следовательно, книгоиздательский и книготорговый институты обладают четырьмя родовыми сущностными признаками, общими для всех институтов библиосферы, и одним специфическим видовым признаком, отличающим их по существу от родственных библиосферных институтов. Разумеется, книжное дело не обходится без прикладных (производных) функций, которые были хорошо известны книгоиздателям коммерсантам и просветителям в XIX веке, советским бойцам книжного фронта и предпринимателям постсоветского времени.

Общность родовых сущностных функций, обнаруженная нами в библиотечном, библиографическом, книгоиздательском, книготорговом социальных институтах, а также в феномене книги, конечно, не случайна. Она позволяет предположить общее общественное назначение и единство происхождения (генетическое родство) социальных институтов, находящихся в пространстве суперсистемы «библиосферы». Рассмотрим теперь на уровне метатеоретического обобщения сущностные функции библиосферы.

4. Сущностные функции библиосферы. Мы определили, что социально-коммуникационным системам, образующим суперсистему библиосферы, присущи одинаковые сущностные функции, которые были названы «родовыми». Поскольку «родовой» системой является библиосфера, то можно сделать вывод, что библиосфера в качестве суперсистемных сущностных функций должна выполнять именно эти функции:

- Коммуникативная,
- Мемориальная,
- Информационная,
- Аксиологическая.

Поскольку в наименовании функций использованы неоднозначные термины «коммуникация» и «информация», необходимо уточнить содержание названных функций во избежание нежелательной путаницы. Эти уточнения необходимы для правильного понимания дальнейшего текста.

Первое. Коммуникативная социальная функция библиосферы, очевидно, заключается в активном участии и организационно-техническом обеспечении социальной коммуникации. *Социальная коммуникация* в данном случае есть *смысловая* коммуникации и понимается как движение воплощенных в знаковой форме смыслов (знания, умения, эмоции, волевые побуждения, фантазии) в социальном пространстве и социальном времени. Коммуникация осуществляется в двух режимах: а) движение смыслов в социальном *времени*, когда обеспечивается их сохранение в составе социальной *памяти*; б) движение смыслов в *пространстве,* когда происходит оповещение реципиентов о новых смыслах, появившихся в *настоящем времени.*

Второе. Сохранение смыслов в социальном времени в качестве элементов социальной памяти есть не что иное, как выполнение *мемориальной* социальной функции. С другой стороны, оповещение о новых сведениях (известиях, новостях) представляет собой информационную деятельность, которой профессионально занимаются СМИ – электронные и печатные средства массовой информации. Получается, что мемориальная функция и информационная функция – *это два различных режима выполнения коммуникативной функции*, то есть два частных случая смысловой коммуникации.

Третье. Осмысливая информационную функцию библиосферы, необходимо учитывать неоднозначность значения слова «информация», которое понимается не только как «оповещение о новых сведениях». Информация часто отождествляется со смысловым содержанием коммуникационных сообщений, в том числе книг (сочинения Пушкина – это информация), и тогда библиотека становится информационным центром, осуществляющим единственную сущностную функцию – информационную. Развернутое обоснование этой точки зрения содержится в трудах В.В. Скворцова, который писал: «Информационная функция библиотеки – это совокупность видов её деятельности по информационному обеспечению материального и духовного производства и воспроизводства. Реализуется она в виде процесса удовлетворения информационных потребностей читателей библиотеки массивами информации, накопленными в ней, а также другими доступными источниками информации»[88].

[88] Скворцов В.В. Концепция библиотеки в современном российском библиотековедении // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. Опыт монографического исследования / сост. Ю.П. Мелентьева; науч. ред. Л.М. Инькова. М.: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2003. С. 170.

Смущает тот факт, что утверждение о проявлении информационной функции во всех видах библиотечной деятельности плохо согласуется с призывом к информатизации библиотек. Так, Российская библиотечная ассоциация (РБА), в 2006 г. выступила с «Манифестом об информатизации публичных библиотек», где во первых строках говорится: «Информатизация должна быть признана и поддержана всеми органами государственного и местного управления как магистральное направление развития публичных библиотек на современном этапе»[89]. Зачем, спрашивается, информатизировать библиотечно-информационные учреждения, то есть информатизировать органично присущую им информационную функцию? Зарождается подозрение, что теоретики информатизации и практики информатизации говорят на разных языках и о разных предметах. Теоретики уверяют, что нет и быть не может «неинформационных» библиотек, а практики, не ведая об этом, разрабатывают проекты информатизации информационных учреждений. Дело в том, что теоретики имеют в виду семантическую информацию, содержащуюся в книгах, а практики ориентируются на машинную информацию, циркулирующую в компьютерах и телекоммуникационных сетях, прежде всего Интернете. Это два *разных* типа информации.

Четвертое. К сожалению, наша Государственная Дума внесла свою лепту в информационную неразбериху. В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006 г.) сказано, что «информация – сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления», и никаких качественных разграничений между типами информации не предусматривается. Получается, что информационной операцией следует считать и оцифровывание текста статьи, и перевод этого текста на иностранный язык, хотя осуществляются они в разных реальностях – в техносфере и в социосфере.

Пятое. Понимание качественного различия между семантической информацией и машинной информацией имеет ключевой значение для ориентации в информационной проблематике и терминологии. Продемонстрируем это различие в таблице 2.

[89] Информационный бюллетень РБА. 2006. Вып. 22.

Таблица 2.

Параметры	Семантическая информация	Машинная информация
Область реализации	Естественная ***социосфера***	Искусственная ***техносфера***
Схема коммуникации	Коммуникант – Сообщение – Реципиент	Передатчик – Сообщение – Приемник
Канал связи	Устная или письменная речь	Проводная или радиосвязь
Содержание сообщения	***Смыслы*** (сведения) – знания, умения, эмоции, волевые стимулы, фантазии	***Команды*** (управляющие сигналы), ***данные*** для обработки
Форма сообщения	Человекочитаемые знаки	Машиночитаемые сигналы
Элементы сообщения	***Знак*** – единица смысла, представляющая собой единство идеального значения и материальной формы	***Сигнал*** – единица кода, представляющая собой изменение физической величины, используемое для передачи сообщения
Критерий получения сообщения	***Понимание*** – критерий получения сообщения человеком	***Декодирование*** – критерий получения сообщения приемником
Дефиниция	***Семантическая информация*** – способ выражения духовных смыслов посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков	***Машинная информация*** – способ передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов

Под ***информационной сущностной функцией в библиосфере*** будем понимать *движение в социальном пространстве семантической информации, оповещающей о* ***новых, ранее не известных смыслах*** *(сведениях).* Распространение уже известных, ретроспективных сведений в библиосфере является прерогативой не информационной, а мемориальной функции. Преобразование человекочитаемых семантических сообщений в машиночитаемую форму и телекоммуникация их в геометрическом пространстве представляет собой *информационную* ***технологическую*** *функцию*, которая осуществляется в области пересечения техносферы (машинных информационных технологий) и библиосферы – традиционного хранилища произведений письменности и печати.

Поскольку всякое осмысленное коммуникационное сообщение обладает содержанием, адресованным определенному кругу реципиентов (вспомним о целевом и читательском назначении книги), его можно считать ценностью, ориентирующей сознание людей. Особенно ценными являются футурологические (прогностические) предсказания возможного будущего. Таким образом, коммуникативная функция библиосферы неразрывно связана с *аксиологической* (ценностно-ориентационной, оценочной) сущностной функцией книги, библиотеки, библиографии, так же как с *мемориальной и информационной* функциями.

Следовательно, коммуникативная функция – это не рядовая социальная функция, а наименование ***интегральной функции*** (общественного назначения) библиосферы, которое реализуется в трех «родовых» сущностных функциях – мемориальной, информационной, аксиологической, и видовых функциях, присущих институтам библиосферы. Именно коммуникативная интегральная функция является той функцией, которую Ю.Н. Столяров назвал «эмерджентной» и *«документо-коммуникационной»* функцией, представляющей собой *акт коммуникации* между библиотечным фондом и контингентом пользователей[90]. В итоге получаем, что суперсистеме «библиосфера» свойственна ***функциональная система сущностных функций***, имеющая следующую структуру:

- Коммуникативная функция – интегральная функция, выражающая общественное назначение библиосферы как суперсистемы;
- Типовой набор родовых сущностных функций;
  - Мемориальная – сохранение и использование культурного наследия;
  - Информационная – оповещение о новых актуальных смыслах;
  - Аксиологическая – ценностная ориентация в прошлом, настоящем, будущем.
- Сумма видовых сущностных функций:
  - Кумулятивная библиотечная функция;
  - Поисковая библиографическая функция;
  - Производственная издательско-полиграфическая функция;
  - Коммерческая книготорговая функция.

[90] Столяров Ю.Н. О системных функциях библиотеки и их наименовании. Постановочная статья. // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 6. С. 30–43.

Функциональный подход к библиосфере не может ограничиваться только абстрактными сущностными функциями. Реальное функционирование библиосферы заключается в выполнении прикладных (производных) функций, связанных с удовлетворением различных социально-культурных потребностей общества. Прикладные функции необходимо включить в функциональную структуру библиосферы. Обратимся к решению этой задачи.

5. Прикладные функции служат для мобилизации ресурсов библиосферы, способных удовлетворить те или иные социально-культурные потребности российского социума. Можно схематично представить следующую причинно-следственную последовательность:

Социокультурная потребность → Прикладная функция → Ресурсы библиосферы.

Покажем эту последовательность для типичных социально-культурных потребностей, свойственных индустриальной российской цивилизации. Круг этих потребностей чрезвычайно широк и разнообразен. В него входят: образование и воспитание молодого поколения, массовая культура гражданского общества, информационный сервис науки, бизнеса и общественного производства, сохранение идентичности и национальной памяти, управление массовым общественным сознанием и организация культурного досуга граждан, не говоря о других социальных потребностях (см. Таблицу 3).

Таблица 3.
Социально-культурные потребности индустриальной цивилизации.

Социально-культурные потребности	Прикладные функции	Ресурсы библиосферы
1. Образование и воспитание молодого поколения	Педагогическая, Образовательная	Детские и школьные биб-ки, литература для детей и юношей
2. Массовая культура гражданского общества	Просветительская Развлекательная	Коммерческое книгоиздание, общедоступные библиотеки
3. Информационный сервис науки, бизнеса, др. отраслей	Научная информация, деловая информация	Научные (деловые) службы, литература, библиография

4. Сохранение идентичности и национальной памяти	Социализация Национализация	Национальные, региональные биб-ки, литературная классика
5. Управление массовым общественным сознанием	Идеологическая, Идейно-воспитательная	Общедоступные библиотеки, массовая периодика
6. Организация культурного досуга граждан	Культурно-досуговая, Гедонистическая	Общедоступные библиотеки, худож., науч.- популяр. лит-ра
7. Адаптация граждан с ограничениями здоровья	Реабилитация Гуманизация	Библиотеки для слепых и спец. литература

Как видим, библиосфера располагает богатыми ресурсами для обеспечения деятельности творческих институтов, для удовлетворения духовных потребностей населения, для сохранения, воспроизводства и развития национальной культуры. Ресурсы эти представляют собой различные типы библиотек и библиографических служб, располагающих системно организованными ценностями, удовлетворяющими потребности общества. Ресурсными ценностями являются: а) документные фонды (первичные и вторичные документы); б) компетентные кадры; в) материально-технические средства. Ресурсные ценности служат для выполнения библиотеками (библиографическими службами) типологически предписанных им прикладных функций. В таблице 3 перечислены некоторые из типичных прикладных функций: педагогическая (образовательная), просветительская, культурно-досуговая, научно-информационная, идеологическая (идейно-воспитательная), идентификационная, реабилитационная и др. Прикладные функции можно рассматривать в качестве *услуг*, предоставляемых институтами библиосферы для удовлетворения социально-культурных потребностей населения. Индустриальное общество потребления оценивает полезность библиотек и библиографии по количеству и качеству предоставляемых услуг, то есть прикладных функций. Однако специалистам библиотечного и библиографического дела необходимо понимать, что эффективность (полноту, точность, оперативность) обслуживания читателей обусловливают родовые и видовые сущностные функции – главный функциональный механизм библиосферы. Поэтому ценностные ресурсы (фонды, кадры, материально-технические средства) следует ориентировать на развитие сущностных функций библиотечных и библиографических систем. Ценностный подход

к ресурсам библиосферы актуализирует проблему разграничения понятий «книга» и «документ».

2.1.4. Разграничение понятий «книга» и «документ». В начале XX века, когда получили признание идеи документационной науки и практики, провозглашенные «великим мечтателем» Полем Отле (1868–1944)[91], понятие «книга» стало вытесняться понятием «документ», а реальная библиосфера начала преобразовываться в сферу бытия документации и документационной практики. В 30-е годы в США, Великобритании, Германии, Франции появились научные документационные центры, профессиональные ассоциации и периодические издания по документации. Документация получила признание в качестве авторитетного социального института, что подтверждает переименование в 1938 году Международного библиографического института в Международную федерацию документации (Federation internationale de documentation) со штаб-квартирой в Гааге. Федерация координировала документационную деятельность в мировом масштабе, организовывала подготовку кадров документалистов, курировала развитие Универсальной десятичной классификации (УДК). Правда, понятие «документосфера» МФД не использовала. В 1988 году Международная федерация по документации была переименована в Международную федерацию по информации и документации (International Federation for Information and Documentation). В 2002 году организация прекратила свою деятельность.

Обратим внимание на то, что в международной терминологии слово «documentation» употребляется неоднозначно и понимается как: а) совокупность документов; б) вид профессиональной деятельности; в) наука о документе. Поль Отле отдельный документ определял как «совокупность фактов или идей, представленных в виде текста или изображения и упорядоченных их составителями согласно классификации или плану, которые определены предметом или целью»[92]. Эта формулировка распространялась, как на макродокументы, так и на микродокументы, включая все разновидности архивных документов и музейных экспозиций. В качестве

[91] Отле П. Труды по библиотековедению / Вступительная статья и редакция Ю.Н. Столярова. М.: Либерея, 2002. 232 с.; Он же. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики / предисловие, составление, комментарии Р.С. Гиляревского. М.: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом. 2004. 350 с.

[92] Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики. М., 2004. С. 190.

документационной науки основоположник документации постулировал «книго-архиво-музееведение», интегрирующее содержание библиотековедения, библиографоведения, архивоведения, музееведения с целью выявления общих для них закономерностей. Он назвал эту метатеоретическую дисциплину *документология.* Нас волнует судьба библиосферы в мире документов. Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно уяснить соотношение категории «книга» и категории «документ».

Основоположник документологии Поль Отле, определяя как документ, так и книгу в виде «совокупности фактов или идей, представленных в виде текста или изображения», в логические отношения между исходными понятиями не углублялся. В настоящее время в библиотечно-библиографическом мире принято считать, что *книга – разновидность документа*, то есть родовидовые отношения фиксируются между «документом» (род) и «книгой» (вид). Так, Г.Н. Швецова-Водка предлагает в своем фундаментальном труде следующее «итоговое» определение: «*книга* – это документ, опубликованный, изданный или депонированный, представляемый в общественное пользование через книжную торговлю или библиотеки»[93].

Обратим внимание, что в современной нам научной литературе и в терминологических стандартах вместо развернутой формулировки содержания документа неизменно присутствует термин «информация», которым Поль Отле не пользовался. Например: «Материальный объект, содержащий информацию в закрепленном виде»[94]; «Материальный объект, содержащий запись семантической информации»[95]; «Социальная информация, зафиксированная на материальном носителе созданным человеком способом в стабильной знаковой форме с целью её передачи во времени и пространстве»[96]; «Информация, зафиксированная на материальном носителе с реквизитами, позволяющими его идентифицировать»[97]

---

[93] Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. М.: Рыбари; К.: Знання, 2009. С. 258.

[94] Терминологический словник по теории и практике научной информации / ВИНИТИ. М., 1964. С. 44.

[95] Гельман-Виноградов К.Б. Пространственная одиссея документов как глобальное явление // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 25.

[96] Ларьков Н.С. Документоведение: учеб. пособие / Томский гос. ун-т. М., 2006. С. 48.

[97] ГОСТ Р 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 1998.

и т.д. Надо думать, что «информатизация» документа – событие не случайное и заслуживает осмысления.

Как известно, первооткрывателем проблематики документа в отечественном библиотековедении выступил Ю.Н. Столяров. Если в 1979 году в учебнике по библиотечным фондам он трактовал библиотечный фонд как «систематизированное собрание произведений печати», а понятие «фонд документов» относил к справочно-информационным фондам[98], то уже в 1981, развивая структурно-функциональный подход к библиотеке[99] он доказывал, что «термин «книга» неадекватно отражает понятие, обозначающее элемент, образующий библиотечный фонд как систему» и призывал «пользоваться термином «документ» (с. 69). Правда, вопрос о сущности документа он еще не ставил. Только в 2013 году в качестве итога своих многолетних раздумий Юрий Николаевич обнародовал капитальное учебное пособие «Документология», которое посвящено выявлению сущности документа[100].

Появление документа Ю.Н. Столяров объяснил так: «Изобретен был документ главным образом для получения возможности зафиксировать необходимую информацию и тем самым сохранить её во времени, а при необходимости еще и передать в пространстве» (с. 68). В этом объяснении Юрий Николаевич не совсем точен. Много веков тому назад талантливые люди изобрели не документы, а письменность и книгопечатание, и не для того, чтобы «фиксировать необходимую информацию», а для того, чтобы передавать в пространстве и времени *социально ценные смыслы, т.е. знания, умения, нормативы, фантазии* религиозного, правового, обыденного, потом научного и политического характера. Манускрипты и книги тысячелетиями выполняли *коммуникативную* функцию, которую наши книговеды до сих пор называют изначальной, универсальной, сущностной. Почему в XX веке понадобилось «изобретать документ»?

Сущность документа Ю.Н. Столяров выразил в дефиниции: «***Документ*** *– это информация на материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме*» (курс. автора) (с. 125). Следовательно, – делает вывод автор, – «самая главная, *сущностная функция* документа – *информационная*»

[98] Библиотечные фонды: учебник для библ. фак-тов / под ред. Ю.Н. Столярова и Е.П. Арефьевой. М.: Книга, 1979. С. 10–12.

[99] Столяров Ю.Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. М.: Книга, 1981. 255 с.

[100] Столяров Ю.Н. Документология: учебное пособие. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.

(с. 68). Здесь обнаруживается расхождение между документологами и книговедами. Если вслед за Г.Н. Шевцовой-Водкой и Ю.Н. Столяровым признать, что книга есть разновидность документа, то для нее, как и для всякого документа, главной сущностной функцией должна быть информационная функция, а классики книговедения отдают статус главной сущностной функции книги коммуникативной функции. Явное противоречие! Оно объясняется тем, что документологи придерживается информационного методологического подхода, которым книговеды не пользуются. В чем заключается информационный подход?

Во всяком научном исследовании различаются: *объект* – изучаемый фрагмент реальности, существующий независимо от исследователя, и субъективно выбираемая *методология.* Как неоднократно отмечалось, общенаучными методологиями считаются информационный, системный, функциональный подходы, фундаментом которых являются общенаучные категории «информация», «система», «функция». Исследовательский алгоритм одинаков для всех методологических подходов. Во-первых, исследователь субъективно, по собственному разумению, принимает (или разрабатывает сам) то содержание общенаучной категории, которое, по его мнению, наилучшим образом соответствует решаемой исследовательской задаче. Выбор довольно велик, поскольку общенаучные категории имеют обширный круг дефиниций (особенно богата в этом отношении категория «информация»). Во-вторых, выделяются те аспекты и элементы изучаемого объекта, которые соответствуют принятому содержанию общенаучной категории, например, являются «информационными» или «функциональными». В-третьих, определяются закономерные взаимосвязи изучаемого объекта. Ю.Н. Столяров, выявляя сущность документа, действовал строго в соответствии с алгоритмом информационного подхода. В качестве содержания понятия «информация» он принял не определение «машинной информации» или узаконенную трактовку Государственной Думы (см. раздел 2.1.3), а формулировку «семантический информации», приведенную в таблице 2. Ради ясности процитируем эту формулировку: *семантическая информация* – способ выражения духовных смыслов посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков. Взглянув на те объекты, которые называются «документами», Столяров увидел, что их содержание представляет собой «духовные смыслы, выраженные посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков», то есть информацию в принятом им

значении. Отсюда безупречные в контексте информационного подхода выводы о том, что документ – это *информация зафиксированная на материальном носителе* и что главная функция документа – *информационная*. Не случайно эти положения повторяются в литературе по информатике, документалистике, кибернетике и других дисциплинах, так или иначе затрагивающих вопрос о сущности документа.

Например, документалист-кибернетик Г.Г. Воробьев в докторской диссертации «Информационная теория документа», защищенной в 1979 г. на стыке документалистики и информатики, рассматривал документ в системе коммуникации в качестве «посредника между источником (автором) и приемником (реципиентом)» и предложил следующую дефиницию: «под документом понимается семантическая информация, выраженная на любом языке и зафиксированная любым способом на любом носителе с целью её обращения в динамической системе, иными словами, все то, что в принципе может храниться в архивах, библиотеках, музеях»[101]. Формулировка здравомыслящего Геннадия Григорьевича привлекает простотой и практичностью: та зафиксированная семантическая информация, которая признается достойной хранения в современных архивах, библиотеках, музеях, это и есть документы, а прочие естественные или искусственные предметы документами в наши дни не считаются. В новейшем учебнике для библиотечно-информационных бакалавров сказано: «В библиотечно-информационной сфере целесообразно понимать документ как информацию, зафиксированную на материальном носителе и предназначенную для её сохранения и передачи во времени и в пространстве»[102].

Не могу не сделать лирическое отступление, чтобы поблагодарить документолога Столярова за то, что он выбрал в своей информационной интерпретации документа *семантическую* (смысловую) информацию. Если бы на его месте оказался основоположник информациологии И.И. Юзвишин, утверждавший, что «информация – всеобщая генеративная основа природы и общества; универсальное генеративное поле Вселенной и универсальное начало всех начал; безальтернативный первоисточник развития

[101] Воробьев Г.Г. Информационная теория документа. Автореферат дисс. …. доктора технич. наук. / МГИАИ. М., 1979. С. 6.

[102] Документоведение. Часть 1. Общее документоведение: учебник / Г.Ф. Гордукалова, Т.В. Захарчук, Е.А. Плешкевич: науч. ред. Г.В. Михеева. СПб.: Профессия, 2013. С. 69.

и благосостояния народов Мира»[103], то мы получили бы такую космическую документологию, в которой не только библиосфера, но и астрономическая Галактика выглядела бы частным «микроинфогеном». Теперь же мы имеем *информационно-семантическую документологию*, в рамках которой цитированные определения понятия «документ» оправданы и обоснованы. Важно обратить внимание на то, что в метатеоретической документологии феномен коммуникации, в отличие от информации, – реальный объект изучения, а не методологический подход, в то время как информация выступает в качестве варьируемой категории методологического подхода, а не в качестве познаваемого объекта.

Если вернуться к вопросу, почему потребовалось «изобретать документ» в XX веке, то ответ, по-видимому, заключается в том, что документ лучше соответствует требованиям машинных информационных технологий, чем архаичная книжность. Скажем так: информационная интерпретация документа – технологична, а коммуникативная сущность книги – филологична. При внедрении в библиосферу компьютерных информационных систем удобнее оперировать документальными потоками, а не множествами книг. Почему? Потому что документы хорошо унифицируются и форматируются, в отличие от книг, имеющих разнообразное целевое и читательское назначение, сложное духовное содержание, плохо поддающееся формализации. Поэтому в проектах информатизации, компьютеризации, автоматизации библиотек и библиографии никогда не пользуются понятием «книга», а всегда обращаются к понятиям «документ», «документный (информационный) фонд», «обработка документов» и т.п. Чтобы показать технологические достоинства документа, сопоставим дефиниции книги и документа.

В разделе 2.1.3 была выработана, напомним, следующая дефиниция: ***Книга*** *– долговременное портативное сообщение, выраженное человекочитаемыми знаками и предназначенное для передачи социально ценных духовных смыслов численно неопределенным аудиториям читателей*. Здесь учтены шесть сущностных признаков: коммуникабельность, мемориальность, информативность, ценность, филологичность, антропоморфичность, которые свидетельствуют о том, что книга суть коммуникационное сообщение. Согласимся с документалистами начала XX века, подразделявшими произведения печати на «макродокументы», то есть книги

[103] Юзвишин И.И. Основы информациологии: учебник. М.: Высшая школа, 2001. С. 587.

и «микродокументы» – газетные и журнальные статьи, научно-технические отчеты, фирменные материалы, патентные описания, стандарты, реклама и прочие «спецвиды литературы». Тогда для того, чтобы, имея определение книги (макродокумента), получить дефиницию обобщающего понятия «документ», нужно осуществить операцию *редукции*: из определения книги исключить те признаки, которые присущи только книгам, но не микродокументам, тогда оставшиеся образуют содержание понятия «документ».

Операция редукции была произведена нами совместно с Т.Ф. Берестовой, в результате чего были выявлены как общность, так и формальные и существенные различия между книгами и документами[104]. Общим функциональным свойством всех книг и всех документов является свойство *коммуникабельности*. Это определяющее сущностное качество всех коммуникационных сообщений, которое конкретизируется в свойствах *мемориальности* и *информативности.* Формальные отличия документов от книг заключаются в том, что документы не обязательно портативны и адресованы широким аудиториям, они могут служить хранилищем как социальной, так и индивидуальной памяти. Существенны следующие три отличия книжной и документной коммуникации.

1). Смысловое содержание книг обладает *б**о**льшей социальной ценностью*, чем содержание документов, поскольку литература используется для передачи фундаментальных знаний и верований, эмоций и фантазий, которые адресованы многочисленным современникам и будущим поколениям. Правда, книжная форма не является гарантией социальной ценности полиграфического продукта, ибо тиражируется немало социально малозначимых книжных изданий[105], но все-таки с аксиологической точки зрения Книга предпочтительнее Документа. В отличие от авторов книги те, кто создает документ, не всегда намереваются его обнародовать, нередко записи,

[104] Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс. Очерки о прошлом и будущем библиографической науки. Челябинск: ЧГАКИ, 2014. С. 223–226.

[105] Примерный перечень социально малозначимых книжных изданий, составленный книговедом К.М. Сухоруковым, включает: справочники и расписания движения транспорта, почтовые и телефонные справочники, отрывные и перекидные календари, рекламные каталоги, сборники кроссвордов, астрологические прогнозы, временные ведомственные инструкции и т.п. (Сухоруков К.М. «Социальная значимость документов»: проблемы определения и учета критерия в федеральном законодательстве об обязательном экземпляре // Библиотековедение. 2012. № 4. С. 41.

зарисовки и т.п. индивид делает только для себя, следовательно, большинство документов являются продуктами индивидуального, а не коллективного труда. В социальных коммуникациях есть документы непубликуемые, есть конфиденциальные, предназначенные только для строго определенных групп, есть секретные, которые могут быть открыты только после многих лет хранения. Поэтому документы передают *любые*, а не только *социально ценные смыслы*, воплощаемые преимущественно в книжной форме.

2). Книга *антропоморфична* и представляет собой произведение письменности или печати, образованное человекочитаемыми знаками, соответствующими физическим и умственным параметрам человеческого организма; документы же могут быть оформлены *машиночитаемыми знаками*. Доступ к содержанию документа может осуществляться как с *использованием технических устройств,* так и *без их посредничества.*

3). Качество филологичности (магия книги), имеющее эмоциональную составляющую, присуще только произведениям письменности и печати, а никак не машиночитаемым документам. Отсюда следует, что базы данных на CD-ROM, DVD, электронные издания, представленные на книжном рынке, книгами не являются, так как не выдерживают критерий человекочитаемости. Парадоксально, но оцифрованные книжные фонды библиотек утрачивают качество филологичности и становятся машиночитаемыми документными фондами (информационными ресурсами).

С учетом отмеченных отличий документа от книги получаем *книговедческую* дефиницию документа, производную от дефиниции книги, выведенной на книговедческом материале, а именно: ***Документ*** *– долговременное сообщение, служащее для передачи любых смыслов, выраженных любыми коммуникабельными знаками*. Технологическое преимущество документа перед книгой заключается в упрощении структуры (исключаются аксиологические оценки, антропоморфичность и филологичность) и способности оперировать любыми смыслами и любыми коммуникабельными знаками. Вместе с тем, надо заметить, что, если вернуться к цитированному выше *информационно-семантическому* определению документа Ю.Н. Столярова и вставить в него определение семантической информации, то получим развернутую формулировку дефиниции документа, которая, к нашему удовольствию, *буквально совпадает* с книговедческой формулировкой, при условии, что «долговременное сообщение» предполагает «материальный носитель»; «любые

смыслы», с которыми оперируют документы, есть продукты духовной деятельности – знания, умения, эмоции, волевые воздействия, фантазии; наконец, «любые коммуникабельные знаки» – это знаки человекочитаемые и машиночитаемые. Чтобы завершить терминологический экскурс, отметим, что общим недостатком, как книговедческого, так и информационно-семантического определения документа является вуалирование коммуникативной сущности документа. Ведь во всякой конкретной теории документ – коммуникационное сообщение. Отсюда вытекает *метатеоретическое* определение: ***Документ*** *– коммуникационное сообщение, имеющее стабильную вещественную форму и смысловое содержание, выраженное знаками.* Разграничение понятий «книга» и «документ» необходимо для определения будущей судьбы библиосферы: предстоит ли ей перерождение в «документосферу» или все-таки книга сохранится в постиндустриальном обществе знаний?

2.1.5. Документосфера как инфраструктура культуры. Учитывая метатеоретическое определение документа, будем понимать под ***документосферой*** *ту область культурного пространства социума, где создаются, передаются, хранятся и используются документы.* Если при определении суперсистемы библиосферы мы фиксировали в виде атрибута «книжное пространство» (см. 2.1.2), то для определения документосферы будем оперировать более широкими культурологическими понятиями, соответствующими метатеоретическим воззрениям. Здесь уместна категория «культурное пространство», определяемая как «поле (по аналогии с физическими полями), порождаемое взаимодействиями и воздействиями ценностей культуры», которые «воплощаются, опредмечиваются в различных носителях и создают своеобразную духовную атмосферу»[106]. Достоинство данной трактовки в том, что она исходит из представления культурного пространства не как пассивного вместилища исторически унаследованных артефактов и стереотипов, а как «национального достояния России» и «необходимого условия человеческого существования». Очевидно, что именно в документосфере концентрируются социально-коммуникационные институты (архивы, библиография, библиотеки, книгоиздание, книжная торговля, научно-техническая информация), которые обеспечивают оформление и коммуникацию культурных ценностей, включая культурное наследие, в социальном пространстве и историческом

[106] Теория культуры: учеб. пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. С. 437.

времени. Следовательно, документосферу можно рассматривать в качестве ***инфраструктуры*** (необходимой вспомогательной суперсистемы) национальной культуры.

В культурном пространстве документосферы осуществляются познавательные, коммуникационные, управленческие процессы, удовлетворяющие потребности всех субъектов отечественной культуры. Уточним содержание названных процессов.

Познание – документирование, представляющее собой ввод смыслов в документосферу с целью удовлетворения *познавательных потребностей* общества, социальных групп и индивидуальных личностей. Смыслы создаются вне документосферы, этим заняты творческие социальные институты: наука, философия, публицистика, искусство, народное творчество. Ввод в документосферу начинается с оценки и отбора социально ценных смыслов и документального оформления их посредством коммуникабельных знаков, представляющих собой записи на естественном или искусственном языке, изображения, условные обозначения (индексы), вещественные экспонаты (документы трех измерений). Документирование завершает включение отобранных смыслов в документосферу и является предпосылкой последующих операций.

Коммуникация смысловая – социально-культурная деятельность, заключающаяся, во-первых, в информировании (оповещении) о новых (оперативных) смыслах; во-вторых, в хранении социально ценных смыслов (социальная память). *Информирование* есть движение смыслов (знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий) в социальном пространстве, а *социальная память* есть сохранение смыслов в социальном времени. Благодаря информированию и социальной памяти документосфера удовлетворяет *информационную и мемориальную потребности* социума, выступая в роли посредника (медиатора) между культурным наследием общества и его нынешним и последующими поколениями.

Управление (организация) – социально-культурная деятельность, представляющая собой целенаправленное воздействие (включая манипулирование, принуждение и контроль) со стороны субъекта, имеющего властные полномочия, на некоторые социальные объекты. В качестве управленческих воздействий могут использоваться все виды смыслов (от знания до фантазий), воплощенные в различные управленческие документы – от конституции страны до расписания поездов. Разумное управление удовлетворяет потребность общества в *самосохранении*.

Учитывая сказанное, можно документосферу разделить на четыре ***функциональных сектора***:

1. *Познавательный сектор*, служащий транслятором смыслов, оформленных в виде документов, соответствующих принятым технологическим нормам. Передачу знаний и умений из поколения в поколение осуществляет народное образование – начальная, средняя, высшая школа. Традиционным источником социальных смыслов является также редакционно-издательский и полиграфический институт, с которым связаны основные творческие институты, в том числе – художественная литература и политическая публицистика. Библиография как поисковая инфраструктура документосферы относится к познавательному сектору, поскольку всякий поиск – процесс выявления неизвестного. Так как «музеи служат делу просвещения и воспитания членов общества»[107], они выполняют в документосфере познавательную функцию.

2. *Информационный сектор*, обеспечивающий оперативное распространение новых актуальных смыслов в форме документов или, если нужно, в недокументальной форме. Сюда относятся все периодические издания, текущая беллетристика, научно-информационные, публицистические, политические, рекламные и тому подобные публикации. Сети публичных муниципальных, школьных, детских, научно-технических, военных библиотек соответствуют профилю этого сектора. Для дальнейшего развития информационного сектора документосферы актуальной проблемой является сочетание с электронной массовой коммуникацией и Интернетом.

3. *Сектор социальной памяти* представляет собой документированный символ нации. Он включает национальные универсальные и отраслевые книгохранилища, региональные (краевые, областные) научные библиотеки, органы национальной (государственной) библиографии, сеть архивов и музейную сеть. Строго говоря, историко-культурные памятники в виде шедевров архитектуры, дворцовых комплексов, храмов и т.п. должны войти в данный сектор, но это зависит от интерпретации категории «документ». Социальная память является предметом исследования и оформления исторической науки, основывающейся на документах, достоверность которых обеспечивают исторические вспомогательные дисциплины.

4. *Управленческий сектор* обеспечивает законотворческую и политическую деятельность государственной власти,

[107] Философия музея: учеб. пособие / под ред. М.Б. Пиотровского. М.: Инфра-М, 2013. С. 5.

организацию общественной жизни на местах, бюрократическое делопроизводство всех учреждений, фирменный менеджмент и т.п. Именно этот сектор обладает глубочайшими историческими корнями, восходящими к древнеегипетским фараонам и «Законам Хаммурапи» XVI в. до н.э.

Функциональный анализ документосферы логично выводит нас на проблему институционализации учреждений культуры. Как связаны документосфера и культура? Современная культурология не дает ответа на этот вопрос. Сбивает с толку ведомственно-отраслевая трактовка, в которой культура фигурирует как область деятельности культурно-просветительных и культурно-досуговых учреждений (библиотеки, дворцы и дома культуры, парки, музеи, театры и т.д.), находящихся под эгидой министерства культуры. Согласно ведомственному подходу, документосфера относится к сфере культуры, в отличие от образования, массовой коммуникации, науки, искусства, которые управляются другими, «некультурными» ведомствами. С позиции этой трактовки словосочетания «культура и искусство», «культура и образование» не выглядят логически несоразмерными. Выходит, что учреждения Министерства культуры создают и распространяют культурные ценности, а другие социальные институты к этим ценностям отношения не имеют. Подобное понимание культуры выглядит произвольным и неубедительным. Ведь при изменении области, подведомственной Министерству культуры (такие случаи известны – достаточно вспомнить Наркомпрос, который ведал одновременно школами и внешкольными учреждениями, позже ставшими «учреждениями культуры»), приходится пересматривать границы пространства культуры.

Если оставить в стороне исторические и ведомственные стереотипы, то внутри документосферы с её довольно произвольно очерченными границами можно выделить следующие четыре относительно обособленные *профессиональные сферы*, различающиеся целевой направленностью и организацией практики, профессионализацией кадров, историческими традициями и перспективами информатизации:

1. *Архивно-управленческая сфера*, специализирующаяся на сборе и хранении распорядительной, статистической и прочей документации, соответствующей архивным нормативам. В первые годы Советской власти был принят ряд декретов, направленных на создание Единого государственного архивного фонда. Перед архивами были поставлены вопросы научно-исследовательского

характера, связанные с установлением документов, «не имеющих значения для изучения истории, дипломатических сношений, политической, общественной, экономической и вообще каждой жизни в разных её проявлениях» и поэтому могущих быть уничтоженными (Декрет СНК РСФСР «О хранении и уничтожении архивных дел»). Таким образом, актуализировались фундаментальные проблемы качественной оценки, отбора и последующего хранения архивных документов. Эта работа была продолжена в последующие десятилетия, отмеченные заметным прогрессом в области архивоведения и документоведения[108], осознанием исторической, научной, управленческой и правовой ценности документов. Внимание к теоретическим проблемам документоведения особенно усилилось в связи с разработкой и внедрением Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) в 1960-х. Для этих целей в 1966 г. в системе Главного архивного управления при Совете Министров СССР был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Вскоре появились первые специальные теоретические работы, посвященные выяснению объекта документоведения и феномена документа.

Архивные документы проходят четыре стадии бытования, которые четко разграничил В.П. Козлов. «Первая стадия – создание (вне архивной отрасли). Вторая стадия – существование документа в качестве регулятора процессов, явлений, событий действительности, когда он выполняет властные, исполнительные, организационные, коммуникативные, информационные и другие функции. После утраты документом своего оперативного значения по итогам экспертизы ценности он может быть уничтожен, либо оставлен для долгосрочного или вечного хранения в архиве, которое является третьей стадией бытования документа. Описание архивного документа, снятие ограничений на доступ к нему превращает его в публичный архивный документ и переводит на четвертую стадию бытования в качестве исторического источника»[109]. Таким образом, архивное дело охватывает две последовательные стадии: стадию три – комплектование и хранение архивных фондов, предмет *архивоведения* как комплексной научной дисциплины, изучающей и разрабатывающей теоретические, методические и организационные вопросы

[108] Малитиков А.С. Основные направления документоведческих и архивоведческих исследований в СССР (1956–1970 годы). Автореферат дисс. … кандидата исторических наук / МГИАИ. М., 1971. 22 с.

[109] Козлов В.П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 11.

архивного дела и его историю; стадию четыре – аналитико-синтетическая обработка собранных документов, предмет *археографии* как научной дисциплины, разрабатывающей принципы и методы подготовки документальных публикаций (теоретическая археография) и осуществляющей практическую их реализацию (прикладная археография).

2. *Библиосфера* – сложившаяся на индустриальном этапе техногенной цивилизации система книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая сохранение, воспроизводство и дальнейшее развитие национальной культуры. Проще говоря: область создания, тиражирования, распространения, хранения, использования произведений письменности и печати на бумажных или иных долговременных носителях (см. раздел 2.1.1).

3. *Музейная сфера*, специализирующаяся на сборе, хранении, экспонировании «документов трех измерений» (проба грунта лунной поверхности, реликвия, памятник культуры и т.д.), обладающих научной или культурно-исторической ценностью. Музейный социальный институт осуществляет документирование объектов природы и созданных человеком музейных предметов, комплектует музейные фонды, занимается их хранением и изучением, а также выполняет функции образования и воспитания посетителей музея. Научно-методической основой музейного дела служит м*узееведение* – общественная наука, изучающая музей как общественный институт, процессы сохранения, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов.

4. *Инфосфера*, концентрирующаяся вокруг понятий «информация» и «электронная документация», включая интернетосферу, базирующуюся на сети Интернет (см. 2.4.3).

Нельзя не отметить отраслевую обособленность и специфичность перечисленных документальных «сфер». Эта обособленность наглядно проявляется в формулировках базового понятия «документ», бытующих в различных «сферах». Архивы, библиотеки, музеи руководствуются собственными (частично совпадающими) критериями отбора, комплектования, обработки, предоставления доступа и использования фондированных объектов, отсюда появление в разных отраслях культуры собственных отраслевых понятий «документ». Поскольку в культурном пространстве регулярно пересматриваются культурное наследие и технологии коммуникации, соответственно изменяются объем и содержание отраслевых понятий «документ». То, что вчера считалось ценным и прекрасным, завтра

может быть объявлено бесполезным и безобразным. Вспомним о компаниях по «чистке фондов» советских библиотек[110]. Дефиниции документа, цитированные в разделе 2.1.4, генетически связаны с категорией Книга и соответствуют книжному пространству библиосферы. Приведем формулировки, разработанные вне библиосферы.

Классик отечественного документоведения Ким Борисович Гельман-Виноградов (1925–2010), отмечал, что «наиболее значительные сложности трактовки понятия «документ» возникают в связи с развитием представлений о возможности расширительного или одностороннего, предельно узкого его истолкования»[111]. По мнению ученого документоведа, в отрасли книжного дела некорректно использовать расширительное понимание документа и утверждать, что можно «причислить к документам все материальные объекты, которые могут быть использованы для передачи информации в обществе (включая экспонаты музеев, архитектурные памятники, образцы пород и т.п.)»[112]. Ким Борисович решительно возражает против «притязаний» библиотековедов на формирование документоведения в качестве «обобщающей науки о документе», ибо документоведение «уже давно существует в качестве научной дисциплины», развиваемой в отрасли архивного дела. В этой отрасли документ характеризуется как «результат закрепления информации о предметах объективной действительности и о мыслительной деятельности человека посредством письма, графики, фотографии, звукозаписи или другим подобным способом на любом носителе»[113]. В этом и других документоведческих определениях Гельман-Виноградов считает «основообразующим признаком наличие в их составе записанной информации, что важно иметь в виду, чтобы не отклоняться от выверенного курса при трактовке понятия *документ*»[114]. Собственноручная запись информации её автором, надо думать, должна гарантировать достоверность документа, что немаловажно.

[110] Глазков М.Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939). М.: Пашков дом, 2001. 104 с.

[111] Гельман-Виноградов К.Б. О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления // Делопроизводство. 2005. № 2. С. 16.

[112] Кушнаренко Н.Н. Документоведение: учебник: 3-е изд. Киев: Знання, КОО, 2001. С. 20.

[113] Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. С. 59.

[114] Гельман-Виноградов К.Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы) // Международный форум по информации и документации. 1992. Т. 17. № 1. С. 9.

Другие теоретики архивного документоведения склонны абсолютизировать управленческий потенциал документов, например: «*Документ* – это универсальный социальный инструмент, который служит задачам регулирования социальных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества»[115].

При этом архивоведы стремятся отмежеваться не только от книжного дела, практикующего широкий взгляд на документосферу, но и от музейной отрасли, выполняющей историко-мемориальную функцию. Не случайно К.И. Рудельсон отмечала, что творения природы, выставляемые в музеях и зоопарках, не являются документами в прямом значении[116], а К.Б. Гельман-Виноградов не допускал и мысли, что скульптуру О. Родена «Мыслитель» можно отнести к документам[117]. Вместе с тем в своей докторской диссертации «Машиночитаемые документы периода развитого социалистического общества» (1985) он, отвлекаясь от оценки достоверности, ратует за распространение документов «приспособленных (или пригодных) для автоматического считывания содержащейся в нем информации» и отмечает, что «многие записи заряжены виртуальной информацией (скрытой, трудно уловимой и проявляющей себя лишь при определенных условиях), которая неизвестна даже самим составителям документов, но доступна специалистам, использующим особые методы её извлечения»[118].

Музейная отрасль, как и архивное дело, тесно связана с исторической наукой. Современный историк должен правильно интерпретировать не только произведения письменности, но и другие знаковые артефакты. Здесь на помощь ему приходит совокупность так называемых «вспомогательных исторических дисциплин» (другое наименование – специальные исторические дисциплины), в которую включают палеографию, дипломатику, сфрагистику и эпиграфику, нумизматику и бонистику, геральдику и другие отрасли исторического знания о разного рода знаках. В результате разнообразие исторических документов преумножается и распространяется на музейные хранилища.

---

[115] Двоеносова Г.А. Феномен документа // НТИ. Сер. 1. 2015. № 6. С. 4.

[116] Рудельсон К.И. Современные документные коммуникации. М.: Наука, 1973. С. 17.

[117] Гельман-Виноградов К.Б. О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления // Делопроизводство. 2005. № 2. С. 21.

[118] Гельман-Виноградов К.Б. Источники нуждаются в проникновенном читателе «Отечественные архивы». 2003. № 4. С. 23.

Современная культурная антропология не довольствуется историей письменной культуры, а пытается воспроизвести дописьменную эволюцию человечества. Этой цели служат *археологические музеи,* которые собирают, хранят, изучают и экспонируют предметы, обнаруженные в результате археологических исследований, имеющие историческую и художественную ценность. Объектами музеефикации могут стать также недвижимые археологические памятники – древние городища, погребения, оборонительные, культовые, сооружения. Отсюда музеи-заповедники, музеи-памятники, музеи под открытым небом. В исторических, в том числе археологических, и краеведческих музеях для обозначения единицы хранения используется термин «музейный предмет», в художественных и естественнонаучных музеях предпочитают говорить об «экспонате» в качестве элемента экспозиции. Во многих музеях формируются «коллекции (собрания) документов», включающие письменные, графические, кинофотофонодокументы. Настойчиво отстаивал необходимость обобщающего понятия «документальный памятник» Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013). В одной из своих статей он писал:

«Историки (а также работники архивов, музеев) под документом понимают материальный носитель информации, зафиксированной словом, изображением, звуком и т. д. Все письменные и графические документы – рукописи, машинопись, печатные издания, кинофотоматериалы и звукозаписи, признанные достойными государственной охраны (т. е. хранения в государственных хранилищах или учета государственными органами охраны памятников), могут быть отнесены к документальным памятникам. Терминоэлемент «документальный» подчеркивает отличительные видовые особенности этой части историко-культурного наследия»[119]. Здесь Сигурд Оттович не говорит о различиях в понимании архивных документов и музейных предметов, но о них свидетельствует разработанная им типология исторических источников, получившая признание музееведов[120]. В этой типологии видное место занимают не только «письменные памятники во всем многообразии их форм и видов», но и «вещественные источники во всем их многообразии (от предметов археологии до современных машин и бытовых предметов), не только чучела животных, птиц и муляжи плодов, гербарии

[119] Мировая культура. Традиции и современность (сб. памяти академика Б. Б. Пиотровского). М.: Наука, 1991. С. 25–30.

[120] Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Л., 1985. С. 3–24.

(выставленные в музеях), но и самих животных, птиц, растения и другие природно-географические источники. Разумеется, не забыты произведения изобразительного искусства, этнографические раритеты и «звуки в широком и узко музыкальном смысле».

Если сопоставить типологию О.Ю. Шмидта с цитированными выше принципами отбора документов для архивного хранения, легко увидеть их несовместимость. Историческая наука заинтересована в интеграции всех отраслей культуры, входящих в документосферу, – библиотечно-библиографического дела, архивного дела, музейного дела, но лидеры архивной отрасли, как ни странно, озабочены самоутверждением и культивируют научный сепаратизм. Об этом свидетельствует, в частности, статья тогдашнего руководителя Росархива члена-корреспондента РАН В.П. Козлова «Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти», опубликованная в 2004 году в дискуссионном порядке[121]. Схематично сопоставив познавательную ценность музейного предмета, библиотечной книги и архивного документа, автор приходит к выводу, что «именно последний наиболее полно и приближенно к жизни отражает её, а значит, является основным носителем исторической памяти». Организация исторической памяти в архивах, по мнению авторитетного археографа, «более упорядочена, более системна, наиболее полна в своем приближении к действительности, а значит, будет всегда оставаться наиболее востребованной» по сравнению с музеями и библиотеками.

В нашу задачу не входит сопоставительный анализ специфических особенностей документных фондов, находящихся в разных отраслях социально-культурного пространства. Однако хотелось бы верифицировать гипотетическое предположение, что «документ – материальный объект или записанная информация, которая используется как единица в документационном процессе». Для этого нужно удостовериться в том, что документы, хранящиеся в архивах, могут войти в музейные или библиотечные фонды, и наоборот. Как уже отмечалось, архивисты-документоведы против расширительных трактовок и включения в объем понятия «документ» археологических находок или произведений изобразительного искусства. Но культурно-историческая и научно-исследовательская практика не может примириться с формальными разграничениями. Характерный пример – основанный в 1905 году Пушкинский Дом, который

[121] Козлов В.П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 71–74.

первоначально замышлялся как хранилище первоисточников, связанных с творчеством А.С. Пушкина, и превратившийся в библиотечно-библиографический и архивно-музейных комплекс, символизирующий тысячелетнюю историю русской литературы с XI по XXI век. Здесь хранятся рукописи Пушкина – более 12 тысяч страниц, образовавших 1773 единицы архивного хранения и коллекция из 500 писем, адресованных Пушкиным его корреспондентам, личная библиотека поэта, насчитывающая около 3700 книг, более 5000 документальных свидетельств о различных фактах его биографии, а также скамеечка А.П. Керн, на которой сиживал Пушкин (передана её внучкой).

Профессиональная институционализация различных направлений документосферы создает благоприятные условия для развития метатеоретических обобщений. Возникает, в частности, вопрос о формировании научной дисциплины, изучающей суперсистемы библиосферы и документосферы. Нам известны библиотековедение, книговедение, библиографоведение, и мы не раз обращались к содержанию этих наук. Но ни одна из них не охватывает, и не должна охватывать проблематику библиосферы или документосферы.

Напрашивается мысль: реанимировать проект *«библиософии»*. В энциклопедическом словаре «Книговедение» имеется статья Е.Л. Немировского, в которой говорится: ***Библиософия*** (от греч. biblion − книга и sophia − знание, мудрость) – термин, предложенный итальянским книговедом Г.К. Пило в 1893 году для обозначения комплексной науки о книге. В состав библиософии он включил *библиологию,* или изучение книги как литературного явления в теоретическом и историческом отношении, *библиографию*, или описание книг, и *библиотекономию*, или изучение методов собирания, хранения и использования книг[122]. В 1924 г. М.Н. Куфаев в книге «Проблемы философии книги» (Л., 1924) отстаивал идею ***библиофилософии*** – философии книги, которую он понимал как «философскую дисциплину, выясняющую принципы книги, определяющие, с одной стороны, её бытие и развитие, с другой, её познание»[123].

[122] Библиософия // Книговедение: энциклопедический словарь / гл. ред. Н.М. Сикорский. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 56. См. Также: Книга: энциклопедия / гл. ред. В.М. Жарков. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. С. 78.

[123] Библиофилософия // Книговедение: энциклопедический словарь / гл. ред. Н.М. Сикорский. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 78. См. Также: Книга: энциклопедия / гл. ред. В.М. Жарков. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. С. 97.

Основанием метатеоретического подхода к документосфере могут служить семиотические и филологические теории. Например, если филологическое понятие «текст» отождествить с понятием «документ», то семиосферу (область бытия знаков) можно сблизить с документосферой, и те фундаментальные культурологические выводы, которые сделал Юрий Михайлович Лотман (1922–1993), можно распространить, разумеется, с соответствующими оговорками, на документальную коммуникацию. В этой связи большой интерес для документологии представляют составленные лидерами Тартуско-Московской научной школы «Тезисы к семиотическому изучению культур», где речь идет о культуре как иерархии семиотических систем, о тексте как целостном знаке и как последовательности знаков, проблеме понимания текста, места в культуре текстов различной давности и др.[124]. Знаки породили документы, поэтому изменения семиотического пространства, например, изобретение письменности или электронной коммуникации, непременно ведут к модификации документосферы. Напрашивается вывод: если, согласно авторитетному утверждению Ю.М. Лотмана, семиосфера есть «результат и условие развитие культуры», то и документосферу также правомерно рассматривать как «результат и условие развития культуры». Следовательно, формулировка «документосфера есть инфраструктура культуры» вполне корректна, и её можно использовать для дальнейшего изучения культурного пространства современной России.

2.2. Системный кризис индустриальной документосферы

В разделе 1.1.6 вслед за авторитетным педагогом библиотечной школы профессором А.М. Мазурицким[125] мы пришли к неутешительному выводу, что российское библиотечно-информационное образование находится в состоянии системного кризиса. В силу системных взаимосвязей элементов библиотечного социального института (БСИ) кризис школы есть свидетельство кризисного состояния библиосферы в целом. Существует угроза вырождения библиотечной профессии, поскольку разрушается механизм воспроизводства библиотечно-библиографической интеллигенции, истощается приток

[124] Тезисы к семиотическому изучению культур // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. С. 504–524.

[125] Мазурицкий А.М. Кризис библиотечно-информационного образования, или По ком звонит колокол // Науч. и техн. б-ки. 2018. № 5. С. 14–23.

молодежи в библиотеки. Руководство вузов культуры заинтересовано не в сохранении убыточных библиотечных факультетов, а в расширении номенклатуры непрофильных специальностей (юристы, экономисты, пиарщики и т.п.), пользующихся спросом абитуриентов и приносящих прибыль. Стали популярными рассуждения о кризисе (сумерках) художественной литературы, кризисе среднего и высшего образования, гуманитарной культуры вообще, которые, конечно, не могут не беспокоить интеллигентов-книжников. Ясно, что кризисные явления в современной индустриальной документосфере нарастают и обусловлены они достаточно серьезными причинами.

Новейшая история свидетельствует, что мегатенденции глобализации и информатизации не разрешают, а напротив, усложняют решение глобальных проблем угрожающих существованию человечества. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения усугубляется всемирный кризис человечества. Гигантский рост научно-технической мощи и экономического богатства соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Об угрожающих существованию человечества рисках взволнованно говорил в своих книгах гуманист и математик, академик РАН Никита Николаевич Моисеев (1917–2000)[126], а в своем предсмертном обращении к российской общественности он предупредил: «Необходимо признать, что деятельность человечества ведет к деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в её составе. Человек подошел к пределу, который нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Одно необдуманное движение – и биологический вид homo sapiens может исчезнуть с лица Земли. Хочу подчеркнуть, что такая катастрофа может случиться уже в середине наступившего XXI века»[127]. Оказалась несостоятельной надежда просветителей на то, что цивилизованный человек будет гуманнее и великодушнее неграмотного варвара. Масштабы жестокого уничтожения себе подобных

[126] Его идеи подробно изложены в адресованных массовому читателю книгах: Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.; Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.; Моисеев Н.Н. Быть или не быть … человечеству? М., 1999. 288 с.

[127] Обращение академика Н.Н. Моисеева к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть … человечеству?» // Вопросы философии. – 2000. № 9. С. 5.

высококвалифицированными «силовыми структурами» далеко превосходят аппетиты диких каннибалов.

К сожалению, Россия давно уже находится в зоне риска, и риска, надо признать, весьма опасного. Наша страна становится зоной *антропологической катастрофы*, ибо слишком много проявлений дегуманизации в общественном сознании и образе жизни современных россиян[128]. Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало умных и деловитых чиновников, нет цивилизованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Имитация демократии и либерализма оборачивается апатией, аморальностью, беззаконием, криминализацией, коррупцией. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность – старомодны и непривлекательны. Неуважение книги, библиотеки, культурного наследия – одно из проявлений постыдного хамства. Не редкость предсказания: «пройдет несколько лет, и на бумаге, скорее всего, будут печатать лишь подарочные варианты книг, а массовая литература будет выпускаться в электронном формате»[129].

Я полагаю, что мы, ученые библиотековеды, библиографоведы, книговеды сможем оправдать свое существование в библиотеках, книжных палатах, бывших библиотечных факультетах (сейчас они именуются иначе, в каждом вузе по-своему) только в том случае, если сумеем предъявить соотечественникам стратегию и тактику преодоления кризиса практики и образования в современном библиотечно-библиографическом институте. Поэтому в настоящем параграфе мы не будем обсуждать вероятность мирового апокалипсиса, а сосредоточим внимание на четырех проблемах, определяющих перспективы библиотечно-информационной школы: во-первых, проявления системного кризиса документосферы; во-вторых, причины кризиса документосферы; в-третьих, библиотечно-библиографические утопии и антиутопии, наконец, в-четвертых, возможные пути выхода из кризиса.

2.2.1. Проявления системного кризиса документосферы многочисленны и, как правило, связаны с Всемирной паутиной Интернет. По общему мнению, Интернет – это виртуальное государство со своей собственной “киберкультурой”, территорией

[128] Соколов А.В. Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек // Библиотековедение. 2013. № 3. С. 24–30; № 4. С. 25–28.

[129] Голубенко Н.Б. Информационные технологии в библиотечном деле. Ростов н/Д: Феникс, 2012. С. 248.

и населением, не зависящим от национальных и политических границ. Это самое большое хранилище электронных документов, всемирная библиотека, архив, информационное агентство, равно доступное всем пользователям, без учета пола, возраста, образования. Интернет – уникальная возможность самореализации личности в общении с себе подобными – всепланетный клуб друзей по интересам, переписке, поиску партнеров и единомышленников. Именно Интернет трактуется некоторыми философами истории как убедительное свидетельство формирования не национально ограниченной, а *Всемирной информационной цивилизации*. Аргументы следующие: сеть транснациональна, она преодолевает государственные границы, способствуя сближению народов; благодаря сети происходит интеграция национальных и региональных экономических пространств; сеть может существовать с разными политическими режимами, культурными и языковыми различиями; на основе Интернета можно вырастить всемирный "универсум знаний". Следовательно, информатизация раскрывает сказочные перспективы!

Однако есть скептики и консерваторы, которые не поддаются соблазнам информатизации и призывают человечество к разумной сдержанности, опасаясь экологической катастрофы в области культуры. Они предупреждают: а) Компьютер не способен к сочувствию, он обезличен и обесчеловечен, общение с ним – это общение с искусственным интеллектом, а не с мыслящим существом. Поэтому компьютерное образование может отрицательно повлиять на духовное развитие школьников, утверждая расчетливость, бесчувственный прагматизм, эгоизм и даже аморальность (ведь в виртуальных мирах зачастую приходится прибегать к насилию, чтобы добиться успеха); б) Виртуальные миры, предлагая психически неустойчивым людям яркие и острые ощущения, могут оказывать наркотическое воздействие, подменяя трезвое восприятие окружающей действительности. Интернетоман превращается в наркомана, не способного к кооперации с другими людьми; информатизация угрожает атомизацией (распадом) общества; в этом обществе русский интеллигент, воспитанный в среде русской книжности, будет чужд собственным внукам, как инопланетянин; в) Глобальная информационная система, охватывающая человечество, приведет к становлению унифицированной и низкопробной массовой культуры, создаст предпосылки для информационного империализма, для подавления самобытности малых народов; г) Современные дети перестают играть в обычные игрушки, отдавая предпочтение

электронным. Более того, они вообще не умеют играть друг с другом, предпочитая роботизированных говорящих собачек или озвученных кукол; психологи предупреждают, что «человека неиграющего» неизбежно постигнет утрата навыков общения с другими людьми, снижение интеллекта и творческих способностей; д) Информационные технологии (реклама, имиджмейкерство и т.п.) послужат для манипулирования сознанием людей в политических, коммерческих, вообще – корыстных целях.

Можно продолжать перечень упреков в адрес информатизации: коммерциализация информационных служб приводит к тому, что они не доступны малоимущему населению, книга же демократична и общедоступна, ибо библиотечное обслуживание, как правило, бесплатно; книга привычна и антропоморфична, с листа читать удобнее, чем с экрана, содержание книги легко обозримо; информационные системы не надежны, так как подвержены компьютерным вирусам, уничтожающим записанные файлы и т.д. Однако сторонники информатизации, в большинстве своем весьма образованные и здравомыслящие люди, способны каждому опасению или упреку противопоставить контраргументы, нейтрализующие их. Легко доказать, что телевидение и компьютерные сети при благоприятных условиях могут стать могущественным средством укрепления демократии и гласности, науки и просвещения, интеллектуального, этического и эстетического развития населения. Электронные коммуникации очень молоды, их история только начинается и трудно предвидеть сейчас те блага, которые они принесут человечеству в прекрасном будущем. Все же, оглянувшись назад, можно уже сейчас осознать, что мы потеряем, если книжная коммуникация утратит господствующее положение в системе социальных коммуникаций. Главная потеря – *утрата литературоцентризма* – возлюбленной обители русской интеллигенции. Обратим теперь внимание на те кризисные явления, которые непосредственно или опосредованно влияют на функционирование библиотечно-информационной школы.

1. *Дисфункция книжного чтения.* Термин «дисфункция» означает нарушение, расстройство функции какого-либо органа или системы. «Дисфункция книжного чтения» – показатель недостаточного использования гуманистических ресурсов книжности. Чтение – самосотворение личности, человек читающий – homo legens – качественно отличается в духовном развитии от нечитающего человека. Уже хрестоматийной истиной стали выводы, сформулированные

советским социологом С.Н. Плотниковым в конце прошлого века: «Читатели, в отличие от нечитателей, способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения; имеют больший объем памяти и активное творческое воображение; лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; точнее формулируют и свободнее пишут; легче вступают в контакты и приятны в общении; обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Словом, чтение формирует качества наиболее развитого и социально ценного человека»[130].

Исследования С.Н. Плотникова показали, что в 1991 г. «совсем не читающих книг» было 21% жителей России, а в 1992 г. их количество увеличилось до 26%[131]. В 2010 году социологи чтения установили, что доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35%. Однако судить о дисфункции чтения только по данным массовых социологических опросов очень поверхностно. Важно учитывать тип чтения. Ю.П. Мелентьева различает семейное, учебное, профессиональное, развлекательное (досуговое), экзистенциональное чтение. Отмечая широкое распространение развлекательного чтения, она отдает предпочтение *экзистенциальному чтению,* представляющему собой «вид высокодуховной коммуникации, цель которой самоопределение человека в мире, понимание своего бытия, раскрытие своей личности, постижение себя (своего Я) через другого»[132]. К сожалению, книжный рынок всегда ориентировался на массового потребителя, жаждущего легкого чтива, а не на книголюба, проявляющего «рудиментарные интеллигентские читательские навыки».

2. *Сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка.* Коммерциализация книгоиздания привела к тому, что хронический советский дефицит на книги повышенного спроса (детективы, приключения, фантастика) был быстро удовлетворен. Уже в 1995 году остросюжетные детективы, сентиментальные романы, фантастика,

[130] Плотников Н.С. Читательская культура в России // Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 47.

[131] Там же. С. 50.

[132] Мелентьева Ю.П. Многослойность чтения // Кризис чтения: энергия преодоления: сборник научно-практических материалов / ред. В.Я. Аскарова. М.: Мцбс, 2013. С.8–23.

приключения заняли 40% рыночных изданий; зато значительно сократилось издание отечественной и зарубежной классики, современных писателей России, переводов зарубежных писателей и ученых, на долю которых осталось всего 8,1%[133]. Статистика продаж показывает, что самыми популярными авторами из года в год являются Донцова, Маринина, Акунин, Шилова, Устинова, далекие от идеалов просвещения.

Ожидалось, что в постсоветской державе благодаря отмене государственной монополии на издательскую деятельность быстро возрастет количество издательств, а рыночная конкуренция будет стимулировать повышение количества и качества выпускаемой ими печатной продукции. Эти ожидания не оправдались. Происходит непрерывный спад производства газетно-журнальной и, особенно, книжной продукции. По сравнению с 1990 г., когда доля книг в структуре выпуска отечественной полиграфической промышленности составляла 20%, в 2015 г. эта доля упала до 9%, причем более половины из выпускаемых изданий печатается тиражом менее 1 тысячи экземпляров. При этом ежегодный рост цены книги за последние 15 лет составлял 13−15% ежегодно; учебник для общеобразовательных школ подорожал в 17 раз – до 350 рублей, а ежедневная газета стала дороже в 7 раз[134].

Исполнительный директор Ассоциации интернет-издателей Владимир Харитонов, задавшись вопросом «какими словами можно сказать о том, что происходит с российской книжной индустрией?», предложил на выбор два диагноза: *катастрофа* или *системный кризис*[135]. Хочется надеяться, что российская библиосфера переживает «кризис», пусть даже «системный», ведь «катастрофа» – это летальный исход. Однако «выздоровления» не видно: после некоторого роста книгоиздания в 2016–2017 гг. в 2018 г. – новое падение по тиражу и количеству выпущенных книг и брошюр[136].

3. *Глобальное бремя знания*. Интернет уже сегодня обеспечивает библиографический поиск и электронную доставку релевантных запросам документов более полно и оперативно, чем традиционные библиотечно-библиографические учреждения. Беда в том, что количественный рост информационных потоков не уменьшает,

[133] Морозовский М. Комментарий к итогам 1995 // Книготорговый бюллетень. 1996. № 5/6. 8 февраля.

[134] Университетская книга. 2016. Июнь. С. 6.

[135] Харитонов В. Катастрофа или системный кризис? // Университетская книга. 2015. Октябрь. С. 72–73.

[136] Университетская книга. 2018. Сентябрь. С. 17–23.

а увеличивает информационную нагрузку на отдельного человека, которая давно превысила гигиенические нормы.

Гораздо сложнее преодолеть кризис ретроспективного поиска, заключающийся в том, что «мы не знаем, что мы знаем». В принципе, можно обеспечить контроль содержания оцифрованных фондов библиотек и архивов. Интеллектуальный робот-библиограф на основе информационно-поисковых тезаурусов сможет обнаружить все концепции (гипотезы, теории, законы), относящиеся к данной тематической области. Но исключить волнующую ученых ситуацию, когда «гениальные открытия сделаны, опубликованы и похоронены в фондах библиотек» таким путем не удастся, поскольку о степени «гениальности» открытия могут судить только люди, а никак не интеллектуальные компьютеры.

4. *Свертывание документосферы.* Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика *свертывания библиотечных сетей.* Испарились сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Единственным крупным вкладом в библиотечное строительство стало открытие в мае 2009 года Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина.

Детальные данные относительно динамики изменения сети общедоступных библиотек в 2015–2017 гг., собранные сотрудниками РНБ, выглядят следующим образом[137]. На 1 января 2018 г. сеть общедоступных (государственных региональных и муниципальных), находящихся в ведении органов культуры, составляет 42226 библиотек. Из них: муниципальные библиотеки – 35737; центральные субъектов федерации – 255; структурные подразделения культурно-досуговых организаций, оказывающих библиотечные услуги населению, – 6234. В последние три года сеть общедоступных библиотек уменьшилась на 2100 единиц. В среднем сеть сокращается на 700 библиотек ежегодно, причем сокращение происходит во всех федеральных округах. Основная доля потерь приходится на библиотеки сельских поселений – около 1500 (68 % от общего числа утраченных библиотек). Отмечается следующая закономерность: сначала сельская библиотека преобразуется в пункт выдачи, а затем этот пункт закрывается. В последние два года (2016–2017 гг.) темп

[137] Аврамова М.Б., Басов С.А. Общедоступные библиотеки России: мониторинг трансформаций. 2015–2017 гг. // Библиотечное дело. 2018. №7. С. 2–9.

несколько снизился: в 2016 г. сеть уменьшилась на 527 библиотек, в 2017 г. – на 522 библиотеки (для сравнения: 2014 г. – минус 842 библиотеки, 2015 г. – минус 1106 библиотек). Управленческие решения на местах принимаются произвольно, без экспертной оценки библиотечных специалистов. Некоторое замедление сокращения сети специалисты РНБ связывают с вводом требования законодательства о проведении опроса населения при принятии решения о закрытии (реорганизации) библиотеки.

Разрушительные тенденции затронули не только общедоступную сеть Министерства культуры, но и сети отраслевых специальных библиотек. Несмотря на ежегодное удвоение мирового объема научной информации[138], практически распалась ГСНТИ, созданная в советское время для библиотечно-информационного обеспечения научно-технического прогресса в стране. Исчезли отраслевые институты и бюро научно-технической информации, ликвидированы территориальные центры НТИ вместе с их библиотечно-библиографическими подразделениями. Оказались невостребованными сотни научно-технических библиотек, работавших на предприятиях, в КБ и в НИИ страны. К счастью сохранилась головная организация сети НТБ – ГПНТБ России, которая является государственным депозитарием научно-технической литературы, держателем сводного каталога по научно-технической литературе, методическим центром для научно-технических библиотек.

Свертывание и реструктуризация библиотечных сетей, по-видимому, будут продолжаться, и наивно рассчитывать на возрождение единой государственной системы, насчитывающей сотни тысяч библиотек. Всероссийский опрос, проведенный в мае 2015 года фондом «Общественное мнение (ФОМ), показал, что только 12% россиян посещали библиотеку менее 6 месяцев назад, а остальные объяснили пренебрежение библиотечными услугами нехваткой свободного времени, скачиванием литературы из Интернета, покупкой литературы в магазинах, наличием обширной домашней библиотеки. При этом 30% провинциальных респондентов полагают, что через 10–15 лет библиотеки с печатными книгами должны исчезнуть, а в Москве и Санкт-Петербурге «могильщиками библиотек» являются более 40% населения[139]. Вывод получается такой: в обозримом будущем сети общедоступных и специальных библиотек в России

[138] Биктимиров М. Сетевые информационные ресурсы // Университетская книга. 2016. Июль-август. С. 70–71.

[139] Университетская книга. 2015. Июль-август. С. 11.

станут *значительно меньше*, но спрос на библиотечно-информационные услуги *значительно возрастет*. Поэтому современная библиотека в информационном обществе XXI века должна быть *другой*, чем нынешняя библиотека. Какой? – вот в чем вопрос.

5. *Кризис библиографии.* Инфраструктурное назначение библиографического института заключается в создании и поиске библиографической информации, необходимой для книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов и прочих субъектов документных коммуникаций. Здесь библиография выступает как вторичная документальная система, выполняющая в библиосфере поисковую сущностную функцию. Отсюда следует, что *библиография суть поисковая инфраструктура библиосферы*. Головным учреждением библиографической отрасли является Российская книжная палата (РКП), которая успешно обеспечивала издание текущих «летописей» отечественных книг, газетных и журнальных статей, нот, изопродукции, картографии, вела статистику печати, хранила национальный Архив печати («книжную память нации», включающую сегодня около 90 млн. единиц хранения), осуществляла научные исследования в области библиографоведения и книговедения. Поэтому указ В.В. Путина в декабре 2013 г. о лишении РКП статуса самостоятельного учреждения и преобразования её в филиал ИТАР ТАСС выглядит неоправданной антикнижной акцией.

6. *Депопуляция библиотечной профессии.* Министерство культуры РФ в ежегодном Государственном докладе 2015 года констатировало, что численность библиотечных работников, составлявшая в 2014 г. 147 тысяч человек, в 2015 уменьшилась до 141,2 тыс. человек, причем количество работников с библиотечным образованием сократилось на 2,5 тысячи. 26 сентября 2016 г. на совещании в Министерстве культуры сообщалось, что во всех вузах, осуществляющих обучение по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» (восьмь вузов Минобрнауки и тринадцать вузов Минкультуры России) наблюдается отток студентов. В 2015 году по данной специальности в вузах Минкультуры было принято на обучение 873 человека, выпуск составил 566 специалистов; в 2016 году принято 504 обучающихся, а на 2017 год с учетом потребности регионов в библиотечных кадрах установлено 437 бюджетных мест. Для сравнения: в 2005 году было принято на обучение 1 457 человек, выпуск составил 1 161 человек. Количество обучающихся по библиотечной специальности за последние 10 лет сократилось на 3 496 человек (50,6%). Хуже всего, что только 4 % выпускников высшей

библиотечной школы планируют связать свою биографию с библиотечным делом, а 68 % предпочитают частное предпринимательство вне библиотечно-информационной сферы.

Библиотечная профессия всегда была уделом бессребреников и нестяжателей, способных, как отметил один интеллектуал, «долго существовать при безденежье и не жаловаться на плохие условия труда». Справедливая оценка труда библиотечного работника никогда не рассматривалась как серьезная социально-экономическая проблема. Библиотечно-профессиологическое исследование, проведенное нами в начале XXI века, выявило немало энтузиастов-книжников предпенсионного возраста и катастрофический дефицит молодежи. Социальная апатия является привычным состоянием библиотечных коллективов.

7. *Оскудение научной мысли.* Внимание библиотековедения, библиографоведения, книговедения сосредоточено либо на современных технологиях, либо на исторической фактографии. Слов нет, надо, необходимо заниматься этими проблемами. Однако технологи и историки не могут ответить на важнейший, экзистенциальный вопрос российской книжности: как сделать так, чтобы директора публичных и детских библиотек получали такое же государственное довольствие, как младшие лейтенанты вооруженных сил? В итоге вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека».

2.2.2. Объективные и субъективные причины кризиса. Объективные причины обусловлены природными эволюционными процессами, не зависящими от воли государственной власти; субъективны негативные результаты дурного управления отечественной культурой или пассивности библиотечного сообщества.

Объективный характер имеет *глобальная всемирно-историческая тенденция*: закат Галактики Гутенберга, вытеснение полиграфической коммуникации электронной цифровой коммуникацией. Глобальная сеть Интернет предлагает мировому сообществу в бесплатном круглосуточном доступе гигантские, непрерывно пополняемые и корректируемые массивы информации по всем отраслям знания. Формируется новый антропологический тип – homo informaticus, оснащенный индивидуальными устройствами для мобильного доступа ко всему разнообразию цифровых информационных ресурсов. Нельзя не учитывать эту тенденцию в стратегических

программах развития мировой библиотечно-библиографической системы.

Объективно обусловлена историческими причинами *национальная дегуманизация нашей страны.* В конце прошлого века вдумчивый философ Мераб Мамардашвили написал, выражая общую обеспокоенность российской интеллигенции: «Я боюсь, что современная Россия становится зоной антропологической катастрофы, ибо слишком явственно проступают в её лике симптомы дегуманизации»[140]. Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, в которых пестрят термины «депопуляция», «деградация», «обнищание», «деиндустиализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другие, сравнительно недавно не отличавшиеся высокой частотностью в русском языке. В феврале 2012 года Андрей Кончаловский обнародовал свой блог, который он назвал «Ужаснись сам себе!». Он приводит страшную статистику, отражающую деградацию русского народа. Согласно данным Института демографии Высшей школы экономики, в 2011 году в России было зарегистрировано 2,4 миллиона преступлений, погибло более 30 тысяч человек и около 40 тысяч получили тяжкий вред здоровью. В местах лишения свободы на начало 2011 года содержалось 819 тысяч человек, в том числе 8,8 тысяч несовершеннолетних[141]. Не думаю, что в 2018 году положение значительно улучшилось.

Наша современница Н.В. Мотрошилова, разрабатывая философскую теорию цивилизации, не без горечи заметила: «Ни в одной из европейских стран, где мне довелось побывать, я не сталкивалась со столь варварским поведением людей в отношении своей страны, своего народа и даже самих себя, своих близких, которое по типу и последствиям равносильно поведению самоубийц, отцеи детоубийц». В качестве примеров она называет лесные пожары, отравление водоемов промышленными и бытовыми отходами, загаживание среды обитания[142]. Озабоченный философ констатирует отсутствие заявленной государством или политическими партиями

[140] Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 25.

[141] Демоскоп weekly. № 505–506. 2–15 апреля 2012.

[142] Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007.С. 126.

«программы преодоления хотя бы самых нетерпимых форм и проявлений цивилизационной отсталости России, прежде всего форм и проявлений одичания, прямого варварства». Неуважение книги, библиотеки, культурного наследия – одно из проявлений постыдного хамства.

Субъективную мотивацию имеет *государственная библиотечная политика.* Более чем двадцатипятилетний опыт показал, что мощный и дорогостоящий библиотечно-библиографический социальный институт, выращенный советским тоталитаризмом, не требуется постсоветской государственной власти. В советской стране библиотеки всех типов и видов были бойцами идеологического фронта, они были мобилизованы для выполнения идейно-воспитательных функций, и в этом заключались гарантии их существования. Находясь во враждебном окружении, советская власть содержала библиотеки, дворцы культуры, школы, как она содержала боеспособную армию и военно-промышленный комплекс. Когда победили Бурбулис и Чубайс, оказалось, что им требуются банки и биржи, а не массовые библиотеки. Псевдодемократическому государству не нужны никакие «опорные базы», кроме избирательных штабов и команд политтехнологов.

Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиосферы. Значительным шагом в этом направлении стал принятый в 2003 году Федеральный закон о местном самоуправлении ФЗ-131, который возложил ответственность за библиотечное обслуживание населения на муниципальные власти – самую бедную и самую невежественную властную структуру. Не знаю, какую экономию государственному бюджету принес принятый в июне 2005 года ФЗ-94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», но известно, что он нанес серьезный ущерб комплектованию библиотек. Новым испытанием жизнеспособности библиотек стала 4-ая часть Гражданского кодекса РФ, защищающая авторские права, но не интересы читателей, библиотек, национальной культуры.

Напрашивается безрадостный вывод, что наши государственные деятели представляют будущую Россию как общество *нечитающее и бескнижное,* которому нужны информационные услуги, а никак не книжная культура, библиофильство, филология и прочие

реликты книжности. Они убеждены, что, имея в своем распоряжении Интернет с постоянно растущими, дистанционно доступными информационными ресурсами, граждане информационного общества не будет нуждаться ни в каких старомодных библиотеках, кроме, может быть, оцифрованного ресурса, концентрирующего фонды нескольких крупнейших библиотек. К сожалению, никого из наших законодателей не тревожит кризис российских библиотек и их роль в возрождении отечественной культуры, сохранении и преемственности культурно-исторического наследия России.

Другая субъективно обусловленная причина кризиса библиосферы – *пассивность и конформизм библиотечного сообщества.* Следует признать, что никто не позаботиться о библиотекарях, если они сами о себе не заявят. Каким образом? Здравый смысл подсказывает, что нужно добиваться участия в управленческих структурах и делегировать во все органы власти энергичных интеллигентов-книжников, которые сумеют объяснить Правительству и Президенту, что выбор состоит в том, что строить: библиотеки или тюрьмы, что процветающие силовые структуры – это свидетельство уродства техногенной цивилизации, что гуманизм – необходимое условие жизнеспособности глобального информационного общества. Дегуманизация, то есть утрата облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизированная, одичавшая техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны.

2.2.3. Библиоутопии и библиоантиутопии. Что в этих условиях остается делать беззащитному библиотечно-библиографическому сообществу? Искать утешения в профессиональной мифологии. Библиоутопии и библиоантиутопии – формы библиомифологии (мифологии книжности), истоки которой можно обнаружить в античной литературе и в средневековом культе книги. Библиомифология – одна из разновидностей социальной мифологии. Социальная мифология давно уже стала излюбленным предметом изучения культурологов, антропологов, философов, ибо массовое сознание, как еще в середине прошлого столетия заметил Ролан Барт, «пропитано мифологемами»[143]. Миф – это не сказка и не ложь. Ученые гуманитарии мыслят миф как *воплощенный в слове мистический символ, представляющий собой синтез (сплав) знания, веры и вымысла.* Социальная мифология выполняет познавательно-объяснительные,

[143] Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.

ценностно-ориентационные, эмоционально-побудительные функции. В силу этих функций библиомифология становится социально-психологическим мотивирующим фактором, предопределяющим поведение социальных масс и профессионалов книжного дела. Получается, что от библиомифологии зависит судьба документосферы. Поэтому коллизия библиоутопии и библиоантиутопии – это не забава праздного ума, а надежда и угроза книжного мира.

Различаются апологетические и эсхатологические библиомифы. *Апологетические* мифы близки сердцу русских интеллигентов-книжников, они выражают оптимистическую веру в магическую силу печатного слова и нетленность рукописей, которые «не горят». ***Библиоутопия*** – это апологетический библиомиф, утверждающий существование или даже расцвет книжности в будущем информационном обществе. Самоуверенные интеллектуалы-технократы, ощущая себя хозяевами «неограниченных технических и технологических возможностей», игнорируют апологетическую библиомифологию и создают *эсхатологические*[144] библиомифы, где предсказывают конец Галактики Гутенберга и замену книги иными носителями информации. В рамках библиомифологии их эсхатологические сочинения представляют жанр ***библиоантиутопий,*** которые получили распространение в массовом сознании, усугубляя кризис книжности.

Оптимистические ***библиоутопии*** – излюбленный сюжет библиотечных интеллигентов-гуманистов. Прислушаемся к их аргументам. Прогрессивный библиографовед И.Г. Моргенштерн был уверен в том, что к 30-м годам XXI века в развитых странах сформируется информационное общество, располагающее «неограниченными техническими и технологическими возможностями», где по-прежнему «будет потребность в информации в стабильно зафиксированной (документированной) форме». Поскольку социальную потребность в библиографическом учете и поиске нельзя удовлетворить без помощи квалифицированных библиографов, Исаак Григорьевич не предвидел в информационном обществе угроз для библиографической профессии и делал оптимистический, но консервативный вывод «У библиографии есть будущее!»[145]. Консервативность этого вывода заключается в том, что безусловно предполагается сохранение книжной коммуникации. Но где гарантии, что так будет всегда?

[144] Напомню, что эсхатология – это учение о конце света.

[145] Моргенштерн И.Г. У библиографии есть будущее // Библиография. 2001. № 1. С. 3–9.

Эти гарантии дает директор Библиотеки Российской Академии наук В.П. Леонов. Исходя из тезиса, что человек не случайно возник во Вселенной и не случайно появилась его постоянная спутница – книга, он сделал вывод, что «человек и книга представляют собой космические субъекты» и «если книга – космический субъект, значит, она бессмертна» [146]. Ссылаясь на В.И. Вернадского, Тейяра де Шардена, Н.Н. Моисеева, наконец, Н.Ф. Федорова, Валерий Павлович утверждает, что человек – необходимое звено в космических процессах, происходящих во Вселенной. Миссия человечества состоит в том, чтобы осуществить «прогрессирующую победу духа над материей», а миссия книги – «влияние на сознание человека, развитие его мышления» путем приобщения к «миру объективного знания», постулированного Карлом Поппером. Человечество не сможет выполнить свою космическую миссию без опоры на объективированное знание, поэтому, по убеждению В.П. Леонова, «разгадку происхождения книги нужно искать в генетическом коде человека».

Особенно сильным аргументом в пользу неискоренимой вековечности книжности в человеческом бытии представляется мне *магия книги* (эзотерический раздел книжности). Хорхе Борхес специально изучал таинство священных книг и с удивлением сообщил, что улемы (мусульманские богословы) считают Коран более древней сущностью, чем арабский язык, арабы и вся вселенная, поскольку эта книга является атрибутом Аллаха[147]. Я уже упоминал об эссе Германа Гессе «Магия книги» (1930), где сказано: «До инфантильнейших, опьяненных прогрессом людей вскоре дойдет, что функции письма и книги непреходящи. Станет очевидным, что выражение в слове и передача этого выражения посредством письма не только важнейшие вспомогательные, но и единственные средства вообще, благодаря которым человечество имеет историю и непрерывное сознание самого себя»[148]. Наконец, не могу не процитировать мнение Е.Б. Виноградовой, сотрудника библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», которая объявила книговедение и библиотековедение «магическими науками», поскольку они «негласно эксплуатируют категорию чуда» – «великое могущество

[146] Леонов В.П. Книга как космический субъект // Библиотековедение. 2006. № 6. С. 18–21.

[147] Борхес Х.Л. Письмена Бога. М.: Республика, 1994. С. 376–377.

[148] Гессе Г. Магия книги: Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. М.: Книга, 1990. С. 134.

знака и книги»[149]. В силу магии книги, – делает вывод автор, – «не имеют успеха попытки объединить наши науки «под сенью» документологии или какой-то иной дисциплины и так трудно ответить на вопрос: что же такое библиотечное дело, проза жизни или поэзия? Потому что это и не проза, и не поэзия, а настоящее волшебство, привлекающее в профессию» (с. 19).

Профессиональному библиотечно-библиографическому сообществу необходимы апологетические мифы, в том числе оптимистические библиоутопии, пусть даже консервативные. Правда, мифы о библиотекаре, «знающем в лицо» всякую книгу в библиотечном фонде, или библиографе – лоцмане книжного моря кажутся старомодными. Может быть, для социального самоутверждения библиотекаря-библиографа подойдет миф о книжном маге, владеющем магией книги? Ведь магия книги хорошо знакома библиофилам и библиоманам (умолчу о библиотафах), библиотерапия, как показали исследования Ю. П. Дрешер, является могучим средством современной медицины, а наши президенты во время инаугурации почему-то кладут руку на том Конституции. Как видим, выбор аргументов в пользу книжности довольно велик и разнообразен, но им противостоят аргументы библиоантиутопистов, которые выглядят не менее убедительно в своем нигилистическом пафосе.

Пессимистические ***библиоантиутопии*** акцентируют кризисное состояние книжности и исходят из следующих стандартных аргументов: архаичная документная коммуникация вытесняется безбумажной цифровой коммуникацией; на смену книжной культуре идет информационно-технологическая культура. В эпоху глобальных электронных телекоммуникаций и искусственного интеллекта с доступом он-лайн книга превращается в коммерческий раритет, а библиотеки трансформируются в культурно-исторические музеи или Интернет-кафе. Судьба библиографии не обсуждается, потому что авторы библиоантиутопий о библиографии никогда не задумывались.

Зато наиболее отважные из них предвидят симбиоз нанокомпьютера и мозга путем вживления в мозг нанокибернетических устройств. Человеку будет предоставляться вся информация о состоянии Вселенной, он «будет обладать предельно полной информационной моделью мира, меняющейся вместе с миром в режиме

[149] Виноградова Е.Б. Не проза и не поэзия, а волшебство … Этимологическое путешествие // Библиотечное дело. 2010 № 10. С. 19.

реального времени»[150]. Ясно, что «кибернетическому организму», т.е. *киборгу*, никакие книги и библиотеки не нужны, ему не потребуются ни школа, ни университет, ни СМИ. Школьным и детским библиотекарям придется переквалифицироваться и вместо руководства чтением подрастающего поколения заняться вживлением нанобиоинформационных мозгов демонам-киборгам.

Можно не принимать всерьез подобные перехлесты воспаленного технократического воображения, но ведь не на пустом месте они возникли. Несколько десятилетий встревоженные мыслители-гуманисты говорят о глобальных угрозах существованию человечества. Они приходят к выводу: «Самая страшная из грозящих нам катастроф – это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого на Земле), сколько антропологическая – уничтожение человеческого в человеке… Грозящая нам необратимая гибель общего человеческого дома порождена не сущностью человека, но порчей этой сущности»[151]. «Порчей этой сущности» занимаются талантливые люди, преследующие небескорыстные цели и осознающие себя «по ту сторону добра и зла».

Насчитываются не менее сотни различных толкований информационного общества[152]. Чаще всего повторяются следующие *типологические признаки*, отличающие информационное общество от обществ других типов: формирование глобальной инфосферы, ядро которой составляют сверхмощные компьютеры пятого и последующих поколений; превращение информации в ключевой экономический ресурс и сосредоточение в информационном секторе экономики более половины трудовых ресурсов; гарантированная свобода слова, печати, собраний, безусловное соблюдение прав человека; расцвет науки, образования, искусства, религиозных конфессий; развитие интегрального интеллекта общества вплоть до глобального «сверхразума»; прогрессирующая интеллектуализация граждан, становление всесторонне развитых личностей[153]. Короче говоря,

[150] Фрумкин К. Человеческая телесность в структуре будущего мира // Свободная мысль – XXI. 2005. №1. С. 192–203.

[151] Шрейдер Ю.А. Утопия или устроительство? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 7–8.

[152] Информатика как наука об информации / под ред. Р.С. Гиляревского. М., 2006. С. 435.

[153] Красовский С.В. Информатизация в современном цивилизационном процессе // Науч. и техн. б-ки. 1992. № 6. С. 35–37. Другие параметры информационного общества перечисляют иные авторы. Так, В.А. Копылов в своем

рисуется весьма привлекательный символ могущества информатизации, реализующей в глобальных масштабах вековечные мечтания гуманистов и просветителей.

При этом в трактовках информационного общества никогда не упоминается о книжности и библиотеках, которые по умолчанию считаются бесперспективными. В мифе, замышленном производителями информационной техники, книжная культура, благоговение перед книгой, библиомания кажутся совершенно неуместным и нелепым анахронизмом. Мифология информационного общества относится к разряду деструктивных технократических библиоантиутопий, потому что она служит интересам частного капитала и государственной бюрократии, но никак не интересам гуманистической книжной культуры. Мифотворцы-технократы убеждены, что, имея в своем распоряжении Интернет с постоянно растущими, дистанционно доступными информационными ресурсами, граждане информационного общества не будет нуждаться ни в каких старомодных библиотеках, кроме, может быть, оцифрованного ресурса, концентрирующего фонды нескольких крупнейших библиотек.

Итак, на фоне кризиса российской книжности имеет место конкуренция библиоутопий и библиоантиутопий. Совершенно прав известный книговед С.Н. Лютов, констатировавший «кризисную ситуацию, в которой в настоящее время развивается книжное дело и книговедение» и призывавший «сохранить разумный баланс между уважением к традиционной книге и культуре и увлечением инновациями Интернет-чтения и экранной культуры»[154]. Необходимым условием соблюдения желаемого «разумного баланса» является гармоничное сочетание технократического и гуманистического подходов в библиофутурологических прогнозах. О чем идет речь?

2.2.4. Альтернативные пути выхода из кризиса. Просматриваются *два альтернативных пути выхода из кризиса*: технократический и гуманистический. Технократический путь делает ставку на дальнейшее развитие научно-технического прогресса, способного удовлетворить постоянно растущие материальные и духовные потребности человечества; гуманистический путь исходит из постулата, что только гуманизация общественного сознания может спасти

учебнике «Информационное право» (М.: Юристъ, 2005), акцентирует «трансграничные информацинно-коммуникационные сети», массовое применение персональных компьютеров и т.д. (С. 21–22).

[154] Лютов С.Н. Актуальные проблемы развития книжного дела и науки о книги // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1. С. 18–21.

от гибели обезумевших людей. Какую альтернативу избрать? – это главный вопрос в повестке дня XXI века, который, в конечном счете, должен решить судьбу российской культуры и документосферы в наступившем столетии. Оценим эти альтернативы.

Технократическая альтернатива вытекает из принципа *технологического детерминизма*, имеющего репутацию «вульгарного представления, по которому уровень развития техники определяет тип общества, его социальную структуру, уровень потребления и т.д.»[155]. Но именно этот вульгаризм приобрел популярность во властных структурах. Руководствуясь технологическим детерминизмом, футурологи-технократы восхищаются техносферой информационного общества и умалчивают о социальных, экономических, нравственных отношениях между людьми. Они игнорируют главное противоречие техногенной цивилизации: рост могущества техники и деградация человечности. Они уверены, что все социально-коммуникационные проблемы будут решены, если постиндустриальное информационное общество обзаведется всемирной цифровой библиотекой с дистанционным доступом, сопряженной с несколькими национальными электронными библиотеками, если бумажная книжность музеефицируется, а читатели-библиофилы самоликвидируются.

Хрестоматийным примером абсолютизации технократического детерминизма могут служить следующие рассуждения профессора В.К. Степанова, одного из ведущих специалистов в области информатизации библиотечно-библиографического социального института. «Во второй половине 1990-х годов со всей очевидностью становится ясно, что именно технологические аспекты библиотечной работы приобретают первостепенную значимость. Их приоритет доказывается тем, что умелое применение компьютерных технологий, как ни что иное, реально и во много раз повышает эффективность работы библиотек. Более того, происходящие сегодня технологические изменения постепенно устанавливают новую парадигму развития библиотеки как социального института, приводят к изменению сущности библиотечной работы»[156]. Веско сказано: изменение сущности библиотеки как социального института предопределяется сменой библиотечных технологий! Логично предположить, что в обозримом будущем, когда на смену электронным компьютерным технологиям придут нанотехнологии, сущность библиотеки

[155] Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2006. С. 1794.

[156] Степанов В.К. «Хватит» ли на наш век традиционных технологий // Библиотека. 1998. № 7. С. 25.

изменится еще раз. Поскольку научно-технический прогресс – процесс безлимитный, получается дурная бесконечность: сколько технологических трансформаций – столько библиотечных сущностей.

Напомним, что *сущность* – это скрытое за многообразными внешними явлениями внутреннее, *истинное содержание* познаваемого предмета. Содержание понимается как «главный признак или совокупность таких признаков в объекте или системе, определяющих её качественное отличие от других объектов и систем, а также все другие свойства данного объекта или системы»[157]. Вульгарность технологического детерминизма заключается в том, что главным сущностным признаком библиотечно-библиографической системы считаются технологические процессы, а не социальные функции, изначально присущие этой системе. Поэтому эффективность работы библиотек и библиографических служб оценивается количественными показателями: книговыдача, оперативность и стоимость обслуживания запросов потребителей, пополнение и обращаемость фондов, время обработки новых поступлений, количество отказов и т.п. Эти показатели хорошо характеризуют выполнение информационной функции, понимаемой как оказание информационных услуг, т.е. «предоставление информации определенного вида потребителю по его запросу»[158].

Технократам, вооруженным «вычислительным мышлением», кажется, что обществу, именуемому «информационным», потребуются главным образом информационные услуги, состоящие в оперативном, релевантном, желательно, – рентабельном удовлетворении информационных запросов, поступающих от потребителей. Вместо субъект-субъектного диалога, свойственного классическому библиотечно-библиографическому просветительству XX века, они предпочитают клиент-ориентированное обслуживание, означающее субъект-объектное отношение, где роль управляющего субъекта играет клиент (клиент всегда прав!), а библиотекарь-библиограф становится управляемым медиатором, которого в будущем заменит интеллектуальный робот. Библиотека, вооруженная компьютерной техникой, оцифрованным фондом и доступом в Интернет, трансформируется в информационный супермаркет, предлагающий товары на любой вкус. Отсюда энтузиасты-технократы делают вывод,

[157] Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008. С. 256.

[158] ГОСТ 7.0–99. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения.

что глобальной информационной цивилизации унаследованная от прошлого века бумажная книжность не нужна, бесполезна и обременительна. Именно эта идея возобладала в государственной библиотечно-информационной политике постсоветской России.

Гуманистическая альтернатива базируется на аксиоме, что преодоление кризиса человечества, его духовное возрождение возможны только в том случае, когда знания и искусство, идеалы и мудрость, воплощенные в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Многие отечественные и зарубежные мыслители высказывают уверенность, что господствующую последние столетия жестокую техногенную цивилизацию, толкающую человечество к катастрофе, должна сменить посттехногенная гуманистическая цивилизация, способная найти выход из глобального кризиса. Новый вектор цивилизационного развития состоит в придании научно-техническому прогрессу *гуманистического измерения*[159].

Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но *без участия библиотечно-библиографического социального института не обойтись ни в коем случае.* Центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие. Почитание книжное выросло из первоначального, магического культа Книги, восходящего к архаическим временам, когда письмена почитались священным откровением[160]. Для книги нет альтернативы, потому что СМИ, кинематограф, театр слишком коммерциализованы и опошлены. Неслучайно Книгу нарекают «хранительницей высших смыслов отечественной культуры», «важнейшим фактом и фактором цивилизации», «вместилищем вечных идей», «духовным руководителем» и т.д. Совершенно очевидно, что если естественный язык – основа антропогенеза, то искусственно сотворенная книга – основа человеческой

[159] Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.; Он же Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

[160] См., например: Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества. М.: Книга, 1972. 327 с.; Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М.: Книга, 1988. 312 с.; Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Часть 1. М.: Пашков дом, 2009. 248 с.; Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI – XVI вв.) М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 448 с.

цивилизации. Следовательно, книжные фонды библиотек представляют собой не только документные или информационные ресурсы, но еще и *гуманистические ресурсы в документной форме* – ценнейшую составную часть культурного наследия нации. Только национальная книжная культура, опирающаяся на многомиллионные книжные фонды, способна стать гуманистическим оплотом нации.

Увлеченные информационными технологиями энтузиасты не замечают, что информатизация российских библиотек и трансформация их в высокотехнологичные информатории никак не смогут способствовать уменьшению дегуманизации грядущего информационного общества и содействовать разрешению противоречия между технической мощью и ущербной духовностью техногенной цивилизации, а напротив, будут их усугублять. Для устойчивого развития техногенной цивилизации необходимо равновесие между агрессией коммерческих и боевых технологий и гуманистическими механизмами их сдерживания. Следовательно, сохранение институтов книжной документосферы (библиосферы) *жизненно важно* для глобального информационного общества при условии выполнения ими гуманистической миссии.

Реализовать гуманистическую альтернативу развития документосферы в условиях техногенного информационного общества очень трудно, ибо придется совмещать противоречивые идеи: гуманизацию общества и информатизацию общества. Здравый смысл подсказывает, что библиосфера понадобится глобальному информационному обществу только в том случае, если она сможет предложить ему такие существенно важные ценности, которые превышают возможности Интернет и вообще электронной коммуникации. Гуманистические книжные фонды являются источником ценностей такого рода. Интернет не способен пробудить в своих пользователях бескорыстный альтруизм или этническую толерантность, он всего лишь поставщик информации к размышлению. Книга же обладает магической силой, и сотворчество автора и читателя может стать не только усилителем интеллекта, но и будильником совести. Магия книги заключается в том, что она аккумулирует интеллигентность своего автора, которая взывает к духовности читателя. Если получается резонанс, появляется пламя духа, обжигающее память. Поэтому Книгу, в отличие от сайтов Интернет, можно перечитывать неоднократно, каждый раз находя в ней новое содержание.

Библиотека всегда была не только центром книжной коммуникации, но и центром межличностного общения между библиотекарями

и читателями. В техногенном информационном обществе общение людей “лицом к лицу”, человеческий контакт между библиотекарем и читателем становятся важной гуманистической ценностью. Поэтому библиотечные интеллигенты-гуманисты часто используют формы и методы, заимствованные у клубов, музеев, театров, телевидения, практикуют фестивали, конкурсы, поэтические турниры и т.п. Главная трудность в организации межличностной коммуникации состоит в неготовности профессиональных библиотечных работников осуществить её на хорошем психолого-педагогическом уровне. Здесь мало одной общительности и обаяния, требуются эрудиция, режиссерские и актерские качества, которые далеки от библиотечно-библиографических профессиограмм.

Успешной реализации гуманистической миссии документосферы в техногенном обществе препятствует путаница между понятиями «цель» и «средство». Интеллектуалам-технократам, считающим приоритетной информационную функцию, кажется, что информатизация документосферы, включая архивы, библиотеки, музеем, – главная цель государственной культурной политики. Такая политика является порочной, поскольку она поощряет дегуманизацию общества. Разумное решение заключается в том, что гуманизация провозглашается *целью* документо-коммуникационных преобразований, а информатизация – *средством* достижения этой цели. Цель и средство неразрывно связаны друг с другом, поэтому они должны не конкурировать (что имеет место в настоящее время), а дополнять друг друга в стратегических программах развития российской документосферы.

Итак, главная стратегическая задача современной документосферы состоит в разумном *использовании информационно-коммуникационных технологий для гуманистического одухотворения технократического информационного общества*. Только таким путем возможно осилить мистическую коллизию библиоутопий и библиоантиутопий, преодолеть системный кризис индустриальной документосферы и выполнить её гуманистическую миссию, заключающуюся в развитии отечественной культуры и сохранении национального культурно-исторического наследия. Другими словами, стратегической задачей документосферы является *информатизация гуманизма и гуманизация информатизации.* Какими ресурсами располагает исторически сложившаяся документосфера в целом и библиотечный социальный институт, в частности, для решения этой задачи? Чтобы ответить на этот вопрос, придется обратиться к библиотековедческим и библиографоведческим конспектам 2013–2018 гг.

2.3. Библиотековедческий конспект: ресурсы и миссии

В разделе 2.1.3 была представлена причинно-следственная последовательность: объективно существующие социально-культурные

потребности обусловливают прикладные функции (услуги) библиосферы, которые, в свою очередь, мобилизуют ресурсы (определенные типы библиотечной и библиографической деятельности) для удовлетворения объективных потребностей. Удовлетворение потребностей понимается как *миссия* функциональных структур библиосферы. Естественно, возникает вопрос о соотношении понятий «функция» и «миссия». В Советском Союзе воцерковленное слово «миссия» было не в ходу, вместо миссии библиотеки выполняли *задачи*, сформулированные в постановлениях партии и правительства[161]. В условиях постсоветской деидеологизации получил распространение термин *миссия*, который звучит привлекательно, хотя и таинственно-мистически. А.Н. Ванеев на страницах «Библиотечной энциклопедии» дал следующее толкование: ***миссия*** библиотеки – «высшая идея предназначения библиотеки, её «суперцель», в соответствии с которой библиотека рассматривается как символ культуры, идеальное духовное начало общества, обеспечивающее сохранение и передачу культурного наследия, духовной памяти человечества» (с. 648). По словам М.Я. Дворкиной, миссия чаще всего трактуется как «ответственное задание, «поручение» библиотеке как социальному институту, данное обществом», заключающееся в том, чтобы быть «посредником в мире информации, содействующим гуманизации этого мира»[162]. С.Г. Матлина в своей постановочной статье формулирует миссию любой публичной библиотеки, «суть её общественного предназначения» так: «ежедневно и ежечасно предвосхищать и удовлетворять всю систему культурно-информационных ожиданий публики»[163].

Логическая уязвимость цитированных определений заключается в том, что они отождествляют понятия «прикладная функция» и «социальная миссия». Цитированные трактовки не выводят библиотечную миссию за пределы сервиса, то есть предоставления клиентам библиотечных услуг, и поэтому совпадают с пониманием

[161] Советская библиотека трактовалась как «идеологическое и научно-информационное учреждение, организующее общественное пользование книгами и призванное содействовать коммунистическому воспитанию, культурному и профессиональному росту народа, мобилизации масс на решение политических, хозяйственных, научных и культурных задач». (Чубарьян О.С. Общее библиотековедение. М., 1976. С. 42).

[162] Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность. М., 2009. С. 14.

[163] Матлина С.Г. О миссии, подвигах, славе… и о буднях // Библиотечное дело. 2009. №7. С. 7.

прикладных функций. Отождествление миссии и функции запечатлено в официальных стратегиях наших национальных библиотек. Так, в утвержденной Министерством культуры РФ «Программе деятельности ФГБУ «Российская государственная библиотека» на период 2013–2018 сказано: «Миссия РГБ – «собирание, сохранение и предоставление в пользование обществу универсального фонда документов, отражающих знания человечества и имеющих, прежде всего, отношение к России и её национальным интересам». В аналогичной «Программе развития ФГБУ «Российская национальная библиотека» на период 2013–2018 гг.» то же самое выражено иными словами: «Миссия РНБ как старейшей национальной библиотеки России состоит в том, чтобы постоянно поддерживать соответствие своей деятельности изменениям внешней среды, удовлетворять потребности сегодняшних пользователей и быть готовой обслуживать грядущие поколения».

Конечно, прикладные функции и миссии связаны друг с другом, но играют разные роли в системе «Библиотека – Общество». Назначение функций – *обслуживать* клиентов по запросам (клиент-ориентированное обслуживание) или на беззапросной основе. Миссия же нацелена не на обслуживание, а на *преобразования* (совершенствования) общества в соответствии с определенными идеалами. Уместно вспомнить, что просветительная миссия была осознана в эпоху Просвещения (XVIII век), когда, по словам Б.Ф. Володина, «современники начали воспринимать библиотеку как одно из важнейших учреждений общества, как социальный институт, от организации работы и активности которого зависит уровень образованности граждан. Лучшими библиотеками этого времени становятся те, которые начинают ориентироваться на идеалы энциклопедической библиотеки»[164]. Этим идеалам соответствовали универсальные научные библиотеки университетов и академий, придворные библиотеки просвещенных монархов и национальные библиотеки, которые символизировали становление централизованных национальных государств.

Гуманистическая сущность универсальных научных библиотек проявлялась в двух целевых установках: во-первых, служение разуму, просвещению и научному знанию, во-вторых, сбор и хранение культурных ценностей, воплощенных в книжных фондах. В XIX веке по инициативе интеллигенции происходило массовое учреждение общедоступных публичных, городских, народных (в России – уездных, губернских, земских, церковно-приходских) библиотек, создаваемых государством, общественными организациями, меценатами, церковью. В общедоступных и бесплатных библиотеках и читальнях воплотились бескорыстное человеколюбие,

[164] Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб.: Профессия, 2002. С. 106.

социальная ответственность и справедливость, гуманность и благоговение перед культурой, которые стали составной частью классического библиотечного мировоззрения и типичными качествами профессиональных библиотекарей. Итак, именно в социально-преобразовательной направленности заключается специфика социальной миссии. Миссии реализуются через целеполагание функций, ориентируя последние на достижение предусмотренных социальных состояний. Получается следующее определение: ***социальная миссия*** *библиотечно-библиографического учреждения – исторически обусловленная ценностно-целевая ориентация его практической деятельности.* В настоящем параграфе мы остановимся на педагогике, маркетинге, гуманизме, которые обеспечивают выполнение соответствующих библиотечных миссий.

2.3.1. Библиотечная педагогика. В отечественном библиотековедении «библиотечная педагогика» – не новое слово, оно имеет почти столетнюю историю. С начала XX века термин ***библиотечная педагогика*** использовался для обозначения интегральной научной дисциплины, находящейся на стыке библиотековедения и педагогики. Известный книговед Н.М. Сомов (1867–1951) писал: «*Библиотечная педагогика* излагает методы культурно-просветительной работы библиотеки и определяет роль в этом отношении самого библиотекаря, который вместо пассивного механического подателя книг должен быть активным руководителем чтения»[165]. Идея библиотечной педагогики получила столь широкое распространение, что на книжно-библиотечном факультете Ленинградского политико-просветительного института была учреждена кафедра библиотечной педагогики. Сущность библиотечной педагогики виделась в просвещении читателя путем рекомендации лучших книг, в руководстве чтением, помощи в усвоении и использовании прочитанного[166], то есть в выполнении *просветительной миссии*.

В советскую эпоху бескорыстное просвещение народных масс сменилось агитационно-пропагандистской работой. На Первом съезде советских библиотекарей (июль 1924 г.) было заявлено: «Основную цель своей работы библиотечные работники видят в том, чтобы выковать из библиотеки орудие выработки коммунистического мировоззрения, чтобы превратить её в очаг воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма»[167]. В дальнейшем эта установка превратилась в официально закрепленную идейно-воспитательную (идеологическую) прикладную функцию советских библиотек.

---

[165] Сомов Н.М. Критическая библиография. М., 1928. С. 12.

[166] Ванеев А.В. Библиотечная педагогика // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 175–176; Он же. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. С. 52–53.

[167] История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. Ноябрь 1920–1929. М., 1979. С. 196–197.

Современное понимание библиотечной педагогики развернуто представлено И.И. Тихомировой в учебно-методическом пособии «Библиотечная педагогика или воспитание книгой» (СПб.: Профессия, 2011. 384 с.). Автор приходит к заключению: «На протяжении многих веков педагогическая мысль вела научный поиск путей и методов приобщения подрастающего поколения к миру книжной культуры в целях развития личности. Эту педагогическую миссию взяла на себя библиотека. Наиболее выражена она у школьного библиотекаря»[168]. Действительно, школьная библиотека изначально рассматривалась как центр внеклассного чтения, обеспечивающий подготовку учащихся к самостоятельному чтению книг и последовательно приобщающий их к книжной культуре. Ей отводилась немаловажная роль во внеурочной (внеклассной) педагогической деятельности, которая ориентировалась на раскрытие творческого потенциала учащихся, на полезное использование досугового времени. Можно сказать, что школьная библиотека всегда выступала как *внеклассный педагогический ресурс*, органично связанный с учебным процессом и реализующий библиотечно-педагогические методы гуманистического воспитания в общеобразовательных учебных заведениях.

Если сопоставить современное понимание библиотечной педагогики с первоначальным значением, нетрудно заметить следующую траекторию библиотековедческой мысли: если в 20-е – 30-е гг. всякая библиотека мыслилась как *педагогическое* учреждение, выполняющее *просветительскую миссию*, то в наши дни педагогический статус распространяется только на школьные и детские библиотеки. Если ранее библиотековедение безоговорочно причислялось к педагогическим наукам, то нынешние библиотековеды склонны относить библиотечную науку к информационным, коммуникационным, социально-культурным циклам научных дисциплин. Библиотека же согласно Федеральному Закону «О библиотечном деле» (в редакции 2013 г.) трактуется как «информационная, культурная, просветительская организация», а никак не педагогическое учреждение.

Итак, обнаруживаются два значения понятия «библиотечная педагогика»: во-первых, исторически исходное, представляющее всякую библиотеку как средство просвещния населения посредством произведений печати; во-вторых, современное, ограничивающее библиотечно-педагогическое воздействие только читателями школьных и детских библиотек. В контексте второго значения

[168] Тихомирова И.И. Библиотечная педагогика или воспитание книгой: учеб.-метод. пособие СПб.: Профессия, 2011. С. 19–20.

библиотечная педагогика является *отраслью библиотековедческого знания о школьных и детских библиотеках*, а педагог-библиотекарь – основной субъект библиотечно-педагогической деятельности. Но этого мало. Нельзя забывать о третьем значении понятия «библиотечная педагогика».

Зададимся вопросом: какую педагогику практикуют библиотечно-информационные учебные заведения, допустим, вуз, техникум, колледж, обеспечивающие подготовку библиотечных профессионалов? Они являются отраслевыми педагогическими учреждениями в рамках библиотечного социального института. Следовательно, та педагогика, которой они руководствуются в процессе профессионализации своих выпускников, должна быть библиотечной по своей содержательной направленности и представлять собой *отрасль педагогического знания о подготовке профессиональных библиотечных работников*. Та динамика библиотечно-информационной школы, о которой шла речь в главе 1, представляет собой *историю* библиотечной педагогики в третьем значении этого термина.

Итак, получается, что «библиотечная педагогика» – термин *полисемичный*, имеющий три значения: 1) отрасль библиотековедения по работе с читателями библиотек (устаревшее); 2) отрасль библиотековедческого знания о школьных и детских библиотеках; 3) отрасль педагогического знания о подготовке профессиональных библиотечных работников. Оставим устаревшее значение историкам библиотечного дела и обратимся к областям практической реализации библиотечной педагогики в современном её понимании.

Существуют две области реализации библиотечной педагогики: во-первых, практика школьных библиотек, во-вторых, профессиональная библиотечная школа. Различие между этими областями просматривается по всем педагогическим параметрам: кто учит? кого учит? чему учит? как учит? ожидаемый результат? О современной проблематике библиотечно-информационной школы довольно подробно говорилось в главе 1, поэтому обратимся к педагогической деятельности библиотекаря школьной библиотеки, который занимает должность библиотекаря-педагога в штатном расписании средней школы. Здесь ключевым вопросом является *педагогическая миссия* и *учебный предмет* педагога-библиотекаря, то есть цель и содержание его педагогического воздействия на учащихся, в качестве которых следует рассматривать не только учеников различных классов, но и школьных учителей.

Преобразование школьной библиотеки в ресурс формирования информационной культуры личности, развернуто обоснованное в монографии Н.И. Гендиной и её соавторов[169], имеет ключевое значения, но не исчерпывает цель и содержание деятельности российского педагога-библиотекаря. Дело в том, что информационная культура личности понимается как «совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий» (с. 65). Она является, как справедливо указывают авторы, «одной из составляющих общей культуры человека». В таком случае ошибочно их утверждение, что формирование информационной культуры является «миссией школьной библиотеки в информационном обществе и обществе знаний» (с. 42–51), потому что библиотечная педагогика должна быть нацелена на всестороннее развитие личности, и содержание её не может исчерпываться информационными аспектами. В условиях России нужен не homo informaticus с информационным мировоззрением, а homo humanus с *гуманистическим* мировоззрением.

Еще раз напомним о причинах системного кризиса индустриальной документосферы, о которых говорилось в параграфе 2.2. Приходится признать, что наше Отечество вступило в третье тысячелетие нашей эры не как могучая материально и здоровая психологически сверхдержава, а как духовно истощенное, нравственно дезориентированное, разочарованное и озлобленное общество. Диагноз российского недуга – *социальная дегуманизация*. Именно в дегуманизации коренятся главные причины хронического системного кризиса России, да и глобального цивилизационного кризиса[170]. К сожалению, нравственная репутация современной молодежи оставляет желать много лучшего. Жестокий С.С. Говорухин в своей книге «Великая криминальная революция» изрек ужасный приговор: «Растет новое – глупое, необразованное, воровское племя. Растет нация рабов. Удел её, в конечном счете, – служить иностранцам»[171]. Выдающийся политолог-прогнозист А.С. Панарин с болью

[169] Гендина Н.И., Колкова Н.И., Стародубова Г.А., Уленко Ю.В. Школьная библиотека как центр формирования информационной культуры личности. М.: РШБА, 2008. 352 с.

[170] См., например: Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003. 768 с.

[171] Говорухин С.С. Великая криминальная революция. М., 1993. С.83.

душевной констатировал: «деморализация и дезориентация молодого поколения несомненны…»; «духовная атмосфера порождает активистов не созидания, а разрушения, разложения и растления»[172]. Ювенальные юристы утверждают, что «подростковая преступность начинает приобретать глобальный для российского общества характер» и стремительно увеличивается. Практически единогласно они отмечают две причины «юношеской преступности»: во-первых, семейное неблагополучие (неполная семья, бедность, пьющие родители и т.п.); во-вторых, информационная вседозволенность, бесконтрольный доступ к развращающим сайтам Интернета.

В этих условиях библиотечная педагогика не может концентрироваться вокруг проблем информатизации, её воспитательный потенциал должен быть направлен на *гуманизацию* подрастающего поколения. Педагогу-библиотекарю нельзя видеть смысл своей деятельности в оказании информационных услуг и в обучении поиску в ресурсах Интернета. Его педагогическая миссия должна в сохранении и передаче школьникам XXI века благородных гуманистических традиций русской интеллигенции. Русская интеллигентность воплощена в книжных фондах наших библиотек, поэтому библиотечные фонды представляют собой *гуманистический ресурс* русской нации, хранителями которого является библиотечная профессия и, пожалуй, в первую очередь – педагоги-библиотекари. Педагог-библиотекарь XXI века – это не должность в штатном расписании школы, а *профессия в информационном обществе*, требующая от специалиста надпредметного панорамного мышления, овладения информационно- коммуникационными технологиями, библиотечно-библиографической и психолого-педагогической культурой. Перед российской библиотечно-информационной школой стоит важная и ответственная задача: подготовить кадры для детских и школьных библиотек, способные выполнить не традиционную просветительную, а новаторскую гуманистическую миссию.

2.3.2. Библиотечный маркетинг. Мы являемся свидетелями экспансии информационного мировоззрения и информационных технологий во все сферы современной цивилизации, включая науку, образование, военное дело, религию. Более того, скрупулезные исследователи обнаружили информационную функцию в библиотеках Шумера, Древнего Египта и Древней Греции, где она реализовывалась в виде ведения каталогов, подготовки библиографических

[172] Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С.150; 389.

пособий и справочно-библиографического обслуживания[173]. Поэтому не удивительно, что библиотеки всех типов и видов стали трактоваться как «информационные учреждения» и держатели социально ценных информационных ресурсов. Еще в 1995 году в Федеральном Законе «Об информации, информатизации и защите информации» Государственная Дума постановила, что информационные ресурсы – это «документы и массивы документов в библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах». Это определение нельзя назвать удачным, потому что оно отождествило «информационные ресурсы» и «документные ресурсы», поэтому в 1999 году в Государственном стандарте 7.0-99 «Информационно-библиотечная деятельность. Термины и определения» была узаконена иная формулировка: «Информационные ресурсы – совокупность данных, организованных для получения достоверной информации». В том же ГОСТе было сказано: «Библиотечно-библиографические ресурсы – информационный, материально-технический и кадровый потенциал, которым располагают библиотеки для осуществления своих функций».

Превалирующей социальной функцией современных российских библиотек считается информационная функция, которая утверждает клиент-ориентированный сервис и решительно отрицает какие-либо воспитательные воздействия на читателя со стороны библиотекаря-библиографа. Кодекс либеральной библиотечной этики, впервые принятый Американской библиотечной ассоциацией еще в 1939 году, провозглашает: «Право читателя пользоваться библиотекой не может быть отменено или ограничено из-за происхождения, возраста, образования или взглядов»[174]. Руководство чтением любого пользователя не допускается, потому что оно стесняет свободу доступа к литературе и служит источником информационного неравенства. Следовательно, отечественная библиотечная педагогика противоречит либерально-демократическим принципам, в том числе Всеобщей декларации прав человека (1948), где записано, что каждый человек имеет право свободно «искать, получать, распространять информацию и идеи любыми средствами». Действительно, нельзя не признать, что в идеологизированных советских библиотеках работа с читателями осуществлялась в русле

[173] Юдина И.Г. Информационная функция библиотеки в теории и практике библиотечного дела // Библиосфера. 2010. № 3. С. 59–63.

[174] Intellectual Freedom Manual. 2-nd ed. Chicago: ALA, 1983. P. 14.

коммунистического воспитания, а не в русле гуманистического развития личности.

Возникает, однако, недоумение. Если информационная функция испокон века была и до сих пор остается необходимым функциональным свойством всякой библиотеки, то зачем настойчиво планировать *информатизацию* российских библиотек в XXI веке? Почему в официальных документах в качестве одной из главных проблем, беспокоящих Министерство культуры, фигурируют «недостаточные темпы информатизации российских библиотек»? Зачем, спрашивается, информатизировать библиотечные учреждения, если они изначально и по умолчанию являются информационными центрами? Зачем в преддверии информационного общества информатизировать органично присущую им информационную сущность?

Зарождается подозрение, что теоретики информатизации и практики информатизации говорят на разных языках и о разных предметах. Теоретики уверяют, что нет и быть не может «неинформационных» библиотек, а практики, не ведая об этом, разрабатывают проекты информатизации информационных учреждений. Чтобы разобраться в этом парадоксе, необходимо уточнить базовое понятие информации, потому что приведенное в ГОСТ 7.0-99 определение: информация – «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации» непродуктивно, с библиотечной точки зрения, по двум, по крайней мере, соображениям.

Первое. Что такое «сведения, отражающие факты»? Очевидно, – это достоверное, научно обоснованное *знание*, которое желательно хранить в библиотеках. Не случайно же в гостовском определении сказано «информационные ресурсы – совокупность данных, организованных для получения достоверной информации». Но что делать со сказками, поэзией, священными писаниями, которые никаких «объективных фактов» не отражают? Считать их дезинформацией, а не информацией? Но в этом случае документный ресурс публичной библиотеки становится не столько информационным, сколько «дезинформационным» ресурсом. Второе. Уместно призадуматься и над таким вопросом: правомерно ли требовать от библиотекаря-библиографа, чтобы он предоставлял читателям исключительно информацию, «объективно отражающую факты материального или духовного мира»? Если да, то тогда он должен гарантировать истинность предоставляемых сведений, что заведомо невыполнимо.

Чтобы преодолеть возникшие затруднения, нужно скорректировать гостовское определение информации: содержанием информации, с которой имеют дело библиотеки, являются не «сведения, отражающие факты материального или духовного мира», а *социальные смыслы (знания, умения, эмоции, волевые воздействия, фантазии), выраженные коммуникабельными знаками*. Информация этого типа именуется ***семантической*** (смысловой) информацией (см. раздел 2.1.3, таблица 2), и именно эта информация требуется читателям. Не мудрствуя лукаво, примем, что в сервисном предоставлении семантической информации заключается *информационная миссия* постсоветских библиотек. Идея информационного сервиса хорошо согласуется с концепцией «третьего места», развиваемой американскими социологами[175] и воспринятая некоторыми идеологами общедоступных публичных библиотек в нашей стране. Однако в условиях многочисленности и разнообразия держателей информационных ресурсов и отсутствия надежного педагогического руководства решить проблему поиска и отбора пертинентных носителей смысла становится затруднительно. И тогда приходят на помощь отработанные рыночной экономикой маркетинговые технологии. Познакомимся с ними.

В «Большой экономической энциклопедии» читаем: «***Маркетинг*** – комплексная система организации производственной и коммерческой деятельности компании, фирмы, а также её деятельности по сбыту производимых товаров, созданию и выпуску продукции, отличающейся оптимальными параметрами качества и цены. Основная задача системы маркетинга состоит в том, чтобы приспособить деятельность предпринимателей к рыночным требованиям. В широком смысле маркетинг представляет собой социально-управленческий процесс, с помощью которого осуществляется удовлетворение индивидуума и групп индивидуумов путем создания продуктов и их обмена»[176]. Появление маркетинга в рыночной экономике объясняется изменениями, происходящими на рынке. Отсюда – эволюция маркетинга, которую принято представлять в виде трех стадий: маркетинг 1.0 – маркетинг 2.0 – маркетинг 3.0. Эволюция маркетинга

[175] Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

[176] Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2008. С. 347. Существует множество других определений. Так, 14 определений понятия «маркетинг» содержатся в книге: Бурцева Т.А., Сизов В.С., Цень О.А. Управление маркетингом: учеб. пособие. М.: Экономист, 2005. С. 208–209.

представляет для нас интерес, потому что она помогает понять динамику развития библиотечного маркетинга.

Главным противоречием традиционного рынка является противоречие, точнее, – конфликт между спросом и предложением. Стороной спроса в этом конфликте являются платежеспособные социальные субъекты (индивиды, социальные группы, государственные органы) имеющие потребность в определенных изделиях или услугах; сторона предложения – это коммерческие фирмы и компании, субъекты рыночного бизнеса, располагающие товарами, выставленными на продажу. Причина конфликта заключается в том, что коммерческие организации не знают априори, сколько и каких товаров удастся реализовать на рынке, поэтому они изначально вынуждены участвовать в конкурентной борьбе. Однако потребность в маркетинговых технологиях возникла не сразу.

В западных странах до начала XX века господствовал *рынок производителей*, который характеризуется, во-первых, присутствием на рынке большого количества фирм-поставщиков аналогичных и взаимозаменяемых товаров; во-вторых, превышением спроса над предложением (дефицит товаров, а не покупателей); в-третьих, отсутствием у фирм потребности в активной маркетинговой деятельности. Стадия маркетинг 1.0 соответствует рынку производителей. Стадия маркетинг 2.0 началась в конце 20-х годов, когда благодаря росту производительности труда предложение товаров превысило платежеспособный спрос и разразился кризис перепроизводства. Рынок производителей трансформировался в *рынок потребителей*.

Конкурирующие коммерсанты поняли, что мало изготовить качественный товар, нужно еще сделать его привлекательным для клиентов с помощью варьирования цен, рекламы и других, более изощренных коммуникационных инструментов. Крупнейшие фирмы стали создавать специальные *подразделения маркетинга*, которые взяли на себя задачу исследования закономерностей спроса и предложения и разработки технологий управления этими закономерностями; американские университеты начали подготовку дипломированных *маркетологов*; появились *теоретики и пророки* коммерческого, а затем и некоммерческого (социального, политического, идеологического) маркетинга. Маркетинг стал рассматриваться не только как инструмент решения текущих проблем бизнеса (планирование, организация производства и сбыта), но и как инструмент прогнозирования и активного влияния на рыночные процессы, включая потребительскую среду. Была выдвинута идея «производства

потребностей», согласно которой производители не должны пассивно приспосабливаться к спросу, а формировать и воспитывать с помощью рекламы и других инструментов маркетинговых коммуникаций новые, искусственные потребности в фирменных товарах.

Всемирно признанным лидером классического маркетинга, соответствующего стадии маркетинг 2.0, является *Филип Котлер* (род. 1931, США), профессор международного маркетинга Высшей школы менеджмента при Северо-Западном университете в Чикаго. Талантливый ученый собрал воедино и систематизировал знания о коммерческом маркетинге, распыленные по разным дисциплинам, и обосновал маркетинг как особое научно-практическое направление. Он показал, как, используя широкий арсенал маркетинговых коммуникаций (реклама, паблик рилейшнз, паблисити), фирмы ведут борьбу за клиентов (целевую аудиторию), пытаясь познать истинные потребности и интересы и удовлетворить их наиболее комфортным образом. Здесь действуют правила «клиент всегда прав», «отыщите потребности и удовлетворите их», «смотрите на все глазами клиента». Если примитивный маркетинг 1.0 стремился прямолинейно получить прибыль за счет увеличения объемов продаж, то маркетологам стадии 2.0 Котлер рекомендовал ориентироваться не на прибыль, а на удовлетворение потребностей клиентов. *Клиентоориентированность* – отличительная черта маркетинга 2.0. Эта черта не помешала распространить технологии маркетинга 2.0, например, имиджмейкерство, интеграцию коммуникаций, на некоммерческую сферу, в том числе политику, образование, библиотечное дело, которые только метафорично можно отождествить с «рынком». Осознавая это, Ф. Котлер и его сотрудники подчеркивали, что «некоммерческий маркетинг в корне отличается от маркетинга коммерческого»[177] тем, что он ориентирован на социальный эффект, а не на прибыль от продаж. Умело и доходчиво написанное авторское учебное пособие «Основы маркетинга» многократно переиздавалось в различных странах мира и расценивается как своеобразная «Библия по маркетингу».

Российские экономисты познакомились с зарубежной маркетологией в конце 80-х годов[178]. В 2001 году в качестве «некоммерческого партнерства» была учреждена *Гильдия маркетологов,*

[177] Котлер Ф., Андреасен А.Р. Стратегический маркетинг некоммерческих организаций. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 24.

[178] Только в 1992 г. появился бестселлер: Котлер Ф. Основы маркетинга: пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. 736 с.

обеспечивающая самоопределение и этическую консолидацию профессии. Первой заботой российской гильдии стала выработка стандартного определения понятия «маркетинг». В 2003 году, следуя зарубежным образцам, Гильдия приняла формулировку: «***Маркетинг*** – это философия бизнеса, основанная на систематическом изучении и анализе рынка (поведения потребителей, каналов сбыта, конкуренции) с целью разработки и реализации эффективных стратегий, направленных на прогнозирование и удовлетворение потребностей фирм, домохозяйств и физических лиц, учреждений, общественных объединений». В этом определении, как и в других достижениях отечественной экономической мысли, не просматриваются предпосылки для того, чтобы считать библиотечный маркетинг разновидностью маркетинга вообще и поощрять использование «философии маркетинга» в библиотечной сфере. Однако наши библиотековеды мыслили иначе.

Совершенно очевидно, что в каждой библиотеке и в национальной библиотечной системе в целом присутствует конфликт между спросом и предложением, свойственный типичному рынку. Спрос воплощают запросы читателей, а предложения – те услуги, которые предлагают библиотеки. Желательное состояние дел – это рынок производителя, когда читатели заполняют библиотечные помещения, повышая книговыдачу и обращаемость фонда. Нежелательное явление – дисфункция книжного чтения, которую можно уподобить кризису перепроизводства в рынке пользователя. В мае 2014 года ВЦИОМ провел очередной всероссийский опрос, который показал, что доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 36%. (в 2009 г. их было 27%); к услугам городской библиотеки прибегали 10% россиян в 2009 и 8% в 2014 г. Налицо кризис книжного чтения и общедоступных библиотек в постсоветской России. Прогрессивные библиотековеды призадумались: нельзя ли маркетинговые технологии использовать для пробуждения у молодежи жажды чтения и для прекращения оттока читателей из общедоступных библиотек? Это типичная для рыночной экономики задача, которую призван решить библиотечный маркетинг, правда, без коммерческих ценовых игр и стимулирования сбыта. Само собой напрашивается обращение к технологиям классического маркетинга, ориентированным на удовлетворение нужд и потребностей клиентов. Приятно отметить, что библиотечный маркетинг не внедрялся в библиотечную сферу извне административно-силовыми методами, а был инициативно и творчески осмыслен

теоретиками-библиотековедами и использован библиотекарями-новаторами в практической работе с читателями.

Написанные свежо и убедительно книги и статьи Л.Н. Герасимовой, М.Я. Дворкиной, Е.Ю. Качановой, В.К. Клюева, С.Г. Матлиной, Г.Б. Паршуковой, И.М. Сусловой, Е.М. Ястребовой произвели большое впечатление на постсоветских библиотекарей-практиков, охотно взявших на вооружение маркетинговые технологии. Энергичные энтузиасты в качестве инструментов библиотечного маркетинга используют информационную рекламу в местной печати и средствах массовой информации, выставочную деятельность, литературные клубы и исторические лектории, конкурсы и викторины, даже получившие всероссийское распространение «библионочи». В некоторых библиотечных учреждениях появились отделы библиотечной рекламы и дизайна. Наряду с самопрезентацией библиотек местному сообществу в целом, практикуются адресные обращения к различным целевым аудиториям, акцентирующие разные аспекты привлекательного имиджа библиотеки и чтения. Особенно эффективны непосредственные персональные контакты с заинтересованным читательским активом путем использования обычной или электронной почты (прямой маркетинг). Нельзя не отметить, что общедоступные библиотеки активно стали применять виртуальные пространства интернет-сообществ (community), социальных сетей и блогов для презентации и продвижения услуг библиотеки. Таким путем осуществляется сотрудничество с самой активной, молодежной аудиторией библиотек.

Отличительной чертой библиотечного маркетинга в наши дни является принцип «клиенториентированности», свойственный маркетингу 2.0. Здесь не всегда соблюдается мера, и некоторые публичные библиотеки принимают имидж «культурно-досугового центра», привлекающего клиентов «чашечкой кофе», а не выставкой новых поступлений. Своеобразный опыт библиотечной работы не с читателями, а с клиентами в эпоху рыночной экономики заслуживает внимательного и всестороннего изучения. Не случайно в «Библиотечной энциклопедии» представлена статья «Маркетинг библиотечный», который определяется как «способ регулирования отношений библиотеки с внешней средой в процессе обмена результатами деятельности», нацеленный на «предоставление потребителю возможностей выбора необходимых ему библиотечно-информационной

продукции и услуг, развитие перспективного спроса, занятие библиотекой собственной ниши на профильном рынке»[179].

Теория Ф. Котлера не стоит на месте, и в 2011 году на смену классической версии маркетинг 2.0 пришла версия маркетинг 3.0, которую мы не можем игнорировать[180]. Отличительная особенность стадии маркетинга 3.0, по словам Ф. Котлера, заключается в понимании того, что потребители – всесторонне развитые человеческие существа и поэтому ищут удовлетворения не только своих функциональных и эмоциональных нужд, но и потребностей человеческой души. Таким образом, маркетинг 3.0 становится «маркетингом человеческой души» в эпоху глобализации. Термин «душа» употребляется, конечно, в метафорическом смысле. «Маркетинг души» означает нацеленность компаний не только на удовлетворение потребностей клиентов путем предоставления им товаров и услуг, но и выполнение гуманистической миссии «сделать мир лучше» на основе «совместного творчества». Задаваясь вопросом: «может ли компания, для которой главная забота – человек, быть еще и прибыльной?», Ф. Котлер положительно отвечает на него и призывает бизнес «переосмыслить себя и, как можно быстрее, перейти от прежде надежных маркетинга 1.0 и 2.0 к новому миру маркетинга 3.0». С этой целью он советует бизнесменам начинать планирование не с финансовой отдачи, а с планов выполнения своей миссии. Миссию Котлер определяет как смысл существования компании, который нужно обосновать как можно более основательно, поскольку от этого зависит маркетинговая стратегия .

Если здравомыслящим коммерсантам такой маркетинговый гуманизм может показаться странным, то библиотечным маркетологам забывать о библиотечной миссии не к лицу. В «Библиотечной энциклопедии» говорится: ***миссия библиотеки*** – «высшая идея предназначения библиотеки, её «суперцель». В соответствии с этим пониманием библиотека рассматривается как символ культуры, идеальное, духовное начало общества, обеспечивающее сохранение и передачу культурного наследия, духовной памяти человечества»[181]. Правда, теоретики библиотечного маркетинга, руководствуясь принципами маркетинга 2.0, акцентировали

[179] Колегаева С.Д. Маркетинг библиотечный // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 595.

[180] Котлер Ф., Сетиаван А., Картаджайя Х. Маркетинг 3.0. От продуктов к потребителям и далее к человеческой душе. М.: Эксмо, 2011. 240 с.

[181] Ванеев А.Н. Миссия библиотеки // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 648.

не духовно-культурную сущность библиотечного института, а утилитарную озабоченность удовлетворить потребности клиента, приведшие его в библиотеку, независимо от уровня культурного развития этих потребностей. Поэтому небезосновательны опасения Ю.Н. Столярова, высказанные в одной из его статей[182].

Идеология маркетинга 2.0 представлена в широко распространенной дефиниции: ***библиотечный маркетинг*** – *«управленческая деятельность библиотеки, организованная на принципах классического маркетинга, направленная на достижение целей полного удовлетворения потребностей пользователей и обеспечения адаптации библиотеки к современным социально-экономическим условиям»*[183]. Здесь предлагается библиотечному менеджеру смотреть на библиотеку «глазами клиента», то есть *частно-потребительски,* а не с точки зрения интересов общества. Нет уверенности, что изысканный сервелизм приведет к преодолению кризиса книжного чтения. Современное российское общество – общество больное, находящееся в зоне риска дегуманизации, и этот факт библиотечные маркетологи игнорировать не в праве. Библиотечным последователям Котлера следует принятое сейчас клиенториентированное понятие библиотечного маркетинга *гуманизировать* в духе миссионерского маркетинга 3.0. Решить эту задачу можно в стиле «воспоминание о будущем», поскольку библиотечная деятельность изначально связывалась с педагогикой и просвещением. Попробуем сформулировать новое понимание библиотечного маркетинга.

Библиотеки не возникают самопроизвольно. Их создает Власть в лице учредителей, располагающих полномочиями и средствами для того, чтобы содержать библиотеки, включая их Персонал. Власть учреждает и содержит библиотеки для того, чтобы использовать их в качестве одного из средств управления Обществом. Таким образом, в библиотечном деле складывается **триада** (троица, триединство), состоящая из трех взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных субъектов:

А. Учредители – государство, церковь, производство, бизнес, образование, другие социальные институты;

---

[182] Столяров Ю.Н. Встретив клиента, не проститься бы с миссией // Вестник ЧГАКИ. 2013. № 3. С. 14–19.

[183] Суслова И.М., Клюев В.К. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности. СПб. : Профессия, 2009. С. 225.

Б. Библиотечное сообщество – профессиональная социальная группа, включающая практиков, менеджеров, ученых, педагогов, владеющих специальными знаниями, умениями, компетенциями в области библиотечного дела.

В. Читатели – сегмент общества, являющийся носителем социального спроса на библиотеки.

В начале XX века энтузиастом и инициатором развития библиотечного дела была просвещенная русская интеллигенция, представителей которой было немало в органах земского и государственного управления. Интеллигенты-просветители понимали библиотеку как реальный центр внешкольного образования и самообразования, а библиотекаря как наставника и руководителя чтением народа. Н.А. Рубакин постоянно повторял в своих публикациях: «Библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль»[184].

Взаимодействие между библиотекарями и читателями строились не по схеме маркетинга, а по принципам библиотечной педагогики. Поскольку педагогические аспекты присутствуют во всех видах деятельности в библиотеке, А.Н. Ванеев сделал вывод, что «вся библиотека – это педагогическая система, направленная на воспитание и образование пользователей»[185]. Поскольку воспитание и образование есть формирование духовности личности, то есть деятельность гуманистическая, получается, что библиотека – учреждение гуманистическое, педагогическая сущность которого заключается в *руководстве чтением*. В учебнике «Работа с читателями» (1981) прямо утверждается: «Руководство чтением составляет сущность, основу всей библиотечной работы, одну из самых принципиальных и наиболее отличительных черт библиотеки социалистического типа»[186].

Чем руководство чтением в библиотеке отличается от библиотечного маркетинга? Отличие есть, и оно весьма существенно. Руководство чтением осуществляется в соответствии с заданной учредителем библиотеки педагогической программой, а маркетинг призван оперативно и качественно удовлетворять запросы, полученные от клиентов. Как известно, в эпоху перестройки и пересмотра догматов социалистического библиотековедения руководство чтением было

[184] Рубакин Николай Александрович: Хрестоматия / авт. сост. В.А. Бородина, С.М. Бородин. М.: РШБА, 2014. С. 393.

[185] Ванеев А.Н. Библиотечная педагогика // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 175.

[186] Работа с читателями: 3-е изд. / под ред. В.Ф. Сахарова. М.: Книга, 1981. С. 67.

отвергнуто библиотечными либералами как «орудие тоталитаризма», «насилие над читателями», «диктатура в чтении» и т.п. На смену ему пришел деидеологизированный классический маркетинг 2.0, представляющий собой, по словам Ф. Котлера, «акт получения от кого-либо желаемого объекта с предложением чего-либо взамен». Библиотека из педагогического учреждения, исповедующего заданные учредителем гуманистические идеалы, превратилась в информационный центр, предоставляющий на некоммерческой основе услуги, никак не связанные с «душой человеческой». Сегодня библиотечно-информационный рынок находится в кризисе, и российское государство, всегда поддерживавшее этот рынок, теперь выступает в качестве Учредителя его конкурента в виде НЭБ – монополиста электронного пространства. В этих условиях требуется, не отказываясь от технологических достижений классического маркетинга и сервисологии на уровне маркетинга 2.0, осмыслить новое содержание библиотечного маркетинга, нацеленное на разрешение следующих библиотековедческих проблем:

1. Использование маркетинговых технологий для реализации гуманистических целей и стратегических задач, изложенных в «Основах государственной культурной политики», утвержденных Президентом 24 декабря 2014 г., и других нормативных документах;

2. В условиях сосуществования книжно-библиотечного и электронно-коммуникационного рынка согласование методологии библиотечного маркетинга удовлетворения спроса читателей на семантическую информацию и методологии библиотечной педагогики, нацеленной на воспитание культуры чтения;

3. Ориентация библиотечного сообщества на выполнение требований библиотечного права и профессиональной этики, которые нацеливают библиотечных работников на гуманизацию отношений с обществом, пользователями библиотеки и друг с другом (см. Кодекс этики российского библиотекаря, принятый Конференцией РБА в 2011 г.).

Если разрешить эти проблемы, то будет обеспечена адаптация библиотечной системы к современным социально-экономическим и социально-культурным условиям. Получится такая дефиниция:

Библиотечный маркетинг – *управленческая деятельность библиотеки, организованная на технологиях маркетинга, направленная на (1) выполнение задач, поставленных учредителем библиотеки; (2) удовлетворение спроса читателей и воспитание культуры чтения; (3) реализацию требований библиотечного*

права и профессиональной библиотечной этики. Как известно, сущность маркетинга заключается в том, чтобы заставить потребителя *искренно захотеть* сделать то, что ему ненавязчиво внушает маркетолог (приобрести стиральный порошок или посетить книжную выставку). Превратить заядлого «нечитателя» в запойного книгочея – вот гуманистическая задача библиотечного маркетинга. Разве не в этом же заключается глубинный смысл библиотечной педагогики? Таким образом, библиотечный маркетинг и библиотечная педагогика не конкурируют, а дополняют друг друга в качестве ресурсов гуманизации библиотечного обслуживания и реализации гуманистической миссии библиотеки. Что же представляет собой библиотечный гуманизм?

2.3.3. Библиотечный гуманизм. Чтобы разобраться в библиотечном гуманизме, нужно предварительно уяснить, что такое гуманизм вообще? Вопрос сложный и весьма запутанный. Европейские ученые толкуют о гуманизме более 500 лет, и в наши дни сложились три различные понимания термина «гуманизм»:

1. Историко-культурологическое: *Гуманизм* – это идейно-культурное движение эпохи Возрождения, которое базируется на следующих принципах: свободном всестороннем развитии личности; освобождении от духовного господства феодализма и католицизма; обращенности к античной философии, литературе, искусству. Это понимание оставим историкам культуры.

2. Обыденное: *Гуманизм* – это отношение к людям, которое характеризуется чуткостью, уважением, справедливостью, отзывчивостью, заботой, любовью, состраданием. Это понимание односторонне акцентирует этический аспект гуманизма, упуская из виду другие его аспекты.

3. Философско-антропологическое, соответствующее теории гуманизма (гуманистике): *Гуманизм – мировоззренческая система универсалий духовной культуры.* В системе универсалий (общих категорий) духовной культуры выражены эталонные представления о месте человека в мире, о социальных отношениях, о духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации её объектов и т.д.

Именно философско-антропологическое понимание примем за основу в наших рассуждениях о библиотечном гуманизме. Представим сущность понятия гуманизма в виде ***эталонной формулы***, включающей универсалии культуры, свойственные разным проявлениям гуманизма. Данную формулу назовем «эталонной», поскольку она может служить *эталоном* (нормой, мерилом) для оценки как мировоззрения и поведения личности, так и социальной идеологии и политики власти (например, соблюдение прав и свобод человека). Обобщая взгляды различных авторов,

эталонную формулу гуманизма представим в виде сочетания пяти универсалий, которое в простейшем арифметическом выражении имеет вид:

Гуманизм = { A + B + C + D + E }, где

A – *рационалистическая универсалия* обусловлена тем, что гуманизм вышел на историческую арену в эпоху Возрождения под знаменем рационального знания и творчества, которые противопоставлялись средневековому обскурантизму и церковному догматизму. Он сложился как мировоззрение, основанное не на слепой вере, а на критическом мышлении и скептицизме. Безумие, глупость, невежество исключаются из гуманистического мировоззрения как антиподы человечности. Поэтому категории *«разум», «познание», «знание»* входят в формулу гуманизма в качестве основополагающей универсалии культуры;

B – *универсалия свободы – свобода воли (выбора)* творческого самовыражения во всех областях человеческой деятельности, прежде всего в художественном творчестве, научном познании и предпринимательстве. *Свобода самореализации* разумного и знающего субъекта заключается в возможности осуществления естественных прав человека (свобода мысли, свобода слова, свобода общения, свобода самосовершенствования) и в добровольном выборе (свобода воли) гуманистических ценностей. Свобода социализированной личности соотносится с общественным законом и, соответственно, с ответственностью за его соблюдение и наказанием за его нарушение.

C – *эстетическая универсалия* отражает свойственное людям, и только людям, неутилитарное переживание гармонии мира и прекрасных произведений искусства. Эту универсалию выражают такие эстетические категории, как *«прекрасное», «возвышенное», «искусство».* В мировых «религиях писания» (иудаизм, христианство, ислам) книжность изначально почиталась как область возвышенного и прекрасного. Эстетическая универсалия гуманизма включает *искусство книги,* представляющее собой раздел современного книговедения. Библиофилия и его гипертрофированная форма библиомания, как и всякое коллекционирование ценностей, являются способом удовлетворения эстетических потребностей цивилизованного человека.

D – *аксиологическая (ценностно-целевая) универсалия* – представления о главных ценностях и цели (смысле) жизни человека в данном обществе, о назначении (функциях, миссии) социальных институтов и организаций, которые выражаются в оппозициях «альтруизм – эгоизм», «добро – зло» и категориях «труд», «сила», «богатство», «власть». *Альтруизм (бескорыстное человеколюбие)* предопределяет цели гуманистической деятельности; его антипод – *эгоизм* толкает человека на антигуманистические поступки.

E – *этическая универсалия,* регламентирующая выбор гуманных (антигуманных) средств при взаимодействии людей друг с другом, выражающаяся в оппозиции «насилие – ненасилие», категориях «справедливость»,

«ответственность», «долг», «толерантность», принципе «цель оправдывает средства». Гуманистическая этика основана на «золотом правиле»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали; не делай другим того, что ты не желаешь себе.

Весьма важно подчеркнуть, что гуманизм нельзя сводить к отдельно взятой универсалии. Например, гипертрофированный разум может быть столь же бесчеловечным, как врожденный кретинизм; неограниченная свобода иногда опаснее рабства, абсолютизация эгоизма столь же нелепа, как абсолютизация альтруизма и т.д. Поэтому не следует отождествлять этическую универсалию «гуманность» и систему универсалий «гуманизм». Гуманизм будем понимать как *систему гармонично и нормально развитых* мировоззренческих универсалий. При этом возможно и допустимо доминирование, то есть относительное превалирование, отдельной универсалии (рационалистической, эстетической или какой-либо другой) или напротив, слабое её развитие. Важно, чтобы эти вариации не выходили за рамки определенных нормативов.

Если обнаруживаются все слагаемые формулы в виде гуманистических категорий, то имеет место полноценный гуманизм; если представлены только некоторые слагаемые, то частичный, или квазигуманизм; если аксиологическая и этическая универсалии выражены негативными категориями, например, «эгоизм + насилие», то имеет место отрицание гуманизма – антигуманизм. Получается *гуманистическая шкала*, включающая три мировоззренческих градации, определяющие гуманистический уровень (уровень человечности) данного субъекта:

- гуманизм – абсолютная человечность;
- квазигуманизм – относительная человечность;
- антигуманизм – человеконенавистничество (мизантропия).

Уровни квазигуманизма и антигуманизма представляют собой отрицание абсолютной человечности (гуманизма). Согласно правилам логики, отрицание гуманизма есть негуманизм, или, используя латинскую приставку «де-», – дегуманизм. Следовательно, «дегуманистическими» будем считать все действия социальных субъектов, которые не вполне соответствуют эталонной формуле гуманизма.

Итак, гуманизм не в обыденном, а в философском его понимании, представляет собой систему пяти универсалий культуры: рационалистической, свободы самореализации, эстетической, аксиологической и этической. Эталонную формулу гуманизма удобно использовать для оценки отдельного человека (насколько он соответствует модели гуманиста); для оценки гуманизации / дегуманизации общества; для оценки гуманистической деятельности социального, в частности, библиотечно-библиографического института. Симптомы дегуманизации современного российского общества, о которых говорилось выше, показывают негативное значение практически

всех составляющих эталонной формулы гуманизма. Поэтому реальна угроза губительной дегуманизации России, которую вовсе не устраняет перспектива построения информационного общества в нашей стране.

Топ-менеджеры транснациональных корпораций, да и мудрые политические деятели советуют: *«Мыслить глобально, действовать локально».* Чтобы глобально осмыслить перспективы библиотек в информационном обществе, неплохо было бы представить себе образ жизни этого общества. Библиотечные стратеги стремятся в информационное общество, плохо представляя себе социальную структуру и образ жизни этого общества, его ценностные ориентации и духовные противоречия. Вовсе не очевидно, что население этого общества станет прилежно читать библиотечные книги. Попытаемся заглянуть в будущее, учитывая предположения, выработанные проницательными футурологами и изложенные в концепциях информационного общества[187].

Буквально все авторы концепций предвидят в будущем развитие глобальных информационных сетей, электронной коммуникации и искусственного интеллекта, а *о книгах и библиотеках не упоминает никто*. Видимо, предполагается, что «безбумажному» обществу книжная культура противопоказана. В то же время информационное общество видится многим футурологам не равноправным содружеством соотечественников, а «человейником», расколотым на два антагонистических «полюса социального противостояния»: 1) высшая страта *меритократов* (*яппи* – активные творческие люди), представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии; 2) низшая страта (*хиппи* – беззаботные потребители), состоящая из маргиналов или неквалифицированных иммигрантов, которые отличаются невысокой образованностью и движимы, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг.

Особенность социального антагонизма в информационном обществе будет состоять в том, что принадлежность к господствующей страте обусловливается владением *интеллектным капиталом* – образованностью и творческими способностями. Поскольку

[187] Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб.: Алетейя, 2012. С. 167–230.

умственное развитие и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида, рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превратится в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя. Библиотеки в этом обществе никому не нужны. Меритократам потребуются информационные службы, питающие их интеллектный капитал, и они создадут для себя высокотехнологичную глобальную информационную систему. Невзыскательные вкусы низшей страты будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока еще неизвестные находки коммерческой массовой культуры. Конечно, благодаря искусной книжной рекламе в богатом ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдет свое место полиграфическая и электронная продукция коммерческого книгоиздания. Значительная часть граждан информационного общества вообще откажется от чтения книг, довольствуясь общедоступными ресурсами электронной коммуникации.

Футурологи-гуманисты предупреждают: информационное общество в технократическом варианте – путь к вырождению, к расчеловечиванию рода человеческого. Смертельно опасен гигантский рост научно-технической мощи и экономического богатства, если он соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Техногенное могущество нуждается в гуманистическом противовесе. Философ-антрополог А.П. Назаретян вывел *закон техно-гуманитарного баланса:* «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества»[188]. Если гуманизм основан на сотрудничестве и взаимопомощи, на равноправии и толерантности, на взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их разновидностях. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей.* Как достичь нужного уровня гуманизации сознания – это главный вопрос в повестке дня XXI века.

[188] Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, психология и футурология). М.: Пер Сэ, 2001. С. 96.

Гуманизация человечества, его духовное возрождение возможно только в том случае, когда знания и искусство, заблуждения и мудрость, воплощенные в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но без участия библиотечно-библиографического социального института не обойтись ни в коем случае. Центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие. Именно библиотеки, опираясь на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способны и должны выполнить гуманистическую социальную миссию, соответствующую условиям постиндустриального общества.

Нынешнему поколению библиотечных работников досталась очень сложная и ответственная задача: преодолеть системный кризис документосферы. Как показано в разделе 2.2.4, существует альтернатива: технократический или гуманистический путь. *Технократический путь* означает превращение библиотек в информационные центры, обеспечивающие информационное обслуживание (сервис) государственных институтов, бизнеса, общественных организаций, отдельных граждан. Нетрудно понять, что, в конечном счете, технократический путь приведет к тому, что библиотека перестанет быть центром книжности и непосредственного общения людей, а превратится в информационный медиацентр без книг и без читателей. Информационный медиацентр без книг и без читателей – это разбиблиотеченный информаторий. Информационному обществу, несомненно, потребуются информатории, а вот дегуманизированные библиотеки, к тому же «разбиблиотеченные», вряд ли.

Другой путь – *гуманистический.* Он заключается в превращении библиотек в центры библиотечного гуманизма, выполняющие прикладные функции гуманистической направленности. Этот путь труден, потому что библиотечный гуманизм ощущается библиотечными работниками на интуитивно-эмпирическом уровне, библиотечная школа не снабдила их нужными знаниями и умениями, а наука не вооружила научно-методическими пособиями. К счастью, книги, как известно, облагораживают, поэтому большинство библиотечных работников – это стихийные гуманисты, подсознательно, явочным порядком практикующие гуманистические универсалии в своей деятельности. Следует признать, что мы, ученые библиотековеды и библиотечные педагоги находимся в долгу перед библиотекарями-гуманистами, авангардом библиотечной профессии, отважно и самоотверженно, зачастую подвижнически выполняющим свою миссию в неблагоприятной социальной среде.

Анализ причин кризиса российской культуры (раздел 2.2.2) показывает, что российскому библиотечно-библиографическому социальному институту следует посвятить себя выполнению гуманистической миссии. ***Гуманистическая миссия*** заключается в утверждении гуманистических универсалий культуры и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества. Библиотечная деятельность, нацеленная на выполнение гуманистической миссии, – это библиотечный гуманизм. ***Библиотечный гуманизм*** представляет собой интерпретацию культурных универсалий, представленных в эталонной формуле гуманизма, применительно к библиотечно-библиографическому социальному институту. Получается следующая формула: **A.** *рационалистическую универсалию* (разум, знание) в библиотеке представляют фонды и библиотечные работники, образующие *гуманистические ресурсы* библиотечного института; **B.** *свобода самореализации* воплощается в свободном доступе читателей к библиотечным фондам (отсутствие цензуры и каких-либо формальных ограничений); **C.** *эстетическую универсалию* представляют библиотечное пространство, включая архитектуру, дизайн, интерьеры, а также произведения письменности и печати как предметы искусства книги; **D.** *аксиологическая универсалия* сводится к культуроцентризму, в соответствии с которым библиотека служит для читателей центром книжности, информационной культуры и непосредственного общения; **E.** *этическая универсалия* реализуется в виде толерантного (доброжелательного) диалога работников библиотеки с читателями и коллегами.

Развернутая словесная формулировка понятия «библиотечный гуманизм» читается следующим образом: **библиотечный гуманизм –** *такая система профессиональной библиотечной деятельности, когда библиотека представляет собой рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр гуманистической книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удаленных пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки.* Библиотечный гуманизм характеризует полноту осуществления гуманистической миссии в процессе библиотечной деятельности. Если реализуются все культурные универсалии, гуманистическая миссия осуществляется в полном объеме, если не все, то – частично или не выполняется вообще.

Реализовать библиотечный гуманизм в условиях техногенного информационного общества невозможно без обращения

к информационно-коммуникационным технологиям, без использования Интернета и развития виртуального библиотечного пространства. Поэтому деятельность по информатизации (компьютеризации, интернетизации) библиотек полезна и даже необходима. Однако нужно понимать и отдавать себе отчет, что высокие информационные технологии и Интернет 2.0 являются самоцелью только для их производителей, которые получают баснословные прибыли на глобальном информационном рынке. Для потребителей же, в том числе и для библиотек, все продукты техносферы, представляют собой ***средства***, которые могут быть использованы для достижения разных целей.

Если целью библиотечно-библиографической деятельности считается сервисное выполнение прикладной информационной функции, то есть оперативный, полный и точный (минимум информационного шума) ответ на поступивший информационный запрос, то здесь электронно-коммуникационные средства крайне желательны. Однако гуманистическая миссия библиотек в этом случае не выполняется, поскольку не используются библиотечные гуманистические ресурсы. Целью библиотечного гуманизма является не столько информационный сервис читателей (информационное обслуживание в онлайновом режиме – банальный признак библиотечно-библиографического профессионализма), сколько уменьшение дегуманизации российского общества. Именно этой цели наши библиотеки должны служить всеми своими средствами.

Соотношение между идеей гуманизации общества и идеей информатизации общества заключается в том, что гуманизация есть цель социальных преобразований, а информатизация – средство достижения этой цели. Поскольку цель и средство неразрывно связаны друг с другом, эти две идеи должны не конкурировать, а дополнять друг друга в стратегических программах развития российских библиотек. Информационные технологии должны служить библиотечному делу, а не библиотечное дело – информационным технологиям. Библиотечные работники обязаны удовлетворять информационные потребности homo informaticus, используя локальные и удаленные информационные ресурсы. Но главная и подлинная миссия библиотек заключается не в информационном обслуживании, а в спасении информационного общества от губительного недуга дегуманизации. Информатизация библиотек оправдает себя только в том случае, если она послужит для реализации гуманистической

миссии. Поэтому *не информационная функция, а гуманистическая миссия должна стать приоритетом наших библиотек.*

Универсальное правило «мыслить глобально – действовать локально» в контексте библиотечного гуманизма выглядит так: «мыслить гуманистично – действовать технологично». Подытоживая сказанное, можно сделать следующие ***выводы***:

1. Для устойчивого развития России в XXI веке необходимо неразрывное сочетание гуманизации (цель) и информатизации (средство). Библиотечно-библиографический социальный институт будет нужен грядущему информационному обществу в той мере, в какой он возьмет на себя выполнение гуманистической миссии.

2. Переход от информационной миссии к гуманистической миссии не может произойти стихийно, явочным порядком. Особенно важной, даже ключевой задачей является: гуманизация библиотечно-информационной школы. Для этого необходима гуманизация библиотечного управления и библиотечного права, но прежде всего – гуманизация библиотековедения и библиографоведения, которые исключили из круга своих актуальных проблем библиотечный гуманизм и гуманистическую миссию библиотек в глобальной техногенной цивилизации.

3. Информатизацию (компьютеризацию, интернетизацию) следует рассматривать не в качестве самоцели, а в качестве вспомогательного средства гуманизации библиотечно-библиографического социального института в условиях глобальной техногенной цивилизации. Нам нужно разработать гуманистические технологии библиотечного дела, в частности, использование Интернета как гуманистического ресурса. До сих пор стимулом для совершенствования информационных технологий служили корыстные интересы капиталистических корпораций или нужды государственного управления, что способствовало дегуманизации общества. Остается нерешенным вопрос: может ли гуманизация общества стать целью научно-технологического прогресса? В связи с этим кардинальным вопросом обратимся к проекту Национальной электронной библиотеки.

2.3.4. Проект Национальной электронной библиотеки. Национальная электронная библиотека (НЭБ) призвана сыграть важную роль в модернизации книжного, библиотечного и библиографического дела в России. Неслучайно Министерство культуры России приняло решение «преобразовать Национальную электронную библиотеку в единую организационную и аппаратно-программную платформу (государственную информационную систему),

позволяющую гармонично интегрировать всю библиотечную сеть России в цифровую информационную инфраструктуру путем внедрения в практику её работы принципиально иных организационных и технических подходов»[189]. Согласно Концепции развития Национальной электронной библиотеки на 2014–2016 гг., утвержденной заместителем Министра культуры Г.П. Ивлиевым, целями проекта НЭБ являются: «обеспечение максимально возможного доступа граждан Российской Федерации к фонду НЭБ через единую точку доступа в сети Интернет; содействие формированию информационно-образовательной среды, благоприятной для развития личности путем предоставления доступа к достоверной и профессионально обработанной информации; координация усилий библиотек федерального, регионального, муниципального ведения, библиотек научных и образовательных учреждений по оцифровке библиотечных фондов; объединение распределенных фондов полнотекстовых электронных версий печатных изданий, электронных ресурсов, мультимедийных изданий на базе единого сводного каталога НЭБ и единых стандартов библиографических описаний» (с. 14). Короче говоря, благодаря НЭБ россияне, независимо от местожительства, получат дистанционный и полнотекстовый доступ ко всем хранящимся в оцифрованных фондах российских библиотек изданиям и научным работам, от книжных памятников истории и культуры, до новейших авторских произведений (разумеется в рамках, установленных авторским правом).

В ежегодных декларациях Министерства культуры предусмотрено развитие Национальной электронной библиотеки, которая должна обеспечить россиянам максимально быстрый и полный доступ к информации, а также сохранение национального культурного наследия, находящегося в библиотеках. Ввод НЭБ в промышленную эксплуатацию и подключение региональных библиотек, а также архивов и музеев, создание единого электронного читательского билета и интеграция с электронным правительством должны быть свидетельством технологических успехов. Однако в отлаженной технологии функционирования электронной библиотеки обнаруживается досадный пробел, компрометирующий её библиотечную сущность. Дело в том, что проектируемая НЭБ рассчитана на предоставление комфортного библиотечного сервиса только после того, как клиент укажет имя автора или название «интересующего его издания».

[189] Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г. / Минкультуры РФ. 2015. С. 169.

Вопрос о том, каким образом гражданин России *узнает* о книгах или журнальных статьях, с которыми ему желательно познакомиться, не обсуждается.

Беда в том, что в библиотечно-библиографическом обслуживании именно *семантический библиографический поиск*, руководствующийся принципом «каждой книге – её читателя и каждому читателю – его книгу», является главным камнем преткновения. В условиях «информационного потопа» важно, чтобы библиотечно-библиографический сервис не ограничивался электронной доставкой документов удаленному пользователю, а защищал его от информационных перегрузок. Истинная, а не демонстрационная эффективность автоматизации библиотечно-библиографических процессов заключается не в повышении скорости реакции системы и даже не в снижении экономических затрат, а в повышении точности и полноты выдачи, то есть в уменьшении грандиозного информационного шума и не поддающихся определению потерь информации, которые предъявляют сейчас поисковые машины Интернет, ведущие поиск по ключевым словам запроса. Конечно, большим технологическим достижением является режим дистанционного полнотекстового чтения, но он не дает феномену НЭБ права именоваться «библиотекой». Почему?

Как ни парадоксально, но специально спроектированная «Национальная электронная библиотека» *библиотекой не является*, потому что она предназначена не для ориентации читателей в мире книг, а для совершенствования *технологии* доставки затребованных изданий. В документации НЭБ нигде не учитывается типологическая структура библиосферы, и библиотеки-участники формально-технологически делятся на три категории: 1) библиотеки, хранящие свои электронные ресурсы и предоставляющие к ним доступ через центральный портал НЭБ; 2) библиотеки, которые передают свои электронные полнотекстовые ресурсы оператору НЭБ; 3) библиотеки, которые не предоставляют своих документов, но дают возможность читателям получить доступ к ресурсам НЭБ. Таким образом, содержание фондов и социально-функциональная направленность библиотек-участниц игнорируется: все библиотеки «на одно лицо», как нули, образующие «цифровую информационную инфраструктуру».

Эффективность НЭБ оценивается количеством дистанционно обслуженных запросов, а не *пертинентностью*, то есть смысловым соответствием духовным потребностям читателя выданной

ему литературы. С точки зрения теории информационных систем проектируемая НЭБ – это ***информационно-вычислительная сеть,*** то есть взаимосвязанная совокупность территориально рассредоточенных систем обработки данных, средств связи и передачи данных, обеспечивающая пользователям дистанционный доступ к информации, содержащейся в базах данных, разнесенных, как правило, на значительные расстояния. Получается, что НЭБ по сущности своей является *технологической инновацией*, направленной на преобразование с помощью машиночитаемых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) книжной коммуникации в коммуникацию электронную.

На пороге грядущей постиндустриальной цивилизации подобная коммуникационная трансформация естественна и необходима. Однако семантическую (смысловую) коммуникацию, которую обеспечивают библиотечно-библиографические системы, нельзя подменять оцифровыванием человекочитаемых текстов и дистанционной их трансляцией. Нет никаких оснований полагать, что технократический феномен НЭБ разрешит системный кризис в библиосфере. Нынешний феномен НЭБ – это испытательный полигон, на базе которого желательно создать не фиктивную «библиотеку», а другую НЭБ – реальную ***Национальную электронную библиосферу***, нацеленную на разрешение системного кризиса книжно-библиотечной сферы.

2.4. Библиографоведческий конспект: элегия «сумерки»

Моя научная биография началась в 60-е годы на кафедре библиографии Ленинградского государственного библиотечного института (ЛГБИ) имени Н.К. Крупской с экспериментов по сравнению полноты и точности библиографического поиска в различных информационно-поисковых системах. Кандидатская диссертация, защищенная в 1967 году, называлась «Экспериментальные исследования потерь информации и информационного шума в классификационных, предметных и дескрипторных ИПС». Докторская тема звучала вполне библиографично: «Автоматизация библиографического поиска в СССР» (1977). Поэтому библиография («золотой ключик познания») всегда была в центре моих научных интересов и служила стимулом экскурсов в сопредельные области информатики и библиотековедения, книговедения, культурологии и философии. Теория библиографии влечет меня как загадочная terra

incognita, и я охотно делил пафос открытия неведомого библиографоведческого знания с соавторами-единомышленниками В.А. Фокеевым[190] и Т.Ф. Берестовой[191].

Должен признаться, что меня печалит кризисное состояние библиографической науки и практики, о котором упомянуто в разделе 2.2.1. Хотя Н.К. Леликова, выступая на пленарном заседании Международного библиографического конгресса в сентябре 2010 г., заверяла, что «слухи о кончине библиографии сильно преувеличены», она, тем не менее, признала: «рушатся традиционные, веками накопленные представления о библиографии, когда упраздняются или перепрофилируются кафедры библиографии в вузах культуры, когда директора ряда библиотек стремятся во что бы то ни стало избавиться от библиографического направления, считая, что электронные каталоги, раскрывающие фонды этих библиотек, заменят все библиографические ресурсы»[192]. На мой взгляд, сгущаются **сумерки.** В 1893 г. религиозный философ В.В. Розанов (1856–1919) написал статью «Сумерки просвещения» (жаль, что наши министры образования Фурсенко и Ливанов эту статью не читали). В 2001 г. литературный критик Алла Николаевна Латынина опубликовала в «Литературной газете» эссе «Сумерки литературы». Сегодня, я полагаю, уместна элегия «Сумерки российской библиографии».

Сумерки – это переходный период: есть вечерние сумерки, есть утренние сумерки. Куда же движится библиография? В ночь или к рассвету? В настоящей ретроспективе я хочу оглянуться на двухсотлетнюю историю российской библиографии и вспомнить её светлое прошлое. Поблуждать в элегических сумерках сегодняшнего дня. Попытаться заглянуть в terra incognita будущего. Периодизацию эволюции отечественной библиографии за два последних века можно схематично представить следующим образом[193]:

---

[190] Соколов А.В., Фокеев В.А. Библиографоведение. Terra incognita. Диалог о библиографической науке: научно-практическое пособие. М.: Литера, 2010. 206 с.

[191] Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс. Очерки о прошлом и будущем библиографической науки. Челябинск: ЧГАКИ, 2014. 490 с.

[192] Леликова Н.К. Российская библиография на современном этапе // Труды Международного библиографического конгресса. Часть 1. СПб.: РНБ, 2012. С. 38.

[193] Соколов А.В., Фокеев В.А. Библиографоведение. Terra incognita. Диалог о библиографической науке: научно-практическое пособие. М.: Литера, 2010. С. 152.

I. *Научно-книговедческий*, иначе, *любительско-филологический* этап (XIX век – начало XX века), когда библиография понималась как «наука, особое самостоятельное или вспомогательное знание о книгах, выражающееся в их описании»;

II. *Государственно-вспомогательный*, или *идеологический* этап (20–60-е годы XX века), во время которого библиография рассматривалась как «область идейно-воспитательной и производственно-вспомогательной деятельности, средство ценностной ориентации в книжном мире, руководство чтением, содействующее социальному управлению, контролируемых партийными и государственными органами читательских интересов и потребностей»;

III. *Научно-революционный,* или *информационно-деятельностный* этап (середина 70-х – 90-е годы XX века) – бурный взлет библиографоведческой мысли, воспринимающей библиографию как «область информационной деятельности, основной общественной функцией которой является целенаправленная передача читателям информации о произведениях печати»;

IV. *Формирование новой парадигмы,* метафорично, – *«блуждание в сумерках»* (начало XXI века) – современный этап развития библиографии, особенности которого пока не ясны. Не случайно II-ой Международный Библиографический Конгресс прошел в нашей стране 6–8 октября 2015 г. под футурологическим девизом «Взгляд в будущее». Этапы I и II принято именовать «классическими»; этап III называется «неклассическим», а грядущий этап IV – «постнеклассическим (В.А. Фокеев). В очерках о прошлом и будущем библиографической науки, написанных в содружестве с Т.Ф. Берестовой[194], мы определили эволюцию библиографии как изменение парадигм: книгоцентристская (классическая) – документоцентристская (неклассическая) – ресурсоцентристская (постнеклассическая) парадигма. Что такое «парадигма»?

Библиографическая парадигма – это совокупность основных профессиональных смыслов в данный период времени. Структурными составляющими парадигмы являются смыслы трех родов: а) кредо профессии – общепринятые ценности. цели, мифологические образы; б) теории, образующие ядро профессионального мировоззрения; в) технические средства и организационные решения, используемые в практической деятельности. Перечисленные

[194] Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс. Очерки о прошлом и будущем библиографической науки. Челябинск: ЧГАКИ, 2014. 490 с.

парадигмальные составляющие служат ответами на принципиальные вопросы: зачем (почему) нужна библиография? – см. кредо профессии; что такое библиографическая наука и практика? – см. теоретическое ядро парадигмы; как функционирует библиографический институт? – см. техника и организация[195].

Смена парадигм библиографии определяется изменениями, происходящими в общественной жизни страны. Эти изменения отражались в прошлых парадигмах и, естественно, предопределят будущую парадигму. Ретроспектива теории библиографии в России превосходно представлена в учебнике для бакалавров «Библиографоведение», подготовленном в 2014 году О.П. Коршуновым, Н.К. Леликовой и Т.Ф. Лиховид[196]. Но там не используется понятие «парадигма» и не прослеживается переход библиографии из библиосферы в документосферу и далее ресурсосферу. Соответственно не рассматривается футурологический вопрос о выходе из «сумерек библиографии», констатируется только, что «теоретическое осмысление существования библиографии в современных условиях, в том числе и в условиях электронной среды, – еще впереди» (с. 235). Наша задача осмыслить существование библиографии в четырех социально-культурных сферах – библиосфере, документосфере, инфосфере, ноосфере.

2.4.1. Библиография в пространстве библиосферы. Начнем с элементарного, казалось бы, вопроса: Что такое в сущности библиография? В 1968 г. Константин Романович Симон осуществил, на мой взгляд, наиболее полный обзор интерпретаций этого древнегреческого слова с первых веков нашей эры до середины XX столетия[197]. Он завершил свою энциклопедическую статью двумя дефинициями библиографии: 1) Особый вид научной литературы, вспомогательный для любой науки и практической деятельности; формой которого являются перечни, списки, обзоры литературы; 2) Дисциплина, входящая в состав науки книговедения и посвященная разработке методов и приемов, требующихся для составления указанных перечней, списков и обзоров. Эти дефиниции, соответствующие классическим воззрениям, показывают, что областью зарождения, становления и многовековой эволюции библиографии является «мир книг», то есть библиосфера.

[195] Там же. С. 11–12.

[196] Коршунов О.П., Леликова Н.К., Лиховид Т.Ф. Библиографоведение: учебник. СПб.: Профессия, 2014. С. 204–251.

[197] Симон К.Р. Библиография. Основные понятия и термины. М.: Книга, 1968. С. 26–35.

Как установлено в разделе 2.1.2, библиосфера является коммуникационной суперсистемой (системой систем), включающей библиотечные, библиографические, книгоиздательские, книготорговые социальные институты и сопутствующие социальные явления, вроде библиофильства и цензуры. Другими словами, классическую библиосферу образовали те участки социальной коммуникации, где создаются, обрабатываются, хранятся, распространяются и используются *книги* в виде произведений письменности и печати. Особая роль библиографического института в библиосфере заключается в *инфраструктурном назначении*. Формулировки К.Р. Симона полувековой давности сегодня устарели, но в них есть намек на инфраструктурный статус, который заключается в указании на «вспомогательность» библиографии «для любой науки и практической деятельности».

Инфраструктура (от латинского infra – ниже, под и structure – строение, т.е. дословно «подструктура») мыслится как вспомогательная (вторичная) система, обеспечивающая функционирование некоторой первичной суперсистемы. Различают техническую, военную, рыночную, транспортную, социальную и другие инфраструктурные системы. Например, инфраструктура рынка – биржи (торговые, фондовые, валютные), ярмарки, банки, страховые компании, рекламные агенства и пр. Инфраструктурное назначение библиографии достаточно просто распознать. Оно состоит в создании, систематизации и хранении с целью последующего поиска библиографической информации, необходимой для книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов и прочих субъектов документных коммуникаций. Библиография выступает как *вторичная* вспомогательная система, выполняющая в библиосфере *поисковую сущностную (необходимо её присущую) функцию*. Отсюда следует, что *библиография по существу является* ***поисковой инфраструктурой библиосферы***. Но этого мало.

Инфраструктурное назначение библиографии в системе классической библиосферы состояло в обеспечении поиска книг, являющихся не просто продукцией типографского станка, а *социальной ценностью*. Интеллигенты-просветители понимали Книгу как *средство просвещения,* библиотеку как центр внешкольного образования и самообразования, а библиотекаря-библиографа как наставника и руководителя чтением народа. Не было никаких сомнений в *педагогической* сущности библиотечного дела и библиографии, а *библиотечная педагогика* понималась как отрасль социальной

педагогики, представляющая собой учение о воспитании читателей путем рекомендации лучших книг, помощи в усвоении и использовании прочитанного[198] (см. раздел 2.3.1). Учитывая сказанное, получаем вывод, существенно дополняющий точку зрения классика библиографической науки Константина Романовича Симона (1887–1966): библиография *по существу* является не только поисковой, но и ***просветительной инфраструктурой*** библиосферы. Таким образом, *в условиях классической книгоцентристской парадигмы, охватывающей научно-книговедческий и государственно-идеологический этапы эволюции российской библиографии, последняя играла роль* ***просветительно-поисковой инфраструктуры библиосферы***.

Научно-книговедческий (любительско-филологический) этап I отечественной библиографии, начатый В. Г. Анастасевичем и В. С. Сопиковым, продолженный академистами-библиофилами и просветителями-общественниками, а завершенный интеллигентами-книжниками Серебряного века, подробно описан историками библиографии. В то время были созданы замечательные библиографические труды, задумывались грандиозные проекты (текущий учет книжной продукции, репертуар русской книги, регистрация библиографических пособий), формировалось демократическое библиографическое сообщество (Московский библиографический кружок, Русское библиографическое общество, Русское библиологическое общество), возникла профессиональная периодика. Библиографическая работа считалась непременным и важным разделом научной деятельности не только филологов и историков, но и представителей всех научных дисциплин. Среди библиографов этого периода много известных биологов, математиков, геологов, экономистов и представителей других наук. Выдающиеся русские библиографы воспринимались современниками как деятели науки и просвещения, стоящие в одном ряду с видными писателями, учеными, публицистами. Библиографический труд понимался как творческая деятельность по созданию оригинальных, а никак не «вторичных» культурных ценностей. Не случайно библиографические произведения авторизовывались подобно произведениям научной и художественной литературы. Библиография признавалась *самостоятельной наукой*, или, в крайнем случае, составной частью научного

[198] Ванеев А.В. Библиотечная педагогика // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 175–176; Он же. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. С. 52–53.

комплекса книговедения, а библиограф-практик имел статус *ученого*, исследующего, описывающего и систематизирующего книги, подобно тому, как ботаник изучает растения, астроном – небесные тела, а географ – ландшафты.

Библиографы-филологи того времени, такие как Г. Н. Геннади, А. Н. Неустроев, Н. А. Рубакин, С. А. Венгеров, А. Д. Торопов, Б. С. Боднарский, Н. М. Лисовский, К. Н. Дерунов и многие другие, в том числе первый библиограф-профессионал В. И. Межов, отлично соответствовали имиджу ученого-энциклопедиста, обеспечивая высокий социальный статус библиографии. Они, конечно, задумывались об общественной миссии библиографии, о библиографическом профессионализме, о методологии и методике библиографической деятельности, но никто не ставил проблемы разработки *теории библиографии*. Теория, как известно, претендует на раскрытие сущности данного явления и законов, определяющих его возникновение, развитие, преобразование; теоретическое воспроизведение явления, выполняя не только описательную, но еще и объяснительную и прогностическую функции. К теоретическим обобщениям такого рода был склонен в то время, пожалуй, только А. М. Ловягин, и, может быть, Н. М. Лисовский. Итак, на этапе I своего развития библиография предстает в виде общепризнанной науки, располагающей прикладной методологией и методикой, регламентирующей практику, но не имеющей теории, объясняющей сущность этой практики.

Начало *государственно-идеологического этапа II* юридически ознаменовано декретом «О передаче библиографического дела в РСФСР Народному комиссариату просвещения», подписанным В.И. Лениным 30 июня 1920 г. Библиография стала одним из государственных институтов, мобилизованном для участия в культурном и хозяйственном строительстве, идеологической борьбе и коммунистическом воспитании трудящихся. Огосударствление библиографии означало её профессионализацию и централизованную организацию. Демократический плюрализм, объективизм, гуманизм и прочие методологические принципы библиографии Серебряного века были осуждены как «вылазки классового врага», а сама библиография из сферы науки перешла, выражаясь современным языком, в сферу услуг. Отсюда возникла идея «всеобщей вспомогательности» библиографии, воспринятая советскими библиографами, которая органично сочеталась с идеей рекомендательности, руководства чтением в духе коммунистического воспитания.

Относительно теоретических претензий было сказано, что библиография – дисциплина обслуживающая, вспомогательная для других отраслей народного хозяйства, и поэтому «ее теория должна быть всецело подчинена практике и проверяться практической работой – в самом конкретном, узком смысле этого слова»[199].

Патронаж государства выражался не только в партийно-правительственных постановлениях, определяющих, что и как надлежит делать советским библиографам, но и в организационной, материально-технической и финансовой поддержке библиографического института. Благодаря этой поддержке удалось построить превосходную систему государственной (учетно-регистрационной) библиографии, вызывавшую восхищение и зависть зарубежных коллег. В 1940-е гг. в библиотечных институтах были открыты библиографические факультеты, выпускники которых слыли интеллектуальной элитой (правда, в 1950-е гг. эти факультеты «влили» в библиотечные факультеты и начали подготовку библиотекарей-библиографов широкого профиля). Не будет большим преувеличением сказать, что по социально-экономическим меркам 1930–1960-е годы представляли собой «золотой век» отечественной библиографии. Что же касается теории, то ее отсутствие не ощущалось, так как теорию успешно заменяло идеологически выдержанное партийное руководство. Единственной областью, относительно свободной от воинствующего диктата, была история библиографии, куда перешли Н. В. Здобнов, Е. И. Шамурин, К. Р. Симон, М. В. Машкова и другие подлинные ученые.

Так продолжалось до начала 1970-х гг., когда в сонной атмосфере благостного брежневского застоя на страницах сборника «Советская библиография» замелькали не ведомые ранее термины: «восхождение от абстрактного к конкретному», «библиографическая информация», «системность», «сущность библиографии», «библиографическое моделирование» и т. п. Эти термины не вписывались в государственно-идеологическую парадигму, были чужды принципу партийности, поэтому бдительные ветераны идеологического фронта не без основания заговорили о «схоластическом теоретизировании», об отрыве от практики коммунистического строительства вообще и советской библиографической практики в частности. Действительно, библиографическая теория оторвалась, точнее *преодолела* рутинную библиографическую вспомогательность и начала

[199] Троповский Л.Н. Задачи советской библиографии // Библиотековедение и библиография. 1930. № 1–2. С. 30.

поиск подлинной, естественной, а не декретированной властями сущности библиографии.

2.4.2. Библиография в пространстве документосферы. В 70-е гг. произошли изменения в библиографической науке и практике, которые ознаменовали начало «неклассического» периода в истории российской библиографии и III *Научно-революционного* этапа её развития. Обнаружилась потребность в выходе за пределы «мира книг», которая была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, практика библиотечно-библиографического обслуживания инженерно-технических работников показала, что они заинтересованы преимущественно в оперативной информации о журнальных статьях, патентах, фирменных материалах, стандартах, отчетах о НИР и ОКР и прочих «спецвидах технической литературы», а не в монографиях и учебниках, содержащих сведения многолетней давности. Во-вторых, приобрели актуальность такие управленческие и архивные источники, как административные распоряжения, дипломатические акты, служебная переписка, и т.п., статистические материалы регионального и государственного масштаба, материалы судопроизводства, юридические прецеденты, исторические памятники (летописи, хронографы, манускрипты, апокрифы и т.п.), личные архивы, неопубликованные мемуары и др.[200]. Все эти некнижные источники научной, технической, служебной, исторической информации стали называться *документы.* Поскольку они не соответствовали классическому представлению о книге, перед библиографией возник вопрос о расширении круга библиографируемых произведений письменности и печати. Научная революция, согласно современной философии науки, представляет собой смену парадигм, в нашем случае книгоцентристскую парадигму вытесняла документоцентристская парадигма.

Середина 70-х годов ознаменована поворотом библиографического профессионального мировоззрения от книгоцентризма к документоцентризму. Признанным лидером этого поистине научно-революционного поворота стал *Олег Павлович. Коршунов* (1926–2013), энергично и деловито взявшийся за преобразование классической библиографической науки в неклассическое *библиографоведение*. Важнейшими достижениями стали официально рекомендованный вузам учебник «Библиография. Общий курс», вышедший в свет под

[200] Исчерпывающе полное представление о некнижных письменных документах наших дней дает учебное пособие Столяров Ю.Н. Документный ресурс. М.: Либерея, 2001. 152 с.

редакцией О. П. Коршунова в 1981 г.[201], и новаторский ГОСТ 7.0–84 «Библиографическая деятельность. Основные термины и определения». В начале 90-х годов появился авторский учебник, подготовленный О.П. Коршуновым, – квинтэссенция отечественной библиографоведческой теории.[202] Здесь была провозглашена дефиниция неклассического библиографоведения: «научная дисциплина, изучающая структуру и свойства библиографической информации, закономерности процессов её создания и доведения до потребителя» (с. 194). Неклассическое библиографоведение достигло статуса нормативной науки, признанной Высшей аттестационной комиссией в качестве академической дисциплины, и триумфально вступила в область библиографического образования и в область профессионального языка – орудия профессионального мышления.

В чем проявилась неклассическая суть новой библиографического мировоззрения? В том, что предметом библиографоведения была признана *библиографическая (вторично-документальная) информация* как «сведения о документах (источниках информации), отчужденные от них». *Документами,* выступающими в качестве объектов библиографической деятельности, считалась любая социальная информация, зафиксированная человеком на любом материальном носителе в целях её хранения, распространения и использования. Очевидно, что социально ценные книжные издания, например, собрания сочинений классиков или универсальные энциклопедии, в пространстве документосферы должны котироваться в качестве объектов библиографической деятельности наряду со спецвидами технической литературы или ведомственной перепиской.

В школе О.П. Коршунова документосфера понималась как *система документальных коммуникаций*. Соответственно итоговая дефиниция библиографической информации как научного понятия читалась следующим образом: «***Библиографическая информация*** – это, как правило, определенным образом организованная (стандартная) информация о документах, выполняющая в системе документальных коммуникаций поисковую, коммуникативную, оценочную основные общественные функции и имеющая конечной целью удовлетворение и формирование документальных

[201] Библиография: Общий курс: учебник / пол ред. О.П. Коршунова. М.: Книга, 1981. 511 с.

[202] Коршунов О.П. Библиографоведение. Общий курс. М.: Книжная палата, 1990. 232 с.

потребностей членов общества»[203]. В этой формулировке упоминание о коммуникативной функции библиографии является излишним, потому что принадлежность к системе документальных коммуникаций автоматически делает библиографию коммуникативной подсистемой. А вот поисковая и оценочная функции являются характерными именно для библиографии. Выполнение основной общественной (т.е. сущностной) поисковой функции означает, что библиография является *поисковой инфраструктурой в документосфере*, подобно тому, как она изначально была поисковой инфраструктурой в библиосфере (см. 2.4.1). Оценочная же функция, предполагающая ценностную ориентацию в «мире документов», является основой и предпосылкой для развития просветительского и (шире) гуманистического воздействия библиографии на общественное сознание. В классической библиографии ценностные оценки практиковались в рекомендательной библиографии, но неклассическая библиография не считала руководство чтением приоритетной задачей, хотя были попытки разработать «рекомендательную библиографию для специалистов».

Преобразование отечественной библиографии из просветительно-поисковой инфраструктуры библиосферы в документально-поисковую инфраструктуру документосферы обусловлено контактами с научной информатикой, кибернетикой и управленческим документоведением, потому что наши библиографоведы ориентировались на понимание документа, принятое в этих областях документосферы. От этих формулировок по существу ничем не отличаются принятое О.П. Коршуновым определение «Документ – любая социальная информация, зафиксированная человеком на любом материальном носителе в целях её хранения, распространения и использования» (см. выше) или дефиниция И.Г. Моргенштерна «Материально и знаково зафиксированный самостоятельный информационный объект»[204].

При осмыслении инфраструктурной сущности библиографии полезно обратить внимание на следующее обстоятельство. В разделе 2.1.5 утверждалось, что документосфера является *инфраструктурой национальной культуры*, и была предложена дефиниция: ***документосфера*** *– та область культурного пространства социума, где создаются, передаются, хранятся и используются*

[203] Коршунов О.П., Лиховид Т.Ф., Новоженова Т.А. Библиографоведение: Основы теории и методологии: учебник / под ред. О.П. Коршунова. М.: ФАИР, 2009. С. 116.

[204] Моргенштерн И.Г. Документ: информация и / или носитель? // Науч. и техн. б-ки. 2003. № 2. С. 126–127.

документы. Может вызвать недоумение тот факт, что одна инфраструктура (докуметосфера) обслуживается другой инфраструктурой (библиографией). Цепочку инфраструктур легко продолжить. Библиография, в свою очередь, нуждается в инфраструктурном обеспечении в виде кадров − выпускников библиотечно-информационной школы, а для подготовки этих кадров нужна учебная литература и рекомендательная библиография. Круг замкнулся: библиография нуждается в библиографии. Это обстоятельство не должно нас смущать, потому что документ есть универсальное средство передачи смыслов во времени и на всех уровнях пространства.

Утверждение документоцентристской парадигмы с самого начала, с середины 70-х годов проходило в обстановке споров, доходящих до обвинений в идеологической беспринципности, в политически ложной подмене понятия «Книга» классово враждебным понятием «Документ». Имели место и добросовестные заблуждения, и ревнивые амбиции. Тем не менее, сегодня мы можем признать, что научно-революционный этап III эволюции отечественной библиографии был периодом, когда советское библиографоведение достигло значительных теоретических высот, В 80-е годы было показано, что путем библиографического анализа документального потока можно судить об особенностях развития различных областей знания, оперативно регистрируя появление новых направлений. Родоначальниками такого подхода, обозначившего точки соприкосновения библиографии и науковедения, явились Л.В. Зильберминц и Д.Ю. Теплов. Позже эти исследования были продолжены представителями петербургской школы отраслевой библиографии[205]

1990-е гг. – время обогащения научно-революционной парадигмы новыми общебиблиографическими концепциями, выдвинутыми талантливыми и смелыми теоретиками-новаторами – Н.А. Слядневой, В.А. Фокеевым, Л.В. Астаховой (Ласьковой). Все они испытали стимулирующее воздействие идей Коршунова, но, отдавая им должное, подвергли их резкой, иногда нигилистической критике. Поэтому общепризнанность, которой пользовалась теория Коршунова в 1980-е гг., в следующее десятилетие стала не такой очевидной. Это не означало ни смены научно-революционной парадигмы, ни плюрализма (многочисленности) парадигм в теории библиографии. Дело в том, что авторы концепций, претендуя на раскрытие сущности библиографии и красноречиво полемизируя друг

[205] Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии: сб. трудов / ЛГИК. Л., 1983. 168 с.

с другом, фактически *дополняли* друг друга, акцентируя различные стороны, грани, разновидности такого сложного социально-культурного явления, как библиография. В конечном счете, все они «работали» на общее дело – на развитие научно-революционной парадигмы, а вовсе не на ее отрицание. Чтобы убедиться в этом, сопоставим трактовки сущности библиографии, выдвинутые разными авторами.

Книговедческая (чтобы отличить ее от книговедческих филологических схем начала XX в., ее называют также *неокниговедческой*) концепция библиографии четко и развернуто представлена в монографии Абрама Ильича Барсука (1918–1984)[206]. Здесь педантично проводится демаркационная линия между *библиографией* как специальной областью книжного дела и *библиографоведением* как книговедческой научной дисциплиной, изучающей «историю, теорию, методику и проблемы организации библиографического дела, закономерности, структуру, свойства и качество библиографической информации». Термин «библиографоведение» был включен в стандартную библиографическую терминологию (ГОСТ 7.0–77). Именно в библиографической информации, представляющей собой «вид информации, содержанием которой является свернутая (вторичная) адресная информация о литературе», А.И. Барсук видел сущность библиографии, ее «способ самовыражения, язык и результат».

О.П. Коршунов именует свою концепцию *документографической*, подчеркивая, что она исторически является прямым продолжением и развитием книговедческой концепции. Главное отличие и несомненно прогрессивная новация О.П. Коршунова состоит в том, что он в качестве объекта библиографической деятельности видит не книгу (произведение письменности и печати), а документ. Термин «библиография» в этой концепции охватывает библиографическую науку и практику, то есть объединяет в единую систему практическую библиографическую деятельность и библиографоведение. Библиография в целом квалифицируется как область документально-информационной деятельности, связанной со всеми возможными аспектами функционирования библиографической информации в системе документальных коммуникаций. Сущность библиографии опять-таки видится в библиографической информации, выполнющей функцию *отграничения* библиографических явлений от явлений небиблиографической природы[207].

[206] Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М.: Книга, 1975. 206 с.

[207] Коршунов О.П. Проблемы общей теории библиографии. М.: Книга, 1975. 191 с.

Дальнейшее расширение объекта библиографии произведено Н.А. Слядневой в ее *идеографической* или *информографической* концепции[208]. Здесь библиография рассматривается не на фоне книжного дела или документально-информационной системы, а на фоне Универсума человеческой деятельности. Сущность библиографии Н.А. Слядневa видит в ее методологической потенции, а библиографические методы рассматривает как универсальные, пригодные для оперирования любыми «суверенными информационными объектами» – не только документами, но и текстами или нематериализованными «смыслами». Таким образом, идеография поглощает документографию. По мнению Слядневой, «библиография, понимаемая как информография, как универсальный метод и средство оперирования информацией и ее документальными носителями, не только сохранит в информатизированном обществе свои функции, но и явится одним из средств обогащения информационного прогресса» (с. 3). Автор отважно преодолевает разумную сдержанность документографии, заявляя: «По нашему мнению, библиография может рассматриваться в Универсуме человеческой деятельности на психофизиологическом аспекте закономерного порождения библиографической формы означивания, свертывания и моделирования инфоквантов в связи с ограниченностью пропускных возможностей каналов человеческого сознания, объемов памяти и коммуникаций в обществе)» (с. 9). Концепцию Слядневой можно упрекнуть за «революционный экстремизм», способный устрашить робкого библиографа, но нельзя не разделить ее озабоченность перспективами библиографии в «информатизированном» обществе, а также ее стремление «гуманитаризировать» это общество, преодолеть опасность его однобокой технизации путем внедрения «библиографического компонента» в современную инфосреду (с. 204).

Уязвимость формально-информационных подходов к раскрытию сущности библиографии ощутил В. А. Фокеев, который выдвинул *когнитологическую* («знаниевую») концепцию[209]. В своей обстоятельной, философски обоснованной и библиографически осмысленной монографии В. А. Фокеев приходит к выводу, что сущность библиографии заключается в *библиографическом знании*,

[208] Слядневa Н.А. Библиография в системе Универсума человеческой деятельности. Опыт системно-деятельностного анализа / МГИК. М., 1993. 226 с.

[209] Фокеев В.А. Природа библиографического знания: монография. М.: Рос. гос. б-ка, 1995. 352 с.

поэтому основная категория библиографоведения – именно библиографическое знание, которое понимается как результат особой познавательной деятельности, отражающей мир текстовых коммуникаций и содействующей освоению книжной культуры человеком и обществом в целом [14, с. 301]. Фокеев не отказывается от информационного подхода при рассмотрении библиографической коммуникации, которая определяется как «взаимодействие людей с помощью библиографического знания, процесс обмена информацией о текстах» (с. 88).

Дальнейшее развитие библиографическая когнитология получила в исследованиях Л. В. Астаховой[210]. Здесь библиографическое познание представлено как компонент собственно *научного познания*, который исторически, начиная с XVII в., развивался согласованно с эволюцией науки в целом. В настоящее время, согласно выводам историков науки, последняя вступила в такой этап своего развития, который «характеризуется стратегической направленностью на человека и потребности человеческой деятельности, а также новой идеологией рациональности – гуманитарным антропоморфизмом» (с. 16). Ясно, что такой поворот научного сознания повышает научный статус не только библиографоведения, но и библиографической практики. Л. В. Астахова защищает тезис, что библиография обладает научным достоинством, что это *научный феномен*, а не вторично-вспомогательная область умственного труда. Оказалось, что отечественная библиографическая мысль на новом витке своего развития возвращается к постулату книговедов-филологов XIX в.: «библиография – наука», разумеется, наполняя его новым содержанием.

Сказанного достаточно для общей характеристики научно-революционных сдвигов в теоретическом библиографоведении за последние 30 лет, но было бы неправильно полагать, что все библиографоведы поголовно «горели революционным энтузиазмом». Были авторитетные теоретики общей библиографии, занимавшие более сдержанную позицию. К их числу можно отнести М.Г. Вохрышеву и А.А. Гречихина. М.Г. Вохрышева отвергает книговедческую и документографическую концепции в силу их «фрагментарности и однолинейности» и выдвигает *культурологическую* концепцию библиографии[211], подчеркивая значимость библиографии

[210] Астахова Л.В. Библиография как научеый феномен: монография. М.: МГУК, 1997. 338 с.

[211] Вохрышева М.Г. Библиография в системе культуры. Самара, 1993. 124 с.; Она же. Теория библиографии: учеб. пособие. Самара: Изд-во СГАКИ, 2004. 368 с.

как «одного из важнейших способов отражения, хранения и трансляции культуры от поколения к поколению и как одного из важнейших элементов культурного процесса». С этим тезисом нельзя не согласиться, он достаточно очевиден; не ясно только, какую из многочисленных трактовок культуры, обсуждаемых культурологами, М.Г. Вохрышева имеет в виду.

А.А. Гречихин в конце 1980-х гг. горячо протестовал против монопольного положения теории О.П. Коршунова, противопоставляя ей свое понимание библиографии. Это понимание выражено в дефиниции, которая неизменно воспроизводится в публикациях А.А. Гречихина: «библиография – область информационной деятельности, основной общественной функцией которой является управление процессом производства, распространения и использования информации в обществе, т. е. информационное управление». При этом отмечается, что «в узком книговедческом смысле» библиографию можно определить как «управление процессом производства, распространения и использования книги (произведений, документов, изданий) в обществе»[212] [5]. Идея «информационного управления» обществом библиографическими средствами не нова, ее разделяли просветители, составлявшие рекомендательные списки для массового читателя, и цензоры, ограждавшие публику от «безнравственной» литературы. А.И. Барсук в свое время определял библиографию как «специальную область научно-практической деятельности (книжного дела), содержанием которой является подготовка, передача и организация использования вторичной (свернутой) информации с целью воздействия (специфическими для библиографии методами, формами и средствами) на ее распространение и использование в обществе»[213]. Если считать, что информационное управление представляет собой «воздействие на распространение и использование информации в обществе», то обнаружится, что А.А. Гречихин мало продвинулся за пределы неокниговедческой концепции А.И. Барсука.

К началу 1990-х гг. революционно-преобразовательный импульс концепции О. П. Коршунова начал ослабевать. В ноябре 1990 г. редакция журнала «Советская библиография» провела круглый стол на тему «Современная библиографоведческая парадигма»,

[212] Гречихин А.А. Общая библиография: теоретико-методологические основы: учеб. пособие. М.: Изд-во МПИ, 1990. 108 с.; Он же. Общая библиография: учебник для вузов. М.: Изд-во МГУП, 2000. 588 с.

[213] Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М.: Книга, 1975. С. 14.

полемически заострив ее вопросом: кризис или расцвет? В обсуждении приняли участие более 20 ученых из разных городов России – беспрецедентно широкий форум. Большинство участников сошлось во мнении, что ощущается потребность в новой парадигме, хотя виделась она разным специалистам по-разному (Советская библиография. – 1991. – № 3. – С. 33–66.). Впрочем, всем было ясно, что научные парадигмы не создаются по заказу, а исподволь созревают в сознании научного сообщества.

В качестве иллюстрации смешения понятий, характерного для того времени, остановимся на *литературоцентристской концепции* Д.Ю. Теплова. Широко эрудированный автор опирался, с одной стороны, на книговедческие традиции, с другой стороны, на неологизмы научной информатики. В изданной в 1977 году книге, посвященной основным проблемам типизации в книговедении и библиографии[214], Д.Ю. Теплов дословно повторяет (с. 15) определение категории Документ, предложенное в монографиях основоположников информатики в нашей стране: «Документом признается любой материальный объект, который фиксирует или подтверждает какие-либо знания и может быть включен в определенное собрание»[215]. Упоминание об «определенных собраниях» показывает, что документы существуют в документальных системах, образующих документосферу. Документ в этом понимании Даниил Юрьевич трактует как «книга в широком смысле слова», противопоставляя ему «книгу в узком смысле слова», представляющую собой «определенный тип издательско-полиграфического оформления печатной продукции» (с. 10). Получается логически нелепая конструкция: информатика изучает «книгу в широком смысле» (документ), т.е. документосферу, значит, она должна изучать и «книгу в узком смысле», т.е. библиосферу, поскольку первое («широкое понятие») включает в свой объем второе («узкое понятие»). Тогда книговедение, предметом которого является Книга во всех смыслах, как «широком», так и «узком», становится частью научной информатики, что некорректно.

Значение научно-революционных идей О.П. Коршунова для качественного преобразования отечественной библиографической науки трудно переоценить. Главное место в неклассическом

[214] Теплов Д.Ю. Типизация в книговедении и библиографии. Основные проблемы на примере научно-технической литературы и её библиографии. М.: Книга, 1977. С. 15.

[215] Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы научной информации. М.: Наука, 1965. С. 76; Те же. Основы информатики. М.: Наука, 1968. С. 81.

библиографоведении занял теоретический раздел, который до середины 70-х годов считался самым отстающим участком библиографической науки. Как назвать концепцию Коршунова? Сам Олег Павлович посвятил специальную статью обсуждению вопроса «Документографическая ли концепция Коршунова?»[216]. Он пришел к выводу, что все концепции, считающие, что объектом библиографирования является документ, правомерно и логично именовать «документографическими». Признаваясь, что сам он «притерпелся» к такой квалификации своих научных поисков и «стал воспринимать её как должное», автор, тем не менее, настаивает на более широкой формулировке: «моя концепция – это системно-деятельностная, документально-информационно-коммуникационная концепция начала общей теории библиографии. Именно начала. Необходимо это еще раз подчеркнуть» (с. 195). Фактически теория О.П. Коршунова показывает, что библиография в документосфере представляет собой ***документо-поисковую инфраструктуру.*** Поскольку понятие Документа распространяется на документы всех типов, включая информационные объекты и электронные базы данных, возникает вопрос о преемственности документосферной библиографии и библиографии, используемой в условиях инфосферы.

2.4.3. Библиография в пространстве инфосферы. Инфосфера приобрела различные значения, потому что разные авторы трактуют понятие «информация» неоднозначно и, соответственно, определяют разное положение для «информационной сферы» в иерархии всевозможных «сфер». Сопоставление различных формулировок показало, что можно выделить несколько интерпретаций инфосферы: инфраструктурная (технологическая), семантическая (смысловая), государственная (интегральная). Каждая интерпретация по-своему решает вопрос о месте библиографии в инфосфере. Познакомимся с некоторыми точками зрения.

1. Инфраструктурная инфосфера. Инициатива инфраструктурной трактовки принадлежит академику Андрею Петровичу Ершову (1931−1988), пионеру теоретического и системного программирования, создателю Сибирской школы информатики, идеологу национальной программы информатизации народного образования. Свою концепцию инфосферы А.П. Ершов изложил в статье «Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся

[216] Коршунов О.П. Моя концепция библиографии (документографическая ли она?) // Российское библиографоведение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Т.Ф. Лиховид. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 179–198.

к информационной культуре общества», опубликованной в журнале «Коммунист», органе ЦК КПСС[217]. Инфраструктурную инфосферу он представлял в виде «пирамиды вычислительных, запоминающих, передающих устройств и оконечной аппаратуры», которая постоянно взаимодействует с территориально распределенными создателями и потребителями информации, обеспечивая им доступ к совокупности информационных центров, банков и баз данных, соединенных средствами связи. В качестве субстанции, образно говоря, «рабочего тела», в инфраструктурной инфосфере циркулирует ***машинная информация***, являющаяся способом передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов. Поскольку информационная инфраструктура базируется на информационных технологиях, её можно назвать *технологической* инфосферой, входящей в качестве составной части в *техносферу*. А.П. Ершов допускал параллельное существование библиотечно-библиографической практики и информационных технологий, поэтому вопрос о соотношении библиографической инфраструктуры и информационной инфраструктуры не возникал. Однако вскоре ситуация изменилась.

В 1999 году был принят терминологический ГОСТ 7.0–99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения», который узаконил понимание библиографии в качестве «информационной инфраструктуры, обеспечивающей подготовку, распространение и использование библиографической информации» (пункт 3.1.35). Этот же ГОСТ, следуя концепции А.П. Ершова, сообщает (пункт 3.1.34), что ***информационная инфраструктура*** – это «совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи, обеспечивающая доступ потребителей к информационным ресурсам». Выходит, что информационная инфраструктура – явление техногенное, она существуют в *техносфере*, а никак не в «мире книг», где функционирует библиография в качестве поисковой инфраструктуры документосферы. Но все-таки библиографию также правомерно именовать «информационной инфраструктурой», если различать два типа информации – машинную и семантическую.

Дело в том, что в стандартном определении информационной инфраструктуры, где с библиографией соседствуют базы и банки данных, системы дистанционной связи и т.п. (см. выше), имеется

[217] Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // Коммунист. 1988. № 2. С. 82–92.

в виду *машинная информация*, представляющая собой способ передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов. Библиографическая же инфраструктура область не машинной, а *семантической информации*, которая определяется как способ выражения духовных смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов, фантазий) посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков. Соответственно библиографическая информация есть специально оформленное библиографическое знание, предназначенное для человеческого общения, а не машиночитаемые коды. Поскольку библиографическая информация человекочитаема, библиографию нелогично включать в состав техносферной информационной инфраструктуры.

Однако можно возразить: в наши дни благодаря цифровым технологиям в документальной коммуникации распространилась ***электронная библиография,*** представляющая собой семантическую информацию, выраженную машиночитаемыми знаками с целью дистанционной передачи и последующей машинной обработки. Получается, что оцифрованная библиография входит в техногенную информационную инфраструктуру, а другая, человекочитаемая библиография осталась вне техносферы. Налицо раскол библиографии на традиционную часть – человекочитаемая поисковая инфраструктура библиосферы и нетрадиционную часть – машиночитаемая поисковая инфраструктура документосферы. Очевидно, что этот раскол – закономерное следствие прогрессирующей информатизации документосферы, и это обстоятельство следует иметь в виду при осмыслении перспектив формирующегося IV этапа эволюции библиографии.

Итак, библиография, как мы установили, выполняет сущностную функцию поисковой инфраструктуры в документосфере индустриального общества. Но эта функция не должна исчерпывать роль библиографии в переходный период от индустриальной цивилизации к постиндустриальной цивилизации. При смене цивилизационной направленности поисковая инфраструктура должна приобрести *гуманистическое измерение*, ибо поиск, систематизация и распространение именно гуманистических ценностей, воплощенных в документных потоках, будут востребованы обществом. Проблематика становления библиографии как гуманистической инфраструктуры подробно рассмотрена мной и Т.Ф. Берестовой в серии статей, опубликованных на страницах журнала «Библиография» (2014, №№ 1–5). Не будем повторять сказанное, ограничимся

цитированием вывода, завершившего наши статьи: «Библиография – незаменимая и необходимая гуманистическая инфраструктура в условиях самоубийственного риска информационного общества».

2. Семантическая инфосфера. В 1996 г. вышла в свет монография, подготовленная ведущими специалистами Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ), озаглавленная «Инфосфера. Информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе»[218]. В этой книге четко разграничиваются машиночитаемые «данные», являющиеся объектом машинной обработки, и «информация», представляющая собой воспринимаемый (понимаемый) человеком смысл (с. 394). Таким образом, наряду с машинной информацией, именуемой «данные» и являющейся субстанцией инфраструктурной инфосферы, вводится понятие семантической (смысловой) информации, которое служит основой другой, «человеческой» инфосферы, которую логично назвать *семантической инфосферой*.

В семантической инфосфере циркулируют многочисленные виды массовой и специальной информации, из которых сотрудники ВИНИТИ особо отмечают важность научной и технической информации. Элементами семантической инфосферы являются национальные (государственные) системы научно-технической информации, системы информационных изданий, реферативные службы, сотрудники которых заняты интеллектуальным трудом, родственным труду профессиональных библиографов. Поскольку библиографическая информация является разновидностью семантической информации, резонно в данном случае признать библиографию ***информационно-поисковой инфраструктурой*** семантической инфосферы. Библиографические информационно-поисковые системы типа алфавитных, систематических, предметных каталогов (картотек) выполняют в семантической инфосфере инфраструктурную поисковую функцию.

3. Государственная (интегральная) инфосфера не разграничивает машинную и семантическую информацию. На интегральную информатизацию нацелены государственные программы построения информационного общества в России, где информационная сфера понимается как «системообразующий фактор жизни общества, представляющий собой совокупность информации,

[218] Инфосфера. Информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе / Ю.М. Арский, Р.С. Гиляревский, И.С. Туров, А.И. Черный. М.: ВИНИТИ, 1996. 489 с..

информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации»[219]. Здесь машинная информационная инфраструктура выступает в качестве одного из элементов инфосферы, обеспечивающего доступ потребителей к информационным ресурсам. В итоге государственная инфосфера совпадает с коммуникационной структурой общества и автоматически поглощает и библиосферу, и документосферу. Как показывает практика, поглощение семантических библиотечно-библиографических фондов машиночитаемой инфраструктурой, может привести к непредусмотренным затруднениям. Примером является проект Национальной электронной библиотеки (НЭБ), пренебрегающий библиографической информационно-поисковой инфраструктурой. Этот факт я рассматриваю как печальное свидетельство сумерек, в которые погружается российская библиография. К сожалению, это свидетельство не единственное в своем роде.

2.4.4. Сумерки и симулякры российской библиографии. Что представляла собой библиография сто лет тому назад, в блестящую эпоху Серебряного века? Науку о Книге! Олицетворяющие библиографию интеллигенты-книжники (А.Д. Торопов и С.А. Венгеров, Н.А. Рубакин и К.Н. Дерунов, Н.М. Лисовский и А.М. Ловягин) воспринимались современниками в качестве достойных членов научно-педагогического сообщества, и сами они осознавали себя в этом качестве. Советские 30-е − 60-е годы – это «золотой век» отечественной библиографии, когда ЦК ВКП(б) принимал специальные постановления о библиографии, а библиографические факультеты в высшей школе были питомниками аристократов Книги. В эпоху зрелого социализма сформировался библиографический социальный институт, включающий практику, образование, науку в традициях модерна XX столетия. В середине 70-х выяснилось, что «библиография» – термин многозначный, и следует различать библиографию как деятельность, библиографию как результат библиографирования, библиографию как науку (библиографоведение). Библиограф утратил ореол ученого и стал котироваться как профессионал интеллектуального труда. Ничего унизительного в новом профессиональном амплуа, конечно, не было, но в постсоветский период началась смута в определении сущности библиографии, которая обусловлена общим состоянием российского менталитета

[219] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000).

в 90-е годы. Выяснилось, что манией подражательства страдает не только простонародная масса, но и властвующая элита.

По мнению академика Т.И. Заславской, «имитируется все: демократия, конкурентный рынок, правосудие, гражданское общество, права человека, но под внешне обновленными институциональными формами»[220]. Другой академик – Д.С. Львов пришел к выводу, что новый правящий класс лишь декларирует либерально-демократические ценности, в действительности эксплуатируя все общество[221]. Я уже говорил о ГОСТе 7.0-99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения», который легкомысленно включил библиографию в «совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи, обеспечивающую доступ потребителей к информационным ресурсам».

Некоторых властвующих невежд мучает дьявольский соблазн: не пора ли россиянам освободиться от бремени институтов бумажной книжности и архаичной библиотечности? Незадачливые технократы убеждены, что, имея в своем распоряжении Интернет с постоянно растущими, дистанционно доступными информационными ресурсами, граждане информационного общества не будет нуждаться ни в каких библиотеках, тем более – библиографиях. Им невдомек, что библиография не информационная инфраструктура, действующая на основе информационных технологий, а *социальный институт суперсистемы документальных коммуникаций (документосферы), представляющий собой поисковую инфраструктуру (вторично-документальную систему), обеспечивающую производство (описание), отбор, систематизацию, хранение библиографического знания (стандартно оформленных фактических данных документов) с целью оповещения о новых поступлениях и последующего библиографического поиска.* Без библиографического поиска невозможно качественное библиотечное обслуживание, то есть реализация законов: каждому читателю – его книгу; каждую книгу – её читателю. Однако возможна *симуляция* библиографической деятельности, когда библиография под видом информационной инфраструктуры превращается в постмодернистский симулякр.

Симулякр (simulacre) – одно из основных понятий французского постмодернизма, которое мыслится как «знак, который

[220] Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004, С. 26.

[221] Львов Д.С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. М., 2000. С. 23.

скрывает, что ничего и нет» или, более развернуто «постреальность, построенную посредством симуляции, выдающей отсутствие за присутствие, стирающей различия между реальным и воображаемым, сочетающей мнимость и истинность»[222]. Типичный симулякр – реклама какого-либо товара или понятие «библионочь» как симуляция библиотечного обслуживания. В столетней эволюции отечественной библиографии начало современного IV этапа, заключающегося в формировании новой библиографической парадигмы, ознаменовано фактами симуляции (подмены) библиографического института небиблиографическими учреждениями и явлениями. Например:

1. Принятое в декабре 2013 года нелепое решение о ликвидации головной организации в области библиографии и книговедения – Российской книжной палаты и преобразовании её в филиал информагентства ИТАР-ТАСС. Логичней было бы ИТАР ТАСС, имеющую дело с текущей социальной информацией, сделать составной частью Книжной палаты – национального хранилища отечественной печатной продукции. *Информационные агентства* – это специализированные организации (службы, центры), обслуживающие средства массовой информации (СМИ) путем предоставления редакциям газет, журналов, телевидения, радиовещания оперативной политической, экономической, социальной, культурной информации. Пользуются приоритетом банки, коммерческие фирмы, предпринимательские структуры, другие пользователи экономических новостей. Текущая хроника представляется в виде небольших жестко структурированных сообщений. Из других журналистских жанров корреспонденты используют комментарий, репортаж, обзор, интервью. Характерно стремление повысить оперативность информирования за счет использования новых телекоммуникационных средств. Сегодня в России насчитывается около тысячи конкурирующих между собой информационных агентств. Среди них крупнейшим (1500 сотрудников) и старейшим (основано в 1904 году) является ИТАР-ТАСС, с 1 октября 2014 года именуемое *Информационное агентство России «ТАСС»* и сохраняющее статус центрального государственного агентства.

Российская книжная палата (РКП), головная организация библиографического социального института, – учреждение совсем другого рода, чем ИАР «ТАСС», лидер российской журналистики.

[222] Махлина С.Т. Словарь по семиотике культуры. СПб.: «Искусство–СПБ», 2009. 579–582.

Они удовлетворяют разные общественные потребности, выполняют различные сущностные функции, исповедуют книжную или журналистскую культуру и ценности, следуют традициям книжного дела или масс-медиа. Короче говоря, это разные социальные институты, разные отрасли социальной коммуникации, разные области профессиональной занятости.

Что получилось в результате данного волевого административного акта? Превращение РКП в филиал ИАР «ТАСС» не повлияло на производственную деятельность Книжной палаты. За нею сохранились все производственные библиографические функции, которые она выполняла ранее: получение обязательного экземпляра и работа с библиотеками, выпуск государственных библиографических указателей (правда, из их названия исключили слово «летопись»), ведение статистики и Архива печати, присвоение стандартных номеров и пр. Тем более, не заметно никакого «обибліографирования» информационных агентств.

Кто же выиграл от реформы? Неизвестно. Кто проиграл? Библиография. Вместо государственной (национальной) библиографии имеем *симулякр* – «знак, который скрывает, что ничего и нет» и «выдает отсутствие за присутствие». Головная библиографическая организация теперь филиал Информационного агентства, библиографический социальный институт – подсистема массовой информации, библиографическая отрасль культуры – подотрасль журналистики, а библиография как поисковая инфраструктура документальной коммуникации – архаичный рудимент, ибо журналистика отражает живую жизнь, а не книжные древности. К сожалению, в Администрации Президента не нашлось книголюба, способного объяснить, что симуляция, а не развитие библиографии влечет за собой сумерки документальной культуры, а обскурация документальной культуры – предпосылка деградации нации.

2. Исключение библиографии из стратегического документа «Основы государственной культурной политики» (декабрь 2014) – продолжение предыдущей «игры в симулякры». В «Основах» предусмотрено в числе прочих задач культурной деятельности «развитие книгоиздания и книгораспространения», «принятие мер по возрождению интереса к чтению», «сохранение библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению», но никто не сообразил, что невозможно решить эти задачи без библиографического обеспечения. Культурная политика без библиографии – это все равно, что демократия без свободы слова.

Хотелось бы верить, что государственная культурная политика Президента В.В. Путина не останутся коллекцией симулякров.

3. 24 июня 2016 года произошло знаменательное событие в российском библиотечном деле: была ***легализована Национальная электронная библиотека***! Государственная Дума Российской Федерации приняла Закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О библиотечном деле» в части создания федеральной государственной информационной системы «Национальная электронная библиотека»». Закон гласит, что право граждан на библиотечное обслуживание обеспечивается «путем предоставления доступа к федеральной государственной информационной системе «Национальная электронная библиотека» в соответствии со статьей 18.1 настоящего Федерального закона».

Согласно дефиниции, приведенной в Законе, Национальная электронная библиотека является «федеральной государственной информационной системой, которая представляет собой совокупность документов и сведений в электронной форме, доступ к которым предоставляется пользователям Национальной электронной библиотеки, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет». Эта дефиниция определяет Национальную электронную *библиотеку* не как разновидность библиотек, а как информационную систему с дистанционно распределенным ресурсом. Действительно, НЭБ – это не библиотека, а информационная сеть, обеспечивающая дистанционный доступ к фондам реальных библиотек-участникам сети, то есть НЭБ – не национальная библиотека, а типичный *симулякр национальной библиотеки*. Более того, НЭБ не просто симулякр, а симулякр в квадрате, потому что она симулирует не только библиотечное, но и библиографическое обслуживание. Что имеется в виду?

НЭБ – беспрецедентный библиотечно-библиографический проект представляющий собой библиосферу, преобразованную в инфосферу, где циркулируют не человекочитаемые книги, а машиночитаемые их дубликаты (оцифрованный контент). Сохраняются основные социальные институты библиосферы: издательства (генераторы контента), библиотеки (агрегаторы, распространители, частично создатели цифрового контента), наконец, в качестве книжного супермаркета выступает Единый портал удаленного доступа (точка доступа в НЭБ). Естественно, возникает потребность в библиографической инфраструктуре. В качестве поисковой инфраструктуры определен Единый каталог НЭБ – каталог всех

хранящихся в фондах российских библиотек изданий. Где взять подобный Каталог? Было принято рациональное решение: использовать Сводный каталог библиотек России (СКБР), функционирующий в системе корпоративной каталогизации ЛИБНЕТ. Создан механизм интеграции СКБР с НЭБ, в соответствии с которым Центр ЛИБНЕТ принимает, стандартизирует и актуализирует электронные каталоги библиотек – участниц НЭБ и передает их в Единый каталог НЭБ в согласованном формате с установленной периодичностью. Таким образом, решается задача управления распределенными фондами НЭБ, но это не задача библиографического поиска. Библиографический поиск в НЭБ – еще один симулякр современной российской библиографии.

В официальных декларациях сказано, что цель НЭБ заключается в обеспечении свободного доступа граждан Российской Федерации ко всем изданным, издаваемым и хранящимся в фондах российских библиотек изданиям и научным работам, – от книжных памятников истории и культуры, до новейших авторских произведений. Используя национальные электронные ресурсы, любой гражданин России сможет: найти интересующее его печатное издание в ближайшей библиотеке или получить доступ к электронной копии этого издания в режиме удаленной работы из читального зала ближайшей библиотеки или из дома. «Найти интересующее издание» – это задача библиографического поиска. Но библиография в виде тематического или фактографического поиска из информационной системы НЭБ исключена; вопрос о том, каким образом гражданин России узнает о книгах или журнальных статьях, с которыми ему хочется познакомиться, не обсуждается. Другими словами, НЭБ не предоставляет библиографических услуг, но предусматривает получение потребителем библиографической информации до его обращения к «единой точке доступа к НЭБ». В итоге НЭБ выступает в роли симулякра библиографического обслуживания, обещая сервис, которого нет.

Конечно, большим технологическим достижением является режим дистанционного полнотекстового чтения, однако, в условиях «информационного потопа» требуется, чтобы библиотечно-библиографический сервис не ограничивался электронной доставкой запрошенных документов удаленному пользователю, а защищал его от информационных перегрузок. Истинная, а не имитационная эффективность автоматизации библиотечно-библиографических процессов заключается не в повышении скорости реакции системы

и даже не в снижении экономических затрат, а в повышении точности и полноты выдачи, то есть в уменьшении грандиозного информационного шума и не поддающихся определению потерь информации, которые предъявляют сейчас поисковые машины Интернет, ведущие поиск по ключевым словам запроса. Здесь не обойтись без диалога типа «человек-человек» между библиографом и читателям. Вдумчивые библиографоведы обеспокоены тем, что распространение дистанционного (виртуального) справочного обслуживания вытесняет диалог библиографа и пользователя «лицом к лицу». Не имея возможности уточнить реальные информационные потребности, инициировавшие тот или иной поступивший запрос, библиограф становится не проводником по «джунглям информации», а «охотником за готовыми ответами»[223].

Видимо, разработчиков НЭБ перспектива полной автоматизации справочно-библиографического обслуживания не пугает, а наоборот, привлекает. В типовом договоре РГБ как оператора НЭБ с библиотекой-поставщиком информационных ресурсов предусмотрено, что последняя должна обеспечить доступ к своим ресурсам в режиме 24/7 и обслуживать не менее 1000 запросов на библиографическую или метаинформацию в секунду (!). Ясно, что тут нужен робот, а не библиограф-консультант. Риск роботизации я воспринимаю как *угрозу библиографической профессии,* создаваемую невежественными технократами. На самом деле подлинный положительный эффект проекта НЭБ для российской библиографии видится в подготовке условий для перехода от поисковой инфраструктуры к гуманистической инфраструктуре постиндустриальной библиосферы.

2.4.5. Туманный рассвет. Столетнее путешествие библиографии из Серебряного века в постиндустриальную Россию происходит не прямолинейно, а довольно замысловато, и хочется надеяться, что сумерки сегодняшнего дня завтра сменятся рассветом, пусть даже туманным. В отличие от научно-революционного этапа, когда движущей силой библиографической парадигмы была теоретическая мысль, очищающая профессиональное сознание от догматического застоя, теперь источником преобразований, требующих осмысления, стала библиографическая практика, интенсивно осваивавшая новые информационные технологии. В начале XXI века

[223] Багрова И.Ю. Виртуальное справочно-информационное обслуживание (по материалам англоязычной печати // Библиотековедение. 2005. № 6. С. 42–49.

на повестку дня была поставлена *информатизация* библиографии, что диктовалось стремительной экспансией электронной коммуникации. Появились основания для того, чтобы говорить о переходе от бумажной коммуникации к коммуникации безбумажной, от книжной культуры к культуре мультимедийной, от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. Возник целый ряд новых проблем, связанных с качеством электронных документов и ответственностью их создателей за объективность и достоверность распространяемой информации, со сложностью ориентации в информационных ресурсах, состав которых быстро меняется, с необходимостью обеспечения совместимости информационной продукции, создаваемой различными учреждениями многих стран, в рамках совокупных национальных ресурсов. В сгущающихся сумерках глобальной информатизации плохо различались цели и функции библиографирования и библиографического обслуживания в преобразующейся системе социальных коммуникаций, было неясно, что из накопленного опыта получит развитие, а что примет совсем иные формы.

Надо признать, что неклассическая теория библиографии, занятая познанием своей сущности, оказалась в стороне от преобразований, столь важных для библиографической практики. Собственно говоря, кризис научно-революционной парадигмы, о котором стали говорить в 1990-е гг., как раз и заключался в дистанцировании библиографоведческой проблематики от информационных инноваций. Несмотря на всеобщее распространение информационной терминологии[224], теоретики библиографии ушли от таких проблем, как библиографические виртуальные коммуникации, Интернет как библиографический ресурс, библиографирование электронных публикаций и сайтов и т. д. Очень поверхностно разработаны актуальные проблемы «Библиография и глобализация», «Библиография и рынок», «Библиография и гуманизация». Формирующаяся библиографическая парадигма (IV этап эволюции российской библиографии), пока не имеет добротного содержания. Наполнение ее законами, концепциями, методологическими принципами, практическими следствиями и рекомендациями – актуальная задача практиков-новаторов и нового поколения библиографоведов-теоретиков. Теоретическая база для этого существует: это научно-революционная парадигма 1970–1980-х гг. и историческое наследие более

[224] Фокеев В.А. Библиографоведение. Информатика: терминологический словарь. М.: Литера, 2009. 488 с.

ранних периодов. Тем не менее, важно понимать, что времени для разработки и утверждения новой парадигмы библиографии осталось немного – назревает угроза, что профессия библиотекаря-библиографа станет таким же анахронизмом, как античное ремесло библиографа-переписчика книг.

Опрометчиво и, прямо скажем, самоубийственно для библиографической профессии было бы отрицание теоретического багажа научно-революционной парадигмы. Освоение этого багажа каждым библиографом необходимо для овладения профессиональным *кредо*, для понимания общественного назначения и специфических отличий библиографии от других областей социально-коммуникационной деятельности. Не менее важно и поучительно осознание исторической ретроспективы библиографии как филологической и государственно-вспомогательной парадигм. Филологи Серебряного века, конечно, были далеки от информационных технологий, но их наследие поможет удержаться от соблазна впасть в техницизм, дегуманизацию, упрощенчество. Не утратили полезности некоторые организационные решения и методические рекомендации, выработанные советским поколением библиографов. Сборник статей, подытоживающий развитие российского библиографоведения в XX столетии[225] остается настольной книгой для каждого профессионального библиографа. Другими памятниками современной библиографоведческой мысли являются «Труды Международного библиографического конгресса», который состоялся в сентябре 2010 г. в Санкт-Петербурге, и «Материалы II Международного библиографического конгресса», прошедшего в октябре 2015 г. в Москве.

Что же скрывает туманный рассвет? Популярным политическим симулякром является идеологема *информационного общества,* согласно которой грядущее общество предстает в качестве мифического царства информации и знания, изобильно удовлетворяющего посредством информационно-коммуникационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства. Предусмотрена оцифровка объектов культурного наследия и предоставление удаленного доступа к ним, но о библиографии нигде не упоминается. Наиболее отважные киберреформаторы планируют киборгизацию населения путем вживления в мозг нанокибернетических устройств. Ясно, что киборгам никакие книги и библиографии не нужны, поэтому библиотекарям-библиографам

[225] Российское библиографоведение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Т.Ф. Лиховид. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 688 с.

придется переквалифицироваться и вместо руководства чтением подрастающего поколения заняться имплантацией наномозгов демонам-киборгам. Конечно, информационные технологии, служащие основой электронной коммуникации в наши дни, не являются конечной инстанцией научно-технического прогресса. В XXI веке ожидается внедрение конвергентных (нано-био-инфо-когнитивных) технологий, которые под руководством сверхмощного искусственного интеллекта коренным образом изменят социально-коммуникационные процессы, а, возможно, и антропологическую природу людей (трансгуманизм).

Впрочем, гуманистическая антропология подобную перспективу отвергает и настаивает на воспитании (точнее, – выращивании) поколений обитателей ***ноосферы*** (сферы разума, мудрости и справедливости), которые должны целенаправленно её создать. Откуда может появиться «человек ноосферный»? Выращивание ноосферного населения – это задача не биогенетическая, не инфокибернетическая, а *педагогическая,* и решать её предстоит современной системе образования, в том числе и российской библиотечно-информационной школе. Подобная задача ставится в нашей науке впервые.

Наверное, у многих коллег вызовет недоумение название «Ретроспективы-85» – «Библиотечно-информационная школа и ноосфера». Дело в том, что основой для формирования ноосферного человека должно стать *документированное культурное наследие человечества*, доступ к которому способны обеспечить специально подготовленные выпускники библиотечно-информационной школы. Для ценностной ориентации в гуманистических книжных фондах нужна поисковая инфраструктура, в качестве которой способна выступить только *гуманистическая библиография*. История повторяется: если в классический период библиография котировалась как просветительно-поисковая инфраструктура, то теперь, в постнеклассический период, когда прокладывается маршрут в ноосферу, библиография предстает как *гуманистическо-поисковая инфраструктура*. Создание подобной инфраструктуры – беспрецедентно сложная задача, ибо современное российское общество не является гуманистическим, оно *имитирует* гуманизм, а исторически сложившиеся институты библиосферы находятся в настоящее время в состоянии системного кризиса (см. 2.2.). Ноосфера состоится, если мы создадим гуманистическую библиотечно-информационную школу. В следующей главе я намерен более подробно изложить свои аргументы по этому поводу.

ГЛАВА 3. ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ПУТЬ В НООСФЕРУ

Опережающее образование – неологизм, который отсутствует в классических словарях, учебниках, энциклопедиях по педагогике. Со времен Иоганна Генриха Песталоцци (1746−1827) философы и педагоги различают общее (школьное) и специальное (профессиональное) образование, сопоставляют сословные, национальные, географические особенности, сокрушаются о вытеснении гармоничного развития рыночным утилитаризмом. Термины «опережающее образование», «футуризация образования», «киберсоциализация человека», «ноосферная школа» только в XXI столетии появились в научном лексиконе. Я считаю, что это не праздная лексическая забава, а отражение социальной потребности в ускоренной модернизации образовательных процессов. Если в XX столетии было твердо известно, какими знаниями, умениями, навыками должен обладать специалист данного профиля, допустим, «библиотекарь-библиограф», то сегодня профессиограмма того же библиотекаря- библиографа выглядит иначе. А через десять-двадцать лет произойдут новые изменения, ибо изменятся потребности динамично развивающегося социума. Какие новации нас ожидают, априори не известно. Известно только, что отличник 2020 года в 2045 году полностью дисквалифицируется, поскольку будут нужны знания, умения, навыки, которым его не учили. Почему не учили? Потому что нынешняя библиотечная школа не имеет прогноза развития библиотечно-библиографического института на ближайшее будущее, и никакого «опережающего образования» не практикует. В то же время «ближайшее будущее» мыслится футурологами-гуманистами как ноосфера («царство разума»), требующая от своих обитателей высочайшей образованности. Поэтому ***опережающее образование*** в начале XXI века можно интерпретировать как «путь человечества в ноосферу». Задача настоящей главы состоит в том, чтобы осмыслить достопримечательности этого пути согласно дорожной карте российской библиотечно-информационной школы.

Уточним исходные понятия. ***Образование*** стандартно определяется как *«процесс педагогически организованной социализации, осуществляемой в интересах личности и общества»*[226]. Следовательно, «образование» – разновидность «социализации»,

[226] Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 2. С. 62.

но никто не толкует об «опережающей социализации». Напротив, ***социализация*** цивилизационного человека понимается в педагогике как усвоение и воспроизводство не грядущих, а устоявшихся культурных ценностей и социальных норм, в процессе саморазвития и самореализации личности в нынешнем, а никак не в будущем обществе. Факторами (движущими силами) социализации являются: а) семейное и социальное окружение, которое стихийно и повседневно воздействует на индивида, предопределяя его мировоззрение; б) социально-культурные институты, выполняющие педагогически организованные функции образования (просвещения), в том числе школа, библиосфера, СМИ; в) индивидуальная духовная активность, мотивирующая самообразование и самореализацию личности[227]. Во второй половине прошлого века в атмосфере научно-технической революции мировое сообщество осознало ***кризис образования***[228]. Консервативное классическое образование, ориентированное на воспроизведение прошлых достижений цивилизации, было подвергнуто уничтожающей критике.

Главный упрек состоял в том, что педагогически организованные социально-культурные институты, прежде всего, школа и библиотека, не могут довольствоваться только нуждами сегодняшним днем и историческими реминисценциями. Они призваны подготовить своих учеников и читателей к жизни в обществе будущего. Поэтому им принадлежит решающая роль в ***опережающем образовании***. Разумеется, необходимо учитывать и остальные социализирующие факторы (социальное окружение и когнитивно-психологические ресурсы личности), воздействие которых может быть как положительным, так и отрицательным. Например, социолог В.К. Батурин, предложил фактор социального окружения считать «социальным образованием», которое «генерируется всем обществом, всеми социальными структурами без какого-либо исключения, принципиально открыто, а по времени – непрерывно на протяжении всей жизни любого человека»[229]. Я не склонен считать современное общество положительным фактором опережающего образования, ибо «опережение» состоит не в хаотичных столкновениях, а в сознательном планировании действий учащихся. Полагаю, что, в отличие от внешкольной социализации, образование не стихийный социальный процесс или

[227] Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебник. М.: Академия, 1999. С. 3.

[228] Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М.: Прогресс, 1970. 263 с.

[229] Батурин В.К. Социология образования. М.: ЮНИТИ, 2012. С. 40.

личностная самодеятельность, а процесс, «педагогически организованной» и целенаправленно управляемой. Цель образовательного процесса – преобразование знаний и навыков в личностную (персонифицированную) систему культурных, профессиональных, этических ценностей и в способность применять эту систему в различных областях духовной и практической деятельности человека.

Природной предпосылкой опережающего образования является ***опережающее отражение действительности***, представляющее собой, по словам академика Петра Кузьмича Анохина (1898−1974), «продукт жизни, дающий огромное преимущество перед событиями, медленно развивающимися во внешнем мире»[230]. Благодаря опережающему отражению живая материя быстро адаптируется к пространственно-временной структуре неорганического мира. Поскольку человеческое сознание – одна из форм отражения, ему присуща способность предвосхищения (прогнозирования) будущих событий, которая в полной мере реализуется в педагогической практике. Например, практикуется ***опережающее обучение*** – разновидность проблемного обучения, при котором некоторые сведения о проблеме сообщаются учащимся до того, как начнется изучение её по программе. Эти сведения могут излагаться при рассмотрении смежной тематики, представлять собой попутные упоминания, примеры, вопросы. Опережающее обучение учит мыслить творчески и логично, пробуждает эмоциональные и волевые реакции, способствует запоминанию знаний. Предполагается, что опережающее обучение эффективно при изучении сложной проблемы, опережающей возрастные возможности учеников. Оно может широко использоваться в качестве одного из приемов педагогически организованного опережающего образования.

В отечественной педагогической науке первооткрывателем и активным пропагандистом опережающего образования является действительный член Российской Академии образования Борис Михайлович Бим-Бад (род. 1941) [231]. На своем официальном сайте www.bim-bad.ru он характеризует ***опережающее образование*** как модель подготовки учащихся средней школы к жизни и труду в информационно насыщенной среде, требующей повышенной ответственности, широкой и гибкой общеобразовательной базы,

[230] Анохин П.К. Теория отражения и современная наука о мозге. М.: Знание, 1970. С. 40.

[231] Бим-Бад Б.М. Опережающее образование: теория и практика // Советская педагогика. 1988. № 2. С. 52–55.

своевременного выявления призвания и профессионального самоопределения. Модель предусматривает предупреждение отклоняющегося поведения, овладение средствами гармоничного саморазвития, подготовку к непрерывному образованию. В качестве методических средств опережающего образования Б.М. Бим-Бад называет: внедрение развивающего и проблемного обучения; нравственное и эстетическое воспитание; обращение к рефлексии, самопознанию и саморазвитию учащихся; организация их общения, взаимопомощи и сотрудничества; применение в учебно-воспитательном процессе новых информационных технологий. Теоретическим фундаментом концепции опережающего образования может служить учебное пособие «Педагогическая антропология».[232] Педагогическую антропологию автор рекомендует в качестве «целостного учения о жизни – педагогического жизневедения, человечествоведения и человековедения, в качестве педагогического осмысления мира» (с. 6).

Что касается высшей школы, то здесь потребность в опережающем развитии образовательного потенциала диктуется противоречием между ускорением научно-технического прогресса в отраслях общественного производства и традиционной инерционностью системы образования. Профессорско-преподавательский состав вузов – это высококвалифицированные специалисты вчерашнего, в лучшем случае – сегодняшнего дня. Грифованные учебники и учебные пособия, учебные программы и образовательные стандарты содержат устоявшееся знание, бесспорные факты и проверенные временем истины, а никак не дискуссии, гипотезы и прогнозы. Как известно, в военных академиях заслуженные генералы обучают слушателей, как выигрывать сражения прошлых войн, а в библиотечно-информационной школе мы излагаем классические парадигмы, иногда – неклассические концепции, но не постнеклассическую научную информацию. Мы не готовим наших студентов к встрече с будущим, потому что это будущее нам не известно. Ведь библиофутурология сегодня представляет собой собрание библиоутопий и библиоантиутопий, а не научно-исследовательских прогнозов. Нет сомнений, что педагогический процесс на всех уровнях библиотечно-информационного образования не может ориентироваться только на славное прошлое, современную рыночную конъюнктуру и ограничиваться изучением организационных решений и технологических процессов сегодняшнего дня. Но и опережающее

[232] Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология: учеб. пособие. М.: Изд-во УРАО, 1998. 576 с.

образование – неизведанный путь в гипотетическую ноосферу мало кого привлекает.

Нельзя не прислушаться к доводам энтузиастов, утверждающих, что основными целями опережающего образования являются: подготовка высокообразованных, креативных личностей, а не утилитарных специалистов-прагматиков, привитие учащимся и студентам стремления к постоянному обновлению знаний, внедрение в педагогическую практику «умных» технологий и средств обучения, которые обеспечат быструю адаптацию молодых специалистов к будущим потребностям рынка труда. Пожалуй, наиболее весомо и убедительно звучат аргументы Аркадия Дмитриевича Урсула (род. 1936), основоположника философии информации и ноосферологии в нашей стране (см. раздел 3.1.5), а также автора идеи ***футуризации образования***. Футуризация отличается от модернизации тем, что «если модернизация нацелена на то, чтобы реформировать образование в соответствии с требованиями современности, т.е. настоящего времени, то футуризация призвана сделать следующий важный шаг на пути инновационных процессов – адаптировать образование к устойчивому будущему»[233]. Обосновывая реальную потребность в футуризации образования, Аркадий Дмитриевич апеллирует не к текущим экономическим и политическим расчетам, а к закономерностям цивилизационной и даже космической эволюции. Процитирую некоторые из его соображений.

В начале третьего тысячелетия человечеству предстоит кардинальным образом изменить модель своего развития для того, чтобы оно смогло ответить на глобальные вызовы и угрозы, обеспечить свое дальнейшее безопасное и устойчивое развитие. Образование должно таким образом изменить свое содержание и форму, чтобы способствовать выживанию цивилизации. «Выживание через образование» – это девиз принципиально нового инновационного образовательного процесса, причем касается он не только отдельного человека, но и всего человечества. Новации в образовании должны быть сопряжены с цивилизационной эволюцией и взаимодействием природы и общества. Благодаря информатизации, станет возможным формирование ноосферного интеллекта, способного осуществлять опережающее моделирование социальных и природных процессов, в том числе образования. Таким образом, произойдет выход из кризиса образования и становление информационного об-

[233] Урсул А.Д. Процесс футуризации и становления опережающего образования // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 26.

щества, являющегося важной ступенью на пути глобального перехода человечества на путь *устойчивого развития*. Термин ***устойчивое развитие*** был принят в 1992 г. на Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро «в качестве названия новой концепции существования всего человечества». Концепция устойчивого развития нацелена на гарантированное удовлетворение жизненных потребностей как нынешних, так и будущих поколений людей, их гармоничное взаимодействие с природой, исключающее возможность экологического кризиса планеты. По мнению А.Д. Урсула, футуризация и становление опережающего образования являются необходимыми условиями реализации устойчивого развития[234].

Футуризация не может не затронуть суперсистему библиосферы в целом, библиотечно-информационную школу и библиотечную профессию в частности. Чтобы определить, какие преобразования могут произойти в обозримом будущем, требуется провести достаточно обширные прогностические исследования, которые пока даже не начинались. Правда, в 2018 году стратегической целью Всероссийского конгресса Российской библиотечной ассоциации была объявлена разработка Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации, но конструктивного разговора, к сожалению, не получилось[235]. «Ретроспектива-85», конечно, не место для отраслевого прогноза, но коль скоро была затронута тематика футуризации и опережающего образования, уместно остановиться на трех факторах, обусловливающих будущие перспективы «мира книг» и книжной коммуникации. Вот эти факторы (мы уже упоминали их в начале главы):

1. Будущая среда обитания человечества – ноосфера;
2. Будущий обитатель ноосферы – ноосферный человек;
3. Библиофутурология – учение о будущем библиосферы и библиотечной профессии.

Эти факторы заслуживают углубленного метатеоретического анализа, который выходит за пределы моих возможностей. Поэтому ограничусь рассмотрением их в постановочном плане.

3.1. Концепции ноосферы как среды обитания человечества

[234] Урсул А.Д. Процесс футуризации и становления опережающего образования // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 20–33; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Образование в интересах устойчивого развития: первые результаты, проблемы и перспективы // Социодинамика. 2015. № 1. С. 11–74.

[235] Соколов А.В. Концепции развития библиотечного дела и библиофутурология // Университетская книга. 2018. Июнь-август. С. 46–52.

Историк русского космизма Светлана Григорьевна Семенова (1941–2014) в одной из статей проницательно заметила: «каждый более или менее образованный человек нашего времени, к какой бы сфере деятельности он не был причастен, слышал это несколько таинственное и манящее какими-то глубинными смыслами и надеждой слово: ***ноосфера.*** Ноосфера для второй половины нашего века нередко такая же премудрая и туманная знаменитость, как для первой половины была теория относительности»[236]. Дело в том, что идея ноосферы возникла в общественном сознании не на пустом месте. Она заняла важнейшую мировоззренческую нишу, раскрывающую космический смысл существования человека во Вселенной. Интригующая привлекательность ноосферы обусловлена, с одной стороны, её происхождением от Нуса (Ноос – греч. «разум, мысль, смысл»), которого древние греки почитали как Мировой разум или Божественный ум, с другой стороны, обращенностью к будущему в качестве сияющей вершины, апофеоза космической эволюции человечества.

Впервые о Нусе заговорил Анаксагор (V век до н.э.), который учил, что Космос как разумно устроенное целое не мог возникнуть из хаоса сам собой, а был упорядочен могущественным Нусом. В космологии Аристотеля Нус – Беспричинная причина и Неподвижный перводвигатель, снимающий изначальное противоречие между Логосом и Хаосом. Отсюда очарование ноосферы в качестве места пребывания Божественного Нуса, одухотворяющего Человека и Вселенную. Не удивительно, что понятие ноосферы понадобилось богословам. В христианской теологии Нус – это «умная» природа ангелов, образ Божий в человеке, содержание «умной» молитвы, освобожденной от примеси воображения. Немаловажно отметить, что и в античной философии, и в христианском богословии Нус обозначает не рассудок обычного человека, а сверхъестественное могущество духовной силы над материальным хаосом.

В современной научной литературе автором термина «ноосфера» обычно называют *Эдуарда Леруа* (1870–1954), профессора математики в парижской Сорбонне, который в конце 20-х годов прошлого века определил ноосферу как «духовную оболочку» Земли, которая стремится «отделиться от биосферы, как бабочка от куколки». Признанными родоначальниками учений о ноосфере являются *Пьер Тейяр де Шарден* (1881–1955), христианский философ, основатель доктрины «тейярдизма», антрополог и палеонтолог, и *Вла-*

[236] Семенова С.Г. Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 15. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 231.

димир Иванович Вернадский (1863–1945), исследователь-естество-испытатель, создатель теории биогеохимических процессов. Оба ученых исходили из методологии эволюционизма, но трактовали её по-разному: один в религиозном ключе, предусматривающем «реальность существования у вершины мира над нашими головами какого-то любящего и любимого» (П. Тейяр де Шарден), другой в естественнонаучном ключе, представляющем ноосферу как один из этапов эволюции Природы (В.И. Вернадский).

Понятие ноосферы оказалось необходимым для натуралистов, эволюционистов, глобалистов и прогнозистов. Ведь ноосфера хорошо вписывается в эволюцию природы, научно-технический прогресс и гуманистические мечты о торжестве истины, добра и справедливости на нашей планете. Привлекательна идея «Всеобщей Ноосферной Духовно-Экологической Конституции Человечества», проект которой обнародован Ноосферной духовно-экологической ассамблеей мира. Ноосферная Академия наук и образования (НАНО) разработала концепцию «ноосферной школы», нацеленной на формирование физически, нравственно и психически здоровой личности, творчески пользующейся системным, целостным мышлением в решении учебных, жизненных, производственных задач[237]. Разнообразные модели ноосферно-экологического образования воплощаются во многих районах России и странах СНГ[238]. Прогрессивные отечественные журналисты проектируют «Инфраструктуру ноосферы», поисковым инструментом которой является цифровая система регистрации и идентификации в сети Интернет произведений в области культуры, науки и образования[239]. Философы-информатики представляют ноосферу как царство знания, путь в которое открывает опережающее образование, но никто из них не упоминает ни о книжной культуре, ни о библиотеках.

В отличие от информатиков, наши библиографоведы-книговеды не мыслят ноосферу без документальной инфраструктуры. Здесь

[237] Маслова Н.В., Кожевникова В.В., Куликова Н.Г. Ноосферная школа. Концепция. М.: РАЕН, 2010. 100 с.

[238] Смирнов Г.С. Современное ноосферное образование: региональный аспект // Университет им. В.И. Вернадского. 2005. № 2. С. 105-112; Он же. Ноосферная парадигма образования: современное состояние и перспективы развития // Философия экологического образования. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 133–149.

[239] Засурский И., Сергеев М., Семячкин Д. Инфраструктура ноосферы. Современные инструменты регистрации и идентификации в сети Интернет произведений в сфере культуры, науки и образования. М.: Ассоциация «Открытая наука», 2015. 294 с.

приоритет, по-моему, принадлежит Г.Ф. Гордукаловой, которая в 1992 году в своей докторской диссертации специально рассматривала взаимосвязи ноосферы и документального потока и пришла к выводу, что «документальный поток – источник саморазвития ноосферы, её основной движитель, способ усовершенствования, сохранения и эволюции земной цивилизации»[240]. В.А. Фокеев, в свою очередь, выдвинул *ноосферно-культурологическую концепцию библиографии*, согласно которой миссией библиографии является реализация интеллектуального доступа к источникам знания на уровне их идеальных образов (моделей) и формирование библиографической культуры, а метасистемой библиографии служит ноосфера[241]. Г.Н. Швецова-Водка ввела в научный оборот понятие *ноокоммуникология*, и в свете коммуникации, «опосредованной человеческим разумом», рассмотрела Книгу и Документ в историческом и теоретическом аспектах[242].

Можно сказать, что в наши дни термин «ноосфера» приобрел общенаучное распространение, подобно термину «информационное общество». Однако популярность не гарантирует однозначное его понимание, а напротив, стимулирует многообразие концепций, в котором желательно сориентироваться. Знакомство с литературой показывает, что концепции, оперирующие понятием «ноосфера», делятся на пять групп: а) философско-теологические; б) естественнонаучные; в) феноменологические; г) техногенные; д) гуманистические. Каждая группа опирается на классические традиции европейской культуры и представлена авторитетными мыслителями нашего времени. Чтобы получить общее представление о ноосфере, охарактеризуем особенности перечисленные концепции.

3.1.1. Философско-теологические концепции преемственно связаны с античным Нусом, и поэтому оперируют космическими масштабами времени и пространства. Родоначальником концепций этой группы, как правило, называют *Пьера Тейяр де Шардена* (1881−1955), христианского философа, основателя доктрины «тейярдизма», антрополога и палеонтолога, который называл себя «па-

[240] Гордукалова Г.Ф. Документальный поток в библиографической деятельности: история, теория, технология освоения. Дисс. д-ра пед. наук: 05.25.03. Санкт-Петербург, 1992. С. 29–30.

[241] Фокеев В.А. Ноосферно-культурологическая (когнитографическая) концепция библиографии // Российское библиографоведение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 216–231.

[242] Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникологии: научно-практическое пособие. М.: Литера, 2010. 384 с.

ломником в будущее», решающим задачу синтеза христианского Откровения и научного знания[243]. Получив образование в коллеже Общества Иисусова, он в двадцатилетнем возрасте стал монахом-иезуитом и вскоре получил ученую степень по геологии. В 1914 году монах-ученый был мобилизован в армию в качестве санитара. Во время своей службы на фронте он столкнулся с опытом бессмысленного самоуничтожения людей. Вопреки безумству мировой войны именно в это время Тейяр де Шарден пришел к убеждению о существовании космической силы, направленной на возрастающее одухотворение мира.

После демобилизации Тейяр продолжал научные исследования, странствуя по Монголии, Китаю, Индии, Бирме, Яве. В качестве антрополога он участвует в экспедиции, открывшей кости синантропа, представлявшего собой промежуточное звено от питекантропа к неандертальцу. Энергичный ученый приобрел мировую известность в научном мире, был избран членом Французской Академии, однако до конца жизни не отказывался от монашеского сана, несмотря на то, что братья-иезуиты не санкционировали публикацию его трудов, включая главную книгу тейярдизма «Феномен человека»[244].

Дело в том, что вопреки ветхозаветному догмату о единовременном акте творения Вселенной Богом Тейяр рисовал картину длительной эволюции Космоса, включающей четыре этапа: «Преджизнь» — «Жизнь» — «Мысль» — «Сверхжизнь». Живое произошло из материи, и Тейяр иллюстрировал эволюцию живой природы в виде развесистого Древа жизни, простирающегося от мира бактерий до человекообразных приматов. На этапе «Жизнь» идеальная составляющая органической материи трансформируется из живого в духовное, соответствующее психике животного, а затем порождает человеческое сознание на эволюционном этапе *«Мысль»*.

Появление мыслящего человека Тейяр называет «великой революцией», заключающейся в выходе в «пространство сверхчув-

[243] Драматическая биография основоположника тейярдизма и аналитическое изложение содержания его произведений содержатся в монографии философа и филолога С.Г. Семеновой: Семенова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: РХГУ, 2009. 672 с.

[244] Основное произведение Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека» появилось в русском переводе в нашей стране в 1965 г., второе издание — в 1987 году, но оба они не содержали раздела «Феномен христианства». Только в 2002 году вышел в свет полный перевод этой замечательной книги. В 1992 году в серии «Религиозные мыслители XX века» издательство «Ренессанс» опубликовало сборник религиозных произведений Тейяра де Шардена «Божественная среда» с вступительной статьей А. Меня. (М.: Ренессанс, 1992. 311 с).

ственных представлений» и обретении способности к рефлексии, отсутствующей у животных. Эту «великую революцию» он именует *гоминизацией,* которая на уровне индивида является «мгновенным скачком от инстинкта к мысли», а на уровне человеческой цивилизации — «одухотворением всех сил, содержащихся в животном мире». В качестве опытного антрополога Тейяр де Шарден детально прослеживает процесс антропогенеза, начиная с предгоминидов (питекантропа и синантропа, существовавших 100 тысяч лет назад), сменивших их около 60 тысяч лет назад неандертальцев (примитивная человеческая раса) и заканчивая неолитическими общинами кроманьонцев, «современных людей в полном смысле этого слова» (10–8 тыс. лет до н. э.).

С гоминизации начинается новая эра: Земля обретает разумную оболочку. Итак, эволюция идет через материю и возникновение живого к духовному, геосфера порождает биосферу, биосфера — психосферу, а психосферу увенчивает человеческая ноосфера. Начало формирования ноосферы Тейяр де Шарден датирует эпохой неолита, характеризуя её как «самый критический и величественный из всех периодов прошлого — период возникновения цивилизации». В это время решающую роль в формировании человека начинают играть не материально-генетические предпосылки, а духовно-психические факторы и культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение посредством подражания и устной речи.

Тейяр не углублялся в историю развития ноосферных феноменов в государствах Древнего мира, в Элладе, Римской империи, Средневековье, а сосредоточил внимание на европейской цивилизации Нового времени, где с конца XVIII века осуществлялся «глубокий вираж» к ноосферизации. Восторженный антрополог находит поэтические метафоры для описания этого «виража»: «В настоящий момент мы переживаем период *изменения эры.* Эра промышленности. Эра нефти, электричества и атома. Эра машины. Эра крупных коллективов и науки. Удача и честь нашего краткого существования заключена в его совпадении с преобразованием ноосферы. Мы лицом к лицу сталкиваемся со всем величием феномена человека и можем оценить значение и смысл гоминизации»[245].

Отличительной чертой тейярдизма является *оптимистическая толерантность*. Свидетель и участник двух мировых войн, Тейяр де Шарден предпочитает сосредоточиться на «позитивной сущности биологического процесса гоминизации», а не на «скорби

[245] Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 172.

и грехе в эволюционирующем мире». В 1948 году объясняя, точнее, оправдывая свою методологическую позицию, он написал: «Скорбь и грех, слезы и кровь — все эти побочные продукты попутно порождаются ноогенезом. Так или иначе получается, что человеческая эпопея ничто так не напоминает, как Крестный путь»[246]. Оптимизм тейярдизма привлекателен и даже убедителен, потому что он питается не наивной богословской верой, а аргументами, подсказанными эволюционными трендами.

Прогнозируя будущее, Тейяр исходит из убеждения, что жизнь, достигнув своей мыслящей ступени, не может продолжаться, не поднимаясь все выше в пространстве ноосферы. Это означает, что человечество ожидает в будущем не только продолжение жизни, но и фантастическая *Сверхжизнь* − финальная стадия эволюции жизни на Земле. Каким путем достичь этого счастливого финала? По убеждению антрополога-гуманиста, «ложным и противоестественным» является эгоцентризм, руководствующийся принципом «каждый для себя», ибо в обществе любой элемент может развиваться и расти лишь в связи со всеми другими элементами и через них. Столь же «ложен и противоестественен» расистский путь, утверждающий право на господство одной высшей расы. Тейяр категорически утверждает: «Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество открываются не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором *всех вместе* и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли»[247]. Возможно ли это?

Оптимизм теолога-философа зиждется на положительном ответе на данный вопрос, которому Тейяр де Шарден посвящает завершающий раздел своего учения о феномене человека. Исходя из тезиса, что эволюция – это процесс восхождения универсума к сознанию, он делает вывод, что она должна достигать кульминации в высшем сверхмышлении, в пункте Омега, который в своих богословских трудах Тейяр отождествлял с Христом[248]. Благодаря божественной одухотворенности ноосферы, энтропия (космический хаос) не может преждевременно прервать эволюцию сознания. Тейяр убежден, что между XX веком и завершающим этапом суще-

[246] Несколько замечаний о месте и участии зла в эволюционирующем мире // Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М.: Ренессанс, 1992. С. 295–297.

[247] Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 194.

[248] Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М.: Ренессанс, 1992. С. 247–248.

ствования Земли простирается огромная длительность, отмеченная не замедлением, а ускорением прогресса и раскрытием творческого потенциала ноосферы. Он предсказывает, что духовная эволюция человечества будет происходить по трем направлениям.

Первое. Нынешнее поколение, приверженное к старым ценностям, видит в науке лишь способ производства оружия и товаров, но должен наступить момент, когда люди поймут, что научные исследования — главная область для самореализации и приложения разума человека. Второе. Если человечество откроет эру науки, то эта эра будет эрой науки о человеке, то есть наукой о гоминизации, стремящейся расшифровать человека, узнать, как образовался мир и что нас ожидает в будущем. Третье. Восторжествует синтез науки и религии потому, что они не могут развиваться нормально одна без другой по той причине, что обе одухотворены одним и тем же источником. Поскольку прогресс не может быть бесконечным, Тейяр де Шарден завершает свои размышления о феномене человека и судьбе человечества гипотетическими вариантами «финала и увенчания» Духа Земли, который обретет возможность покоится в Боге-Омеге. Логично отождествить Омегу и Нус – Божественный разум, который предвосхищали Анаксагор и Аристотель.

Апелляция к божественному началу – отличительная черта не только тейярдизма, но и других философско-теологических концепций, признающих субъектом космической эволюции человечество в целом, умудренное Божественной Софией. Идея ноосферы инкогнито присутствует в трудах мыслителей *русского религиозного возрождения XX века*[249] и *русского космизма*[250]. Она узнаваемо просматривается в произведениях В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других ученых, философов и священнослужителей, которые, подобно софиологу-визионеру Владимиру Сергеевичу Соловьеву, ощущали, что

И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит …

Примером атеистической философско-общенаучной интерпретации феномена человека может служить монография *Сергея Давыдовича Хайтуна* (род. 1941) «Феномен человека на фоне уни-

[249] Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1991. 368 с.

[250] Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

версальной эволюции»[251]. Здесь автор, опираясь на физико-математические модели космической и планетарной эволюции и вступая в полемику с Тейяром де Шарденом, а заодно с Чарльзом Дарвином и основоположником синергетики Ильей Пригожиным, утверждает, что «поскольку не существует никакого Высшего Существа, которое бы, создавая мир и вводя законы его эволюции, преследовало некую цель, постольку у эволюции нет цели, а имеется только направление (вектор)» (с. 16-17). В силу этого «вопреки Тейяру де Шардену, человек – это не главная цель и итог эволюции, но, являясь её промежуточным финишем на одной из ветвей биологической мутовки разумных существ, может породить в будущем собственную мутовку» (с. 13).

3.1.2. Естественнонаучные концепции отличаются от концепций предыдущей группы тем, что их авторы почитают вещество не «бесстрастным», а напротив, – активно-эволюционным (термин С.Г. Семеновой). Неслучайно *Владимир Иванович Вернадский* (1863−1945) в начале 20-х годов сформулировал понятие «живое вещество», которое полвека спустя послужило заглавием для сборника его трудов, посвященных биосфере: Вернадский В.И. Живое вещество (М.: Наука, 1978. 385 с.). Академик Вернадский почитается не только основоположником естественнонаучного учения о биосфере, но и первооткрывателем, наряду с Тейяр де Шарденом, преобразования биосферы в ноосферу, контролируемую человечеством. Нельзя не обратить внимания на личность выдающегося отечественного ученого, которого справедливо называют «Ломоносовым XX века».

В.И. Вернадский – представитель революционного поколения русской интеллигенции, сформировавшегося в атмосфере Серебряного века, социальных и политических трансформаций Российской империи. По словам биографа, «он мог бы служить образцом русского интеллигента-патриота, сочетающего творческие искания с практической деятельностью, а увлечение наукой и философией – с борьбой за справедливость»[252]. Его жизненное кредо выражала формулировка «свободная научная мысль и творческое искание правды личностью». Детские годы будущего академика прошли в либеральной профессорской семье, где царил культ науки и книж-

[251] Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 536 с.

[252] Баландин Р.К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. 2-е изд. М.: Знание, 1988. С. 36.

ной культуры. Окончив классическую гимназию, он в 1881–1885 гг. был студентом физико-математического факультета Петербургского университета, увлекался геологическими науками и после окончания университета стал хранителем университетского Минералогического кабинета. С 1890 года началась преподавательская деятельность молодого профессора минералогии и кристаллографии, сначала в Московском, а с 1911 года в Петербургском университете.

Параллельно с геологией Вернадский постоянно занимался историей естествознания и даже шутливо именовал себя «историком науки». Его интересовали «законы развития научной мысли человечества», и чтобы их выявить, он сравнивал научные мировоззрения разных эпох, изучал взаимодействие науки с философией, религией, искусством, социальные условия жизни населения. Главными источниками универсальной эрудиции ученого были широкий круг международных контактов и, главным образом, литература: он читал на 15 иностранных языках. Его научный авторитет стремительно рос, в 1912 году он был избран ординарным академиком по минералогии Санкт-Петербургской Академии наук.

Немаловажно отметить, что Владимир Иванович не был замкнутым кабинетным ученым. Он активно участвовал в общественно-политической жизни: в 1905–1918 гг. входил в руководство партии кадетов (конституционных демократов), представлял научную общественность в Государственном совете, после Февральской революции был товарищем Министра народного образования, в 1918 г. стал первым президентом Украинской академии наук, а в 1920 г. ректором Таврического университета (Крым). Академик Вернадский неизменно исходил из принципа, что человеческая практика не должна противоречить законам природы, что нужно разумно использовать природные ресурсы страны. В этой связи он добился в октябре 1915 г. создания в Академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), был избран её председателем. Одним их первых ученых XX столетия он обратил внимание на огромный потенциал атомной энергии. По его инициативе в 1922 году в Петрограде был создан Государственный Радиевый институт, который семнадцать лет возглавлял В.И. Вернадский.

Другим научным детищем академика Вернадского является Биогеохимическая лаборатория, организованная в 1928 для изучения химического состава живого вещества. «Человечество, как живое вещество, – писал Вернадский, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геоло-

гической оболочки земли − с её биосферой. Оно не может физически быть от неё независимым ни на минуту… В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как планетное явление космического характера»[253]. Биосферу он именовал метафорично «ликом планеты» и признавал, что этот лик неизбежно будет трансформироваться из-за деятельности людей. Изменятся физически и химически воздушная оболочка планеты и её природные воды. Во избежание непоправимого урона, ученый требовал, чтобы трансформации биосферы сознательно контролировались научной мыслью. Только при этом условии биосфера превратится в дружественную человечеству *ноосферу*.

В.И. Вернадский начал использовать термин «ноосфера» с 1936 года, определяя её как неизбежную, естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая человека природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом для удовлетворения растущих потребностей человечества. В отличие от геохимии, биогеохимии, биосферы, которым посвящены многочисленные публикации, ставшие классикой естествознания, академик Вернадский не успел оформить свои размышления о ноосфере в виде монографии или учебника. Правда, обнародована незавершенная рукопись книги «Научная мысль как планетное явление», написанная в 1936−1938 гг., некоторые разделы которой (глава VII и др.) посвящены взаимосвязям биосферы и ноосферы[254]. Прижизненно были опубликованы только «Несколько слов о ноосфере» в академическом журнале «Успехи современной биологии» (1944. Т. 18. Вып. 2. С. 113−120), но эти «несколько слов» поистине «томов премногих тяжелей», потому что в них выражена квинтэссенция естественнонаучной концепции ноосферы академика Вернадского[255]. Здесь нашли отражение два близких ему духовных устоя русской интеллигенции: во-первых, приоритет научной истины; во-вторых, преданность гуманистическим идеалам.

Приоритет научного познания выразился в следующих утверждениях. Благодаря цефализации, развитию разума и разумного труда, человек сделался крупнейшей геологической силой, способной управлять биосферой в собственных интересах. Он узнал и охва-

[253] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 237.

[254] Там же. С. 13–190; Вернадский В.И. О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна : Феникс, 1997. С. 303–546.

[255] Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 235-244.

тил всю биосферу, завершил географическую карту Земли и расселился по всей её поверхности; в будущем он, вероятно, выйдет за пределы своей планеты в космическое пространство. Единство человечества обеспечивается тем, что в силу биологического закона все расы скрещиваются между собой и дают плодовитое потомство, а пространственная общность достигается за счет радиосвязи и авиации.

Интеллигентский гуманизм обусловил оптимистическую убежденность автора, что в эпоху ноосферы произойдут коренные изменения не только «лика планеты», но и исторического процесса. Вернадскому видилась идиллия, когда «впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости». Вместе с тем он предупреждает: «В истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление». Это предупреждение естественно в устах интеллигента-ученого, для которого наука неотделима от этики и социальной ответственности.

Итак, в концепции ноосферы академика Вернадского присутствует дихотомия (раздвоение): с одной стороны, – признание грандиозных достижений научной мысли, сделавших человечество геологической силой, влияющей на эволюцию природы; с другой стороны, небезосновательные опасения безумного самоуничтожения (напомним, что идею ноосферы автор вынашивал во время жесточайшей мировой войны). Интеллигентская двойственность научно-этических взглядов послужила поводом для критики В.И. Вернадского как в советское время, так и в постсоветский период. Увлекательное повествование о «мирах Вернадского от кристалла до ноосферы» содержится в Антологии литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998)[256].

Материалы антологии свидетельствуют о том, что творчество Вернадского в 20-х − 30-х гг., подвергалось обвинениям в том, что оно «становится знаменем реакционных сил в области теоретического естествознания и тормозом в реконструкции науки и техники на службе строительства социализма» (с. 359). В томе 2 Малой Советской Энциклопедии (1934) в статье «Вернадский В.И.» сказано: «По своему мировоззрению – сторонник идеалистической

[256] В.И. Вернадский: pro et contra / Под ред. А.Л. Яншина. СПб.: РХГИ, 2000. 872 с.

философии; в научных работах проводит идеи «нейтрализма науки», выступает в защиту религии, мистики, «исконности жизни и живой материи», и ряда виталистических и антиматериалистических концепций, отрицая материалистическую диалектику» (с. 376). Труды академика цензурировались, сопровождались тенденциозными и невежественными комментариями, часто публиковались только в зарубежных научных журналах. Несмотря на унижения и притеснения, В.И. Вернадский до конца дней своих продолжал интенсивно пополнять свой научный архив.

Только спустя десятилетие после кончины великого ученого началась публикация его наследия: в 1954–1960 гг. вышли в свет «Избранные сочинения» в 5-ти томах, отдельные статьи и письма. В 1963 г. состоялось торжественное празднование столетнего юбилея гения естествознания, основателя учений о биосфере, биогеохимии, экологии, наконец, ноосфере. Советские ученые признали: «Некоторые натуралисты и философы не сразу поняли и разделили взгляды В.И. Вернадского – так необычны они были 50–60 лет назад. Ныне – это знамя гуманизма, современного естествознания, компас и ориентир, призывающий к мирному сотрудничеству государств и всего человечества в целях сохранения жизни и биосферы на планете, достижения всеобщего здоровья, процветания, бессмертия рода человека и всего живого на нашей Земле»[257].

Через два десятилетия, во времена либерально-идеологической перестройки в журнальной публицистике зазвучали голоса: «При полном официальном признании гения Вернадского, при определенном буме вокруг его имени, при появлении даже «вернадистики» и «вернадскологии», его идеи, в сущности, не разрабатываются»[258]. В итоге вплоть до конца 80-х годов в советской научной среде было принято понимание ноосферы как «преобразованной трудом и разумом человека биосферы, где научная мысль, коллективный разум человечества в практической производственной деятельности людей выступают мощной социальной и геологической силой в планетном и космическом масштабах, подтверждая положение К. Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу»[259]. Другая формулировка, уже энциклопедическая: на этапе ноосферы достигается «высший тип управляющей целостности, для

[257] Ковда В.А. В.И. Вернадский в мировой науке // В.И. Вернадский: pro et contra / Под ред. А.Л. Яншина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 450.

[258] Баландин Р.К. Наследие и наследники Вернадского // Дружба народов. 1988. № 12. С. 168–185.

[259] В.И. Вернадский и современность. М.: Наука, 1986. С. 200.

которой характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления и социально-экономическими законами общества… Поскольку характер отношений общества и природы определяется и социальным строем, постольку сознательное формирование ноосферы органически связано со становлением коммунистического общества»[260].

В постсоветской России оценка учения о ноосфере сделалась предметом дискуссии между марксистами, уверенными в реальности формирования ноосферы коммунистического общества, и скептиками, сомневающимися в социально-гуманистических метаморфозах, якобы предсказанных Вернадским. Одним из первых выступил философ-культуролог В.А. Кутырёв, который категорично заявил: «Учение о ноосфере с самого начала несло в себе элементы утопии: в нем переплелись ценностные и бытийные подходы; ценностные характеристики ноогенеза были однозначно положительными, а это противоречит диалектике жизни.… Ноосфера как гармония – сциентистский аналог социально-политической утопии коммунизма и прочих, более ранних мечтаний о рае»[261].

Утопическими объявлялись две идеи В.И. Вернадского: возможность разумного преобразования биосферы в ноосферу и перевод людей на автотрофное питание, искусственно синтезируемую пищу. «Разумное» формирование ноосферы отвергается на том основании, что фактически вектор развития цивилизации (промышленности, бизнеса, культуры, образования) направлен на усугубление *экологического кризиса*, а не на гармонизацию отношений человека и природы, поскольку он влечет человечество к глобальной техносфере, уничтожающей всё живое[262]. Оригинальную идею *автотрофности* (самопитания) ноосферного человечества Вернадский высказал ради сохранения биосферы. Суть идеи состоит в отказе от использования живых организмов (растений и животных) для поддержания жизни людей, и переходе на искусственную пищу из минеральных веществ и космической энергии[263]. Конечно, избавление животного и растительного мира от «поедания» его человеком-хищ-

[260] Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. М.: Большая российская энциклопедия. 1995. С. 410.

[261] Кутырёв В.А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере // Природа. 1990. № 11. С. 3–10.

[262] Фесенкова Л. Учение о ноосфере в современной экологической ситуации // Высшее образование в России. 2008. № 1, С. 142–147.

[263] Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Химия и жизнь. 1970. № 8. С. 17–22, 72–74.

ником обусловит наступление новой геологической эры в эволюции Земли, но нет гарантии, что это будет эра Нуса. Есть нигилисты, которые вообще сомневаются в существовании учения Вернадского о ноосфере[264]. Однако идеи великого естествоиспытателя успешно развиваются. Приведу два примера.

Существенный вклад в естественнонаучную концепцию ноосферы сделал руководитель Экологического центра Института истории естествознания и техники РАН, заместитель председателя Общественного совета Росатома, доктор биологических наук *Анатолий Георгиевич Назаров* (род. 1938). Уточняя потенциальную структуру ноосферы, А.Г. Назаров ввел понятие «ноосферной реальности» для наименования того субъективно-объективного комплекса, который складывается под воздействием ноосферных процессов и требует научного управления[265]. Структуру ноосферного комплекса образуют: биосфера и техносфера, включая компоненты биосферы, ставшие объектами хозяйственной деятельности человеческого общества; социально-культурная сфера и ноосферный человек с многообразными способностями, интересами, потребностями; наконец, сфера управления (органы разных управленческих уровней). В качестве главной силы, преобразующей биосферу в ноосферу, выступает ноосферная личность, создающая экологическое единство с миром Природы и осуществляющая тем самым ноосферную реальность. Современное человечество, по мнению А.Г. Назарова, делает «первые попытки, слабые и неуверенные, подойти к осознанию того нового великого единства, которое сумели распознать в несовершенстве и противоречиях развивающегося Мира творцы объединительной ноосферной идеи». Отсюда он делает вывод, что «Высшей целью науки, культуры, практики общественного производства становится формирование нового − освобожденного от потребительской ориентации − духовно развитого человека и отвечающих его жизненным потребностям и духовным устремлениям новых стадий организованности ноосферы − той структурно-функциональной основы преобразования биосферы, которая лежит в фундаменте понятия ноосферной реальности и самой реальности бытия»[266].

---

[264] Прозоров Л.Л. Было ли учение Вернадского о ноосфере? (краткий исторический анализ) // Пространство и время. 2010. № 4. С. 223–229.

[265] Назаров А.Г. Вернадский и ноосферная реальность (к анализу научных оснований ноосферной концепции) // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М.: Ноосфера, 2001. С. 29–50.

[266] Назаров А.Г. Историко-научные предпосылки Экологии культуры как ноосферной реальности биосферы // Экология культуры: К 110-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева / Отв. ред. А.Г. Назаров. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 93, 94.

Оригинальный мультидисциплинарный системный подход реализован в изданной посмертно монографии Сергея Михайловича Шугрина (1937–1996) «Космическая организованность биосферы и ноосферы»[267]. Здесь рассматривается широкий круг социально-исторических, философских, физико-математических и естественнонаучных проблем, связанных с эволюционным преобразованием биосферы и формированием ноосферы. В частности, С.М. Шугрин, не будучи специалистом в области биологических наук, самостоятельно пришел к выводу о несовместимости эволюционных теорий В.И. Вернадского и Ч. Дарвина. В дарвинизме источником изменчивости считаются случайные мутации в геноме, которые могут стать полезными и наследоваться потомством. Вернадский начал рассматривать геохимические потоки (круговорот воды, углерода, кислорода, фосфора и т.д.) в качестве активного фактора биологической эволюции, а не просто экологической ниши, воспринимающей или отвергающей те или иные изменения организмов. Отсюда следует вывод, что биологическую эволюцию следует рассматривать с учетом всех влияющих факторов, а не только приспособленности организмов. Можно смело утверждать, что в наши дни непрерывно множатся ряды последователей В.И. Вернадского, продолжающих штудировать его научное наследие и дополняющих его собственными трудами[268].

3.1.3. Феноменологические концепции рассматривают ноосферу как явление, познаваемое методом философской феноменологии. Суть этого метода основоположник современной феноменологии *Эдмунд Гуссерль* (1859–1938) разъяснял следующим образом: «Феноменология получает свое обоснование не как наука о фактах, но как наука о сущностях, как наука, которая намерена констатировать исключительно «познания сущности» – никакие не факты»[269]. Феномен понимается как явление, очищенное от факультативных,

[267] Шугрин С.М. Космическая организованность биосферы и ноосферы. Новосибирск: Наука, 1999. 496 с.

[268] Аксенов Г.П. Вернадский. М.: Соратник, 1994. 544 с.; Он же. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. Изд. 4-е. М. ЛЕНАНД, 2016. 368 с.; Козиков И.А. В.И. Вернадский – создатель учения о ноосфере. М.: Изд-во МГУ, 2013. 224 с.; Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982. 488 с.; Назаров А.Г. Ноосферная концепция В.И. Вернадского как основа научного управления // В.И. Вернадский и современность. М.: Наука, 1986. С. 40–66; Наумов Г.Б. Три синтеза космоса: Владимир Вернадский: история жизни и мысли. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

[269] Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М., 2009. С. 20–21.

случайных включений, не отражающих сущность явления, и поэтому феномен есть носитель истинного знания. Среди концепций ноосферы обнаруживается два вида феноменологических концепций: 1) концепции, раскрывающие природу ноосферного Разума; 2) концепции, раскрывающие социальную структуру ноосферы.

Александр Гельевич Дугин (род. 1962), доктор социологических наук, доктор политических наук, кандидат философских наук, посвятил феномену человеческого Разума серию из 14 книг, озаглавленную «Ноомахия: войны ума». «Ноомахия» дословно означает «война умов» и выражает «конфликтную природу» философских, религиозных, научных и политических систем. Конфликтогенность умственных структур обусловлена тем, что в их основе лежит триада противоречивых божественных логосов: светлый Логос Аполлона, темный Логос Диониса и черный Логос Кибелы. По словам автора, «Ноомахия развертывается как раз между этими тремя Логосами, претендующими на доминацию. Каждый из них может быть представлен как философская страна, организованная по определенным правилам, с множеством внутренних уровней и общих и локальных иерархий. Три ноологические страны – страна Аполлона, страна Диониса и страна Кибелы (Великой Матери)»[270]. Оперируя исходной триадой, А.Г. Дугин строит оригинальные модели исторических логосов различных цивилизаций, в том числе эллинский и византийский, германский и французский логосы, логосы Китая, Индии, Ирана и других регионов. В этих моделях на почве вечного Нуса воспроизводится ноомахия между философским мышлением (Логосом) и мифологическим сознанием (Мифосом).

В отличие от метафорических и порой фантастических сочинений автора «Ноомахии», концепции ноосферы как социального феномена опираются на естественнонаучную методологию и марксистский исторический материализм. Казалось бы, логично отождествить ноосферу в виде разумно преобразованной биосферы с феноменом социалистической цивилизации. Однако советские идеологи, дистанцируясь от феноменологии Э. Гуссерля, воздерживались от рискованных отождествлений. Была принята следующая идейно выдержанная формулировка: *Ноосфера* (сфера разума) – это «высшая ступень интеграции всех форм существования материи, когда любая преобразующая деятельность людей основывается на научном понимании естественных и социальных процессов и ор-

[270] Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. М.: Академический проект, 2014. С. 37.

ганически согласовывается с общими законами развития природы. Это означает, что человек должен взять на себя всю ответственность за дальнейшую эволюцию как биосферы в целом, так и самого себя. В свете современных представлений о мире решение этой задачи лежит на пути решения глобальных проблем, и в первую очередь, устранения угрозы ядерного самоуничтожения человечества»[271] .

Данная трактовка соответствует взглядам *Ивана Тимофеевича Фролова* (1929–1999), который сочетал в одном лице не только философа национального масштаба (академик РАН, президент Философского общества СССР, председатель Центра наук о человеке), не только активного журналиста (в разные годы главный редактор журнала «Вопросы философии», главный редактор журнала «Коммунист», главный редактор газеты «Правда»), но и заметного политического деятеля периода горбачевской перестройки (секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС). Проблематике гуманизма он посвятил множество научных статей и солидные монографии: «Современная наука и гуманизм» (1975), «Прогресс науки и будущее человека» (1975), «Перспективы человека» (1979, 2-е изд. 1983, 3-е изд. 2008), «Сущность и значение глобальных проблем» (1981), «Человек – наука – гуманизм: новый синтез» (1986), «О человеке и гуманизме. Работы разных лет» (1989). Марксист-гуманист не занимался специально проблемами ноосферы, но резко отрицательно оценивал русский космизм и даже написал большую полемическую статью «Призраки и иллюзии вечной жизни и всеобщего воскрешения», которая была опубликована в газете «Советская культура» 20 июня 1989 г.

В 1991 году в составе Академии наук был создан *Институт человека*, первым директором которого стал И.Т. Фролов. В научную программу Института были включены фундаментальные комплексные гуманистические проблемы, такие как: взаимосвязи человека, природы и общества (экология человека, генетика человека, диалектика природного и социального в развитии человека), формирование сознания и личности человека, закономерности динамики культуры и диалог культур в современном мире. Академический Институт человека озаботился глобальными проблемами человечества и альтернативами человеческой цивилизации на рубеже третьего тысячелетия. Он привлек внимание российского общества к «новейшему этапу научно-технической революции», состоящему

[271] Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Политиздат, 1991. С. 303.

в распространении компьютеризации и информатизации, биотехнологий и генной инженерии, которые способствуют росту сциентизма и технократизма. После кончины И.Т. Фролова Институт человека был преобразован в отдел Института философии РАН (в 2006 году), который разрабатывал такие новые для отечественной науки направления, как биоэтика, философия биомедицинских исследований, исследование человеческого потенциала. Позволительно сделать вывод, что гуманистическая тематика, привлекавшая И.Т. Фролова и его сотрудников, относится к компетенции феноменологической концепции ноосферы, в связи с чем Институт человека правомерно именовать «институтом ноосферы». Впрочем, в наши дни вместо государственного института функционирует *Ноосферная общественная академия наук* (НОАН), основанная в 2009 году.

Академия является общественной организацией научных работников, объединившихся с целью ноосферно-ориентированного синтеза всех наук на основе учения о ноосфере В.И. Вернадского с учетом императива экологической выживаемости человечества в XXI веке. Развиваемое НОАН представление о будущей управляемой социоприродной-ноосферной эволюции получило название ноосферизма. *Ноосферизм* – научное мировоззрение и одновременно – идеал социального устройства в XXI веке в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и системы образования. Ноосферизм нацелен на достижение динамической социоприродной гармонии между хозяйственной деятельностью человека и механизмами биосферы, которая должна послужить ответом России на вызовы современной эпохи[272].

Президентом и главным идеологом НОАН является доктор экономических наук, доктор философских наук и кандидат технических наук *Александр Иванович Субетто* (род. 1937). В 2011 г. он выступил с «Манифестом ноосферного социализма»[273], в котором подытожил результаты своих многочисленных публикаций, в том числе таких солидных трудов, как «Капиталократия» (2000. 226 с.); «Введение в ноосферизм» (2001. 527 с.); «Критика экономического разума» (2008. 508 с.); «Критика либерального разума» (2008. 232 с.); «Битва за Россию: 1991–2008 гг.» (2009. 403 с.); «Ноосферное образование в евразийском пространстве» (2009. 688 с.); «Владимир

[272] Субетто А.И. Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система? СПб., 2006. 54 с.

[273] Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма. СПб.: Астерион; Изд-во КГУ, 2011. 108 с.

Ильич Ленин – гений русского прорыва человечества к социализму» (2010. 498 с.); «Ноосферный прорыв в будущее России в XXI веке» (2010. 544 с.). В честь 80-летия президента НОАН в 2017 году издана коллективная монография «Ноосферизм – новый путь развития» / под редакцией Г.М. Иманова и А.А. Горбунова (СПб.: Астерион, 2017. 920 с.), где всесторонне представлена проблематика ноосферизма.

А.И. Субетто и его единомышленники исходят из двух аксиоматических утверждений. Первое. Человечество должно отбросить рыночно-капиталистическую цивилизацию, поставившую его на край экологического самоубийства и прорваться в эпоху ноосферного социализма. Второе. В результате исторических испытаний, выпавших на её долю, Россия оказалась в XXI веке наиболее подготовленной державой для ноосферно-социалистического прорыва. Историческая миссия России заключается в предложении всему миру философии и идеологии спасения от экологической гибели путем установления ноосферного социализма.

Автор «Манифеста ноосферного социализма», убежденный коммунист-ленинец, четко противопоставляет выросший из западноевропейского Возрождения буржуазный гуманизм, в центре которого «эгоцентрическая самость буржуазного человека, его частный интерес», ноосферному социалистическому гуманизму, нацеленному на гармонизацию социоприродного развития всего человечества. Ноосферный гуманизм он объявляет духовно-нравственным основанием ноосферной культуры, которая сформирует ноосферного человека, главными установками которого станут: забота о благе природы, забота о благе всего человечества, забота о духовно-нравственном здоровье населения, осознание своего долга по продолжению жизни на Земле. Выполнить столь высокую и ответственную миссию ноосферный гуманизм в состоянии потому, что социалистическая революция, в отличие от буржуазных революций, «требует от человека восхождения к ценностям альтруизма, любви, сотрудничества, взаимопомощи, т.е. ответственной свободы за все, что он творит на Земле» (с. 67–69). Ссылаясь на Ф.М. Достоевского и русский космизм, связанный с именами Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, идеолог ноосферизма утверждает, что именно Россия призвана осуществить «социалистический прорыв в ноосферных основаниях и ценностях» и уже в обозримом будущем инициировать Глобальную Социалистическую Цивилизационную революцию.

Концепцию ноосферного социализма поддерживают и другие отечественные ученые, полагающие, что Россия имеет все необходимые предпосылки первой в мире встать на ноосферный путь развития, когда в основе социальных отношений находится приоритет духовно-нравственных начал над материальными благами и удовольствиями. Социалистическую русскую идею разделяет авторитетный экономист и эколог Н.Н. Лукьянчиков, автор «Манифеста развития человеческой цивилизации», где предусматривается взаимодействие всех стран в борьбе с глобальными угрозами человечеству и создание Всемирной власти управления миром, включающей Всемирный парламент, Единый бюджет, Всемирный суд и Вооруженные силы[274].

Привлекает внимание творчество *Алексея Афанасьевича Яшина* (род. 1948), писателя-прозаика, основателя и главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула), профессора, доктора технических наук, доктора биологических наук, специалиста в биофизике и биоинформатике, почетного радиста России, который является автором оригинальной феноменологической концепции ноосферы. Эта концепция изложена в сочинениях: «Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы. Часть 1: Естественно-научный базис» (2010. 368 с.); «Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы. Часть 2: Мышление и виртуальная реальность» (2010. 276 с.); «Феноменология ноосферы: Развертывание ноосферы. Часть 1: Теория и законы движения ноосферы» (2011. 312 с.); «Феноменология ноосферы: Развертывание ноосферы. Часть 2: Информационная и мультиверсумная концепции ноосферы». (2011. 360 с.); «Феноменология ноосферы: Заключительные главы – прогностика». (2012. 330 с.); «Конструктивная эволюция: От биопоэза до ноосферы: Монография». (2013. 669 с.). Феноменология ноосферы А.А. Яшина – сложная теоретическая конструкция, использующая абстракции, заимствованные из астрофизики и квантовой физики, биофизики и биоинформатики, космологии, системологии, эволюционики и других дисциплин, для описания космогенеза Вселенной, жизни и интеллекта, теории «циклических вселенных), закономерностей перерастания биосферы в ноосферу и приближения человечества к «точке Омега», постулированной Тейяром де Шарденом. Таким образом, заклады-

[274] Лукьянчиков Н.Н. Манифест развития человеческой цивилизации. Балашиха : Изд-во «Де-По», 2011. 63 с.

ваются логико-математические основы феноменологии ноосферы, сообщающие ей статус фундаментальной социальной теории.

3.1.4. Техногенные концепции представляют человека в качестве творца техногенной ноосферы, изобретающего средства для утилитарного изменения биогеохимических естественных процессов, создания высоких технологий искусственного интеллекта и «нооинженерии»[275], а в перспективе – покорения Космоса. Техногенная ноосфера включает человека как активного существа, деятельность которого направлена вовне, на переделку и преобразование внешнего мира, прежде всего, на подчинение природы. Деятельно-активное отношение к окружающей среде распространяется и на социальные отношения, отсюда – культ реформ и общественных перестроек, классовой борьбы и революций как локомотивов истории. Материальной основой техногенной цивилизации по умолчанию является *техносфера* – система социально организованных вещественных и электромагнитных технических средств. По эмоциональной тональности техногенные концепции делятся на минорные и мажорные.

Минорные концепции осуждают безумные технократические авантюры, поставившие человечество на грань самоуничтожения. Они напоминают, что до конца XX столетия человечество жило и развивалось, почитая себя *бессмертным.* В войнах и конфликтах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла трагическая ситуация: наращивая военные арсеналы, человечество стало заложником адских орудий *массового уничтожения*, которые само изобретает. Биосфера уже не в состоянии справиться с обеспечением потребностей техносферы и обнаруживается нарастание *экологического кризиса*: истощение озонового слоя Земли, неустранимое загрязнение природной среды, деградация водных и земельных ресурсов, сокращение площади лесов и биологического разнообразия и т.д. Надвигается *антропологический кризис*, выражающийся в патологических изменениях генофонда человечества вследствие искусственного ослабления факторов естественного отбора. Рискованные генетические эксперименты сопрягаются с не менее опасными опытами манипулирования психикой. Техника все меньше остается послушным исполнителем воли её создателей. Все больше прояв-

[275] Гиренок Ф.И. От техники к нооинженерии // Философия хозяйства. 2015. № 2. С. 111–116.

ляется её автономность (техногенные катастрофы, автоматический контроль, робототехника, «умные вещи» и т.д.).

Мажорные концепции рисуют перспективы техногенного процветания, которые подкрепляются мифами об информационном обществе, небескорыстно распространяемыми транснациональными корпорациями и государственными структурами[276]. Технократы-оптимисты представляют ноосферу XXI века в виде Нейронета. Согласно определения российского Отраслевого союза по развитию рынка «Нейронет» (http://rusneuro.net), *Нейронет* – это среда информационного обмена нового поколения, которая станет следующим этапом развития современного Интернета (Web 4.0). Взаимодействие участников будет осуществляться с помощью инновационных нейрокомпьютерных интерфейсов, а сами компьютеры станут нейроморфными (похожими на мозг). В будущем технологии, продукты и услуги рынка Нейронета охватят все аспекты жизни и существенно расширят возможности человека. «Дорожная карта» Нейронета одобрена президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России.

Техногенная «ноосферизация» тревожит российскую интеллигенцию, которая полагает, что **выход из тупика технократического развития заключается не в создании новых поколений техники, а в** «познании законов жизни в единстве с Природой и воспитании будущих поколений на основе их соблюдения»[277]. При этом мыслится не отказ от научно-технического прогресса, а придание ему *гуманистического измерения*. Что имеется в виду?

3.1.5. Гуманистические концепции – это концепции, которые согласуются с идеалом *ноосферного гуманизма*. Правда, этот идеал довольно расплывчат, но к нему апеллируют классические концепции ноосферы, прежде всего, – учения Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского. Так, Ю.А. Жданов подчеркивал: «В.И. Вернадский последовательно выступал за претворение в жизнь традиций и принципов естественнонаучного гуманизма, которые требуют от ученых постигать объективные законы природы для блага и счастья людей, широко распространять знания в массах, бороться за союз

[276] Тузовский И.Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество». Челябинск: ЧГАКИ, 2014. 389 с.

[277] Поляков В.И. Экзамен на “Homo sapiens – II”. От концепций естествознания XX века – к естествопониманию. М.: Изд-во Академии естествознания, 2008. 596 с.

науки и демократии»[278]. Однако законченной теории ноосферного гуманизма у нас нет. Мы располагаем только мемориальным сборником статей философа-гуманиста *Игоря Михайловича Борзенко* (1933–2003), адресованным читателям, интересующимся футурологией, глобалистикой, системологией, русским космизмом[279].

В этом сборнике ноосферный гуманизм рассматривается, как научное мировоззрение и акт экологического самосознания планетарного человечества, как феномен культуры, утверждающий общечеловеческие ценности и объединяющий разум, волю и чувство ответственности поколений и народов. Ближайшей общечеловеческой целью объявляется осознание и инициализация всем мировым сообществом (во всяком случае его решающей частью, включающей США, Европу, Россию, Индию и Китай) *планетарно-космического, ноосферного этапа всемирной истории*. Конечная цель видится в достижении устойчивого баланса, гармонии между человеком, обществом, планетой и космосом. Отталкиваясь от методологии системологии, И.М. Борзенко считал необходимым условием воплощения идеала ноосферного гуманизма разработку «универсальной науки о единстве человека, жизни и Вселенной», но не успел завершить свою книгу, посвященную этой проблеме. Обратимся к учениям о ноосфере Н.Н. Моисеева и А.Д. Урсула, органично связанным с идеей ноосферного гуманизма.

Никита Николаевич Моисеев (1917–2000), академик Российской Академии наук и Российской Академии сельскохозяйственных наук – один из ученых-энциклопедистов, в круг творческой деятельности которого входили кибернетика, информатика, системология, экологическая коэволюция человека и биосферы, перспективы ноосферы, философия естествознания, политологические и этические проблемы постсоветской России. В обширной библиографии его научных и научно-популярных трудов фигурируют книги: «Элементы теории оптимальных систем» (1975), «Люди и кибернетика» (1984), «Человек и биосфера» (1985), «Слово о научно-технической революции» (1985), «Алгоритмы развития» (1987), «Социализм и информатика» (1988), «С мыслями о будущем России» (1997), «Быть или не быть … человечеству» (1999), «Судьба цивилизации. Путь разума» (2000), названия которых говорят сами за себя.

[278] Жданов Ю.А. К новому восприятию и пониманию мира. Вернадский и современный мир // Прометей. Историко-биографический альманах. Т. 15. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 11.

[279] Борзенко И.М. Ноосферный гуманизм / Сост. В.И. Борзенко, А.Г. Гачевой, Т.А. Щегляевой. М.: Академический проект, 2015. 526 с.

Наступающей эпохе ноосферы Н.Н. Моисеев посвятил монографию «Человек и ноосфера»[280], где написал, что вступление в эпоху ноосферы потребует «новой нравственности, коренной перестройки всего нашего бытия, смену стандартов и идеалов» (с. 25). Он ощущал опасное нарастание противоречий между цивилизацией и окружающей средой, которые «приобрели сегодня глобальный, общепланетарный и, может быть, даже космический характер» (с. 153).

Выход Никита Николаевич видел в революционных преобразованиях, которые он сам называл «конструктивной утопией». Суть «утопии» заключалась в построении *Коллективного Интеллекта* (или Коллективного Разума), который служил бы не для дальнейшего роста экономических ресурсов, а для того, чтобы остановить самоубийственную эксплуатацию природы безумным человечеством. Коллективный Интеллект мыслился как глобальная информационная система, преобразующая множество индивидуальных суждений, открытий, изобретений в целостную программу действий, которая обеспечит коэволюцию человека и природы и создание сверхразумной ноосферы.

Академик Моисеев понимал, что нельзя ограничиться построением глобальной информационной сети, что потребуются «качественные изменения самих основ цивилизации и природы общественных отношений». По его мнению, эти изменения должны заключаться, во-первых, в объединении цивилизаций Востока и Запада в единую систему, в которой каждая цивилизация сохранит присущее ей своеобразие; во-вторых, в утверждении демократического устройства планетарного сообщества; в-третьих, в глубокой либерализации общественной жизни, прежде всего, экономики, основанной на различных формах собственности и свободной конкуренции; в-четвертых, на планете сложится ассоциация государств, суверенитет которых неизбежно будет ограничен, да и государства не будут национальными; в-пятых, ООН должна взять на себя создание международной программы становления глобального информационного общества с учетом экологических и технологических императивов, а также многочисленных проблем социальной сферы.

Общество, управляемое Коллективным Интеллектом, Н.Н. Моисеев предпочел назвать «информационным», хотя логичнее было бы именовать его *«интеллектуальным обществом»*, поскольку в нем должен доминировать Интеллект, а Информация – обслуживать его потребности. Ключевой проблемой информатик-мечтатель

[280] Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.

считал гуманистическое перевоспитание нового поколения с тем, чтобы люди воспринимали себя не господами, а частью Природы. Для этого, − утверждал академик, − необходимо иметь не только специальное, но и гуманитарное образование, в связи с чем XXI век должен стать веком гуманитарного знания, подобно тому, как XIX век был веком пара и инженерных наук. Если согласиться с доводами Никиты Николаевича, то прогнозируемое им утопическое информационное общество правильно будет называть не только «интеллектуальным», но и *«гуманистическим»*, поскольку в нем должен господствовать Гуманистический Интеллект, управляющий информационными технологиями во благо человечества. Гуманистическое мировоззрение и общественная деятельность замечательного ученого-гуманиста представлены в книге, изданной вскоре после кончины автора[281].

Аркадий Дмитриевич Урсул (род. 1936) – всемирно признанный ученый, автор более 1050 научных публикаций, в том числе около 200 книг и брошюр, многие из которых переведены на иностранные языки. Он основоположник философии информации в нашей стране; классикой информатики стали его монографии «Природа информации» (1968, 2-ое изд. 2010), «Информация» (1971), «Отражение и информация» (1973), «Проблема информации в современной науке» (1975), «Информатизация общества. Введение в социальную информатику» (1990). Им предложено общенаучное определение понятия информации как «отраженного разнообразия», раскрываются черты формирующегося информационного общества, обосновывается становление новой науки – социальной информатики.

Исследуя глобальные информационные и экологические процессы, Аркадий Дмитриевич пришел к выводу, что акцентирование внимания лишь на технико-технологических проблемах информатизации не позволяет использовать в полной мере научный потенциал информатики для дальнейшего движения человечества к ноосфере. А.Д. Урсула правомерно назвать инициатором *ноосферно-гуманистического* синтеза информатизации. В публикациях 90-х годов: «Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития цивилизации» (1993), «Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия» (1998), «Безопасность и устойчивое развитие» (2001) и др. информатизация трактуется не только как изменение качества информационных процессов, но и как становление

[281] Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.

ноосферного качества общества, когда будет реализовано коэволюционное единство общества и природы, означающая завершение ноосферогенеза.

Ноосферогенез – не стихийный, а разумно управляемый процесс, который должен осуществляться хорошо образованным и морально подготовленным обществом. Отсюда – озабоченность А.Д. Урсула педагогическими проблемами и разработка им модели опережающего ноосферного образования, где образовательный процесс строится в контексте глобальной системы «человек–общество–природа», представленной в книгах «Человечество, Земля, Вселенная» (1977), «Образование для устойчивого развития: научные основы» (2004). Философ-футуролог выделил три стадии ноосферогенеза, на каждой из которых человеческое общество трансформируется последовательно в информационное, экологическое, космическое общество.

Информационное общество, или *инфосфера*, по словам автора, представляет собой результат «гуманистически ориентированного процесса информатизации» в глобальном масштабе, который может реализоваться в первые десятилетия XXI века. Процесс информатизации общества должен послужить не только для повышения его интеллектуального потенциала, но и для создания материально-технической базы, необходимой для появления совокупного «сверхразума» цивилизации, обеспечивающего рационально-гуманистическую перестройку как каждого человека, так и общества в целом. Видимо, «сверхразуму» предстоит разрешать извечное противоречие между самоубийственным эгоизмом обывателей и необходимостью ограничения его вожделений.

Экологическое общество (эконоосфера) – следующая стадия развития ноосферы, когда будет устранена угроза экокризисов и экокатастроф. Для этого нужно сформировать такую стратегию взаимодействия природы и общества, когда информационные факторы превалировали бы над вещественно-энергетическими, а общество из информационного превратилось бы в информационно-экологическое. На этой стадии достигается органическая взаимосвязь «экологии культуры» и «экологии природы», гармонизация системы «человек – общество – природа». Разумеется, искусственный «сверхразум» человечества, созданный на информационной стадии, должен исполнять роль гаранта становления и развития эконоосферы.

Космическое общество (космоноосфера) – «качественно новое состояние человечества, которое может наступить в отдаленном будущем и которое будет основано на широком развитии производства за пределами планета Земля и использовании космоса как ресурса и фактора общецивилизационного устойчивого развития. Это общество мыслится межпланетной цивилизацией, значительная часть населения которой будет постоянно обитать за пределами Земли, используя для полетов в Солнечной системе новые поколения преимущественно безракетных транспортных средств. Космическое общество будет характеризоваться высокой «космической культурой», наиболее полной реализацией принципов гуманизма, нравственности и права. А.Д. Урсул не указывает, возможно ли появление «космического общества» в ближайшее столетие, но аналогия его с «точкой Омега» Тейяра де Шардена напрашивается сама собой.

Выдвигая стратегическую программу пути в ноосферу, А.Д. Урсул прекрасно понимает, что не обойтись без научного обоснования этого пути. В связи с этим возникает потребность в особой науке, обеспечивающей разработку научных методов ноосферогенеза, которая была названа «ноосферология». *Ноосферология* «мыслится как междисциплинарное, интегративно-общенаучное направление научного поиска, выявляющее и изучающее закономерности и процессы становления сферы разума, возможности выживания и безопасного во всех отношениях, устойчивого развития цивилизации и наиболее полного воплощения гуманистических принципов и идеалов»[282]. Современное состояние ноосферологии представлено в монографии «Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез»[283], где изложена единая концепция формирования ноосферы не только как планетарного феномена, но и как необходимого этапа вселенского процесса самоорганизации материи. Напомню, что в начале настоящей главы были представлены соображения А.Д. Урсула относительно решающей роли опережающего образования в становлении ноосферы.

Осуществленный обзор концепций ноосферы показывает, с одной стороны, многообразие трактовок ноосферы, и, с другой стороны, не абсолютность, а относительность различий, поскольку в разных концепциях, несмотря на мировоззренческие расхождения авторов, имеются совпадающие и дополняющие друг друга

[282] Урсул А.Д. Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М.: Луч, 1993. С. 76.

[283] Урсул А.Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: ЛЕНАРД, 2015. 336 с.

утверждения. Познавательная ценность этих утверждений в том, что они показывают масштабность ноосферологии как общего учения о ноосфере и создают предпосылки для его разработки. В связи с перспективами формирования ноосферологии кажется своевременным обсудить *идеологему ноосферы*.

3.2. Идеологема ноосферы

Под *идеологемой* понимается не первоначальная идея и не законченная идеология, а *характеристика предмета* изучения, в нашем случае – ноосферы как возможной среды обитания человечества в будущем. Идеологема – это *словесный эскиз* (первое приближение), в котором, не претендуя на завершенность, представлены специфика, генезис, структурные особенности и динамика развития ноосферы.

3.2.1. Специфика ноосферы выявляется, если уяснить положение ноосферы среди прочих «сфер», изучаемых научным сообществом. В естественных и общественных науках часто фигурируют такие термины, как «геосфера» (поверхность планеты), «биосфера» (живое вещество, включая флору), «антропосфера» (населенная людьми часть биосферы), «социосфера» (социально организованная среда обитания людей), «духовная сфера» (область общественного сознания). В этот ряд логично включить и ноосферу в качестве «сферы разума и духовной оболочки планеты». В чем специфика последней? Приведенные примеры показывают, что в научном обиходе *сфера* понимается как область существования (среда обитания) предметов трех разных субстанций: либо *материальных* (воспринимаемых органами чувств), либо *идеальных* (умозрительных), либо *амбивалентных* (идеальные смыслы в материальной форме). Какого рода предметы образуют ноосферу?

Поскольку «ноосфера» дословно переводится как «сфера разума», а «разум» в качестве духовного явления есть предмет идеальный, можно подумать, что ноосфера – это область существования идеальных предметов. Кажется, что Тейяр де Шарден склонялся к такому заключению, когда в своей схеме космической эволюции выделил этап обретения Землей разумной оболочки, который назвал «Мысль» и с которым связал гоминизацию, являющуюся, по его словам, на уровне индивида «мгновенным скачком от инстинкта к мысли». Однако с этим заключением согласиться нельзя, потому что гоминизация, в конечном счете, проявлялась

в создании *артефактов* (изделий). Субстанция артефактов отличается от субстанции материальных или идеальных предметов тем, что она *амбивалентна* (двойственна), ибо артефакты имеют материальную (объективированную, чувственно воспринимаемую) форму и идеальное (смысловое, умозрительно постигаемое субъектом) содержание (смысл, назначение). Образующие содержание смыслы являются результатом мыслительной (духовной) деятельности человека и представляют собой знания, умения, эмоции, желания, фантазии, которые распространяются в социосфере. Кроме того, «человек» или «общество», образующие антропосферу или социосферу, сами по себе являются *амбивалентными* предметами в виде образовавшегося в процессе естественной эволюции *единства* идеального сознания и материальной формы. Следовательно, предметы всех «человеческих» сфер имеют *амбивалентную субстанцию*.

Итак, «Человек» – это *сферообразующий субъект* антропосферы, социосферы, ноосферы, но в каждой «сфере» на основе одной и той же амбивалентной субстанции реализуются «модели человека», по-разному воплощающие материально-идеальное единство. Первая модель: населяющий пространство антропосферы и располагающий врожденными способностям «человек биологический», которого изучают антропология, психология, медицина и другие естественные науки. Вторая модель: воспитанный в среде социосферы «человек социальный», которым интересуются культурология, социология, экономика, другие общественные науки. Третья модель: творец ноосферы как «сферы разума» «человек разумный», фигурирующий в контексте теологии, философии, футурологии в качестве идеала. В настоящее время мы можем говорить об идеальной популяции «ноосферных людей» на нашей планете лишь в гипотетическом плане, далеком от эмпирического познания и от практического опыта. В самом деле, нельзя же считать разумными людей, которые довели планету до экологического кризиса и наращивают арсеналы оружия, способного многократно уничтожить биосферу на Земле. Следовательно, человек современный – это реализация не завершенной ноосферной модели, а *переходной* модели от «человека социального» (точнее – «человека экономического») к будущему «человеку разумному». Поэтому предлагаю в качестве *предварительной* (далее подлежащей уточнению) *гипотетическую* формулировку: ***ноосфера*** *– это амбивалентная социосфера, среда обитания будущего человечества.* В свете этой

дефиниции рассмотрим историко-культурную эволюцию от биологического человека до «ноосферной популяции», чтобы перейти от гипотетической формулировки к сущностному понятию ноосферы.

3.2.2. Генезис (зарождение) ноосферы. Генеалогически ноосфера является продуктом космической (универсальной) эволюции, начало которой положил Большой Взрыв – точка *космической сингулярности* (всеединства) около 13 млрд. лет назад[284]. Далее эволюция Космоса через геосферу шла к возникновению живого вещества, порождала биосферу, биосфера – одушевленную антропосферу, затем социосферу, гордящуюся практическим рассудком, и, наконец, – надежду на чистый разум ноосферы. Однако будем придерживаться хронологического порядка.

В эпоху палеолита, древнего каменного века (150−40 тыс. лет назад), когда в общинах питекантропов и неандертальцев общение осуществлялось посредством жестов, отдельных выкриков, ритуальных «прототанцев» и т.п., никакая «сфера разума» образоваться не могла, потому что отсутствовал социальный интеллект. Кроманьонцы (неоантропы), появившиеся 40−15 тысяч лет назад, овладели словесным (синтаксическим) языком с членораздельными лексемами, который послужил основой для формирования социального интеллекта, необходимого для овладения технологиями гончарства, ткачества, земледелия, доместикации животных. Социальная среда и совместная деятельность обусловили формирование обычаев (традиций) как формы выражения общественной морали. Мифология и палеоискусство способствовали передаче традиционной культуры из поколения в поколение. Таким путем в течение тысячелетий в разных ареалах Земли созревали *духовные предпосылки* социосферы.

Начало одухотворения социосферы Тейяр де Шарден датирует эпохой неолита (10–8 тыс. лет назад), характеризуя её как «период возникновения цивилизации». В это время сложились города и государства, жители которых построили огромные храмы и создали сложные ритуалы, передаваемые из поколения в поколение посредством подражания и устной речи. Но этого было мало. Для функционирования государственных структур древних цивилизаций потребовалась письменность, и в XXIX веке до н.э. было

[284] Термин singular (англ.), singulier (фр.), Singular (нем.) имеет два значения: 1) «единственное число» в лингвистике; 2) «необычайный, исключительный» в общей лексике. Отсюда singularity в смысле «своеобразие, особенность, оригинальность». Различаются «космическая сингулярность» (см. выше) и «технологическая сингулярность» (см. раздел 3.3.2).

изобретено шумерское слоговое письмо, появились письменные документы, предназначенные для передачи во времени[285]. Именно этот факт – изобретение документной коммуникации знаменовал появление *материальной формы* социальной памяти, но еще не было *духовного (идеального) содержания* культурного наследия.

Период духовного взросления человечества знаменитый философ-экзистенциалист *Карл Ясперс* (1883–1969) назвал «осью мировой истории», иначе – «осевой эпохой». Между 800 и 200 годами до н.э., практически одновременно по историческим меркам, в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции возникли духовные движения, положившие начало мировым религиям, пришедшим на смену язычеству, и философии, пришедшей на смену мифологического сознания. Поиски в разных социумах смысла человеческого существования, смысла бытия, знаменовали, по мнению К. Ясперса, начало общей духовной истории человечества, которое до того было разделено на локальные, не связанные между собой древнейшие цивилизации[286].

Из аргументации Ясперса, принятой многими учеными, вытекают два следствия: 1) *осевое время – время возникновения духовной надстройки (самосознания) социосферы*; 2) *осевое время – начало формирования базовых духовных социальных институтов – религии, литературы, искусства, науки и философии, политики и права*. Эти следствия имеют ключевое значение для понимания генезиса ноосферы, ибо показывают, что духовность порождалась биосферой не автоматически, а в силу причинно-следственной связи антропосфера → социосфера → ноосфера в форме совокупности социальных институтов, обеспечивающих духовную жизнь цивилизованного общества.

3.2.3. От традиционной – к техногенной цивилизации. Вслед за академиком В.С. Стёпиным[287], будем различать в культурно-исторической эволюции человечества три типа цивилизаций: традиционные, техногенные и посттехногенные. *Традиционные цивилизации* (Древняя Индия и Китай, Древний Египет, античность, восточные деспотии, европейское средневековье) в своей духовной эволюции проходили два этапа: «доосевое варварство», когда трудолюбивые земледельцы обожествляли мать-природу и благодарно

[285] Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта; Наука, 2009. 584 с.

[286] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

[287] Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

пользовались её дарами, и «послеосевая культура», которая в разных местах наступала в разное историческое время. Послеосевая культура включала базовые духовные институты, а также традиционную коммуникационную инфраструктуру – школьное образование и рукописную книжность. В силу неблагоприятных условий существования традиционные цивилизации не способствовали прогрессу разума, за исключением античности и просвещенных абсолютных монархий XVIII века.

Другое дело следующая эволюционная ступень – *техногенные цивилизации* (цивилизации типа модерн), которые начали формироваться в европейском регионе после распространения книгопечатания и Великих географических открытий в XV–XVI столетиях, а в XIX веке овладели промышленными технологиями, преобразующими биосферу в интересах потребителя. Метрополии и монополии изначально показали себя могучей и агрессивной силой. Опасность техногенной «ноосферизации» заключается в том, что «создаваемая на этапе техногенеза ноосфера в действительности функционирует как *техносфера* – искусственная социотехноприродная реальность, причем существенное место в системе «социум – техносфера – биосфера» отводится техносфере, вытесняющей биосферу, биосферные организмы, включая даже биосферные составляющие человека, особенно развитые природные качества»[288]. Страшной демонстрацией хрупкости искусственно сотворенной «цивилизованной среды обитания» стала Чернобыльская авария (1986) – самая крупная техногенная катастрофа в истории человечества[289].

Политики и правоведы признали экологический кризис недугом индустриальной цивилизации, угрожающим летальным исходом. В июне 1992 года на Всемирном саммите ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, в котором приняли участие 8 тысяч делегатов из 179 стран, был принят стратегический документ «Повестка дня на XXI век», содержащий концепцию так называемого «устойчивого развития» (sustainable development). *Концепция устойчивого развития* была представлена как «способ преодоления экологической угрозы для современной цивилизации, связанной с перенаселением, с невосполнимым расходованием природных ресурсов и с загрязнением окружающей среды». Остроумные

[288] Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М.: КРАСАНД, 2017. С. 246.

[289] Яблоков А.В., Нестеренко В.Б., Нестеренко А.В., Преображенская Н.Е. Чернобыль: последствия Катастрофы для человека и природы: 6-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 826 с.

оппоненты обратили внимание на противоречивость концепции, поскольку «устойчивое развития» – это оксюморон: если есть развитие, то стабильности уже нет. Неслучайно в сообществе ученых и культурологов распространилось представление о приближении великих перемен.

3.2.4. Время великих перемен – время критической нестабильности социосферы и судьбоносного выбора, выпавшего на долю современного человечества. Известный философ науки *Эрвин Ласло* (род. 1932 г.) в статье[290] рассмотрел два альтернативных сценария, которые назовем Нус (разум) и безумный Анус (а – приставка «не», например «аморальный», «асимметричный», «аномальный» и т.п.). Автор описывает эти сценарии следующим образом.

1. *Сценарий Анус* (бизнес без изменений). Техногенное потепление климата приведет к подъему уровня мирового океана, в некоторых районах вызовет засуху, в других – разрушительные ураганы и неурожаи на обширных территориях. В прибрежных районах произойдет затопление плодородных земель вместе с городами, поселками и селами. Сотни миллионов нуждающихся мигрантов из Африки, Азии, Латинской Америки устремятся в более благополучные страны, провоцируя конфликты с местным населением. Мир поделится на государства, защищающие свою территорию, и атакующие их массы отчаявшихся и нищих людей, страдающих от голода и болезней. Повсеместно возрастут военные расходы, силовые режимы придут к власти в горячих точках, локальные войны за продовольствие и воду, использующие обычное вооружение, перерастут в войны с использованием оружия массового поражения. Террористические группы, торговцы оружием, наркобизнес и организованная преступность совместно с беспринципными коммерсантами дестабилизируют экономическую, политическую и нравственную основу социальной жизни. Хаос и насилие воцарятся во всех странах, Земля станет непригодной для существования человечества.

2. *Сценарий Нус* (своевременные изменения) может осуществиться в том случае, если во всех странах образуются активные общественные движения, способные противостоять угрозам глобального кризиса. Возглавляющие эти движения политические лидеры должны сформировать правительства, финансирующие экологические, экономические и гуманитарные проекты,

[290] Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни, общества / ред. Л.Е. Гринина и др. Волгоград: Учитель, 2012. С. 679–682.

нацеленные на обеспечение устойчивого развития и мира. Регионам, пострадавшим от экологической деградации, засухи, ураганов и других стихийных бедствий, нужно оперативно оказывать помощь из страховых и резервных фондов. Необходимо сократить или ликвидировать военные бюджеты, а сэкономленные средства направить на производство продуктов питания, питьевой воды, здравоохранение населения. По инициативе просвещенных бизнесменов, ощущающих социальную и экологическую ответственность, возможно, сформируется социально ориентированная рыночная экономика, поддерживаемая прогрессивными политиками. На международной арене враждебность и недоверие уступят место сотрудничеству и взаимопомощи. Благодаря перечисленным мерам человечество будет продвигаться по пути создания мирной и устойчивой, разнообразной и в то же время единой планетарной цивилизации.

Э. Ласло и многие другие авторы с тревогой констатируют, что современное человечество, несмотря на многолетние обсуждения глобальных экологических проблем на экспертном, межправительственном и межнаучном уровнях, продолжает двигаться по сценарию Ануса, а имеющиеся позитивные результаты ничтожны по сравнению с приростом необратимых процессов деградации биосферы. В связи с этим уместно вспомнить, что в своем предсмертном обращении к российской общественности Н.Н. Моисеев пророчески говорил: «Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в её составе. Человек подошел к пределу, который нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Одно необдуманное движение – и биологический вид homo sapiens может исчезнуть с лица Земли. Такая катастрофа может случиться не в каком-то неопределенном будущем, а, может быть, уже в середине наступившего XXI века»[291].

С опасениями Э. Ласло и Н.Н. Моисеева согласуется идея «экологии культуры», которую *Дмитрий Сергеевич Лихачев* (1906–1999) провозгласил в «Декларации прав культуры»[292]. Он определил культуру как «сотворенную человеком материальную и духовную среду обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества» (с. 390). Исходя

[291] Обращение академика Н.Н. Моисеева к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть … человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 5.

[292] Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 388–397.

из того, что экология представляет собой взгляд на мир как на дом, Дмитрий Сергеевич называл «домом, в котором живет человек», как природу, так и созданную людьми культуру. Поэтому, считал он, *экология культуры* образует единое целое с экологией природы, и заботы экологов должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре. Д.С. Лихачев был убежден, что «экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности»[293].

Экология культуры, по мнению академика, неразрывно связана с *нравственностью*, а без нравственной культуры современное общество существовать не может, поскольку юридические постановления и социальные традиции действовать не будут. Он предупреждал, что «убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой» (там же, с. 333). В связи с этим Дмитрий Сергеевич делал вывод, что необходима ясная и всеми признаваемая *этика экологии*, и сокрушался, что вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но даже и не поставлен нашей наукой. Он обращал внимание на большое и принципиальное различие между экологией природы и экологией культуры. Дело в том, что утраты в природе до известных пределов восстановимы: можно очистить загрязненные реки и моря, восстановить леса и поголовье животных, если оно не уничтожено целиком, но невозможно воссоздать сгоревшие или разрушенные памятники культуры – книги, артефакты, здания, города. Между тем именно культура делает из людей, населяющих определенное географическое пространство, народ и нацию, поэтому следует почитать и сберегать уникальные и единственные в своем роде памятники культуры, ибо они святыни народа, святыни нации.

[293] Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 331.

Культурно-экологический призыв академика Д.С. Лихачева перекликается с появившимся в 1991 году докладом Римского клуба «Первая глобальная революция», где подводились итоги двадцатилетней деятельности этой авторитетной гуманистической организации. Авторы доклада пришли к выводу, что происходит *глобальная революция*, последствия которой трудно предсказуемы. Они сокрушались: «В мире бушует ураган противодействующих сил. Впервые в истории человечество столкнулось со столь грозными опасностями – несбалансированным экономическим ростом, утратой способности к управлению, нехваткой продовольствия и ресурсов, загрязнением среды, энергетическими кризисами, демографическим взрывом, усилением миграции, изменениями мировой геополитической ситуации. Человечество должно ответить на брошенный ему глобальный вызов»[294]. Отдавая себе отчет, что нельзя «игнорировать опасности того, что информационная техника углубляет пропасть между богатыми и бедными людьми и странами», эксперты Римского клуба подчеркнули необходимость обязательного сохранения «моральных и духовных ценностей», которые *«должны привести к новому гуманизму»*. Они высказали сожаление, что «нравственный подход еще не победил в достаточной мере, если говорить применительно к политике и бизнесу» и обратились к людям, «богатым знаниями, но бедным мудростью» с призывом к солидарности во всем мире.

Получается безрадостный итог: техногенная цивилизация породила мощную техносферу, разрушающую как экологию природы, так и экологию культуры и неотвратимо подталкивающую человечество к роковому катастрофическому финалу. Подведя черту под достижениями и утратами техногенной цивилизации и надеясь на лучшее, обратимся к посттехногенной цивилизации, которая, как предсказывал академик В.С. Стёпин, будет следующим этапом культурно-исторический эволюции.

3.2.5. От техногенной к посттехногенной цивилизации пытались проложить маршрут многие авторы XX века, хотя прогнозирование будущего – заведомо неблагодарное занятие. Поскольку поведение самоорганизующихся социальных систем спонтанно и беспрецедентно, а прогресс в области искусственных технологий непредсказуем, опытные футурологи пришли к выводу о «принципиальной невозможности предсказания количественных

[294] Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д.М. Гвишиани. М.: УРСС, 1997. С. 230–231.

и качественных перспектив развития человеческой цивилизации»[295]. В самом деле, тридцать лет назад, в 1987 году абсурдной казалась идея глобальной информационно-коммуникационной среды, образованной в наши дни технологиями сетевой телекоммуникации и Интернета.

Неслучайно авторы концепций ноосферы, за исключением Н.Н. Моисеева и А.Д. Урсула, не углублялись в тайны будущего, ограничиваясь общими утверждениями. Так, христианский философ Тейяр де Шарден довольствовался гипотезой Сверхжизни, ожидая, что в некой «точке Омега» произойдет слияние творения и Творца. Оптимист В.И. Вернадский был априори убежден, что окружающая людей природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом человечества. Социалистический ноосферизм изначально нацелен на достижение динамической социоприродной гармонии между хозяйственной деятельностью человека и механизмами биосферы. Техногенные концепции, концентрирующие внимание на техносфере информационного общества, предсказывают кардинальные изменения, связанные с наступлением четвертой промышленной революции и конвергенцией высоких технологий. Эти изменения будут определять облик материально-технической базы посттехногенной цивилизации и её документосферы в ближайшем будущем. Поэтому необходимо иметь представление об этих фундаментальных достижениях научно-технического прогресса.

К сожалению, учебная литература библиотечно-информационной школы почти не затрагивает эти достижения, хотя в программе опережающего образования они должны играть центральную роль, как и концепция миссии библиосферы в эпоху ноосферы. В связи с этим нельзя не приветствовать инициативу журнала «Современная библиотека», который в 2018 году открыл на своих страницах рубрику «Азбука новых технологий». По-моему, нужную тональность рубрике придала открывшая её статья руководителя Центра по изучению проблем информатики ИНИОН РАН, доцента кафедры медиаобразования Института коммуникаций, журналистики и медиаобразования МПГУ Юрия Юрьевича Черного «Истоки и смысл четвертой промышленной революции»[296]. Не буду пересказывать

[295] Сергеев С.Ф. Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 159.

[296] Черный Ю.Ю. Истоки и смысл четвёртой промышленной революции // Современная библиотека. 2018. № 1. С. 20–25.

содержание этой компетентной и познавательной статьи, процитирую только итоговый вывод автора: «Четвертая промышленная революция, на пороге которой мы находимся, по своему масштабу, объему и сложности не имеет аналогов во всём предшествующем опыте человечества. Кардинальные изменения повлияют на нашу жизнь, наш труд и наше общение. Чем больше мы размышляем о том, как использовать огромные преимущества технологической революции, чем внимательнее мы всматриваемся в самих себя и в базовые социальные модели, которые воплощают и создают эти технологии, тем шире наши возможности формировать эту новую революцию, чтобы сделать мир лучше» (с. 25).

Чтобы избежать голословной апологетики, позволю себе, тем не менее, расшифровать содержание понятие «конвергентная технология». ***Конвергенция*** мыслится как синтез (интеграция, скрещивание) высоких технологий, в качестве которых выступают нано-, био-, информационные и когнитивные (НБИК) технологии. Как осуществляется конвергенция? Нанотехнология, оперируя на атомно-молекулярном уровне, обеспечивает создание материала любого типа и любого применения. Присоединяя биотехнологии, получается гибридная биоорганическая конструкция. Информационные технологии служат для того, чтобы биоорганическую конструкцию превратить в интеллектуальную систему, а задача когнитивных технологий вооружить интеллектуальную систему алгоритмами мышления, подобными естественным алгоритмам или превосходящими их. Конвергенция понимается не как суммирование известных технологий, а как взаимопроникновение знаний и методов, полученных в области изучения физической субстанции, живой природы и человеческой духовности. Здесь речь идет об основах мироздания и о сущности человечности. С помощью конвергентных технологий ученые рассчитывают найти пути разрешения экологических, антропологических, экономических, может быть, геополитических и духовных противоречий техногенной цивилизации.

В 2005 году был обнародован Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»[297], в составлении которого приняли участие ведущие философы и социальные теоретики современности: Ж. Деррида, М. Кастельс, Ю. Кристева, П. Рикёр, Ю. Хабермас и др. В докладе рассматривается перспектива перехода от информационного общества к обществу знания. Авторы доклада отрицают

[297] К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 240 с.

«логику узко-технологического детерминизма» и связывают свою концепцию не только с достижениями технологии, но и с «более широкими социальными, этическими и политическими параметрами». Они исходят из постулата, что информация – инструмент знания, но сама по себе знанием не является, поскольку информация – это товар, который покупается и продается на соответствующем рынке, а знание – общественное достояние, которое должно быть доступно для каждого.

Значение доклада заключается в гуманистическом пафосе, в стремлении преодолеть технократическую односторонность, которой страдает большинство публикаций об информационном обществе. Гуманистическая позиция авторов доклада проявляется в том, что общество знания мыслится как глобальное и сетевое, но не допускающее насаждаемую машинными технологиями унификацию образа жизни и мышления. Утверждаются унаследованные от века Просвещения права человека, включая свободу выражения мнения, свободу информации, право свободно участвовать в культурной жизни общества и в научном прогрессе, право на образование для всех на протяжении всей жизни. Наконец, философы-гуманисты проницательно предупреждают, что информационно-коммуникационные технологии создают широкие возможности для распространения знаний, но человечеству предстоит пройти долгий путь от техногенного информационного общества к посттехногенному обществу знания.

Эволюции цивилизаций, начиная с неолита и кончая XXI веком, посвящены книги теоретика и историка «русского циклизма» *Юрия Владимировича Яковца* (род. 1929)[298] , где обрисованы «основные контуры постиндустриального общества». По мнению автора, главная отличительная черта рождающейся постиндустриальной (посттехногенной) цивилизации заключается в *возрождении гуманизма* после «угнетающей машины индустриального Молоха». Гуманизация проявится в следующих фактах: во-первых, в становлении ноосферы, обеспечивающей пополнение и обновление научного знания; обновленная наука станет краеугольным камнем всей жизни общества; во-вторых, приоритетную роль приобретут высокая культура и классическое искусство, доступ к которым облегчат информационные технологии, а спрос на массовые коммерческие развлечения уйдет в прошлое; в-третьих, образование станет непрерывным

[298] Яковец Ю.В. История цивилизаций: учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.; Он же. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.

процессом, охватывающим все стадии жизненного цикла каждого человека, оно будет нацелено на всестороннее развитие творческого мышления; в-четвертых, будут устранены крайние формы противоборства различных социальных групп и получит признание партнерское сотрудничество между ними при решении стоящих перед обществом задач; в-пятых, будет, наконец, осознана дилемма: в нише нашей Галактики человечество только вместе может или выжить и перейти к гармонизированному устойчивому развитию, или погибнуть.

Нельзя не заметить, что, как отечественный футуролог Ю.В. Яковец, так и европейские интеллектуалы, авторы Всемирного доклада ЮНЕСКО, надеются, что в грядущей посттехногенной цивилизации ноосфера возьмет на себя выполнение двух социальных функций: а) экологической функции обеспечения взаимосвязи «общество – природа», ибо научное знание – мощная созидательная сила; б) гуманистической функции, поскольку разум – источник истины, мудрости, справедливости. Подобная социальная направленность ноосферы присутствует в трудах и других авторов. Не зря В.И. Вернадский неустанно повторял «научная мысль – геологическая сила», а гуманистические мотивы звучат почти во всех концепциях ноосферы. Поэтому оправданно считать экологическую и гуманистическую функции сущностными социальными функциями, присущими ноосфере посттехногенной цивилизации, в отличие от техногенной цивилизации прошлого века.

3.2.6. Эскиз ноосферы – это наиболее дискуссионный, наиболее сложный и в то же время необходимый раздел настоящей главы. Ведь невозможно закончить разговор о ноосфере, так и не сказав, что же, в сущности, представляет собой «ноосфера». Предложенная в разделе 3.2.1 формулировка «ноосфера – *амбивалентная социосфера, среда обитания будущего человечества*», была предварительной, нуждающейся в уточнении. Недостаток этого определения в том, что оно не фиксирует эволюционное происхождение ноосферы, её структурные составляющие и присущие ей противоречия. В параграфе 3.1 цитировались определения ноосферы, предложенные разными авторами, но ни одно из них нельзя принять за основу, потому что они не учитывают существенные пространственно-временные атрибуты (свойства) ноосферы, такие как время появления и место в универсальной эволюции.

В.И. Вернадский иногда, подобно Тейяру де Шардену, связывал возникновение ноосферы «с появлением на нашей планете

одаренного разумом живого существа» и «переходом планеты в новую стадию своей истории, когда ноосфера воздействует на биосферу и геосферу, преобразуя их усилиями мысли и труда»[299]. Однако обычно он говорил о становлении ноосферы в будущем времени, предусматривая ноосферизацию как продолжительный процесс. Что касается настоящего времени, то многие авторы, в том числе академик Д.С. Лихачев, отказывались именовать современную эпоху «разумной» из-за войн и экологического кризиса. На мой взгляд, в эволюционной цепочке: Солнечная система → планета Земля → Геосфера (поверхность планеты) → Биосфера (живое вещество) → Антропосфера (населенная людьми часть биосферы) → Социосфера (социально организованная среда обитания людей) появление феномена Ноосферы можно датировать трояко: либо в период антропогенеза, либо в период социогенеза, либо в гипотетическом будущем.

В первом случае ноофеномены связываются с пробуждением архаического конкретно-чувственного мышления и появлением искусственно созданных людьми предметов – *артефактов* (орудий труда, оружия, неутилитарных изделий)[300]. Поскольку духовная составляющая (общественный интеллект) со времен неолита присутствует во всяком человеческом обществе, уместнее говорить о предпосылках будущей ноосферы, а не об образовании качественно новой «сферы разума».

Во втором случае учитывается, что осевое время – это время *духовной революции*, заключающейся в переходе от архаического мышления к абстрактно-логическому мышлению, необходимому для творческого проектирования и общественно-организованной деятельности. Здесь можно говорить о разделении социосферы на две относительно самостоятельные полусферы: материальную полусферу (систему материальной культуры) и идеальную полусферу (систему духовной культуры). Если материальную полусферу отождествить (с оговорками об относительности такого отождествления) с социосферой, а идеальную полусферу считать ноосферой, то получается *сосуществование* социосферы и ноосферы. Это сосуществование не может быть мирным и устойчивым, оно предполагает столкновения между варварством и цивилизованностью, которые продолжаются и поныне.

---

[299] Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 185.

[300] Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983. 302 с.

Третий случай, заключающийся в *преобразовании* социосферы в ноосферу, может реализоваться при условии целостного одухотворения варваризованной техногенной социосферы. Для этого должна произойти гуманизация техногенной цивилизации, что является скорее затаенным пожеланием, чем реальной повесткой дня. Однако именно этот *гипотетический* вариант интерпретации понятия «ноосфера» предпочтительно принять за основу в нашей идеологеме. Тогда периодизацию ноосферогенеза, начиная с появления амбивалентных артефактов в эпоху неолита и учитывая последующую культурно-историческую эволюцию, можно представить в следующем виде:

Этап I. *Неолит – осевое время*: орудийная технология и архаичное конкретно-образное мышление в антропосфере как культурные предпосылки духовной деятельности; типичный субъект – *человек биологический*;

Этап II. *Осевое время – XVI век н.э.*: традиционные цивилизации в мире варварства, состоящие из полусферы материальной культуры и полусферы духовной культуры, включающей базовые духовные институты с традиционной коммуникационной инфраструктурой; типичный субъект – *человек социальный*;

Этап III. *XVII век – XX век*: господство техногенных цивилизаций с развитой техносферой и противоречивой духовностью, сочетающей рыночную экономику, грандиозный научно-технический прогресс, просвещенное население, мировые войны и экологический кризис; типичные субъекты – *человек экономический* и *человек одномерный .*

Этап IV*. XXI век*: время великих перемен, критическая неустойчивость – человечество на распутье, фигурально говоря, между мудрым Нусом и безумным Анусом. Типичным субъектом здесь является – *человек информационный (homo informaticus)*. Если Нус восторжествует, и посттехногенная социосфера преобразуется в ноосферу, то типичным представителем рода человеческого станет *человек ноосферный*, создатель и обитатель ноосферы, сущностная дефиниция которой читается так:

***Ноосфера** – обусловленная космической эволюцией амбивалентная (материально-идеальная) среда обитания человека особого типа – творца посттехногенной цивилизации и гуманистической культуры.* В этой дефиниции отражены следующие существенные особенности реальной ноосферы как предмета научного исследования ноосферологии:

– происхождение: закономерно обусловлено космической эволюцией;

– субстанция предметов: амбивалентная, духовно-материальная;

– место и время: социосфера, творчески преобразованная человеком особого типа;

– создатель и обитатель: ноосферный человек, образованный посттехногенной цивилизаций и воспитанный гуманистической культурой.

Структура реальной ноосферы предопределена тем, что ноосфера, как утверждают философы, «высшая ступень интеграции всех форм существования материи» и «преобразованная трудом и разумом человека биосфера». Нельзя также забывать мудрое замечание В.И. Вернадского о том, что «в гуще, в интенсивности и в сложности современной жизни человек практически забывает, что он сам и все человечество, от которого он не может быть отделен, неразрывно связаны с биосферой. Они геологически закономерно связаны с её материально-энергетической структурой»[301]. Следовательно, в структуре ноосферы в качестве её первоначальной материальной основы должна находиться живая природа – *биосфера* в двух формах: 1) в экологически девственной форме (природные заповедники и заказники); 2) в форме «преобразованной трудом и разумом человека» (культурные растения, одомашненные животные).

Сущностным элементом ноосферы на всех этапах её становления и развития, несомненно, является *человек,* создатель культурной среды обитания в виде социальных институтов *духовного творчества*, зародившихся в эпоху осевого времени до нашей эры: религия, искусство, литература, наука, право, политика, философия. Именно в этих институтах создаются те артефакты, которые образуют главное культурное содержание ноосферы данной цивилизации. *Материально-производственные институты* (экономика, государственное управление, материально-техническая база) являются структурными элементами ноосферы и факторами, определяющими направленность и динамику духовных процессов. Главными *инфраструктурными* составляющими, обусловливающими выполнение социальных функций ноосферы, являются *коммуникационные социальные институты*, осуществляющие оформление, распространение, хранение, общественное использование знаний и информации.

[301] Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М.: Наука, 1965. С. 324.

Коммуникационные институты образуют три относительно самостоятельные, но взаимосвязанные через национальную культуру сферы: А. *Сфера образования* (институты дошкольного, среднего общего, профессионального, высшего, дополнительного образования); Б. *Документосфера* (институты книгоиздания, книготорговли, библиотечный, библиографический, архивный, музейный); В. *Информационная сфера* (институт научной информации, государственные информационные системы, Интернет, телефонная связь и пр.). Каждая инфраструктурная сфера располагает определенными гуманистическими ресурсами. Именно от сфер А, Б, В зависит опережающее образование, то есть тот цивилизационный путь, который может стать дорогой человечества в ноосферу.

Путь в ноосферу не прост. Как говорилось неоднократно, нынешний исторический момент оценивается как время великих перемен и зона риска. Обнажились антагонистические противоречия между Добром и Злом, Разумом и Глупостью, Природой и Техникой, Нусом и Анусом, которые сопровождали человечество на всех этапах его культурно-исторической эволюции. Зло и Глупость возникали не самопроизвольно, а их творили «человек биологический», «человек социальный», «человек экономический», «человек информационный». Главным фактором, определяющим преобразование техногенных цивилизаций, исторически сложившихся в XVII–XX вв., в ноосферу – сферу высокотехнологичного и гуманистического разума, является *человеческий фактор*. Поэтому разработка модели ноосферного человека и образование поколения ноосферных людей, опережающего и предупреждающего негативные тенденции современной социосферы, является актуальной задачей всех коммуникационных институтов, в том числе – библиотечно-информационной школы. Именно «ноосферный человек» – это, как говорил В.И. Вернадский, «геологическая сила», способная выполнить экологическую функцию по отношению к биосфере и гуманистическую функцию по отношению к социосфере. Остановимся, по необходимости кратко, на проблеме моделирования человека ноосферного типа.

3.3. Моделирование ноосферного человека

В научном познании ***модель*** (фр. *образец*) понимается как «образ, аналог какого-либо явления, процесса, объекта или субъекта, выраженный материально (реально) или идеально (в знаках) и отвечающий оригиналу во всей сложности структурно-функциональных,

причинно-следственных или генетических связей»[302]. Педагоги-ученые отмечают: «Функция модели в конечном счете состоит в том, чтобы служить основой прогнозирования. Для сферы образования этот принцип важен тем, что образовательная система обладает повышенной динамичностью ориентации, ибо образование – это подготовка субъекта к будущей деятельности, всегда в перспективе»[303]. Ноосферный человек – человек будущего, которого нельзя изучать опытным путем, а можно только представлять в виде знаковых моделей. Аналогичными знаковыми моделями являются: понятие «экономический человек», которое Адам Смит (1723–1790) использовал в своей схеме рыночного механизма; с легкой руки Освальда Шпенглера (1880–1936) получила распространение мифологема «фаустовского человека», символизирующего западноевропейскую культуру, перерождающуюся в техногенную цивилизацию; «одномерный человек» – типаж индустриального общества XX века, описанный Гербертом Маркузе (1898–1979). Моделирование человека ноосферного – прерогатива ноосферологии и педагогического учения об опережающем образовании. Задача настоящего параграфа заключается не в конструировании целостной структурной модели ноосферного человека, а в обзоре суждений разных авторов относительно психологических качеств и социальных взаимосвязей вероятных обитателей ноосферы.

Классики психологии З. Фрейд, К. Юнг и отечественные психологи С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов предлагали различные структурные модели нормальной человеческой личности. Их модели, как правило, включали такие *психологические качества*:

- Биологическая подструктура: биохимические, генетические и физиологические особенности организма, в том числе бессознательные инстинктивные стимулы;
- Чувственные формы восприятия действительности: ощущения, внимание, память;
- Когнитивные (умственные) способности, интеллект и знания, умения, навыки, приобретенные обучением и практическим опытом;
- Мотивационно-волевая подструктура – убеждения, идеалы, влечения, желания, которыми человек руководствуется в своей деятельности;

[302] Князева В.В. Педагогика: словарь научных терминов. М.: Вузовская книга, 2016. С. 399.

[303] Пищулин Н.П., Ананищев В.М. Моделирование как элемент управленческой деятельности // Школьные технологии. 2001. № 3. С. 4.

• Самосознание, способность осознавать себя, свое Я как личную идентичность, противопоставленную другим людям и внешнему миру.

Уровень развития тех или иных психических качеств, например, интеллекта, свободы воли, самосознания, может быть различным у разных субъектов, но задатки психологических структур обнаруживаются у всех людей и, следовательно, они должны присутствовать у гипотетического человека ноосферного, обеспечивая единство рода человеческого (homo sapiens). *Социологические качества* проявляются дифференцированно в процессе всемирной истории. Они отражают исторически обусловленные взаимосвязи человека с социумом, такие, как: ценностные ориентации, культурные нормы и правила, социальные статусы и роли, освоенные человеком, целеустремленность (направленность) деятельности, уровень образования. Отсюда социально-культурные различия людей на разных этапах эволюции.

Очевидно, что человек ноосферный для того, чтобы успешно преодолеть кризис техногенной цивилизации в когнитивном и культурно-нравственном отношении должен существенно отличаться от моделей предыдущих исторических субъектов. Более того, поскольку он является главным фактором становления ноосферы, формирование человека ноосферного типа следует рассматривать как очередную *антропологическую революцию* в истории человечества.

3.3.1. Проекты «новых людей» и антропологические революции. Антропологическая революция – это существенные изменения в психологической и социологической структурах типичной личности данной исторической эпохи. Существенные изменения происходят не самопроизвольно, а в силу преобразований в окружающей культурной (искусственно созданной) среде. Действует причинно-следственная связь: *предпосылкой революции в антропосфере является промышленно-технологическая революция в техносфере.*

Многие ученые озабочены угрозами экологического кризиса, приводя впечатляющие данные о загрязнении атмосферы и мирового океана, об опустынивании земель (пустыня Сахара продвигается на юг со скоростью 1,5 км в год), об исчезновении видов растений и животных и т.д. Еще большую тревогу вызывают межнациональные конфликты, перерастающие в межцивилизационные антагонизмы, рост агрессивности и насилия, раскол человечества на процветающий «золотой миллиард» и обездоленные пять миллиардов и т.д.

Самая же страшная угроза видится в роковом отрыве цивилизованного человека от матери-природы, в утрате спасительных природных инстинктов, включая инстинкт самосохранения. Оказалась несостоятельной надежда просветителей на то, что образованный человек будет гуманнее и нравственнее неграмотного варвара. Масштабы жестокого уничтожения себе подобных высококвалифицированными «силовыми структурами» далеко превосходят аппетиты диких каннибалов. В этих условиях скептики пессимистически оценивают перспективы построения системы коллективной защиты человечества от антропогенных глобальных угроз. Есть, правда, и оптимисты, которые предпочитают не прислушиваться к мрачным пророчествам и надеются на то, что предприимчивый homo sapiens сумеет найти спасительный выход из вселенского кризиса, как неоднократно случалось в прошлом.

Кто же виноват в глобальном кризисе, где скрыты его причины? Кто поставил стремящееся к благополучию, свободе и счастью человечество на грань самоуничтожения? Какая сверхъестественная сила уничтожает леса и пастбища, отравляет атмосферу, питьевую воду и мировой океан? Почему сильные и богатые озабочены не тем, как накормить бедных и голодных, а уничтожением возможных конкурентов и противников? Чья воля извлекла из недр вещества ядерное оружие и превратила его в дамоклов меч, висящий над нашей планетой? Ответ очевиден: все это сделали поколения людей XX века. Смешно рассчитывать, что могильщики человечества, услышав апокалипсические увертюры, осознают свои преступные ошибки, покаются и бросятся коллективно их исправлять. «На наш век хватит» – подумает большинство из них.

Этические мыслители нашего времени утверждают: «Самая страшная из грозящих нам катастроф – это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого на Земле), сколько антропологическая – уничтожение человеческого в человеке… Грозящая нам необратимая гибель общего человеческого дома порождена не сущностью человека, фатально приводящей к дурной цивилизации, но порчей этой сущности»[304]. Стало быть, сердцевина и главная причина глобального кризиса – *антропологический кризис!* Люди по естественной своей природе добры и разумны, трудолюбивы и предусмотрительны, но их губят жадность, эгоизм, фанатизм,

[304] Шрейдер Ю.А. Утопия или устроительство? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 7–8.

недальновидность, глупость и другие подлые пороки. Если человек XXI века будет столь же порочен, как и его отцы и деды, он не сможет избежать рокового финала.

Основатель *Римского клуба*, уникальной гуманистической организации по исследованию будущего, Аурелио Печчеи (1908–1984) пришел к убеждению, что для спасения рода человеческого необходимо *самопреобразование* человечества, нужна не социальная, а *антропологическая революция,* то есть переворот на глубинном уровне культуры и психики. Он писал: «Новый гуманизм должен дать импульс зарождению новых систем ценностей и духовных, этических, философских, социальных, политических, эстетических, творческих мотивов поведения, восстановить в нас как высшие блага и потребности любовь, дружбу, взаимопонимание, солидарность, жертвенность, сосуществование, заставить нас понять, что никогда, ни при каких условиях мы не должны более отказываться от приоритета духовного… Этот новый гуманизм должен быть революционным по своей сути и иметь собственные этические и моральные обоснования в сознании человека. Он должен быть *настоящей человеческой революцией.* Его успех является условием выживания человечества» (курс. автора)[305]. Короче говоря, для устранения антропологического кризиса, являющегося подлинной причиной всех глобальных угроз, надвигающихся на человечество, нужны люди, существенно, *революционно* отличающиеся от людей XX века. Они должны быть гуманны и великодушны, совестливы, бескорыстны и правдивы, любвеобильны и доброжелательны. Спасители человечества не могут быть похожи на его могильщиков; это должны быть другие, *новые люди.*

Откуда могут появиться необыкновенные *новые люди?* Есть два пути: а) воспитать, вырастить искусственно, подобно культурным злакам; б) надеяться на самопроизвольное их появление (ведь Печчеи говорил о «самопреобразовании» человечества). Первый путь кажется более простым и коротким, подлинно *революционным* переворотом. Второй путь – путь ненасильственной *эволюции.* Выбор правильной стратегии осложняется тем, что человечество не имеет большого опыта антропологических революций. Давно известны политические, экономические, научно-технические, социальные революции, знакомы нам революции культурные, сексуальные, компьютерные, но феномен антропологической революции практически

[305] Печчеи А. Сто страниц для будущего (отрывки из книги) // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 42–43.

не изучен. Случались ли революции такого рода в истории человечества? По-видимому, случались, ведь эволюция homo sapiens происходила не плавно, а скачками. История знает попытки искусственного выращивания «новой породы людей», которые не всегда бывали безуспешными. Можно сказать, что мистическая *тоска о новых людях* постоянно преследовала не только педагогов и утопистов, но и разумных государственных деятелей. Обратимся к фактам.

Первыми идеологами антропологической революции были гуманисты XIV–XVI веков. Ранним гуманистам была свойственна позиция *антропоцентризма,* то есть представление о человеке как центре мироздания, наиболее совершенном творении Бога. Пико делла Мирандола (1463–1494) восторженно восклицал: «Человек наделен, как и скоты, чувственным восприятием, внешним и внутренним; наделен также духом, коему свойственен небесный разум; он причастен ангельскому уму. В нем воистину божественное обладание всеми этими природами, сливающимися в одно, отчего хочется воскликнуть: „Великое чудо человек!“»[306]. Гуманистический идеал, вдохновлявший мыслителей и педагогов эпохи Возрождения – *всесторонне развитая личность.* Это активный, этически и граждански ориентированный, хорошо образованный, просвещенный и физически развитый человек; он отличается чувством собственного достоинства, патриотизмом, стойкостью, способностью к разным видам общественной деятельности. Обоснованный и воспетый в трактатах гуманистов идеал человека можно назвать *моделью ренессансного интеллигента.* Хочется верить, что великие «титаны Возрождения» олицетворяли эту модель, но о гуманистической революции говорить нет оснований.

Интеллектуальная элита эпохи европейского Просвещения (конец XVII – начало XIX вв.) была скроена по иной модели, отличительными чертами которой были «трезвый практический ум с некоторой примесью скепсиса или цинизма, высокая образованность, изящество манер и вера в принцип личной чести»[307]. Этой модели соответствовали французские крупные буржуа, ставшие дворянами, и английские деловые джентльмены, умеющие прибыльно вкладывать капитал. Адам Смит (1723–1790) в своей «Теории нравственных чувств» поучал: «Заботы о собственном здоровье, о собственном благосостоянии и значении, о добром имени, обо всем,

[306] Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV – XVII вв.) М., 1999. С. 79.

[307] Величие здравого смысла: Человек эпохи Просвещения. М. 1992. С. 4.

что касается нашей безопасности и нашего счастья, и составляют собственно предмет добродетели, называемой благоразумием»[308]. Подобную модель благоразумно-добродетельного человека правомерно назвать *моделью интеллектуала эпохи Просвещения.* Практицизм и свобода самореализации, индивидуализм и разумный эгоизм органично вписывались в эту модель.

Позже сформировался немецкий вариант идеального интеллектуала, пропитанный духом протестантизма с его пуританской моралью и деловой аккуратностью. Интеллигентам-гуманистам пришлось потесниться, чтобы дать место в образованном обществе «новым людям» – энергичным интеллектуалам-капиталистам. Таким образом, в Западной Европе произошла *интеллектуализация,* вызвавшая к жизни довольно многочисленный интеллектный слой, ставший высшим диапазоном интеллектного континуума. Я думаю, что интеллектуализация, существенно преобразовавшая все стороны общественной жизни в европейских странах, а главное – образ мышления и мировоззрение населения, представляет собой не что иное, как антропологическую революцию.

Героем этой революции стал *экономический человек-предприниматель,* создатель утилитарной культуры европейского модерна. Утилитаризм стал в XX веке идеологией восстания масс – безликой и агрессивной толпы ненасытных потребителей, использующих техническую мощь для самоубийственного разрушения природы и культуры. Культуролог Е.Н. Яркова, современный исследователь утилитаризма, пришла к выводу: «Ориентация на сиюминутный успех, иезуитская установка на приемлемость любых средств для достижения материального и душевного комфорта, обывательская неразборчивость в способах удовлетворения потребностей могут направить человека и общество на пути деградации, самоуничтожения»[309]. Плоды утилитарной антропологической революции, в конечном счете, оказались ядовитыми, но поначалу они выглядели яркими и привлекательными.

О *новых* русских людях, подобных голландцам или немцам, мечтал Петр I. Ради этой мечты он переодел дворянских недорослей в камзолы и повелел им изучать «Юности честное зерцало». Весьма разумной была идея учреждения при Императорской Академии наук и художеств гимназии и университета. Но до революционных

[308] Там же. С. 238–239.

[309] Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001. С. 153.

антропологических преобразований дело не дошло. Просветительная деятельность Екатерины II была более радикальной. Она начала эксперимент по «выращиванию новой породы людей», который, на мой взгляд, является замечательным памятником русского Просвещения XVIII века.

Вскоре после вступления на престол Екатерина совместно с И.И. Бецким разработала стратегический документ – «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества». В «Учреждении» говорилось: «Ясно, что корень всему доброму и злу – воспитание. Достигнуть же сего последнего не инако можно, как произвести сперва, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли… и так следуя из родов в роды на будущее века». Начать решили с матерей, и в 1764 г. при Смольном монастыре было основано Воспитательное общество благородных девиц – знаменитый Смольный институт, более 150 лет украшавший северную столицу.

Просвещенные преобразователи человеческой «породы» полагали, что если изолировать нежное дитя в шестилетнем возрасте от развращающего влияния семейной среды и поместить его в нравственно стерильную башню из слоновой кости, то через 12–15 лет можно получить когорту беспорочно добродетельных благородных девиц, которые положат начало новой человеческой генерации. Эксперимент был жесток. С родителей – чаще всего обедневших дворян – брали подписку, что ранее, чем через 12 лет они не имеют права требовать дочь из учебного заведения и видеться с нею. Согласно уставу, составленному И. И. Бецким, на первом плане стояло религиозное воспитание, далее шло нравственное, которое включало в себя усвоение «светских добродетелей»: учтивости, благонравного поведения, скромности и великодушия. Оторванность от семьи и замкнутый режим жизни обуславливали формирование своеобразного социального типа – смолянок, институток, «кисейных барышень». Личностный образец этого типа – *светская красавица*, блистающая при императорском дворе.

Хотя не обошлось без издержек, без искалеченных судеб, но все-таки локальный педагогический эксперимент Екатерины и Бецкого нельзя считать неудачным. Идея транслирования добродетелей « из родов в роды на будущее века» оказалось иллюзорной, однако новая, пусть немногочисленная, популяция искусственно одухотворенных людей была получена фактически.

Очаровательные красавицы-смолянки, несмотря на свою инфантильность, непрактичность, экзальтированность, облагораживали окружающее общество. Даже женоненавистник Н.В. Гоголь в своих «Мертвых душах» написал об одной из них: «она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную из слоновой кости: только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы». Субтильные смолянки оставили примеры мужества и самопожертвования. Так, сосланного в Сибирь А.Н. Радищева сопровождала сестра его покойной жены – выпускница Смольного института. Тем не менее локальные масштабы педагогического эксперимента, затеянного просвещенной императрицей, не позволяют сравнивать его с революционной интеллектуализацией общества.

Русская разночинная интеллигенция осознала себя в качестве особой генерации «новых людей», благодаря роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?», имевшего многозначительный подзаголовок «Из рассказов о новых людях». Воспитывалась эта генерация не в закрытых учебных заведениях под надзором классных дам, а в спонтанно возникавших студенческих кружках и коммунах, не столько научно-педагогическими методами, сколько путём самообразования, критического мышления, бесконечных споров, путем подражания литературным героям. Главными предметами дискуссий были народ, наука, свобода. *Новых людей* 60-х – 70-х годов отличали от традиционных русских обывателей, по крайней мере, три черты: книжность мировоззрения, бескомпромиссное правдоискательство, готовность к самопожертвованию. Ф. М. Достоевский, склонный к осуждению интеллигентской «бесовщины», тем не менее, в «Дневнике писателя» за 1877 год написал о рождении «нового корня русских людей, которым *нужна правда* (курсив Достоевского), одна правда без условной лжи, и которые, чтобы достигнуть этой правды, отдадут все решительно… Разлад в убеждениях непомерный, но стремление к честности и правде неколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества».

«Новый корень русских людей» отличался от образованной публики дворянской формации, во-первых, образованием (естественные науки, позитивная философия, религиозное вольномыслие), во-вторых, креативностью (самостоятельное критическое мышление, независимость убеждений, трудовая активность), в-третьих, альтруистической этикой, коллективизмом, демократичностью.

Короче говоря, «новые люди», вдохновленные литературными образами Рахметова и Веры Павловны, отличались *интеллигентностью.* Более 60% их были студентами, и не удивительно, что именно этим «новым людям» Россия обязана интеллектуализацией, начавшейся в конце XIX – начале XX века. Не заставили себя ждать предприимчивые интеллектуалы, и накануне первой мировой войны сложился полноценный интеллектуальный континуум, который явился приметой *первой* антропологической революции в России.

Ирония истории состояла в том, что Россия в гонке интеллектов не только догнала европейские страны, но и вырвалась вперед, благодаря *второй антропологической революции.* Если первая революция была естественным развитием русского менталитета, то вторая была осуществлена искусственно и целью её было выращивание «новой породы людей» – homo soveticus. Немедленно после захвата власти в октябре 1917 года был учрежден Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), главной задачей которого, согласно Программе РКП(б), принятой в марте 1919 года, была «революционная ломка» старой школы, «превращение школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества». Л.Д. Троцкий в 1923 году, выражая с присущей ему прямолинейностью позицию большевистского руководства, разъяснял: «Не нужно допускать бесформенно-гуманитарного истолкования понятия «нового человека» и задач коммунистического воспитания … Мы хотим создавать борцов, революционеров, которые явились бы восприемниками и продолжателями еще исторически незавершенной революционной традиции»[310].

Основы «коммунистических чувств» – утверждал А.В. Луначарский, – нужно начинать закладывать в ребенке с пятилетнего возраста (как не вспомнить Смольный монастырь Екатерины II). С этой целью уже в декабре 1917 года дошкольное воспитание было включено в систему Наркомпроса. Эта система изобиловала педагогически дикими решениями, например, «освобождение детей от реакционных влияний их родителей», исключение русской истории и словесности из школьных программ, педантичное культивирование «классового сознания», «непримиримой борьбы против эксплуататоров и революционного энтузиазма в строительстве новой жизни». Ликвидация безграмотности была объявлена важнейшей

[310] Троцкий Л.Д. Задачи коммунистического воспитания. Речь на пятилетнем юбилее Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. М., 1924. 3–4.

внутриполитической задачей, на осуществление культурной революции в стране были мобилизованы все культурно-просветительные, и школьные и внешкольные учреждения. В результате в 20-е – 30-е годы было успешно осуществлено беспрецедентное в истории человечества массовое формирование людей с заданными духовными параметрами. Homo soveticus – идеальный солдат, воин, боец, которого невозможно заставить признать себя побежденным. В Великую Отечественную войну выстояли и победили именно эти несгибаемые люди, которых сплачивало, направляло, вдохновляло *героическое* поколение советской интеллигенции.

Однако успех советской антропологической, как и социально-политической революции, оказался недолговечным. Вместе со всем цивилизованным человечеством Россия стоит у роковой черты, мучаясь гамлетовской дилеммой «быть или не быть?» и тоскуя о «новых людях», которые способные предотвратить надвигающуюся катастрофу. Ясно, что нужна *новая антропологическая революция*. В результате предыдущих революций появлялись то непрактичные интеллигенты-гуманисты, то чересчур практичные прагматики-интеллектуалы, то фанатики или исполнители советской модели. Теперь требуются «новые люди новой формации». Где существуют эти люди? В разделе 3.2.5 говорилось о переходе от техногенной к посттехногенной цивилизации, характерной особенностью которой является компьютеризация и информатизация, образующие киберпространство. ***Киберпространство*** (cyberspace) – метафора, используемая в философии и информационных технологиях для обозначения ноосферы в качестве виртуальной реальности[311] и, добавлю, среды обитания ноосферного человека кибернетической модели.

3.3.2. Кибернетические модели ноосферного человека. Представитель российской школы социальной педагогики и психологии Владимир Андреевич Плешаков, главный редактор электронного научно-публицистического журнала Homo Cyberus, исходя из очевидного факта, что «человечество сегодня эволюционирует по пути информатизации, интернетизации, гаджетизации», пришел к выводу: «мы становимся другими, по сравнению с нашими предками: наш мозг работает по-другому, трансформируются наша психика, сознание и мировоззрение, когнитивные способности, меняются

[311] Шестакова И.Г. Ноосфера: материализация идеи как ключевой фактор современного прогресса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3: в 2-х ч. Ч. 1. С. 202–206.

наши потребности, мотивы и средства деятельности, наконец, поведение. Наступила эра *киберсоциализации человека* – социализации личности в киберпространстве, т.е. символьно-знаковой реальности, представленной сетью Интернет и пространством мобильных технологий сотовой связи»[312]. ***Киберсоциализацию*** В.А. Плешаков определяет как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящих в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности»[313].

Таким образом, обнаруживается человек «новой формации» – «человек кибернетический», который обречен существовать на стыке двух реальностей – киберпространства (виртуальной реальности) и классической предметной действительности (социальной реальности), оперативно переключаясь между ними. Отсюда перед образовательно-педагогической системой возникает задача фундаментальной важности: обеспечить разумную киберсоциализацию подрастающего поколения с детских лет и далее в течение всей жизни. Тут речь идет не только о навыках владения современными информационно-коммуникационными технологиями и компьютерной техникой, но и об изменении духовно-культурных структур, нравственном и мировоззренческом воспитании. Возникает целый ряд новых ожиданий и интересов, мотивов и целей психической и социальной активности, например, сохранение он-лайн идентичности – способности человека оставаться самим собой в ходе персональной жизнедеятельности в киберпространстве, связанном с принадлежностью к определенным сетевым сообществам.

Киберсоциализация – стихийный процесс, неоднозначно воздействующий на человека: с одной стороны, использование его ресурсов значительно облегчает решение многих злободневных и повседневных задач, но с другой стороны, негативно действует *кибераддикция* – явление зависимости от Интернета, навязчивое желание постоянно быть «на связи», неспособность ограничить сетевые контакты. Нейрофизиологи и психологи заявляют, что компьютеры и смартфоны изменяют структуру мозга, снижают

[312] Плешаков В.А. Жизнь и деятельность человека в эпоху киберсоциализации // Homo Cyberus. 2018. № 1. С. 5–6.

[313] Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens до Homo Cyberus: Монография. М.: Прометей, 2012. С. 21.

качество мышления, а социальные сети и компьютерные игры развивают эгоизм, агрессивность, нарциссизм. Отсюда когорты троллей, террористов, хамов и невежд, хозяйничающих в веб-сайтах, социальных сетях, онлайновой сетературе и искусстве. Ясно, что с ростом информатизации число кибераддиктов будет увеличиваться, несмотря на апелляции к информационной культуре личности, киберпедагогике и медиаобразованию. Не удивительно, что, наряду с *когнитивистикой*[314], приобретает популярность *когнитоника* (cognitive – «познавательный») – наука, изучающая нарушения, искажения и негативные изменения в развитии личности и общества, связанные с глобальной экспансией информационных технологий, и пытающаяся разработать когнитивно-культурологические предпосылки для гармоничного, сбалансированного развития личности в информационном обществе и преемственного развития национальных культур и языков. Название и задачи когнитоники были представлены в 2004 году в статье профессора Высшей школы экономики В.А. Фомичева, опубликованной в Канаде. Когнитоника быстро завоевала международное признание, о чем свидетельствуют многочисленные конференции и симпозиумы, происходящие во всем мире.

Другая популярная проблема киберсоциализации связана с понятием *«технологическая сингулярность»*, которое следует отличать от понятия «космическая сингулярность» (см. раздел 3.2.2). ***Технологическая сингулярность*** – это «период в будущем, в ходе которого технологические перемены станут настолько стремительными, а их влияние настолько глубоким, что человеческая жизнь необраимо изменится. Эта эпоха изменит концепции, придающие сегодня нашей жизни смысл, от бизнес-моделей до цикла человеческой жизни, включая саму смерть»[315].

В научном сообществе США сформировалось движение «позитивной сингулярности», лидером которого является изобретатель и футуролог Рэймонд Курцвейл (род. 1948). В своих книгах-бестселлерах «Эпоха мыслящих машин» (1990), «Эпоха духовных машин» (1999), «Сингулярность уже близко» (2005), «Как создать разум» (2012), многочисленных статьях и выступлениях Рэй Курцвейл обосновывает приближение технологической сингулярности, основанной на сверхмощном искусственном интеллекте (превосходящем

[314] Соколов А.В. Когнитивный подход к документу и документосфере // Научно-техническая информация. Серия 2. 2016. № 7. С. 1–8.

[315] Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 149.

человеческий) и киборгизации людей, радикально продлевающей их жизнь. Он ставит задачу «перепрограммировать» жизнь, добавлять новые гены и выключать ненужные, создавать новые органы с применением стволовых клеток. В одном из интервью 2013 года он поделился идеей «постчеловека»: у него будет *небиологическое тело*. С помощью нанотехнологий, «постлюди» смогут создавать виртуальные тела и виртуальную реальность, которая будет полностью реалистичной благодаря тому, что виртуальные тела будут настолько же детальны и убедительны, как настоящие. Оптимисты-сингуляритарии верят, что конвергенция технологий приведет к разрешению глобальных проблем и избавит человечество от болезней, эпидемий, старения, гарантирует вечную молодость и даже бессмертие.

Рей Курцвейл не мечтатель-фантаст, а активный исследователь в области искусственного интеллекта и заслуженно пользуется репутацией самого авторитетного технологического футуролога. В 2009 году он возглавил Университет сингулярности, который будет готовить специалистов для решения глобальных проблем, угрожающих человечеству. С декабря 2012 года он занимает должность технического директора в компании Google.Если собрать все прогнозы, сделанные им в течение последних 20 лет в книгах, лекциях, интервью, получается следующая последовательность событий[316]:

2020 – персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности человеческого мозга, а беспроводной доступ в Интернет покроет 85% поверхности Земли;

2022 – в США и Европе будут приняты законы, регулирующие отношения людей и роботов. Деятельность роботов, их права и обязанности будут нормализованы;

2025 – появится массовый рынок гаджетов-имплантантов;

2027 – персональный робот, способный на полностью автономные сложные действия, станет столь же привычным, как холодильник или кофеварка;

2031 – 3D-принтеры для распечатки человеческих органов будут использоваться в больницах любого уровня; нанороботы начнут доставлять питание к клеткам человека и удалять отходы;

2033 – самоуправляемые автомобили заполнят дороги;

2036 – посредством биотехнологии человечеству удастся перепрограммировать клетки на лечение болезней, а использование 3D-принтеров позволит повсеместно выращивать новые ткани и органы;

[316] http://slon.ru/insights/1213655. Доступ 11.04.2015

2037 – гигантский прорыв в понимании тайны человеческого мозга. Некоторые из алгоритмов мозга будут расшифрованы и включены в нейронные сети компьютеров;

2038 – появление роботизированных людей, продуктов трансгуманистических технологий. Они будут оснащены дополнительным интеллектом, ориентированным на определенную узкую область знания, и разнообразными опциями-имплантантами – от глаз-камер до дополнительных рук-протезов;

2039 – наномашины будут вставляться прямо в мозг и осуществлять произвольный ввод и вывод сигналов из клеток мозга. Это приведет к виртуальной реальности «полного погружения», которая не потребует какого-либо дополнительного оборудования;

2040 – поисковые машины будут управляться не только речью, но и мыслями, благодаря гаджетам, внедренными в человеческий организм; результаты поисковых запросов будут выдаваться на экраны очков или линз;

2042 – первая потенциальная реализация бессмертия – благодаря армии нанороботов, которая будет дополнять иммунную систему и «вычищать» болезни;

2043 – человеческое тело сможет принимать любую форму, образуемую большим числом нанороботов. Внутренние органы будут заменяться кибернетическими устройствами гораздо лучшего качества;

2044 – небиологический интеллект станет в миллиарды раз более умным, чем биологический;

2045 – наступление технологической сингулярности. Земля превратится в один гигантский компьютер.

Оптимизм Рэя Курцвейла и других технологов-сингуляритариев разделяется далеко не всеми футурологами. Есть скептики, утверждающие, что искусственный интеллект может стать для человечества еще более страшной угрозой, чем ядерное оружие. Они заявляют, что прежде, чем развивать технологии, которые рано или поздно приведут к появлению искусственного суперинтеллекта «в миллиарды раз более умного, чем интеллект биологический» или «превращать Землю в один гигантский компьютер», нужно удостовериться в предсказуемости поведения рукотворных созданий. Они пророчат: глупо и наивно считать, что машина, которая в сотню или тысячу раз умнее нас, будет любить нас или захочет защитить; машины аморальны, и думать иначе опасно. Другие кибернетики, оппонируя оптимистам-сингуляритариям, предсказывают,

что постоянное усиление разума в какой-то момент приведет к положительной обратной связи: более разумные системы будут создать еще более разумные системы и делать это быстрее, чем первоначальные конструкторы-люди. Эта положительная обратная связь, скорее всего, окажется столь сильной, что в течение очень короткого промежутка времени (месяцы, дни или даже всего лишь часы) мир преобразится больше, чем мы можем это представить, и внезапно окажется населен сверхразумными созданиями.

На основании многочисленных интервью с учеными-кибернетиками, футурологами, писателями-фантастами американский режиссер Джеймс Баррат пришел к заключению: «Завершающей фазой работ по созданию сначала умных машин, затем машин умнее человека, станет не их интеграция в нашу жизнь, а их победа над нами и завоевание Земли. В погоне за искусственным сверхинтеллектом исследователи получат разум более мощный, нежели их собственный; они не смогут ни контролировать его, ни даже до конца понять. Проиготовьтесь к следующему столкновению цивилизаций – мы с вами против искусственного суперинтеллекта»[317].

Таким образом, возможны три сценария самореализации человека в кибернетическом пространстве: первый сценарий экзотический, но маловероятный: машинный суперинтеллект послушно служит биологическому человеческому интеллекту; второй сценарий катастрофический, но вероятный: машинная техносфера господствует над биосферой; третий сценарий гуманистический, хотя и трудно реализуемый: человек превращает планету Земля в ноосферу. Человечество находится сегодня в зоне риска, и очень важно не забывать, что незнание того, как построить дружественный искусственный интеллект, само по себе не смертельно, но упрямая убежденность в том, что любое «умное изделие» будет дружественным, – верный путь к глобальной катастрофе. Пожалуй, есть еще один повод сбиться с правильного пути в ноосферу: легкомысленно поверить трансгуманистическим миражам.

3.3.3. Трансгуманистические миражи. ***Мираж*** (фр. mirage – отражение) представляет собой оптическое явление в атмосфере, заключающееся в появлении у горизонта более-менее искаженных изображений отдаленных предметов (зданий, деревьев, оазисов и т.д.). Футурологические проекты (фр. футурибли), представляющие собой более-менее отчетливое описание будущих событий,

[317] Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 38–39.

аналогичны природным миражам, поскольку чудесным образом отражают то, что находится где-то за горизонтом времени. Метафорически называя футурибли «миражами», я хочу подчеркнуть иллюзорность, недостоверность, и, вместе с тем – обманчивую привлекательность этих продуктов творческого воображения. На мой взгляд «миражностью» обладают концепции информационного общества и общества знания, гипотетические эскизы ноосферы также выглядят красочными миражами, но именно фантазии трансгуманизма[318], инициированные в свое время Фридрихом Ницше (1844–1900), ближе других к метафоре «мираж».

Напомню, что Ф. Ницше от имени Заратустры поучал: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью»[319]. Таким образом, получается эволюционная цепочка: обезьяна – человек – сверхчеловек. Подобную цепочку исповедуют и трансгуманисты, которые утверждают, что современный человек является не вершиной, а, скорее, – началом эволюции рода человеческого. Они рассчитывают с помощью конвергентных технологий преодолеть границы общепринятых человеческих кондиций, вплоть до искусственного выращивания героя трансгуманистических миражей – бессмертного «постчеловека».

Важную роль в распространении трансгуманистической идеологии сыграл Роберт Эттингер (1918–2011), который положил начало крионическим миражам публикацией своей книги *«Перспектива бессмертия»* (1962). Он доказывал, что, поскольку медицинская технология постоянно развивается, а химическая активность прекращается при достаточно низких температурах, то возможно заморозить пациента сегодня и сохранить его до того момента, когда медицина достаточно разовьется, чтобы исправить повреждения заморозки и заболевания, которые у него могли быть. В 1972, Эттингер напечатал *«От человека к сверхчеловеку»*, где он рассмотрел некоторые возможные улучшения человеческого организма.

С 1998 года действует Всемирная Трансгуманистическая Ассоциация, пользующаяся поддержкой политиков и ученых

[318] Слово «трансгуманизм» было впервые использовано Джулианом Хаксли (Julian Huxley) в книге *"Новые бутылки для нового вина"* (1957).

[319] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т.2. М., 1990. С. 8–9.

футурологов. В 2003 году в качестве Интернет- сообщества образовалось *Российское трансгуманистическое движение* (РТД) (www transhumanism.ru), которое развивает идеи Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и других представителей русского космизма. В Манифесте РТД (2005) говорится: ***Трансгуманизм*** – это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность – с помощью науки и современных технологий – ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека[320]. Трансгуманисты считают, что в ближайшем будущем нанотехнологии создадут изобилие ресурсов для каждого человека, обеспечат полный контроль над биохимическими процессами и избавят людей от всех болезней. Благодаря стимуляции центров удовольствия в мозгу люди смогут испытывать большой спектр эмоций, бесконечное счастье и неограниченные по интенсивности радостные переживания каждый день. В рамках трансгуманизма развивается доктрина ***иммортализма*** – достижения беспредельного долголетия людей. *Конечная цель* РТД – неограниченное умственное и физическое развитие каждого человека, бессмертие для всех жителей планеты и обеспечение безопасности цивилизации в условиях ускорения технологического развития. *Стратегия* РТД – сделать своих членов высокоразвитыми, бессмертными, нестареющими, сверхразумными транслюдьми (постчеловеками). Какой сказочный *мираж иммортализма*! Видимо, мираж бессмертия вдохновляет наших трансгуманистов.

В 2012 году заявило о себе Стратегическое общественное движение «Россия 2045», организованное молодым миллиардером Дмитрием Ильичем Ицковым (род. 1980 г.), создавшим свой капитал в области Интернет-технологий и медиабизнеса. В Движении принимают участие авторитетные российские ученые в области философии, синергетики, искусственного интеллекта, нейрофизиологии, биологии и психологии – В.С. Стёпин, В.И. Аршинов, Д.И. Дубровский, В.Е. Лепский, В.Ф. Петренко, А.П. Назаретян, С.Ф. Сергеев, В.Л. Дунин-Барковский и др. Трансгуманистические миражи постехногенной цивилизации были в 2013 г. представлены в сборнике статей, подготовленных участниками Движения[321]. Три года спустя

[320] Новые технологии и продолжение эволюции человека. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 316.

[321] Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М., 2013. 272 с.

появился сборник статей других авторов[322], посвященный проблемам трансгуманизма и социальных рисков, идолам и идеалам биотехнологического самоизобретения человека, перспективам создания «постчеловека», превосходящего умственными способностями натуральную человеческую особь.

Д.И. Ицков финансирует технологический суперпроект «Аватар», нацеленный на создание искусственного тела и перенос в него сознания человека. Предусмотрено решение следующих задач: 1) Конструирование антропоморфных роботов-аватаров (искусственных тел); 2) Создание систем дистанционного управления аватарами с эффектом присутствия; 3) Разработка интерфейсов «мозг–компьютер» для мысленного управления аватаром. Аватары предполагается использовать для реабилитации инвалидов, замещения людей на вредном производстве, для освоения космоса, а также для туризма «с технологией телеприсутствия». В шутку или всерьез миллиардер заявляет в своих интервью: «В ближайшие 20 тысяч лет я умирать не собираюсь. А свое биологическое тело, включая мозг, я поменяю на искусственное, когда оно износится».

На международном конгрессе, состоявшемся в июне 2013 г. в Нью-Йорке, была раскрыта программа реализации проекта «Аватар»:

Этап А (2015–2020 гг.) – будут созданы искусственные органы человеческого тела и органы чувств, новые человеко-компьютерные языки для взаимодействия людей и машин, а также дистанционно управляемое искусственное тело.

Этап Б (2020–2025 гг.) – в искусственное тело можно будет пересаживать мозг. По мнению некоторых ученых, мозг способен жить намного дольше, чем тело, – лет до двухсот-трехсот. Соответственно, человек с синтетическим организмом сможет прожить столько же.

Этап В (2030–2035 гг.) – будет разработана методика по переносу нематериальной структуры человеческого сознания в искусственное тело.

Этап Г (2040–2045 гг.) – появится некое виртуальное тело-голограмма[323].

«Аватар» – проект международный, в 2015 году в нем участвовали около 40 тысяч специалистов из разных стран (Россия, США. Германии, Япония и др.). Ицков заявил, что через 30 лет сделает

[322] Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.

[323] Сможет ли миллиардер Ицков сделать людей бессмертными к 2025 году // Российская газета. 2013. 27 июня.

так, что люди будут жить вечно, каждый будет иметь виртуальное нематериальное тело, не подверженное болезням и травмам, и если что-то не заладится, все можно будет исправить путем переселения в другое тело, сотворенное по бессмертному образцу. Однако иммортальный трансгуманистический мираж страдает, по крайней мере, двумя пробелами, затрудняющими реализацию амбивалентной духовно-материальной) модели ноосферного человека: одним духовным, другим материальным.

Первый пробел. В трансгуманистических сценариях как отечественных, так и зарубежных футурологов, нигде и никогда не упоминается об образовании, книжности, библиотеке, о проблемах познания, понимания, обучения. Логика трансгуманизма проста: если имплантированный гаджет может сделать восьмилетнего мальчика, без всяких усилий с его стороны, умнее, чем вся современная Российская академия наук, вместе взятая, то зачем в 2045 году содержать школы и библиотеки и, тем более, заставлять детей учить наизусть таблицу умножения и «Песнь о вещем Олеге»? Вопрос риторический, потому что в обществе бессмертных «постчеловеков» вообще не может быть ни «восьмилетних мальчиков», ни седовласых академиков. Выходит, что всего через три десятилетия, в 2045 году получится не обетованная ноосфера, а финал культурно-исторической эволюции, ибо проблемы рождаемости, воспитания и обучения новых поколений утратят актуальность, а культурное наследие человечества будет считаться «безумным суеверием». Такой мираж, естественно, нас не радует.

Второй пробел. Остается не раскрытым материально-энергетический источник существования обитателей ноосферы: за счет каких ресурсов трансгуманистический постчеловек будет сохранять свою идентичность и перемещаться в пространстве и во времени? Возникает мираж *автотрофного небиологического человека.* Концепция автотрофности человечества принадлежит В.И. Вернадскому и раскрывает его понимание взаимосвязи человека и ноосферы как среды его обитания. Физиологи различают *автотрофные* организмы, которые в своем питании ни от кого не зависят, и *гетеротрофные* – организмы, зависящие от наличия других живых существ, служащих для них пищей. Человек в качестве всеядного существа в настоящее время является гетеротрофным организмом и зависит от наличия в окружающей среде растительности или животных, которыми он может питаться. Следовательно, он неразрывно связан с биосферой. Автотрофность человечества достигается тогда, когда

оно обретёт независимость своего существования от окружающего живого вещества и *будет использовать для жизни энергию солнца, минуя живые организмы.*

В начале XXI века в связи с ростом численности населения и антропогенной экологической нагрузки на первый план выходят глобальные проблемы нехватки энергии и продовольствия. Строительство ноосферы за счет продуктов питания и почвенных покровов биосферы оказывается невозможным. Международная конференция ООН по проблемам окружающей среды (Рио-де-Жанейро, 1992) констатировала, что потребительская корзина планеты соответствует примерно одному миллиарду человек. Согласно же демографическим прогнозам, население планеты будет составлять к середине XXI века 8-9 или даже 10 миллиардов человек. В.И. Вернадский предвидел эту ситуацию и еще в 20-е годы заявлял, что человек «из существа социально гетерогенного должен сделаться существом социально автотрофным»[324]. Как это возможно практически?

Ответ В.И. Вернадского на этот вопрос опубликован в Трудах биогеохимической лаборатории в 1980 году[325]. Главный акцент автор делает не на том, что человечество научится синтезировать продукты питания, ресурсы энергетики и т.д. Это отодвигается на второй план. На первый же план выдвигается автотрофность человечества как космическая сущность живого вещества и природы самого человека. Вернадский эту сущность природы человека раскрывает на примерах спектра элементов, из которых строится живое вещество. Известно, что живое вещество содержит в себе свыше 60 элементов таблицы Менделеева, которые избирательно сочетаются в составе клеток животных, человека и растений. В.И. Вернадский ставит задачу: научиться синтезировать из изотопов неживой материи те углеводы, азотистые соединения, органические молекулы и т.п., которые включает в себя живое вещество, чтобы отказаться от уничтожения живых существ. Таким образом, открывается возможность постепенного формирования на нашей планете автотрофного небиологического человечества – создателя и обитателя гипотетической ноосферы. Трансгуманистическая ценность концепции автотрофности человечества, созданной великим

[324] Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: антология философской мысли. М., 1993. С. 302.

[325] Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. С. 228–245.

ученым, заключается в том, что она раскрывает материальный облик ноосферного человека и его место в космической эволюции рода человеческого на планете Земля[326].

Идеология трансгуманизма, помимо оптимистической мифологии, представленной красочными миражами, включает и мрачные предчувствия эсхатологического толка. Вот некоторые гибельные для человечества сценарии, которые обсуждались трансгуманистами:

Серая топь: самовоспроизводящиеся наномашины случайно выходят из-под контроля и пожирают всю биосферу, превращая ее в «серую топь»*(gray goo)*. В принципе, сравнительно легко встроить в наномашины предохранители, которые сделают такое развитие событий невозможным. Гораздо опаснее *черная топь (black goo)*, под которой понимают умышленно изготовленные разрушительные нанорепликаторы. Необходимы международные соглашения о нераспространении и всемирный контроль над использованием нанотехнологии. Хотя трансгуманисты, подобно сингуляритариям, желают создания сверхразума, но некоторые скептики опасаются, что сверхразум умственно будет столь чуждым и столь превосходящим человеческий разум, что станет затруднительно предвидеть или регулировать его мотивацию, даже если он захочет уничтожить всю разумную жизнь, включая себя. Вполне возможно, что в будущем с помощью генной инженерии будет создано еще более смертоносное биологическое оружие, чем мы имеем сегодня. Пацифисты надеются, что разработка вакцин и противоядий не будет отставать от разработки токсинов и возбудителей болезней, но вряд ли это можно гарантировать. Трасгуманисты-миротворцы утверждают, что предотвращение распространения оружия массового уничтожения должно иметь самый высокий приоритет для техногенной цивилизации. Помимо глобальной войны, способной уничтожить биосферу, легко представить себе «государство-изгой» или террористическую группу, использующих оружие массового уничтожения, чтобы вызвать панику среди гражданского населения и разрушить цивилизацию. Бесспорно, что на пути в ноосферу человечество ожидают и другие опасности, о которых мы пока не догадываемся.

Можно было бы еще долго продолжать рекогносцировку кибернетического пространства ноосферы, но мне кажется, что у нас уже достаточно аргументов в пользу опережающего образования

[326] Антонов Е.А., Харламов С.Ю. Концепция автотрофности человечества В.И. Вернадского: эволюция и перспективы развития // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Философия, социология и политология. 2009. № 6. С. 310–314.

в российской библиотечно-информационной школе. Полагаю, что здесь сомнения неуместны: чтобы преодолеть кризис библиотечной школы (см. 1.1.6), нам нужны не «умные» smart-технологии дистанционного обучения, а футуризация образования. Для правильного выбора целевой направленности библиотечно-педагогической деятельности, следует , во-первых, уяснить особенности российского пути из современного кризисного социума в туманное ноосферное царство; во-вторых, понять библиофутурологические альтернативы российской ноосферы.

3.4. Российский путь в ноосферу

Государственной власти, распоряжающейся основными экономическими и политическими ресурсами общества, принадлежит роль направляющей и организующей силы, поэтому, пытаясь предусмотреть будущее нашей страны, нельзя не учитывать государственные планы и программы. Нужно признать, что в планах и программах российской власти *никогда не фигурировала* ноосфера в качестве цели общественно-государственного прогресса. Выходит, обусловленная космической эволюцией *ноосфера* как среда обитания человека особого типа не вписывается в исторический маршрут России? Следовательно, не предполагается, что на Руси может народиться *человек ноосферный* – создатель и обитатель посттехногенной цивилизации и гуманистической культуры? Значит, никакого «российского пути в ноосферу» не существует? Не будем спешить с ответом и обратимся к официальным документам Российской Федерации.

3.4.1. Стратегические задачи Российской Федерации. В день своей инаугурации, 7 мая 2018 года вновь избранный Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Этот Указ нацелен на «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие страны» в ближайшей перспективе. С этой целью предусмотрено осуществление 12 приоритетных национальных проектов (программ) по направлениям: демография, здравоохранение, образование, жильё и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт. Перечисленные

направления представляют собой типичные атрибуты (неотъемлемые признаки) индустриальной цивилизации XX века. Следовательно, президентский Указ выражает государственную политику в области российской цивилизации. В Указе ничего не говорится о ноосфере, о книжной культуре и о библиотечной системе страны. Может быть, ни книги, ни библиотеки не потребуются Российской Федерации в обозримом будущем?

Ясно, что современная российская цивилизация относится к типу техногенных цивилизаций, а в указах Президента В.В. Путина присутствует стремление «прорваться» к посттехногенным научно-технологическим и социально-экономическим кондициям. Стратегические задачи, нацеленные на цивилизационные преобразования России, воплощены в пакете пяти президентских указов, действующих в настоящее время, а именно:

1. Основы государственной культурной политики (Указ от 24 декабря 2014 года);

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ от 31 декабря 2015 г.);

3. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ от 1 декабря 2016 г.);

4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Указ от 9 мая 2017 г.);

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ от 7 мая 2018 г.).

Перечисленные указы являются, конечно, директивными документами политической сферы, адресованы же они не только государственной власти, но и населению Российской Федерации. Это не «документы для служебного пользования», а «декларации о цивилизационных намерениях» верховного руководства, озабоченного национальной безопасностью страны перед лицом глобальных угроз человечеству. Поэтому, определяя будущее библиосферы, библиотечной профессии и библиотечно-информационной школы, будем учитывать обнародованные декларации.

Красной нитью через президентские политические документы проходят стратегические задачи: а) укрепление национальной безопасности Российской Федерации (защищенность личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз), путем, во-первых, усиления обороноспособности страны и закрепления за Россией статуса мирового лидера в условиях полицентричного мира;

во-вторых, развития национального согласия и совершенствования демократических механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; б) обеспечение демографического роста, повышение качества жизни и укрепление здоровья населения; в) трансформация науки и технологий в ключевой фактор экономического роста страны, переход к цифровым производственным технологиям (цифровой экономике), роботизированным системам, системам обработки больших объемов данных, внедрение машинного обучения и искусственного интеллекта, усиление государственной поддержки фундаментальной науки и опытно-конструкторских разработок; г) противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства; обеспечение надежной информационной безопасности, прогнозирование, предотвращение, отражение информационных угроз и ликвидация последствий их проявления; коррупция, наркоторговля и преступные посягательства на личную и государственную собственность относятся к угрозам государственной и общественной безопасности; д) государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации, она призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны; главным условием их реализации является формирование нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности.

В политических текстах Президента отсутствует упоминание о ноосфере, которую, напомню, мудрые мыслители называют «высшей ступенью интеграции всех форм существования материи» и «преобразованной трудом и разумом человека биосферой». В то же время эти тексты хорошо согласуются с технологической базой ноосферы, особенно с разделами 3.2.4. Время великих перемен и 3.2.5. От техногенной к посттехногенной цивилизации. Фактически в них просматриваются внешние контуры той «разумной оболочки» планеты, о которой мечтали богослов Тейяр де Шарден и натуралист В.И. Вернадский. Говоря о поддержке профессиональной творческой деятельности в области литературы, музыки, изобразительного искусства, киноискусства, В.В. Путин не забывает упомянуть о повышении роли музея, библиотеки, архива, театра, дома культуры в деле исторического и культурного просвещения и воспитания.

Однако всё же он отдает приоритет не гуманитарной проблематике, а материально-технической базе культуры и развитию информационно-коммуникационных технологий. Поэтому, строго говоря, стратегические указы, утвержденные Президентом, представляют собой программу построения не реальной ноосферы, а *квазиноосферы*, поскольку из них выпала ключевая проблема *выращивания человека ноосферного*, хотя основные ноосферные принципы декларируются.

Так, в указе *Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы* провозглашены классические ноосферные принципы: обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг; приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий; обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере. Целью Стратегии является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. *Общество знаний* понимается как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». В качестве информационных ресурсов, обусловливающих формирование общества знаний, предусмотрены индустриальный Интернет и Интернет вещей, оснащенные информационными технологиями без участия человека, облачные вычисления, обеспечивающие повсеместный и удобный доступ к сети Интернет и обработку больших объемов данных. Одним из центров информационного пространства общества знаний объявляется Национальная электронная библиотека (НЭБ) – федеральная государственная информационная система, представляющая собой совокупность документов и сведений в электронной форме, доступ к которым предоставляется через сеть Интернет[327].

Таким образом, руководством страны ставится стратегическая задача преобразовать индустриальную российскую цивилизацию в киберсоциум оцифрованных знаний и цифровой экономики, соответствующий квазиноосферной цивилизации XXI века. В этом социуме предусматривается широкое использование

[327] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. 27 с.

интеллектуальной робототехники, но ничего не говорится о *духовном, умственном и нравственном* развитии его членов. Нельзя согласиться с таким технократическим недомыслием. Ведь ноосферный человек должен быть в духовном отношении выше искусственного интеллекта, иначе вместо ноосферы получится *некросфера* – царство мертвых[328], а киберсоциум превратится в кладбище традиционных профессий умственного труда.

3.4.2. Похороны библиотечной профессии. В 2015 году две солидные научно-исследовательские организации – «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» и Московская школа управления «Сколково» совместными усилиями подготовили и опубликовали *Атлас новых профессий*[329]. Авторы аттестуют атлас как «альманах перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15–20 лет, который поможет понять, какие направления будут активно развиваться, какие в них будут рождаться новые технологии, продукты, практики управления и какие новые специалисты потребуются работодателям». В создании атласа приняли участие 2500 зарубежных и отечественных экспертов в 25 отраслях экономики. Первая часть атласа отдана описанию перспективных профессий, а во второй части перечисляются «профессии-пенсионеры», которые в течение ближайших 20 лет будут заменены «роботами, компьютерными программами и другими автоматическими решениями». В числе устаревающих в период до 2020 года интеллектуальных профессий называются: бухгалтер, статистик, корректор, турагент, дублер-каскадер, архивариус, библиотекарь. После 2020 года рынок труда должны покинуть юрисконсульты, нотариусы, экскурсоводы, журналисты, референты, переводчики, диагносты и др.

Эксперты считают, что в течение ближайших двадцати лет от трети до половины рабочих мест в индустриально развитых странах будут освобождены от людей-исполнителей[330]. Аргумент избавления от библиотекарей и архивариусов звучит очень просто: оцифровка всех библиотек и архивов с возможностью доступа к любой информации 24/7 из любой точки мира произведет революцию в архивном и библиотечном деле. В результате этой революции

[328] Соколов А.В. Ноосфера или некросфера: куда идет человечество? // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. № 2. С. 20–36.

[329] Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив; Московская школа управления «Сколково». М., 2015. 288 с.

[330] Овчинников В.В. Дорога в мир искусственного интеллекта. М.: Ин-т экономических стратегий Рубин, 2017. С. 288.

в штатном расписании «библиотеки будущего» функции комплектаторов, систематизаторов, библиографов, работников абонемента и прочих библиотекарей будут выполнять интеллектуальные роботы, а не библиотечно-информационные бакалавры. Значит, вполне резонно в государственных стратегиях приоритет отдается искусственному интеллекту, а о библиотекарях-библиографах нигде не упоминается. Ведь роботизация – глобальная тенденция, охватывающая все отрасли производства и обслуживания, и представляющая собой промышленную революцию, производительной силой которой служит искусственный интеллект.

Различаются три типа роботов: *программные* роботы, применяемые в неизменных условиях, *адаптивные* роботы, рабочие программы которых автоматически изменяются в зависимости от состояния окружающей среды, *суперинтеллектные* роботы (искусственный разум), способные к самообучению и самопрограммированию по результатам своего опыта. В отличие от программируемого искусственного интеллекта, который обрабатывает по заданным алгоритмам все подряд поступающие сообщения, искусственный разум оценивает важность поступающей информации, моделируя поведение «думающего» человека. Известны разумные роботы, которые могут убирать помещения, готовить пищу, водить автомобили и самолеты, в медицине применяются хирургические роботы-манипуляторы. В российских банках планируется внедрить систему управления эффективностью бизнеса и повышения вовлеченности сотрудников, основанную на искусственном интеллекте. На основании анализа корпоративной почты и опроса сотрудников система выдает рекомендации по продажам, оценивает персональный вклад сотрудников, сообщает о рисках[331]. Короче говоря, повсеместно, где требуется точное и оперативное выполнение алгоритмизируемых рабочих процессов, роботы превосходят людей и становятся господами производства.

Судьба библиотекаря в роботизированном обществе неоднозначна. Если его профессиональная деятельность сводится к выполнению рутинных механических операций (выдал книгу − получил книгу − поставил книгу на её место в фонде и т.д.), то живого «выдавальщика книг» вполне заменит робот. Если же библиотечное обслуживание включает творческие операции, требующие интуитивных решений и субъект-субъектного диалога, то исключить квалифицированного профессионала из автоматизированной

[331] Бизнес опутают нейросетями // Коммерсант. 2018. 18 мая.

библиотеки никак нельзя. Авторы-технократы цитированного выше «Атласа новых профессий» игнорируют воспитательно-просветительные функции педагога-библиотекаря и поэтому отправляют библиотечное сообщество на кладбище киберсоциума. С их приговором трудно спорить, потому что он выглядит логичным и соответствующим стратегическим задачам, провозглашенным в указах Президента В.В. Путина.

Например, в русле государственной политики по информатизации страны находятся рассуждения профессора Московского института культуры В.К. Степанова: «Деятельность библиотек, заключающаяся в сборе, хранении и обеспечении доступа к печатным изданиям теряет всякий смысл. Библиотеки дряхлеют, превращаются в оплоты крайнего консерватизма и откровенной казёнщины, обслуживая интересы самих библиотекарей, а не граждан, которые давно и совершенно справедливо избегают посещения подобных учреждений… Предполагать, что государство станет бесконечно финансировать ставший фактически ненужным социальный институт, бессмысленно – никакие финансовые вливания в устаревшую инфраструктуру не спасут её от окончательного разрушения, как никакая реновация не могла спасти сеть ямщицких почтовых станций после прокладки железной дороги»[332]. Сказано веско и решительно.

Действительно, в июле 2017 года с целью реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Правительство России утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации», где провозглашено: «данные в цифровойформе являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет». Следовательно, постиндустриальная российская цивилизация будет миром оцифрованной коммуникации и культуры, а человекочитаемые фонды письменности и печати станут музейными раритетами, подобно нумизматическим коллекциям. Школьные библиотеки перепрофилируются в терминалы Национальной электронной библиотеки с открытым доступом, а старомодные педагоги-библиотекари пополнят очереди на биржах труда.

Однако другие государственные программы отрицают вероятность столь скорбного финала российской книжной культуры.

[332] Степанов В.К. Библиотека и библиотекари в ближайшие двадцать лет, или В ожидании сингулярности // Науч. и техн. б-ки. 2018. № 1. С. 19–31.

Государственная политика Российской Федерации, выраженная в указах Президента В.В. Путина, многогранна, и наряду с превалирующим технократическим направлением, продиктованным геополитической обстановкой и макроэкономической стратегией, присутствуют гуманистические, национально-культурные, духовно-нравственные атрибуты российской цивилизации. Эти атрибуты убедительно представлены в «Основах государственной культурной политики» (2014), которые нацелены на обеспечение гармонии между образованием, наукой и обществом и передачу новым поколениям свода научных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро культурной самобытности российской цивилизации. Правда, о чтении роботов в «Основах» ничего не говорится, хотя проблема распознавания образов и символов – одна из традиционных в учении об искусственном интеллекте, а задача восприятия и «понимания» оцифрованных текстов имеет ключевое значение в компьютерном информационном поиске.

Стало быть, для успешного достижения стратегических целей, поставленных в указах Президента, необходимо согласование (возможно, даже интеграция) государственных программ развития цифровой экономики Российской Федерации и национальной книжной коммуникации, прежде всего, в области детского и юношеского чтения. Дело в том, что эти программы нацелены на развитие базисных составляющих российской цивилизации: человеческого фактора (российская нация) и компьютерной техносферы (информационно-коммуникационный фактор), отсюда их внутренняя взаимосвязь и единство. Выходит, что замена живого библиотекаря роботом-манипулятором отпадает, и приобретают актуальность выводы, сделанные профессором МГИК Натальей Викторовной Лопатиной в её докторской диссертации «Библиотекарь в профессиональной структуре общества: теоретико-методологический анализ», защищенной в 2015 году.

Убедительно звучат слова диссертанта: «Библиотекарь является базовой информационной профессией с продленным жизненным циклом, в недрах которой образуются новые и трансформируются существующие профессиональные направления и компетентностные комплексы. Применение модели профессионализации информационной деятельности к прогнозированию будущего библиотечной профессии доказывает невозможность её исчезновения, а также сохранение её базовых, сущностных элементов на качественно

новом уровне развития информационной деятельности»[333]. Если «исчезновение библиотечной профессии» невозможно, следует говорить не о похоронах, а напротив, о *ренессансе библиотечной профессии* в нетрадиционных условиях кибернетического пространства российской ноосферы. Возможны две формы ренессанса:

а. *Консервативный ренессанс*, исходящий из презумпции: мы не знаем, что такое ноосфера, но желаем остаться такими, какими мы есть сейчас;

б. *Конструктивный ренессанс*, соответствующий презумпции: выращивание ноосферного человека – педагогический вызов библиотечной профессии.

Таким образом, если отбросить нигилистическую версию (нет библиотек – говорить не о чём) вырисовываются два подхода к прогнозированию будущего библиотек – консервативный (неважно, как изменяется мир, мы сохраняем свою идентичность) и конструктивный (мы изменяем мир и изменяемся сами), которые предопределяют содержание опережающего образования. Рассмотрим эти подходы.

3.4.3. Консервативный ренессанс библиотечной профессии. В последние десятилетия в российском библиотечном деле распространилась практика составления «концепций развития на период 5−10 лет». В зависимости от объекта рассмотрения можно выделить четыре группы концепций: а) *локальные,* концентрирующиеся на отдельно взятой библиотеке, например, большой интерес вызвал проект Концепции развития Российской национальной библиотеки (РНБ) на 2018−2025 гг., который широко обсуждался библиотечной общественностью; б) *отраслевые,* соответствующие библиотекам определенного типа; в) *региональные,* охватывающие библиотечную систему республики (Карелия. Хакасия, Чувашия), края (Краснодарский, Красноярский, Ставропольский), области (Калининградская, Омская, Псковская, Ростовская, Самарская) в целом, либо только общедоступные библиотеки; г) наконец, *общероссийские* (национальные), распространяющиеся на всю библиотечную сеть страны.

Эти концепции, создаваемые руководящими органами культуры или инициативными библиотечными работниками на местах, имеют

[333] Лопатина Н.В. Библиотекарь в профессиональной структуре общества: теоретико-методологический анализ. Автореферат диссертации доктора педагогических наук по специальности 05.25.03 – Библиотековедение, библиографоведение и книговедение. М.: МГик, 2015. С. 13.

много общего. Они редко адресованы массовому читателю или коллегам-библиотекарям, а чаще всего учредителям и органам власти, от которых библиотеки находятся в административной и финансовой зависимости. Назначение библиотек понимается однозначно: формирование библиотечного фонда, соответствующего интересам пользователей, организация библиотечного обслуживания, информирование и предоставление образовательных и культурно-досуговых услуг, активизация общественной и культурной жизни всех слоев населения. Отсюда примерно одинаковая структура концепций, включающая стандартные цели и задачи, решаемые библиотеками, законодательную и нормативную базу, статистические данные, достигнутые успехи в обслуживании читателей и технологическом процессе. Упоминаются, конечно, и «вечные» библиотечные проблемы: недофинансирование, межведомственные барьеры, пробелы комплектования фондов, отставание в информатизации, низкий уровень оплаты труда, неудовлетворительная (аварийная) материально-техническая база. Иногда энтузиасты-библиотекари указывают риски, к которым может привести пренебрежение нуждами библиотек, а именно: невозвратимая утрата культурного наследия; разрыв с мировым сообществом в области науки; снижения уровня образования нации, усиление дегуманизации и криминализации молодежи.

К сожалению, убедительность библиотечных концепций умаляет тот факт, что они вовсе не являются теми концепциями, за которые их выдают благородные защитники библиотечного дела. В русском языке ***концепция*** понимается как «замысел, теоретическое построение; то или иное понимание чего-нибудь; система научных и политических взглядов»[334]. Концепции могут быть обращены в прошлое, настоящее, будущее, и если концепция посвящена осмыслению развития какого-либо объекта в грядущий период времени, то это концепция *прогностическая*. Так, «Концепция развития РНБ в 2018–2025 гг.», в сущности, должна представлять собой *прогноз* РНБ на указанное семилетие. Но этого не происходит. Дело в том, что те документы, которые сейчас именуются «концепциями» и претендуют на отражение «*будущего* развития наших библиотек», представляют собой не прогноз, а *справку-отчет* о *настоящем* положении того или иного учреждения. Главный дефект этих «концепций» в том, что в них отсутствует анализ ожидаемой динамики

[334] Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 242.

внешней среды, например, книжного рынка или состава читателей, поэтому нет расчетов роста фондов, изменения читательского спроса, потребности в кадрах, площадях, оборудовании и т.д. Короче говоря, разработанные библиотекарями «концепции развития библиотеки» прогнозами не являются, потому что их авторы не владеют методологией прогностики. Закономерно, что современные библиотековеды избегают термина «прогноз», хотя в «Библиотечной энциклопедии» имеется статья «Прогнозирование в библиотечном деле», где говорится, что это «деятельность по определению перспектив развития библиотечных объектов и явлений»[335].

Уместно вспомнить, что попытка научного подхода к прогнозированию библиотечного дела была предпринята Государственной библиотекой СССР имени В.И. Ленина в 70-е годы прошлого века. Полученные результаты изложены в сборниках научных трудов «Прогнозирование развития библиотечного дела в СССР» (Вып. 1–5. М,, 1972–1975), а также в статье одного из библиотекарей-прогнозистов[336]. Дальнейшие работы Библиотеки имени В.И. Ленина получили отражение в диссертации Е.И. Ратниковой «Методологические проблемы прогнозирования развития универсальных научных библиотек», защищенной в 1977 году, и в сборнике научных трудов «Научные основы организации исследований по прогнозированию и определению перспективных направлений развития библиотечного дела» (М., 1980. 127 с.). *Библиотечная прогностика*, понимаемая как методика разработки прогнозов в библиотеках, была освоена другими крупнейшими библиотеками страны, и у А.Н. Ванеева появились основания для вывода о том, что «в 80-е годы в библиотековедческих исследованиях возникло новое направление – библиотечная прогностика и комплексные исследования прогностической ориентации»[337]. Почему же сегодня вместо библиотечных прогнозов трудолюбивые авторы предлагают «концепции развития»?

Возможны три объяснения. Первое. В 90-е годы, когда директивно-плановая система управления культурой уступила место непредсказуемым демократическим и рыночным факторам, потребность в прогностических разработках отпала, и государственные органы

[335] Библиотечная энциклопедия / Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2007. С. 825.

[336] Ратникова Е.И. Эксперимент по прогнозированию в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // Библиотеки СССР. 1972. Вып. 53. С. 46–52.

[337] Ванеев А.Н. Разработка методологических и методических проблем библиотековедения (обзор публикаций второй половины XX в.) // Библиосфера. 2007. № 3. с. 47–52.

предпочли ориентироваться не на жесткие «прогнозы» и «программы», а на мягкие «концепции» и «стратегии». В 1992 году была опубликована «Концепция развития библиотечного дела на рубеже 2000 г.», которая уже не котировалась в качестве прогноза, подлежащего обязательной реализации, и концептуальный взгляд в будущее стал общепринятым. Второе объяснение: прогнозирование – занятие рискованное и непривычное, поэтому консервативные библиотекари предпочитают создавать путеводитель по библиотеке, а не заглядывать в неведомое будущее. Третье объяснение: простодушное недоверие к угрозам «великих перемен» и гуманистическим обещаниям ноосферы.

Классик социального прогнозирования в нашей стране Игорь Васильевич Бестужев-Лада (1927–2015), президент Российской академии прогнозирования (исследований будущего), разработал типовую методику, в которой различаются в зависимости от целевого назначения два типа прогнозов: поисковые (исследовательские, первичные) и нормативные (программные, вторичные). *Поисковый прогноз* нацелен на определение состояния прогнозируемого объекта в будущем при условии сохранения тенденций (трендов), действующих в настоящее время, а *нормативный прогноз* показывает, какими путями можно достичь желательного состояния объекта при учете факторов, выявленных на поисковом этапе. Допустим, поисковые исследования показали сокращение числа сельских библиотек в регионе, что было оценено как нежелательное явление. Тогда вступает в силу нормативное прогнозирование, регламентирующее выбор приемлемого способа реагирования. Принципиальное различие между поисковым и нормативным прогнозированием состоит в том, что первое ориентировано на познание научной истины, а второе – на утилитарный результат, поэтому поисковые прогнозы – итог научно-исследовательской деятельности, а нормативные прогнозы – программа целесообразных практических действий.

Советское и постсоветское библиотековедение не располагало научной методологией исследования будущего, труды И.В. Бестужева-Лады и других отечественных прогнозистов-футурологов были не известны, поэтому библиотечная прогностика базировалась на здравом смысле и жизненном опыте библиотекарей-практиков, не выходя на уровень поискового прогнозирования. Сложилась парадоксальная, вообще говоря, ситуация: библиотечная прогностика оперировала вторым, утилитарным этапом прогнозирования в отсутствие первого, исследовательского этапа. Замена термина

«прогноз» словосочетанием «концепция развития» позволила несколько сгладить это логическое противоречие, но пробел в процессе библиотечного прогнозирования все равно остался. До сих пор мы не владеем инструментами познания будущего, потому что в библиотечной науке нет теории прогнозирования, нет *библиофутурологии*, которая обеспечила бы направленность и методологию футурологических исследований. В библиофутурологическом обосновании особенно нуждаются конструктивные прогнозы.

3.4.4. Конструктивный ренессанс библиотечной профессии. Нетрудно догадаться, что «библиофутурология» – это учение («логия») о будущем («футурум») книжного и библиотечного дела («библио»). Подобное учение сегодня отсутствует, и даже вопроса об его формировании ни книговеды, ни библиотековеды, ни библиографоведы никогда не ставили. Думается, дело в том, что наши интеллигенты-книжники без каких-либо научно-прогностических обоснований абсолютно уверены в вечном существовании книг и библиотек. Иногда, правда, слышатся скептические голоса, но профессиональные библиотекари не склонны к ним прислушиваться. Поэтому ученым коллегам «библиофутурология» кажется лишним словом в библиотечно-книговедческом лексиконе. К тому же достоверность социального прогнозирования сомнительна. Патриарх отечественной философии *Теодор Ильич Ойзерман* (1914–2017) в одной из своих статей, проанализировав высказывания выдающихся мыслителей от К. Маркса и Ш. Фурье до Й. Шумпетера и Ф. Хайека, пришел к заключению: «действительно научное познание отдаленного будущего человечества фактически невозможно»[338]. Дело в том, что нельзя предусмотреть будущие открытия науки, а именно от них зависит, каким будет общество через 50, тем более 100 лет. Синергетики-футурологи, в свою очередь, объясняют принципиальные ограничения познания будущего тем, что поведение самоорганизующихся социальных систем спонтанно и непредсказуемо, подобно прогрессу в области искусственных технологий[339]. Скептикам кажется, что солидным ученым не к лицу заниматься сомнительными футурологическими фантазиями.

[338] Ойзерман Т.И. Возможно ли предвидение отдаленного будущего // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 8. С. 724.

[339] Сергеев С.Ф. Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 159.

Однако антифутурологический скепсис легко оспорить. В социальной прогностике бытует афоризм: «будущее невозможно предсказать, но его можно создать». Правда этого афоризма в том, что будущее – результат коллективной деятельности людей, которая чаще всего хаотична, но в принципе может быть целесообразно организована. Для этого нужно, во-первых, оценить желательность / нежелательность действующих трендов, то есть составить поисковый прогноз; во-вторых, перейти к нормативному прогнозированию для определения целесообразного порядка действий. В этом случае общество не только предвосхищает умозрительно свое будущее, но и способно реализовать практически желательный сценарий. Футурология превращается из «фабрики фантастических футуриблей» в *источник управленческой информации*, целесообразно направляющей общественную активность. В нынешних самодеятельных концепциях развития библиотек превалирует интуитивное предвидение, к тому же ориентированное на сохранение традиционного статус кво. Здесь научное обоснование не требуется, поэтому нет нужды в библиофутурологии. Другое дело – Концепция развития библиотечного дела в России, которая не может осуществляться на основе интуитивных озарений. Разработку общероссийской (национальной) Концепции следует начинать с уяснения (пусть в первом приближении) библиофутурологических ответов на следующие вопросы:

1. Что является ***объектом прогнозирования*** в Концепции: ведомственная библиотечная сеть Министерства культуры? все библиотеки страны, включая Национальную электронную библиотеку? библиосфера как национальная система книжной коммуникации? Если ответить «библиотека», то немедленно возникает проблема библиотечной идентичности. Бессмысленно рассуждать о будущем российских библиотек, не уразумев, какие качества делают данный объект библиотекой, а не кафе-шантаном или информаторием. Как идентифицировать учреждения, именуемые «библиотека», но не имеющие ни книг, ни читателей, ни библиотекарей? «Не верь глазам своим», – советовал Козьма Прутков[340], а что делать библиофутурологам? Приходится вспомнить, что отдельно взятых библиотек или даже библиотечных сетей реально не существует, а существует исторически сложившаяся библиосфера – «мир книг», включающий авторов и читателей, книгоиздательства и книжную

[340] Напомним мудрый афоризм: «Если на клетке слона прочтёшь надпись "буйвол", не верь глазам своим».

торговлю, библиографию и газетно-журнальную прессу, а также библиотеки разных сортов. Поскольку будущее библиотечного дела зависит от всей совокупности компонентов библиосферы, логично считать объектом библиофутурологии не абстрактную «библиотеку вообще», а ***библиосферу,*** представляющую собой «мир библиотек» во всей его системной полноте.

2. Какова должна быть ***социальная миссия*** библиотек в обществе будущего? В Концепции развития РНБ на 2018–2025 гг. было записано: «Историческая миссия РНБ – собирание, сохранение, предоставление в общественное пользование универсального фонда документов на всех видах носителей, отражающих накопленные человечеством знания и духовный опыт нации, и обеспечение гарантированного доступа настоящего и будущих поколений к интеллектуальным богатствам и знаниям»[341]. Здесь отождествлены «социальная миссия» и «технологическая функция». Комплектование фондов и обслуживание читателей – это не миссия, а технологические операции, которые свойственны всем библиотекам и во все времена.

Миссия, представляющая собой воздействие на духовность общества, не остаётся стабильной, а изменяется с течением времени. Так, социальная миссия РНБ в XIX веке была иной, чем в советский период, а какой она может быть в 2025 году, остается загадкой. Ясно только, что социальная миссия российских библиотек в обозримом будущем должна определяться вероятным прогностическим фоном. Прогностический фон, в свою очередь, зависит от того типа общества, в котором библиотекам предстоит существовать, и от того типа личности, с которым им предстоит взаимодействовать. Для того, чтобы определить прогностический фон, допустим, России 2025 года, требуется переработать огромные массивы прогностических предположений, предсказаний, утопий и антиутопий. Тем не менее, одну из главных тенденций можно предвосхитить. Особенно актуальна ***гуманизация*** российского гражданского общества, особенно если удастся реализовать идею интеграции архивов, библиотек, музеев на базе средств электронной коммуникации[342]. Библиотечный социальный институт, располагающий гуманистическими ресурсами национальной документированной памяти, может стать

[341] Концепция развития Российской национальной библиотеки на 2018–2025 гг. СПб.: РНБ, 2017. С. 3–4.

[342] Черный Ю.Ю. Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2016. С. 43–66.

гуманистическим оплотом нации, и желательно, чтобы *именно эта миссия нашла отражение в Концепции развития библиотечного дела в России*. Разработка стратегии использования книжных ресурсов для гуманизации нынешних и будущих поколений представляет собой ту генеральную цель, на которую следует ориентироваться библиофутурологии.

3. Конструктивный ренессанс библиотечной профессии тесно связан с проблемой ***выращивания человека ноосферного.*** Эта проблема имеет ключевое значение для построения ноосферы, потому что человек ноосферный не может сформироваться спонтанно, явочным путем по мере научно-технического прогресса. Тем более, что системный кризис индустриальной цивилизации, основными проявлениями которого являются экологический кризис биосферы и дегуманизация социосферы, не ослабевает, а напротив, усиливается с течением времени, подходя к критической отметке (см. параграф 2.2). Выращивание человека ноосферного – задача не биологическая, не политическая, а *педагогическая.* Эту задачу нельзя решить декретами власти. Ни Государственная Дума, ни Правительство Российской Федерации, ни Президент не могут сотворить своими директивами «человека ноосферного», хотя могут содействовать его появлению.

Структурные модели человека, сменявшие друг друга в процессе культурно-исторической эволюции, формировались инфраструктурными социально-коммуникационными институтами, к которым традиционно относятся: Церковь во всем многообразии конфессий, учений и сект; Образование (все виды школьных и внешкольных образовательных учреждений); Документосфера, включающая библиосферу, музеи, архивы. В XX веке к ним присоединилась Информационная сфера, состоящая из печатных и электронных изданий, радиовещания, телевидения, Интернета. Теоретические обобщения, накопленные в фундаментальной педагогике, психологии и социологии, конечно, необходимо использовать при разработке моделей человека ноосферного, но здесь не обойтись без участия специалистов в области библиосферы, документосферы, инфосферы. Именно этим лицам, в том числе, – библиотекарям, музейным и культурно-просветительным работникам, обеспечивающим социализацию и гуманистическое воспитание подрастающего поколения, предстоит обеспечить *человечность популяции реальной ноосферы.*

4. Нелепо представлять будущие библиотеки «на одно лицо» в виде «синтеза электронной и традиционной форм работы

с информацией». Библиофутурология не может не учитывать ***потребительскую типологию***, включающую, по крайней мере, пять типов библиотек: 1) Школьные, детские, молодежные библиотеки; 2) Общедоступные муниципальные библиотеки; 3) Отраслевые специальные библиотеки; 4) Национальные, федеральные и региональные научные библиотеки; 5) Библиотеки для инвалидов.

Будущее библиотек каждого типа зависит от различных культурных, социальных, экономических, политических факторов, поэтому нуждается в собственной методике прогнозирования, при учете общеметодологических библиофутурологических положений. Очевидно, что прогностический фон школьных библиотек в решающей степени будет определяться программами развития народного образования федерального и регионального уровня, в то время как общедоступные библиотеки должны ориентироваться на социально-демографические показатели читательского контингента. При работе с читателями публичным библиотекам рекомендуются методы библиотечного маркетинга, в то время как при работе с детьми приоритет принадлежит библиотечной педагогике. Отраслевые прогнозы научно-технических библиотек ставят во главу угла ожидаемый прогресс информационных технологий и изменения в информационных потребностях специалистов[343].

Нельзя не обратить внимания на то, что локальные концепции, инициативно выполненные библиотечными новаторами, иногда удивительно современны и соответствуют гуманистическим требованиям библиофутурологии. Примером может служить Концепция развития на 2012–2020 гг. муниципального бюджетного учреждения «Библиотека имени Маяковского» города Зеленогорска Красноярского края. В городе 62,5 тысячи жителей; библиотечная сеть включает 5 муниципальных библиотек, 11 школьных библиотек, 4 библиотеки специальных учебных заведений, 4 ведомственные библиотеки. Концепция утверждает, что «любая библиотека в качестве самостоятельного культурного и информационного центра вправе определять политику своей деятельности, руководствуясь при этом профессиональным этическим кодексом, местными социокультурными условиями и потребностями». Стратегия развития библиотечного обслуживания «обращена к личности читателей, независимо от их возраста, уровня образования, национальной

[343] Характерный пример: Редькина Н.С. Футур-прогноз развития технологии библиотеки в условиях формирования новой информационно-технологической парадигмы // Библиосфера, 2014, № 2. С. 53–58.

принадлежности», приоритетное внимание уделяется детям и юношеству, приобщению их к чтению и информационной культуре, развитию нравственного и гражданского самосознания. Муниципальные библиотеки, считая себя необходимым атрибутом демократичного общества, стремятся создать условия для постоянного диалога между населением и местной властью. Прогрессивные библиотекари не забывают о «внедрении новых информационных технологий во все сферы деятельности библиотек», так же, как о «распространении среди населения историко-краеведческих знаний».

Опыт библиотечного сообщества небольшого сибирского города свидетельствует о творческом потенциале профессиональных библиотекарей и позволяет увидеть решение организационного вопроса о прогнозировании библиотечного дела в России в *общественно-государственном партнерстве*. Для управления библиотечным делом в стране нужна ***многоуровневая система прогнозирования***, включающая: а) федеральную прогнозную концепцию – исполнитель: ведомства, владеющие библиотеками, при участии РБА, РШБА, НАББ; б) региональные библиотечные прогнозы – исполнитель: региональные органы власти при участии региональных библиотек; в) отраслевые и локальные концепции создаваемые по инициативе заинтересованных библиотечных коллективов и их собственными силами. Координация и научно-методическое руководство библиотечно-прогностической деятельностью в стране – функция РНБ и РГБ. Многоуровневая система библиотечного прогнозирования нужна для того, чтобы в сознание политиков, публицистов и бизнеса внедрить простую истину: *инвестиции в библиотечное дело – это инвестиции в человеческий капитал России, потому что библиотеки – гуманистический оплот нации.*

5. Библиофутурология не может обойти вниманием методы сбора прогностической информации, так сказать, «информации из будущего». Перечислим ***основные методы библиофутурологии и библиотечной прогностики***.

1. *Статистические методы* – научные методы описания, обработки и изучения массовых явлений, допускающих количественное (численное) выражение. Для обработки опытного статистическою материала иногда используются математические модели исследуемого явления, основу которых составляют идеи и методы теории вероятностей. Анализ направлений социальных процессов и внутренних факторов, вызывающих конкретные статистические результаты, весьма трудоемок. Так, читательская активность людей

характеризуется весьма многими параметрами и соответствующими распределениями – уровнем образования, местом в общественном производстве, уровнем доходов и др.

2. *Экстраполяция* – распространение в будущее установленных в прошлом прецедентов и закономерностей. Условием применения экстраполяции в библиосфере является относительная стабильность окружающей социальной среды, что соблюдается не всегда. Российская библиосфера переживает в настоящее время качественные трансформации, отрицающие прошлый опыт, поэтому области использования методов экстраполяции в библиофутурологии ограничены: их нельзя распространять на управленческие структуры и практическую технологию. Однако должна соблюдаться преемственность социальных функций и типологии организаций, образующих книжно-библиотечную отрасль постиндустриального общества, сохранена гуманистическая суть библиотечной педагогики и библиотечной этики. Проблема преемственности прошлого и будущего – одна из главных проблем библиофутурологии. Экстраполяция служит основой метода *моделирования*, заключающегося в построении математических или информационных моделей поведения исследуемой системы в разных задаваемых условиях.

3. *Экспертные оценки* – классическая и широко используемая методология социальной прогностики. Экспертные суждения страдают субъективностью, поэтому прогнозы часто окрашены эмоциями и стереотипами. Чтобы минимизировать субъективные факторы, разработаны довольно изощренные схемы и процедуры опросов. Примером может служить *метод Делфи*, предусматривающий участие большого количества экспертов – нескольких сотен человек и несколько итераций (эшелонов) опроса. Обработанные результаты первой итерации сообщаются экспертам, чтобы они могли внести коррективы в данные ими ранее ответы, затем обрабатываются результаты второй итерации, снова предъявляются экспертам и так далее несколько раз. В итоге получается коллективная, хорошо продуманная экспертиза. Менее сложная процедура применяется в методе *экспертных панелей*. Здесь организуется несколько групп экспертов численностью до 20 человек, которым предоставляются массивы информационно-аналитических материалов по прогнозируемым темам (панелям) и предлагается выразить свое мнение о вариантах возможного развития событий. Проще всего техника *мозгового штурма*, когда каждому из участников предоставляется право высказать любые идеи, вплоть до «сумасшедших»,

относительно путей разрешения данной, допустим, кризисной ситуации. Здесь ключевую роль играют организаторы штурма, которым предстоит извлечь из хаоса неупорядоченных высказываний нечто конструктивное.

4. *Аналитико-синтетическая переработка документов* заключается в сборе и систематизации авторитетных суждений по данной теме, содержащихся в общедоступных публикациях. Достоинство этого метода заключается в отборе авторов публикаций, среди которых, как правило, присутствуют основоположники и лидеры прогнозируемых направлений. Собранный массив документов может служить базой для *библиометрического анализа*, показывающего уровень разработанности данной темы, её популярность в научных кругах, конкурирующие школы и т.д. В обширных потоках публикаций, посвященных будущему Книги, Библиотеки, Библиографии, наверняка содержатся продуктивные и интересные соображения, поэтому аналитико-синтетическая переработка документов – распространенный метод библиофутурологии, без обращения к которому невозможны добротные библиофутурологические исследования. Дальнейшим развитием этого метода можно считать Форсайт-методологию.

5. *Форсайт* (от английского *foresight* – предвидение), интегрирует различные футурологические методы. Методология Форсайт зарекомендовала себя как наиболее эффективный инструмент выбора приоритетов в сфере науки и технологий, а в дальнейшем – и применительно к более широкому кругу проблем социально-экономического развития[344]. Видное место в повестке Форсайт-исследований занимает выявление и анализ крупнейших по своему значению *глобальных вызовов* – чрезвычайно масштабных и сложных проблем, с которыми человечество уже столкнулось и влияние которых, как ожидается, будет усиливаться. Они носят междисциплинарный характер и требуют координации действий различных органов управления на всех уровнях – от международного до отдельных регионов. При этом роль Форсайта заключается не только и не столько в выявлении «больших вызовов», сколько в поиске «больших ответов», то есть тех мер и инструментов политики, которые будут способствовать решению этих проблем наиболее эффективным образом. Методология Форсайта предусматривает не только

[344] Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15. Проблематика Форсайта представлена на страницах журнала «Форсайт», который издает Международный научно-образовательный Форсайт-центр Высшей школы экономики.

аналитико-синтетическое *размышление о будущем, но и разработку стратегического воздействия на будущее.* Поэтому в библиофутурологии именно Форсайт может стать главным методологическим инструментом. Научно-поисковой специфике библиофутурологии хорошо соответствуют также методы экспертных опросов и переработки документов, а количественные методы сбора статистических данных и экстраполяции хорошо отвечают требованиям библиотечной прогностики.

Подводя итоги рассмотрения конструктивного ренессанса библиотечной профессии, подчеркнем еще раз, что задача ***выращивания ноосферного человека*** должна быть в поле зрения библиотек всех типов, от сельских карликов до гигантских национальных библиотек. Однако главная и определяющая роль принадлежит библиотекам национального значения. Поэтому в современной научно-прогностической программе национальной библиотеки (вспомним «Концепцию развития РНБ») должны занять приоритетное место не типичные библиотечные технологии (они будут выполняться всегда по умолчанию), а *специфические* социально-культурные функции, предопределяющие сущность библиотек данного типа. Углубленный анализ показывает, что национальная библиотека должна выполнять в эпоху ноосферы следующие сущностные функции:

А. ***символьная функция*** – национальная библиотека является *символом идентичности нации* в пространстве человечества и в историческом времени (вечное хранение национальной памяти); именно в силу этой функции она способна стать *университетом российской ноосферы*;

Б. ***информационно-коммуникационная функция*** – оперативное и комфортное обеспечение современникам доступа к фондам национальной книжности;

В. ***институциональная функция*** – координационно-методическое и организационное обеспечение формирования *библиотечного института* нации, включающего практику, науку, образование, управление, отраслевую коммуникацию.

Именно этим функциям правомерно уделить главное внимание в реальных, а не декларативных, научно-прогностических концепциях национальных библиотек. Как же объяснить их отсутствие в «концепции развития», созданной в РНБ? Дело в том, что нынешнему библиотечному мышлению привычен и понятен метафорическо-мифологический, а не концептуально-логический стиль

познания действительности, поэтому библиотечная наука предпочитает исторические факты, а не умозрительные прогнозы. Написаны превосходные истории библиотек (особенно богата историческими шедеврами РНБ), но, к сожалению, нет ни одного футурологически ценного прогноза какой-либо российской библиотеки. Пора избавиться от такого дисбаланса. Вызовы ноосферной цивилизации побуждают расширить практику разработки и публичного обсуждения научно-прогностических концепций библиотек и других учреждений культуры на ближайшую перспективу. Эта практика должна способствовать консолидации профессионального сообщества, правильному пониманию культурной политики, укреплению общественно-государственного управления российской культурой.

Для того, чтобы достойно ответить на вызовы ноосферы, следует, во-первых, *изменить стиль* библиотечного мышления, и, во-вторых, на новой основе *разработать научно-методическое обеспечение* концептуального прогнозирования как отдельных библиотечных учреждений, включая национальные и федеральные библиотеки, отличающиеся ярко выраженной спецификой, так и территориально распределенных библиотечных сетей школьных, муниципальных, медицинских и прочих библиотек. Здесь решающая роль принадлежит библиотечно-библиографической науке, ибо прогнозирование будущего – одна из задач научного познания. Решать эту задачу можно посредством разных стилей мышления:

α. *Философско-культурологический* стиль, где книжность и человечность рассматриваются в контексте эволюции культуры и формирования ноосферы; к сожалению, этот стиль пока еще не освоен библиотековедами и библиографоведами;

β. Информационно-технологический стиль, раскрывающий технические и системные средства достижения гуманистических целей и свободный от технократической пошлости; основоположником этого стиля можно назвать «гениального мечтателя» Поля Отле;

γ. Гуманитарно-просветительный стиль – легендарный стиль библиотечной педагогики и самообразования, персональным воплощением которого является Н.А. Рубакин.

Освоение новых стилей библиотечного мышления и навыков концептуального прогнозирования требует координации, сотрудничества и научно-методического обеспечения в масштабе национальной библиосферы. Одобряя футурологический эксперимент коллектива РНБ, я рассматриваю его как повод для продолжения разговора о библиофутурологии как одной из библиотековедческих

дисциплин тем более, что еще не исчерпаны мистические библиофутурологические сюжеты. Например, *магия книги*, которая кажется мне «особенно сильным, хотя и эзотерическим, аргументом в пользу неискоренимой вековечности книжности в человеческом бытии» (см. раздел 2.1.3). Другой библиофутурологический сюжет я связываю с мифологемой *«вечная женственность».*

3.4.5. Библиотечная профессия и Вечная женственность. Совершенно очевидно, что ренессанс библиотечной профессии в любой его форме возможен только при условии наличия в библиотеках кадров, соответствующих требованиям ноосферы. Требования ноосферного общества делятся на два класса: А. Информационно-коммуникационное обслуживание клиентов по их библиотечно-библиографическим запросам; Б. Участие в формировании человека ноосферного, человека новой формации. Сервис класса А успешно осуществляется современными библиотеками путем предоставления локального или дистанционного доступа к документальным фондам по стандартным методикам. Требования класса Б не являются типовой библиотечной услугой, их можно удовлетворить только путем педагогического субъект-субъектного диалога, который не поддается стандартизации и алгоритмизации априори. Поэтому обслуживание класса А способен обеспечить консервативный библиотечный коллектив, а для реализации педагогической деятельности класса Б нужен конструктивный ренессанс библиотечной профессии. Готова ли профессия к подобному ренессансу?

Если обратиться к многочисленным статьям в библиотечной периодике и солидным библиотечно-профессиологическим трудам М.Ю. Матвеева[345], Д.К. Равинского[346], Э.Р. Сукиасяна[347], то подтверждаются общеизвестные факты. Библиотечная профессия – гиперфеминизованная «женская профессия», поскольку во всех странах женщины составляют более половины штатного персонала. В России, как правило, библиотекари и обслуживающий персонал – женщины, а директор, особенно в крупной библиотеке – мужчина. Кадровый состав библиотек на 90% состоит из женщин, но с повышением статуса библиотеки доля мужчин увеличивается, хотя в небольших

[345] Матвеев М.Ю. Имидж библиотеки и «вечные» проблемы библиотечной профессии // Вестник СПбГУКИ. 2004. № 1. С. 12–28; Матвеев, М. Ю., Равинский Д.К. Образ библиотеки в произведениях художественной литературы: Лит.-социол. очерки. СПб.: РНБ, 2003. 136 с.

[346] Равинский Д.К. Библиотека и вызовы XXI века. СПб.: РНБ, 2011. 132 с.

[347] Сукиасян Э.Р. Библиотечная профессия и кадровый менеджмент: избр. статьи 2004-2011. СПб.: Профессия, 2011. 430 с.

провинциальных и сельских библиотеках мужчин почти нет. Понятно, что библиотечное дело непривлекательно для мужских амбиций в силу низкой оплаты труда, невысокого социального престижа и множества монотонных рутинных операций. Неслучайно православные россияне покровительницей библиотечной профессии считают Ефросинию Полоцкую, которая свободное от молитвы время посвящала переписыванию рукописей[348].

В индустриальном обществе «женскими» считаются массовые «профессии сердца» (школьный учитель, социальный работник, медицинская сестра, продавец гипермаркетинга и др.), а «мужскими» – «профессии силы и ума» (военное дело, религия, наука, инженерия, бизнес и т.п.). Поскольку библиотекари не создают новое знание, а собирают и предоставляют книги по запросам читателей, в библиотечном деле особенно ценятся такие качества, как усидчивость, педантизм, аккуратность, внимательность, трудолюбие, выносливость, смысловая память, коммуникабельность, доброжелательность. Эти психологические качества присущи многим женщинам и открывают им путь в библиотечную профессию консервативного класса А. Беда в том, что консервативная женственность питает такие субъективные проявления системного кризиса индустриальной документосферы, как апатия, конформизм и пассивность библиотечных коллективов (см. 2.2.1 и 2.2.2). О прокладывании «российского пути в ноосферу» и об опережающем образовании в библиотечно-информационной школе в этом случае говорить не приходится.

Социологи свидетельствуют: «Сегодня в библиотеке работают в основном люди, которые чувствуют себя неуверенно в этом мире, характеризующиеся высокой степенью тревоги о безопасности и благополучии своих семей, их материальном положении. С другой стороны, они имеют «психологический доход», т.е. удовлетворяют свои потребности в общении, признании»[349]. Конечно, этих людей беспокоит мизерная зарплата, а низкий социальный статус профессии, профессиональное достоинство, – вряд ли. Правда, есть в библиотечной профессии альтруисты с более высокой энергетикой, о которых те же социологи сообщили: «Хотя сегодня модно работать не за идею, а за денежные знаки, все-таки библиотеки как

[348] Спиридонова М.П. Первая женщина-библиотекарь // Библиотека. 2002. № 10. С. 74–75.

[349] Потанина Е.А. Кто работает в библиотеке? // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 110.

учреждения культуры остаются местом работы людей увлеченных и оптимистически настроенных» (с. 111). По нашим оценкам, полученным в результате конкретно-социологических исследований[350], в библиотечных коллективах активные альтруисты, образующие «авангард профессии», составляют 10–12%, но они способны активизировать еще 30–40% своих коллег, и именно с ними имеет смысл вести речь о достоинстве феминизированной гуманитарной профессии.

Однако не приходится рассчитывать на то, что в российских библиотеках спонтанно и неожиданно появятся мужественные интеллигенты-книжники, которые, опираясь на ресурсы Национальной электронной библиотеки, сумеют осуществить конструктивный ренессанс и сделать библиотеки питательной почвой для выращивания человека ноосферного. Можно рассчитывать только на ту феминизированную профессию, которая исторически сложилась в наших библиотеках и представляет собой сейчас консервативную женственность. Нельзя ли консервативную женственность сегодняшнего дня преобразовать в *конструктивную ноосферную женственность*? Утопия, абсурд? Возможно. Но почему тогда в европейской культуре в течение столетий из поколения в поколение передается мифологема «вечной женственности»? Что я имею в виду?

Из всех ставших крылатыми строчек Иоганна Гёте наиболее популярным считается стих из второй части «Фауста» о «Вечной женственности» (Das Ewig-Weibliche), который Борис Пастернак перевел так:

Здесь – заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

Исследователи творчества великого поэта полагают, что смысл мифологемы состоит в том, что «Вечная женственность» способна управлять «миром мужчин» посредством примиряющего и просветляющего начала, которое в стихии любви растворяет мужской эгоизм. Вечная женственность трактуется как универсальный символ от идеала женщины как средоточия красоты и гармонии мира до олицетворения Божественной премудрости Софии. Прообразами Вечной женственности Гёте считаются всепрощающая Богоматерь и Беатриче из «Божественной комедии» Данте. В русской

[350] Соколов А.В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. СПб.: БАН, 2006. 584 с.

культуре образ Вечной женственности встречается в поэзии В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, А.А. Блока и других поэтов Серебряного века, которые почитали её как «лик вечной возлюбленной».

Вечная женственность занимает центральное место в философском и поэтическом творчестве Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900). Он отождествлял её с премудрой Софией и представлял в своей философии как «идеальное духовное тело человечества», а всемирную историю трактовал как «реализацию и воплощение Вечной женственности в великом разнообразии форм и степеней». Мистическому образу Вечной женственности В.С. Соловьев посвятил многие свои стихотворения, например. «Das Ewig-Weibliche» (1898):

Знайте же: Вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, –
Все совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.

Меня пленяет образ Вечной женственности тем, что его можно распространить на библиотечную профессию. На мой взгляд, ***сущность библиотечной профессии – это Вечная женственность***, из века в век сохраняющая пламя человеческого духа. Именно Вечная женственность сможет открыть нам путь в ноосферу и в Кибернетическое Бессмертие. Смущает, конечно, отсутствие «Вечной мужественности». Не можем же мы в библиотечно-информационной школе рассуждать о «Вечной женственности», не упоминая о мужской половине человечества. Я полагаю, что предание о «Вечной мужественности» существует, хотя соответствующего термина мы не знаем. Вечная мужественность – не что иное, как *героический эпос,* который присутствует в фольклоре всех народов. По словам Ю.Н. Столярова, эпос – это «героическое повествование о прошлом, представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир и героев-богатырей». Эпос Юрий Николаевич представляет в качестве одного из *истоков книжной культуры*[351]. Почему бы к истокам книжной культуры не добавить и мифологему о Вечной

[351] Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / под ред. В.Я. Рушанина. Челябинск: ЧГИК, 2017. 500 с.

женственности в разных её интерпретациях? Мог бы получиться интересный сюжет для опережающего приобщения студентов библиотечно-информационной школы к сокровенной правде библиотечной профессии.

Хочется разговор о женственности и мужественности в пространстве документосферы завершить в мемуарно-лирической тональности. Тем более, что «Ретроспектива-85» – это подарок к столетнему юбилею Петербургской библиотечной школы. Для меня вдохновляющим воплощением мифической Вечной женственности и магической Вечной мужественности всегда были друзья, коллеги, единомышленники, независимо от гендерной принадлежности. Какие-то недоумки хоронят библиотечную профессию. Какая чушь! Посмотрите на прекрасные черты российских интеллигентов-книжников и поймите, почему искусственный интеллект должен снять перед ними шляпу.

ГЛАВА 4. МЕМУАРНО-ЛИРИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Не злоупотребляя метафорами, я позволю себе назвать персонажи, о которых пойдет речь в настоящей главе ***«героями нашего времени»,*** потому что им можно адресовать слова классика антропологии Джозефа Кэмпбелла (1904–1987), сказанные им в эпилоге его знаменитой книги «Тысячеликий герой». Пытаясь представить подвиг, который предстоит совершить «герою нашего времени», Кэмпбелл написал: Подвиг современного героя заключается не в победе над саблезубым тигром, мамонтом или любым другим диким зверем, не в познании животного мира, растительного царства, небесных сфер, а в раскрытии «главной тайны» – человека как «неистощимой и поражающей разнообразием божественной сущности, которая и есть сама жизнь в каждом из нас. Современный герой, человек сегодняшний – тот, кто отважился откликнуться на зов и отправиться на поиски обители сущего, с которым должна свершиться наша общая судьба»[352]. Я знаю, что мои друзья, интеллигенты-книжники, женщины и мужчины – это подвижники библиотечно-информационного образования, посвятившие себя выращиванию человека ноосферного. Восхищаясь и удивляясь их научно-педагогическим подвигам, я посвящал им прозаические эссе и стихотворные зарисовки. Процитирую некоторые из них.

4.1. Друзей моих прекрасные черты

4.1.1. Акмеологические радости В.А. Бородиной. «*Акме*», как известно, слово древнегреческое, обозначающее вершину жизненного пути человека, на которой он высится как зрелая, состоявшаяся личность, раскрывшая свой творческий потенциал на радость современников и потомков. Во второй половине XX столетия в структуре человековедения заявила о себе *акмеология* (буквально «наука о вершинах»), объявившая целью построение правильной модели самосовершенствования и жизненного пути человека, которая приведет его к успеху. У истоков новорожденной науки стояли авторитетные психологи Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина и их многочисленные ученики. Быстро выяснилось, что для создания акмеологических моделей требуется интеграция естественных, гуманитарных, общественных, технических

[352] Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой / Д. Кэмпбелл. СПб.: Питер, 2018. С. 310.

областей знания[353]. В 90-е годы появились междисциплинарные кафедры акмеологии в вузах, вышли в свет учебники и научные монографии, была учреждена научно-общественная организация «Международная академия акмеологических наук», произошла дифференциация акмеологического знания на общетеоретическое основы, акмеологию управления, акмеологию образования, социальную, военную, психологическую, медицинскую, педагогическую и другие виды отраслевых акмеологий. Причем многие ученые связывали понятие «акме» не с возрастным периодом, наиболее благоприятным для достижения успеха в той или иной области деятельности, а с осознанием смысла жизни, которое мыслилось как «встреча субъекта с его творческим Я». Таким образом, акмеология соприкоснулась с экзистенциальной философией, и научно-исследовательская программа Психологического института РАО «Смысл жизни и акме» приобрела общенаучное значение[354].

Для меня было приятным сюрпризом узнать, что среди членов Международной академии акмеологических наук оказалась доцент кафедры социологии и психологии чтения СПбГИК ***Валентина Александровна Бородина.*** Благодаря её инициативе библиотечно-книговедческая проблематика нашла свое место в популярном и актуальном научно-интегральном контексте. Но этого мало. Подтверждая репутацию отважного первооткрывателя, В.А. Бородина подготовила и успешно защитила в 2007 году докторскую диссертацию на тему «Читательское развитие личности: теоретико-методологические аспекты». Исходя из убеждения, что задача библиотечного сообщества заключается в том, чтобы помочь становлению личности человека как читателя, она обосновала *акмеологическую концепцию чтения*, охватывающую читательские поколения как детей, так и взрослых россиян. Таким образом, обозначилось новое научное направление – *акмеологическое библиочитателеведение*, но им не исчерпывалась ценность диссертации акмеолога-читателеведа. Если акмеология чтения рассматривалась в психологическим ключе, который хорошо знаком доценту Бородиной[355], то теперь она решила обратиться к педагогической акмеологии[356]. В первом случае речь была об использовании акмеологического

[353] Акмеология: учебник / общая ред. А.А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 3.

[354] Симпозиум «Смысл жизни и акме: X лет поиска» // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 101–110.

[355] Бородина В.А. Психология чтения: учеб. пособие. СПб. : СПбГАК, 1997. 79 с.

[356] Педагогическая акмеология: коллективная монография. Екатеринбург: РГППУ, 2012. 251 с.

подхода в процессе библиотечного обслуживания, а во втором случае обосновывалась необходимость профессионализации библиотекарей особого профиля – *акмеологов чтения*. Отдавая себе отчет, что подготовка библиотекарей-акмеологов – чрезвычайно сложная научно-организационная задача, Валентина Александровна не ограничивалась теоретическими аргументами, а воплотила акмеологическую педагогику в многочисленные учебно-методические пособия и серии семинаров и мастер-классов для различных аудиторий.

Хотя библиоакмеология и акмеология чтения не были известны библиотековедам-классикам, но сама Валентина Александровна всегда помнила (и это – еще одна акмеологическая радость) о своих предшественниках, а точнее – единомышленниках, среди которых первое место принадлежит *Николаю Александровичу Рубакину* (1862−1946). Н.А. Рубакин – автор первых книг по *социологии чтения* «Этюды о русской читающей публике» (1895); «Крестьяне-самоучки. Очерк» (1898); «Письма к читателям о самообразовании» (1911; 1913; 1919) и основоположник *Библиологической психологии* (Психология читателя и книги) (1910; 1919; 1922; 1924; 1929). По эмоциональной оценке В.А. Бородиной и С.М. Бородина, «Николай Александрович Рубакин – главный акмеолог чтения, наше читательское всё». Свое приглашение Н.А. Рубакину занять первое место в рядах акмеологов чтения чета Бородиных подтвердила не только красивыми словами, но и памятником нерукотворным. В 2014 году они подготовили и с помощью Русской школьной библиотечной ассоциации (РШБА) выпустили в свет тиражом 1500 экз. *Хрестоматию*, включающую основные работы Н.А. Рубакина, публикации о его творчестве, комментарии к ним, библиографические и хронологические данные[357].

Юбилей – акмеологический праздник, точнее, – праздник личностного акме юбиляра. Юбилей – это повод для того, чтобы вспомнить вехи восхождения к вершинам и порадоваться творческим достижениям труженика и мыслителя. *Труженик и мыслитель* – вот главные акмеологические качества, которые органично присущи Валентине Александровне Бородиной. Окончив ЛГИК им. Н. К. Крупской в 1973 г. по специальности «Библиотековедение и библиография технических библиотек», она добросовестно прошла школу библиотечной практики и школу научного

[357] Николай Александрович Рубакин: Хрестоматия / авт.-сост. В.А. Бородина, С.М. Бородин. М. : РШБА, 2014. 424 с.

самообразования. Практически в инициативном порядке, без внешнего принуждения она подготовила и защитила диссертации кандидата педагогических наук (1982) и доктора педагогических наук (2007). Идею акмеологии чтения Валентина Александровна не заимствовала где-то на стороне, а выстрадала и вырастила в ходе собственной педагогической деятельности, психолого-педагогических экспериментов, самообразовательного чтения научной и художественной литературы, творческого сотрудничества с надежным и талантливым спутником жизни – Сергеем Михайловичем Бородиным (радуюсь семейному акме Бородиных!).

Знакомясь с библиографическими списками публикаций В.А. Бородиной, трудно удержаться от радостного удивления. Во-первых, удивляет авторская продуктивность труженика и мыслителя (сегодня её биобиблиографический указатель содержит 389 названий[358]). Во-вторых, пленяет педагогическая целеустремленность: начиная с научно-методических материалов «Динамическое чтение», опубликованных в 1974 г.[359], В.А. Бородина неустанно обучает читателей, адресуя им учебные пособия, практикумы, курсы, уроки, помогающие «овладеть всеми традиционными и нетрадиционными технологиями, чтобы формировать адекватную развивающую психосемиотико-коммуникативную читательскую среду для разных субъектов в соответствии с их потребностями»[360]. В-третьих, озадачивает широта **профессиональных интересов и общественных контактов п**рофессора кафедры библиотековедения и теории чтения, которая охватывает библиотечно-информационное обслуживание, библиотечную психологию, теорию и технологию читательского развития, акмеологию чтения, педагогическое мастерство библиотекаря-библиографа. В.А. Бородина не только член-корреспондент Академии акмеологических наук, но и член Международной ассоциации чтения, член Русской ассоциации чтения, председатель научной секции «Психология и педагогика чтения» Санкт-Петербургского Психологического общества. Еще раз повторю, что научно-педагогический подвиг Валентины Александровны Бородиной – это замечательный пример акме, то есть вершины личностной

[358] Валентина Александровна Бородина: биобиблиограф. указат. / сост. С.М. Бородин. СПб., 2017. 25 с.

[359] Бородина В.А. Динамическое чтение: науч.-метод. материалы. Л.: ВИКИ им. А.Ф. Можайского, 1974. 31 с.

[360] Бородина В.А. Теория и технология читательского развития в отечественном библиотековедении. М.: Школьная библиотека, 2006. С. 298–299.

самореализации, доступной российскому профессору библиотечной школы в начале XXI века.

4.1.2. Научные маршруты Т.Ф. Берестовой. Библиотечно-библиографическому сообществу нашей страны хорошо известна ***Татьяна Фёдоровна Берестова***[361;362]. В 1971 году она начала профессиональную деятельность в библиотеке Магнитогорского металлургического комбината в качестве библиотекаря, библиографа, затем заведующей библиографическим отделом. Училась на заочном отделении библиотечного факультета Челябинского института культуры, где её учителями были лидеры библиографической науки того времени Е.И. Коган и И.Г. Моргенштерн. Она творчески совершенствовала библиотечно-библиографические технологии, и уже в 1977 году опубликовала во всесоюзном журнале «Библиотекарь» первую свою статью об опыте проведения читательских конференций. Под руководством энергичного энтузиаста библиотека проводила исследования по групповому информированию работников комбината, результаты которых были успешно внедрены в практику и отражены в печати.

С 1981 года началась научно-педагогическая деятельность молодого специалиста в качестве старшего преподавателя кафедры библиографии Челябинского государственного института культуры и постоянного автора профессиональных журналов. Привлекает внимание содержательная статья об организации библиографической работы в филиалах ЦБС, опубликованная в межвузовском сборнике научных трудов (1984). В 1986 году она окончила заочную аспирантуру Московского государственного института культуры и возглавила кафедру библиографии. Татьяна Фёдоровна прошла научную школу профессора О.П. Коршунова и под его руководством защитила в 1989 году кандидатскую диссертацию на тему «Библиотечно-библиографическое обеспечение идеологической деятельности в трудовых коллективах». В 1991 году она стала деканом информационно-библиотечного факультета, где в сумбурные 90-е особенно ярко проявились её новаторские и организационно-педагогические способности.

---

[361] Берестова Татьяна Федоровна: биобиблиографический указатель / Челябинская государственная академия культуры и искусств; сост. Т.Н. Моковая, Е.С. Казанцева, Ю.Н. Трегубова. Челябинск, 2007. 84 с. (Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы).

[362] Берестова Т.Ф. Постижение. Избранное. 1977-2012 / Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск, 2012. 387 с.

Без преувеличения можно сказать, что Т.Ф. Берестова одна из первых советских библиотековедов занялась глубоким изучением проблем «библиотечный маркетинг», «профессиональное сознание библиотекаря и вступление в рынок», «рынок и подготовка библиотечных кадров», «платные библиотечные услуги», «рынок и библиотечное право», «заработная плата по результатам труда» и др. Совокупность её статей 1990-х годов представляет собой, фигурально говоря, «энциклопедию библиотечной микроэкономики». Однако не только рыночная экономика беспокоила декана. Ощутимо сократился приток абитуриентов на библиотечные специализации, что ставило под вопрос будущее факультета. Учитывая требования рынка, деканат решил расширить ассортимент педагогических услуг путем освоения специальностей книжной торговли, музейного дела, документного обеспечения органов управления. Информационно-библиотечный факультет был преобразован в факультет документальных коммуникаций, что позволило сохранить педагогический состав, открыть новые кафедры, остановить падение численности студентов.

Помимо библиотечно-экономических проблем, Татьяна Фёдоровна включила в круг своих научных интересов методологию информатики. Ей принадлежит приоритет в рассмотрении библиотек, прежде всего, общедоступных, в качестве элемента информационного пространства. Она ушла от технократической трактовки информационного пространства как совокупности баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-коммуникационных сетей и систем, и предложила собственное понимание информационного пространства, учитывающее библиотеки как исторически сформировавшейся центральный элемент социально-информационной структуры, обеспечивающий концентрацию, хранение и использование территориально близких и удаленных информационных ресурсов. Весомым вкладом в современную библиотечно-библиографическую науку стало докторское исследование Т.Ф. Берестовой «Общедоступная библиотека как часть информационного пространства: теоретико-методологические основания» (2005), где обоснована авторская концепция информационного пространства, рассмотрено его формирование и представлена элементная структура. Материалы исследования отражены в многочисленных статьях и книгах[363;364].

[363] Берестова Т.Ф. Общедоступная библиотека как часть информационного пространства: теоретико-методологические аспекты. Монография. Челябинск: ЧГАКИ, 2004. 461 с.

[364] Берестова Т.Ф. Информационное пространство библиотеки: Научно-методическое пособие. М.: Либерея-Бибинформ, 2007. 240 с.

В 2006 году Т.Ф. Берестова заняла должность проректора по научной и инновационной работе (НИИР). Вектор своей деятельности на новом месте она сформулировала афористично: «От инновационных проектов – до статуса инновационного вуза» (2009). Благодаря её усилиям в ЧГАКИ появились диссертационные советы, в том числе диссертационный совет по специальности «библиотековедение, библиография, книговедение», который она возглавила; повысился научный ценз профессорско-преподавательского состава, преодолевшего синдром «провинциализма»; активизировалась научно-издательская деятельность вуза. Как известно, проректору по науке по должности положено быть энциклопедистом, методологом, футурологом, и Татьяна Фёдоровна отлично освоила эти роли. Неслучайно ей присвоены звания «Заслуженный работник высшей школы» и «Заслуженный работник культуры».

Поистине, достойна удивления личная научно-педагогическая активность, продемонстрированная Т.Ф. Берестовой в период проректорства. В её лекторском расписании около десятка курсов, в том числе «Современные проблемы библиографоведения» и «Вторичные документальные ресурсы», «Информационная эвристика» и «Информационные потребности», «Методология исследований в сфере документальных коммуникаций» и др. Профессор Берестова – автор более 200 научных статей и книг по проблемам библиографии и библиотечного дела, информатики и культурологии, педагогики и науковедения. Хронологический список её публикаций показывает, как постепенно расширялись научные горизонты, как пытливый исследователь продвигался от обобщения практического опыта, от методики и технологии к теоретическим проблемам библиотековедения, библиографоведения, книговедения, документологии, информатики. О приоритетных направлениях научного творчества Т.Ф. Берестовой в наши дни можно судить по её выступлениям на международных библиографических конгрессах в 2010 и 2015 гг.[365;366], которые озаглавлены следующим образом:

- *Генетические основания интеграции библиографоведения и информатики (2010);*

[365] Берестова Т.Ф. Генетические основания интеграции библиографоведения и информатики // Труды Международного библиографического конгресса. Часть 1. СПб.: РНБ, 2012. С. 81-93.

[366] Берестова Т.Ф. Информационное ресурсоведение и ресурсоцентристская парадигма библиографоведения // Общетеоретические и футурологические проблемы библиографии… : Материалы II Международного библиографического конгресса. М.: Пашков дом, 2016. С. 47-63.

- *Информационное ресурсоведение и ресурсоцентристская парадигма библиографоведения (2015).*

Эти формулировки скрывают довольно сложное содержание, которое связано с вызовом информатизации, брошенным библиотечно-библиографическим традициям в середине XX века. В Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации», принятом Государственной думой в 1995 году, ***информатизация общества*** определяется как «организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов». Ясно, что библиография должна занять определенное место в теории, политике и практике информатизации. Какое место? Классическая библиографическая наука не задумывалось над этим вопросом, а для Татьяны Федоровны, идеолога неклассического библиографоведения, он имел ключевое значение.

Нельзя сказать, что классическая библиографическая наука не использовала термин «информационная библиография». Об интерпретации этого термина можно судить по содержанию вышедшего в свет в 1969 году учебника «Библиография. Общий курс» под редакцией М.А. Брискмана и А.Д. Эйхенгольца[367]. Отмечая дискуссионность понятия «библиография» (странное признание для вузовского учебника по библиографии), авторы предлагают формулировку: «Библиография – это одновременно наука и практическая деятельность. Предметом её научного изучения и содержанием её практики является сбор и распространение сведений об источниках информации (главным образом о произведениях печати) с целью пропаганды содержащихся в них фактах, знаний и идей или для того, чтобы такой пропаганде воспрепятствовать» (с. 10). Информационная библиография трактуется как один из видов библиографии, наряду с рекомендательной и критической. Реальным воплощением информационной библиографии считаются: государственная учетно-регистрационная, научно-информационная, массовая информационная подвиды библиографии. При отборе материала преследуется цель текущего информирования читателей.

[367] Библиография. Общий курс: учебник для библиотечных факультетов / под ред. М.А. Брискмана и А.Д. Эйхенгольца. М.: Книга. 1969. 560 с.

Соответственно термины «информационная библиография», «информационно-библиографическая работа» «библиографическая информация» используются в области библиографической деятельности, оперативно оповещающей о новых публикациях. При этом ретроспективная, рекомендательная, библиография библиографии и даже критическая библиография с библиографической информацией никак не связывались.

Научная революция в теории библиографии, произошедшая в 70-е гг., обусловила новое понимание информатизации, которое представлено в очередной версии вузовского учебника по общей библиографии, вышедшего в свет в 1981 году под редакцией О.П. Коршунова[368]. В этом учебнике в качестве исходного понятия выступает *библиографическая информация* – «информация о документах, выполняющая в конкретно-исторически обусловленных формах поисковую, коммуникативную и оценочную функции в системе документальных коммуникаций» (с. 25). Посредством понятия библиографической информации определяются библиографическая деятельность, все виды библиографической продукции, библиографоведение и библиография в целом как система различных видов деятельности,обеспечивающая функционирование библиографической информации в обществе. Очевидно, что «информация» понимается библиографами не как «коммуникационное сообщение, снимающее неопределенность», или «сигнал, циркулирующий в компьютерной технике», а как «умопостигаемый смысл, содержащийся в сообщении», то есть в качестве *семантической* (смысловой) информации. Библиографическое сообщение ни в коем случае не может быть бессмысленной информацией. Отсюда следует, что библиография – одна из областей социальной информации, а библиографоведение – наука информационная, и никакого другого библиографоведения, кроме *информационного библиографоведения,* в природе не существует. Представляется, что Т.Ф. Берестова, располагающая библиографию на вторичном уровне информационного пространства, не станет возражать против подобного вывода, ведь в информационном пространстве «неинформационных учений» быть не может, как не может быть «непротяженных» предметов в геометрическом пространстве.

Однако, помимо человекочитаемой семантической информации, в социальном информационном пространстве должно быть

[368] Библиография. Общий курс: учебник для библиотечных факультетов / под ред. О.П. Коршунова. М.: Книга, 1981. 511 с.

место и для других видов информации, прежде всего, – для машинной информации, циркулирующей в электронных коммуникационных сетях. Коллекции мультимедийных электронных документов (тексты, изображения, звукозаписи, аудиовизуальные записи) накапливаются в электронных библиотеках. Классическое библиографоведение имело дело с карточными каталогами и печатными библиографическими пособиями, а ныне внедрение информационных технологий привело к созданию локальных информационно-поисковых систем, включающих машиночитаемые библиографические, справочные и полнотекстовые документы, и формированию виртуальных справочно-библиографических аппаратов, обеспечивающих в режиме онлайн доступ к национальным информационным системам. Здесь возникает новое и перспективное поле для взаимодействия библиографоведения и информатики, результат которого логично назвать *библиографической информатикой*. Почему не «информационным библиографоведением»? Потому что в данном случае речь идет не об использовании информационной методологии для развития библиографической теории, а о становлении нового направления в рамках информатики. Тут актуальны проблемы управления большими данными и метаданными, овладение облачными вычислениями и технологиями долговременного хранения машиночитаемой информации, использования робототехники и искусственного интеллекта. Решение этих проблем требует творческого участия специалистов-информатиков, разумеется в сотрудничестве с опытными библиографами.

Следовательно, говоря о теории и практике информатизации в области библиографии, следует различать профессиональное мировоззрение, представленное в содержании профессионального образования и парадигме отраслевой науки, и использование принятых в современной информатике информационных (компьютерных, цифровых) технологий для осуществления традиционных библиотечно-библиографических процессов. В первом случае имеет место генетическая преемственность с неклассическим библиографоведением, например, школой О.П. Коршунова (здесь уместен термин «информационное библиографоведение); во втором случае осуществляется экспансия информатики в область библиографии (здесь уместно сказать «библиографическая информатика», аналогично «экономической информатики» или «геологической информатики»). Т.Ф. Берестова в своих публикациях не использует данные неологизмы, но маршруты движения её творческой мысли так или

иначе направлены то в сторону информационного библиографоведения, то в сторону библиографической информатики. Приведем несколько примеров.

1. Выявление закономерностей природы, общества, мышления – главная цель научного познания, и всякая наука стремится к выявлению объективных законов возникновения, развития, трансформации изучаемых предметов. В отличие от большинства ученых библиографоведов и информатиков Татьяна Фёдоровна осознает требования научной методологии и тщательно формирует целостную картину информационной сферы, где действуют отраслевые информационно-документальные законы. Высоким научно-методологическим уровнем отличается её постановочная статья «Законы формирования многоуровневой структуры информационного пространства и функции информации» (2009)[369]. Исходя из аксиомы, что информация – это средство преодоления объективных противоречий между человеком, социумом и природой и инструмент адаптации человека к окружающему миру, она показывает, что большинство информационных явлений предназначены для преодоления информационных барьеров, отсюда – функциональная специализация таких социальных институтов, как библиотеки, архивы, музеи, службы научно-технической информации и библиографии.

2. Сущностное единство метаданных и библиографической информации Татьяна Фёдоровна раскрывает в серии публикаций, которые в равной степени важны и для информационного библиографоведения и для библиографической информатики[370]. В результате тщательного анализа и сопоставления дефиниций метаданных с определениями библиографической информации выяснилось, что большинство авторов (но далеко не все), во-первых, признают вторично-информационную природу метаданных, полагая их «данными о данных», то есть «информацией об информации»,

[369] Берестова Т.Ф. Законы формирования многоуровневой структуры информационного пространства и функции разных видов информации // Библиография. 2009. № 5. С. 32–47.

[370] Берестова Т.Ф. Что скрывается за термином «метаданные»? // Вестник культуры и искусства. 2017. № 1. С. 7–11; Она же. Сущностное единство метаданных и библиографической информации // НТИ. Сер. 1. 2017. № 2. С. 1–12; Она же. Метаданные и библиографическая информация как информационные ресурсы. Статья 1. От библиографической информации к метаданным // Библиография. 2017. № 2. С. 18–27; Она же. Метаданные и библиографическая информация как информационные ресурсы. Статья 2 // Библиография. 2017. № 4. С. 28–46.

и, во-вторых, считают метаданные разновидностью электронных информационных ресурсов, поскольку они зародились в процессе компьютерной информатизации. Тем не менее, задача сущностного дефинирования понятия «метаданные» остается актуальной, ибо явление метаданных многообразно.

Т.Ф. Берестова предлагает решить эту задачу следующим образом: во-первых, найти источники появления и всесторонне описать родовые свойства и функции метаданных, во-вторых, определить специфичность реализации этих свойств, в-третьих, выявить видовую функцию метаданных, которая отличает эту разновидность вторичной информации от всех других, и которая объяснит причину её появления. Анализ показал различие между двумя феноменами вторичной информации: библиографическая информация – это семантическая информация, в подавляющей своей части выраженная естественным языком, а метаданные, – это машинная информация, чаще всего, созданная с помощью искусственных языков. Общность семантической и машинной информации основана на том, что любая социальная информация существует только в социуме (человеческом обществе) и она выражает смыслы. Семантическая информация – это источник знаний, это смыслы, представленные в виде человекочитаемой информации. Машинная информация также выражает смыслы, но через машиночитаемые знаки. Смыслы машиночитаемой информации связаны с командами, а передаются они в виде электрических импульсов по алгоритмическим программам и воспринимаются компьютером, если он снабжен соответствующим программным обеспечением. В итоге был сделан вывод, что метаданные – это тексты особого информационного языка, который функционально идентичен библиографическому языку. Отвлекаясь от деталей, можно признать истинным следующее утверждение: *метаданный текст – это машиночитаемая библиографическая информация.*

3. Экскурс в документологию – закономерный эпизод в информационно-библиографическом научном поиске Т.Ф. Берестовой. Классическое библиографоведение было *книгоцентричным*, оно возникло и развивалось в русле книжной коммуникации, точнее – библиосферы. Информатизация общества в середине XX столетия привела к возникновению информационной сферы и информационного пространства, которые резонно назвать *ресурсоцентричными*, поскольку они концентрируются вокруг информационных ресурсов. Напомним дефиницию, разработанную Т.Ф. Берестовой:

«*Информационный ресурс* – долговременное хранилище, способ тиражирования и передачи смыслов, выраженных человекочитаемыми и машиночитаемыми знаками, целенаправленно созданное для использования в качестве ресурса / средства определенной деятельности и потому имеющее ярко выраженные потребительские ценности»[371]. Непосредственный скачок из книгоцентристской библиосферы в ресурсоцентристскую инфосферу, т.е. преобразование мира книг в информационное общество по формуле «Книга → Информационный ресурс» практически невозможно. Нужна промежуточная инстанция. Документосфера способна стать такой инстанцией, и тогда получается эволюционная преемственность «Книга → Документ → Ресурс». В этой формуле «Документ» – неизвестная переменная величина, которая не могла не привлечь внимания вдумчивых интеллигентов-книжников.

Татьяна Фёдоровна, естественно не осталась в стороне и посвятила ряд публикаций сущности и функциям документов в социальной и электронной среде. Документ она представила как феномен естественной эволюции информационного процесса, как инструмент сохранения семантической информации и, обобщив многочисленные дефиниции различных авторов, предложила лаконичную, но весьма содержательную формулировку: *«Документ – зафиксированная семантическая информация»*[372]. Достоинство данной дефиниции Документа заключается в том, что она может распространяться как на книжную коммуникацию, так и на коммуникацию электронную, что подтверждает теоретически важный вывод о посреднической роли Документа в формуле «Книга → Документ → Ресурс».

4. Научная интеграция библиографоведения и информатики – одна из актуальнейших проблем в системе документально-коммуникационных наук. Необходимо отметить, что Татьяна Фёдоровна, пожалуй, первой из наших теоретиков-библиографоведов обратила внимание на логически обусловленный и стихийно происходящий процесс интеграции библиографического и информационного знания. Задумываясь о перспективах межнаучного взаимодействия, она пришла к выводу, что формирование постиндустриального

[371] Берестова Т.Ф. Понятие информационные ресурсы и другие компоненты теории информационного ресурсоведения // НТИ. Сер. 1. 2016. № 4. С.5.

[372] Берестова Т.Ф. Документ: методологические основания изучения, предыстория возникновения, сущность и явление // Науч. и техн. б-ки. 2011. № 10. С. 42–54; Она же. Документ: функции, определение, особенности функционирования в электронной среде // Науч. и техн. б-ки. 2011. № 11. С. 24–39.

информационного общества настоятельно диктует осуществить конвергенцию наук об информации и традиционных наук документально-коммуникационного цикла. Для этого требуется адаптировать библиографическую практику к условиям повсеместной информатизации, согласовать и даже совместить основополагающие положения библиографоведения и информатики, наконец, добиться уточнения и сближения основных понятий и терминологии всех научных учений, связанных с документальными формами коммуникации, и информационно-коммуникационных дисциплин. Короче говоря, речь идет о межнаучном взаимодействии Информационного библиографоведения и Библиографической информатики.

Информационное библиографоведение – это современное, неклассическое состояние учения о библиографической информации, традиции которого заложены в XX столетии. Предметами этого учения являются библиографические языки и классификации, свертывание и развертывание первичных документов, информационный анализ документальных потоков, потребности в библиографическом обслуживании, библиографическая эвристика, релевантность, пертинентность, стратегии библиографического поиска и т.д. Цель информационно-библиографических исследований – выявление сущности и законов библиографии как поисковой инфраструктуры библиосферы. Библиографическая информатика концентрирует свое внимание на машиночитаемых метаданных и новейших информационных технологиях, то есть на *средствах* осуществления информационных процессов. Информационное библиографоведение стремится познать *цели*, которым должна служить библиографическая информация, независимо от материальной формы её воплощения и средств реализации. Следовательно, межнаучная интеграция обеспечит повышение эффективности библиографического обслуживания информационного общества и целесообразного использования его информационных ресурсов.

5. Информационное ресурсоведение как новое научное направление является авторской теоретической разработкой Т.Ф. Берестовой, о которой она заявила на II Международном библиографическом конгрессе и в статьях на страницах журнала «Научно-техническая информация»[373]. В своем докладе на II Библиографическом

[373] Берестова Т.Ф. Информационное ресурсоведение как новое научное направление: постановка проблемы // НТИ. Сер. 1. 2015. № 7. С. 1–9; Она же. Понятие «информационные ресурсы» и другие компоненты теории информационного ресурсоведения // НТИ. Сер. 1. 2016. № 4. С. 1–6.

конгрессе Татьяна Фёдоровна предсказала формирование ресурсоцентристской парадигмы в библиографоведении. Эта парадигма послужит предпосылкой для перехода Документ → Ресурс, и развития нового научного направления, которое она предлагает назвать «Информационное ресурсоведение». Актуальная проблематика теории информационного ресурсоведения на этапе её становления заключается в выявлении сущности, свойств и функций информационных ресурсов, их классификации и разработке терминологической системы.

Сегодня информационное ресурсоведение развивается как часть информатики, но к информационным ресурсам сплошь и рядом обращаются представители различных учреждений и структур (журналисты СМИ, работники рекламных агентств, телекоммуникационных сетей и связи, библиотекари, библиографы, книгоиздатели, книгопродавцы, работники архивов и музеев и др.). Поэтому информационное ресурсоведение в перспективе может стать обобщающей теорией (метатеорией), аналогичной документологии, что предполагает привлечение к его разработке специалистов всех наук документально-коммуникационного цикла. О востребованности новаторской идеи «информационного ресурсоведения» свидетельствуют предложения зарубежных научных центров о её публикации в их изданиях. Так, статья Т.Ф. Берестовой об исходных теоретических понятиях информационного ресурсоведения принята к публикации в журнале «Global Journal of Computer Science and Technology».

Чтобы немного скрасить педантизм научного дискурса, позволю себе завершить его лирическим постскриптумом, посвященным Татьяне Федоровне, которая всегда была для меня воплощением Вечной женственности.

Если Вам станет скучно, вспомните Вашу тезку,
Читательницу романов, пушкинский идеал, –
Сшейте новое платье, слегка измените прическу,
И Вас пригласит Онегин на новогодний бал.

Если Вас удручают безумства бюрократизма,
Если от диссертаций голову не поднять,
Верьте, что именно Завтра примчится из стран футуризма –
Капризная птица счастья, счастья грядущего дня.

Завтра Вы сможете снова собрать урожай тюльпанов
И вновь в виртуальном пространстве рассеять идей семена;

А спросит ревниво Онегин: куда подевалась Татьяна? –
Ответят ему туберозы: науке она отдана!

Дни пролетают за днями, и годы идут деловито,
И строится юбилеев солидная череда,
Но будьте по-прежнему между: между сегодняшним бытом
И ослепительным Завтра, зовущим Вас в путь, как звезда.

4.1.3. Человек родом из героического поколения (А.В. Ванеев). Героическое поколение библиотечной интеллигенции – составная часть советских книжников, духовное формирование которых происходило в 30-е – 40-е гг. «Бойцы книжного фронта» того времени были в авангарде культурной революции, воспитывали советских людей в духе коммунистической партийности, непримиримо боролись с враждебной пропагандой. На их долю выпали испытания Великой Отечественной войны и организация грандиозной общегосударственной библиотечной системы. Практика библиотечного строительства сочеталась с теоретическими новациями, воплотившимися в «социалистическом библиотековедении», одном из исторически обусловленных достижений отечественной библиотечной мысли. ***Анатолий Николаевич Ванеев*** по своим биографическим данным кажется типичным представителем героического поколения советской библиотечной интеллигенции. Его органическая укорененность в библиотечной профессии – несомненный факт. Однако внимательное рассмотрение траектории его научных изысканий показывает, что она вовсе не типична, а своеобразна. Её своеобразие в том, что она затрагивает сущность библиотечной науки и указывает вектор её дальнейшего развития. Перечитаем еще раз научные труды Анатолия Николаевича.

1. Практика методической работы. Люди по-разному приходят в библиотечную профессию. Воин-победитель Анатолий Ванеев, украшенный боевыми солдатскими медалями «За отвагу» и «За взятие Кенигсберга», в феврале 1946 года пришел в Кировскую областную библиотеку имени А.И. Герцена для того, чтобы остаться здесь на долгие 17 лет. В своих воспоминаниях, спустя многие годы, бывший солдат написал: «Без всякого преувеличения можно сказать, что библиотека имени А.И. Герцена определила мою судьбу, мое призвание. Даже своим специальным образованием я, в основном, обязан не только институту (я учился в Московском библиотечном институте заочно), сколько работе в библиотеке, учась у опытных

сотрудников, у лучших библиотекарей массовых библиотек области. Это были настоящие интеллигенты, энтузиасты и подлинные знатоки своего дела»[374].

А.Н. Ванееву повезло. Директор библиотеки К.М. Войханская сумела создать дружный, работоспособный, квалифицированный библиотечный коллектив, где поощрялись профессиональный рост и самостоятельное мышление сотрудников. Для библиотечного новобранца Ванеева областная библиотека стала подлинным университетом профессионального мастерства. Ему посчастливилось поработать в отделе обработки, библиографическом отделе, методическом отделе. Его трудолюбие, добросовестность, творческие способности не остались незамеченными, в 1957 году А.Н. Ванеев стал заместителем К.М. Войханской и прошел школу эффективного «библиотечного менеджмента» под её непосредственным руководством.

Библиотечная практика – незаменимый фундамент библиотечного профессионализма, но совсем не обязательно ограничиваться фундаментом. В 1962 г. А.Н. Ванеев решил посвятить себя научно-педагогической деятельности и перешел на должность штатного преподавателя учебно-консультационного пункта (УКП) Ленинградского государственного института имени Н.К. Крупской в Кирове. Богатый практический опыт послужил Анатолию Николаевичу источником для подготовки серии публикаций в профессиональной печати. Внимание коллег привлекли статьи об опыте методической работы, где автор убедительно доказывал, что «внедрение передового опыта – важнейшая задача методического руководства» (Библиотеки СССР. Опыт работы. 1964. Вып. 26); что нужно «глубже раскрывать передовой опыт» (Библиотекарь. 1965. № 4) и т.д. В 1966 г., как бы отмечая 20 лет пребывания в библиотечной профессии, А.Н. Ванеев успешно защитил в МГИК кандидатскую диссертация на тему «Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР». Углубляя и расширяя свою эрудицию в области методической деятельности, молодой ученый предлагает способы оценки эффективности труда библиотечных методистов (Технические библиотеки СССР. 1967. № 1), пишет учебное пособие для студентов «Методическое руководство библиотеками» (Л., 1968. 41 с.). В 1969 году А.Н. Ванеев покинул родную Вятку, чтобы на берегах Невы занять должность доцента кафедры библиотековедения.

[374] Ванеев А.Н. История библиотечного дела и библиотековедения: сб. ст. СПб.: Изд-во РНБ, 2013. С. 269.

Казалось бы, достигнув научно-педагогической зрелости и заслужив репутацию авторитетного специалиста в области научно-методической деятельности, Анатолий Николаевич может позволить себе сосредоточиться на дальнейшем совершенствовании системы методического обеспечения библиотек и изучении содержания труда библиотечных методистов. Библиотечно-методическая работа привлекательна тем, что она требует не только умения адаптировать известные решения к условиям конкретной библиотеки, но и способности при отсутствии готовых решений инициативно разрабатывать и внедрять нужные новшества. Казалось бы, управление библиотечными системами, раскрывающее широкий простор для творческой самореализации, должно было целиком и полностью увлечь доцента Ванеева, в недавнем прошлом методиста-практика, а теперь теоретика-методолога библиотечно-методической деятельности. Но этого не произошло. Почему-то управленческая проблематика не стала главной и единственной в кругу научных интересов Анатолия Николаевича. Она осталась в этом круге, но в роли периферийного, хотя и немаловажного элемента. А на первое место, надо признать, совершенно неожиданно, выдвинулась *история библиотековедческой мысли*, на которую до Ванеева никто из солидных библиотековедов не обращал особого внимания. Историей библиотек, историей библиотечного дела, наконец, историей библиотечной науки ученые люди занимались, но «история мысли»?... Странный неологизм.

2. История библиотековедческой мысли. Какими рационально взвешенными мотивами руководствовался библиотечный методист Ванеев, когда принимал решение посвятить себя изучению истории библиотековедческой мысли? Могу предложить только одно объяснение: Ванеева, честного искателя истины, привлек поиск ***сущности*** библиотековедения, скрытой за технологическими, идеологическими, управленческими явлениями. Что такое сущность библиотековедения? В учебнике Н.С. Карташова и В.В. Скворцова «Общее библиотековедение» сказано: «Сущность библиотековедения – это генерируемая логико-абстрактным мышлением категория, раскрывающая квинтэссенцию основного истинного и объективного его содержания, объединяющая с помощью различных теоретических форм мышления все необходимые, значимые стороны, свойства, связи, присущие ему как науке, в некоторую органически неразделимую целостность и единство»[375]. Формулировка довольно

[375] Карташов Н.С., Скворцов В.В. Общее библиотековедение: учебник: в 2 ч. М.: Изд-во МГУК, 1996. Ч. 1. С. 26.

замысловатая, но, если устранить «философические излишества», можно понять, что сущность библиотечной науки заключается в поиске такой категории, которая раскрывала бы квинтэссенцию, т.е. глубинную сущность («квинтэссенция» дословно «пятая сущность») и обеспечивала целостность библиотековедческого знания.

Анатолий Николаевич в наши дни придерживается менее изысканной и более конкретной формулировки, а именно: «Библиотековедение по своей сущности является самостоятельной социально-гуманитарной наукой, что соответствует гуманистической просветительной миссии отечественных библиотек»[376]. Следовательно, в настоящее время А.Н. Ванеев видит квинтэссенцию библиотечной науки в разработке гуманистической, просветительной миссии отечественных библиотек.

В 70-е гг. он, судя по его публикациям тех лет, усматривал квинтэссенцию социалистического библиотековедения в принципе партийности, что было исторически оправдано. Но, будучи пытливым искателем истины, Анатолий Николаевич не довольствовался этим догматическим выводом, а отважно взялся за выполнение грандиозного научно-исследовательского проекта – воспроизведение истории зарождения и развития профессионального сознания в библиотечной сфере. В истории российской книжности можно найти единственный аналог инициативного проекта столь крупного масштаба – это труд Н.В. Здобнова «История русской библиографии от древнейшего периода до начала XX века», который до сих пор не утратил научного значения[377].

История – требовательная наука, она требует от своих служителей достоверности и правды не только в итоговых обобщениях, но и во второстепенных деталях. Велика ответственность историков перед современниками и будущими поколениями, потому что им доверена социальная память, воплощенная в хаосе документальных свидетельств. Достоин удивления и восхищения тот творческий подвиг, который сумел осуществить А.Н. Ванеев. В кратчайшие сроки он стал первооткрывателем и лидером нового направления в библиотечной науке – историографии отечественной библиотековедческой мысли.

---

[376] Библиотековедение. Общий курс: учебник / науч. ред. А.Н. Ванеев, М.Н. Колесникова. СПб.: Профессия, 2013. С. 19.

[377] Здобнов Н.В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века: комментированное издание / под ред. Н.К. Леликовой, М.П. Лепехина. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2012. CXLVIII, 1392 с.

Первое солидное учебное пособие (152 стр.), открывшее новое направление – «Развитие библиотековедческой мысли в СССР (1917–1959)», было опубликовано Ленинградским государственным институтом культуры имени Н.К. Крупской в 1976 г. Через несколько лет А.Н. Ванеев подготовил солидную монографию «Развитие библиотековедческой мысли в СССР» (М.: Книга, 1980. 232 с.), в котором обосновывал свое исследовательское кредо следующими словами: «Почти не разработанным в настоящее время в библиотековедении является изучение истории идей, истории теоретической мысли. Задача заключается в том, чтобы дать оценку взглядов, их сравнительно-историческую характеристику, показать истоки и тенденции их развития, значение для прошлого, настоящего и будущего, воплощение в библиотечной практике»[378].

В 1980 году в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина Анатолий Николаевич защитил докторскую диссертацию, посвященную развитию библиотековедческой мысли в советское время (1917–1979). В диссертации на обширном документном массиве воспроизводились формирование социалистической библиотечной теории в 1917–1928 гг. и дальнейшее развитие советского библиотековедения вплоть до эпохи «развитого социализма». Докторская степень не уменьшила исследовательскую активность основоположника историографии библиотековедческой мысли. Одна за другой выходили в свет научные статьи и учебные пособия, посвященные различным историческим периодам, в том числе: Развитие библиотековедческой мысли в России в XI–XVIII веках: учеб. пособие. СПб. 1992. 62 с.; Библиотековедение в России в первой половине XIX в.: учеб. пособие. СПб. 1995. 60 с.; Развитие библиотековедческой мысли в России в начале XX века: учеб. пособие. СПб., 1999. 70 с.; Библиотековедение в России во второй половине XIX: учеб. пособие. СПб., 1999. 70 с. Историографические исследования Анатолия Николаевича увенчали: монография Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX века). М.: Пашков дом, 2003. 304 с.; учебное пособие Библиотековедение в России конца XX века. СПб.: Профессия, 2007. 248 с.; сборник статей История библиотечного дела и библиотековедения. СПб.: РНБ, 2013. 308 с.

Таким образом, практически без пробелов был завершен грандиозный историографический проект, охвативший почти тысячелетнюю историю российской книжной культуры. Теперь мы располагаем

[378] Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. С. 4.

относительно завершенной и целостной историей отечественной библиотековедческой мысли, где собран незаменимый материал для профессионализации библиотечных работников. Однако историческая эпопея не содержит прямого ответа на сакраментальный вопрос: в чем квинтэссенция библиотечной науки? Чтобы выявить глубинную сущность библиотековедения, нужна аналитико-синтетическая переработка собранного историографического материала. Это дело уже не историка, а теоретика-библиотековеда. Анатолию Николаевичу пришлось добавить к успешно освоенным квалификациям методиста и историографа еще амплуа теоретика.

3. Квинтэссенция библиотековедения. Историк А.Н. Ванеев писал в 1978 г. в статье, посвященной закономерностям развития библиотечной науки: «Для советского библиотековедения 60-х – 70-х гг. характерна активная разработка его общетеоретических и общеметодологических проблем... Советское библиотековедение ныне находится на стадии творческого развития, непрерывного обогащения своего содержания новыми идеями»[379]. Это было время формирования социалистического библиотековедения, и теоретик Ванеев быстро стал одним из идеологов новой науки. Он – непременный участник общетеоретических дискуссий, где, по словам Ю.Н. Столярова, зарекомендовал себя «человеком умным, широко эрудированным, неамбициозным, добросовестным, озабоченным единственно поиском объективной истины», дискутировать с которым «творческое удовольствие»[380].

Доскональное знание эволюции библиотековедческой мысли позволило Анатолию Николаевичу авторитетно судить об основополагающих общетеоретических и методологических проблемах: об объекте, предмете и структуре библиотековедения, о его месте в системе наук и взаимосвязях с другими дисциплинами, о социальных функциях и типологиях библиотек, о философских и терминологических проблемах и др. Однако главное внимание он неизменно уделял проблеме *руководства чтением*. Приоритет этой проблемы не случаен, он объясняется тем, что именно в руководстве чтением Анатолий Николаевич усматривал сущность библиотечной деятельности.

---

[379] Ванеев А.Н. Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика. СПб.: Профессия, 2004. С. 22.

[380] Столяров Ю.Н. Актуальное прошлое. К выходу избранных трудов лидера библиотековедения Анатолия Николаевича Ванеева // Науч. и техн. б-ки. 2005. № 7. С. 73.

В учебнике «Работа с читателями» (1981) А.Н. Ванеев прямо утверждал: «Руководство чтением составляет сущность, основу всей библиотечной работы, одну из самых принципиальных и наиболее отличительных черт библиотеки социалистического типа»[381]. Теорию руководства чтением он называл «основополагающей для советского библиотековедения», позволяющей «уточнить его предмет и объект, методологические и методические принципы, помочь в определении основных закономерностей советской библиотечной науки»[382]. Поскольку подчеркивается, что «руководство чтением представляет собой идеологическую деятельность, которая теснейшим образом связана с агитационно-пропагандистской работой партии и опирается на теорию партийной агитации и пропаганды»[383], то социалистическое библиотековедение утрачивает научное достоинство, ибо его квинтэссенцией признается субъективный принцип партийности, а не объективно существующие закономерности.

В эпоху перестройки идея руководства чтением была отвергнута библиотечными либералами как «орудие тоталитаризма», «насилие над читателями», «диктатура в чтении» и т.п. Политически ангажированное социалистическое библиотековедение давало повод для подобных обвинений, но Анатолий Николаевич никогда не принимал их всерьез. Его кругозор не ограничивался советской эпохой, он обращался к другим периодам отечественной истории и повсеместно, даже в монастырских библиотеках средневековой Руси, обнаруживал явления, сходные с руководством чтением. Многочисленными ссылками на высказывания В.Н. Татищева, А.Н. Оленина, В.С. Сопикова, трактующие библиотекаря как «просвещенного руководителя» читателей, А.Н. Ванеев доказывает наличие многовековой практики руководства чтением в российских библиотеках. Значительный вклад в понимание сути библиотечного руководства читательской деятельностью внесли основоположники отечественной библиотечной науки Н.А. Рубакин, Л.Б. Хавкина, К.И. Рубинский, А.А. Покровский. Подытоживая, А.Н. Ванеев следующим образом суммирует взгляды дореволюционных отечественных библиотековедов:

Квалифицированно помогать читателям в выборе литературы на основе изучения их интересов и взглядов;

[381] Работа с читателями: 3-е изд. / под ред. В.Ф. Сахарова. М.: Книга, 1981. С. 67.

[382] Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. С. 204.

[383] Работа с читателями: 3-е изд. / под ред. В.Ф. Сахарова. М.: Книга, 1981. С. 4.

Активно влиять на расширение круга чтения абонентов посредством разного рода рекомендаций;

Развивать самостоятельность читателей, воспитывая у них культуру чтения;

Не допускать навязывания литературы или запретов в получении книг, запрошенных посетителями[384].

Эти факты свидетельствуют о том, что библиотекари и библиографы в качестве полномочных представителей книжной культуры всегда помогали, ориентировали, рекомендовали пользователям библиотек, какую литературу выбрать для чтения. Субъект – субъектный диалог «читатель - библиотекарь» есть сущностный элемент библиотечной деятельности, поэтому согласимся с А.Н. Ванеевым: *руководство чтением – квинтэссенция (глубинная сущность)* не только социалистического библиотековедения, но и *всякой библиотечной науки*.

4. Просветительная концепция библиотековедения. Даже в нигилистическую постсоветскую эпоху, когда вошли в моду заунывные речи об отставании, о застое и кризисе отечественного библиотековедения, он не утратил веру в светлое будущее. В 1996 году появилась его статья, которую он завершил словами: «ученые не прекратили поиск истинных знаний, наука продолжает развиваться, а разговор о застое неуместен»[385]. Оптимизм А.Н. Ванеева возник не на пустом месте: его питает плюрализм концепций библиотековедения. В учебнике для бакалавров он предлагает будущим библиотекарям богатый урожай плодов библиотековедческой мысли в виде концепций библиотековедения: книговедческая, просветительная, культурологическая, информационная, маркетинговая (сервисная), когнитивная (знаниевая), документо-коммуникационная[386]. Какой концепции отдает предпочтение сам А.Н. Ванеев?

Анатолий Николаевич откровенно признает себя сторонником ***просветительной концепции*** библиотековедения. Он видит смысл существования библиотеки не в пассивной роли хранения и выдачи книг, а в активном влиянии на привлечение читателей, воспитании у них любви к книге, привычки и умения читать, пользоваться книгой для самообразования. Активная помощь читателям

[384] Ванеев А.Н. Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика. СПб.: Профессия, 2004. С. 214.

[385] Ванеев А.Н. О «кризисе» и «застое» в отечественном библиотековедении // Библиотековедение. 1996. № 1. С. 19.

[386] Библиотековедение. Общий курс: учебник / науч. ред. А.Н. Ванеев, М.Н. Колесникова. СПб.: Профессия, 2013. С. 21–27.

в выборе литературы и освоении прочитанного есть ***руководство чтением*** – категория, выражающая, по убеждению А.Н. Ванеева, квинтэссенцию библиотечной науки и гуманистическую миссию библиотек. Библиотековед-гуманист не устает повторять, что неизменная и инвариантная миссия любой библиотеки заключается в «сохранении и передаче культурного наследия, духовной памяти человечества»[387]. Целенаправленное хранение и передача (использование) социальной памяти, воплощенной в библиотечных фондах, – это есть не что иное, как активное руководство читательской деятельностью, а не маркетинговый баланс спроса и предложения на глобальном рынке информационных товаров и услуг.

Конечно, следует учитывать многообразие форм руководства чтением. Помимо устного диалога в форме вопрос-ответ, могут практиковаться диалоги, трансформированные в *самообслуживание* читателя (открытый доступ к фондам, самостоятельный библиографический поиск) или в *интерактивный доступ* к оцифрованным ресурсам. Суть руководства пользователем состоит в том, что во всех случаях он должен действовать не произвольно, а в рамках норм и правил, принятых в данной библиотечно-информационной системе. Отсюда скептическое отношение Анатолия Николаевича к культурно-досуговым проектам типа «библионочь» и «библиосумерки», которые «не обусловлены просветительной миссией привлечения населения к книге, чтению, библиотеке»[388]. Там, где есть книги и грамотные люди, но нет библиотекаря, организатора и руководителя чтения, имеет место книжный склад, магазин или макулатурный хлам, но никак не библиотека. Если же нет библиотеки, то нет предмета для библиотековедческой мысли.

К сожалению, библиотечная наука находится в долгу перед библиотечным сообществом и научное достоинство нынешнего библиотековедения не без основания подвергается сомнению. Не разработаны ни теория, ни методика активного использования национальной документированной памяти для гуманизации современного российского общества и сопровождении российского маршрута в ноосферу. У нас нет библиотековедческого учения о руководстве чтением в Национальной электронной библиотеке, которая создается как технократический, а не гуманистический проект.

[387] Ванеев А.Н. Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика. СПб.: Профессия, 2004. С. 123.

[388] Ванеев А.Н. «Библионочь» – что это? // Библиосфера. 2015. № 2. С. 95–97.

Для обогащения и активизации библиотековедческой мысли полезно, лучше сказать, необходимо восстановить нарушенную связь времен. Библиотечной молодежи нужно хорошо выучить уроки мужества и мудрости, воплощенные в культурном наследии героического и других поколений отечественной библиотечной интеллигенции. Абсолютная ценность профессиональной биографии и научных трудов А.Н. Ванеева заключается в том, что они являются незаменимым путеводителем по замысловатому маршруту российской библиотековедческой мысли. Спасибо Вам, дорогой Анатолий Николаевич.

4.1.4. Служение библиотечному гуманизму – эти высокие слова непроизвольно приходят на память, когда думаешь о ***Екатерине Юрьевне Гениевой***. Они родились в моем сознании не вчера. За ними – четвертьвековая история дружеского общения с этой удивительной женщиной, четверть века удивления её поступкам и словам. Удивительным было начало нашего знакомства. 19 мая 1989 года в Ленинградском институте культуры имени Н.К. Крупской проходила учредительная конференция Ленинградского библиотечного общества (ЛБО). Это было время пробуждения библиотечной демократии, время освобождения от стереотипов социалистического библиотековедения. Ленинградские библиотекари оказались лидерами демократического движения в отрасли культуры, ибо ЛБО было первым библиотечным обществом в Советском Союзе. Мы гордились нашим ЛБО, но, с присущей ленинградцам скромностью, не афишировали свою инициативу за пределами ленинградского региона. Участники конференции тайным голосованием избрали президента, двух вице-президентов, правление учреждаемого профессионального объединения, и вдруг обнаружилось, что в зале присутствуют московские коллеги, специально прибывшие из Москвы с целью обмена опытом. Мы сначала удивились их неожиданному появлению, а потом сообразили, что москвичи не случайные туристы, а подлинные энтузиасты библиотечной демократии, которые не могли остаться в стороне от нашего демократического опыта. Так состоялось мое знакомство с Екатериной Юрьевной Гениевой и Татьяной Евгеньевной Коробкиной, которые были в то время сотрудниками ВГБИЛ. В ноябре 1989 г. была учреждена Московская библиотечная ассоциация (МБА), и ВГБИЛ стала её штаб-квартирой.

Конечно, между ЛБО и МБА поддерживались дружеские связи, и для меня было приятно и поучительно участвовать в собраниях демократической московской интеллигенции, где блистали

М.Д. Афанасьев, Б.В. Дубин и другие светлые личности. Во время довольно частых посещений ВГБИЛ я старался побывать в кабинете Екатерины Юрьевны, чтобы подивиться её щедрому гостеприимству и порадоваться изящной филологической речи хозяйки кабинета. Филология (буквально «любовь к слову»), по-моему, ближе к искусству, чем к науке. От филолога требуется особое чувство слова, переживание речевой гармонии, как от художника требуется ощущение гармонии формы и краски. Филологу, в отличие от ученого-литературоведа, нужно обладать врожденным талантом, но можно стать хорошим литературоведом, не будучи филологом. Е.Ю. Гениева – прекрасный знаток английской литературы: она защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Джеймса Джойса, написала библиографические монографии, посвященные Ч. Диккенсу и У. Теккерею, но все-таки, общаясь с нею, я удивлялся прежде всего не научной эрудиции, а филологической одаренности.

Филологический талант удивительным образом сочетался в личности генерального директора ВГБИЛ с преданностью библиотечному делу. В одной из своих книг Гениева призналась: «Библиотечная премудрость – вещь очень важная, но у каждой личности свой путь, и при всем живейшем интересе к библиотечной карточке меня прежде всего интересует тайна книги, её мистика, её сродство жизни, её хрупкость и в то же время – неуничтожимость. Рукописи очень легко горят, но то слово, которое держит в руках Спаситель, и то Слово, которое плывет над миром в летящих фигурах Шагала, и то Слово, которое живет в тайнописях древних пещер, – вот это Слово приковало меня к себе»[389]. В другой своей книге Екатерина Юрьевна как бы продолжает эту мысль: «Со Словом повенчаны библиотеки. Здесь, как нигде больше, видна сила воздействия слова, несущая положительный и отрицательный заряды»[390]. Поскольку библиотеки повенчаны с таинством Слова, библиотечное дело и филология неразрывно связаны друг с другом. Кем должен быть профессиональный библиотекарь: сначала филологом, а затем библиотекарем, или наоборот – сначала библиотекарем, а затем филологом? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к докторской диссертации Е.Ю. Гениевой.

[389] Гениева Е.Ю. Трудная дорога к храму. Судьбы российских библиотек на рубеже веков. М., 2004. С. 11.

[390] Гениева Е.Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 99.

В диссертации «Библиотека как центр межкультурной коммуникации» диссертант отмечает, что падает популярность чтения, уменьшается авторитет Книги, читатели покидают библиотеки и, чтобы преломить эти негативные тенденции, предлагает перейти от устаревшей «просвещенческой» модели библиотеки к новейшей «поликультурной» модели. Этот переход означает превращение публичной (а, может быть, и специальной) библиотеки в центр межкультурной коммуникации. Главное достоинство этого центра в том, что он аккумулирует не только канал книжной коммуникации, как традиционные библиотеки, но и электронную коммуникацию, а самое главное – канал устного общения между пользователями центра. Ссылаясь на выводы современной культурологии, социальной психологии, теории коммуникации, Е.Ю. Гениева весьма убедительно раскрывает преимущества поликультурной модели, её привлекательность для тоскующих о живом общении жителей технизированных мегаполисов, её конкурентоспособность с информационными агентствами, электронными издательствами, цифровыми архивами. В итоге делается стратегически важный вывод: «Библиотеки, понимающие свою миссию как миссию творцов и медиаторов поликультурного сознания в новом мире, обеспечат не только потребности своей аудитории, но и свое уникальное и невосполнимое место в ряду востребованных социальных институтов». Таким образом, гарантируется выживаемость библиотек в XXI веке. Уместно обратить внимание на то, что «поликультурная» библиотека аккумулирует все коммуникационные каналы распространения Слова: вербальный, документно-книжный, электронный, т.е. представляет собой *универсальный филологический центр.* Отсюда следует, что библиотекарь будущего должен иметь хорошую филологическую подготовку. Но этого мало.

Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 05.25.03 библиотековедение, библиографоведение, книговедение была успешно защищена Е.Ю. Гениевой в 2006 году. Почти десять лет спустя, выступая на Конгрессе РБА-2015 в Самаре, она формулирует свой главный завет (точнее – завещание) коллегам-библиотекарям: «Мы, библиотекари, владеем ключами от царства Слова, царства Книги. Это невероятная ответственность… Что такое библиотека XXI века? Это, конечно, электронные информационные технологии. Но если за ними не стоит философия, то теплые человеческие пальцы к книге прикасаться не будут. Мы находимся на нравственно-этическом социальном

перепутье, когда библиотека вбирает в себя огромное количество функций. Государство сейчас не до конца понимает, что мы можем сделать на благо своей страны. Мы должны это объяснить и доказать своими делами»[391].

О какой философии говорит Екатерина Юрьевна? Филологическая основа (ключи от царства Слова) остается, но требуется определить нравственно-этическую цель, которую должны иметь в виду библиотеки XXI века, чтобы оправдать свое существование. Эта цель заключается в гуманизации современного общества за счет использования гуманистических библиотечных ресурсов. «Для нашей трагической цивилизации, – завещает Е.Ю. Гениева, – библиотека может и должна стать Ноевым ковчегом. Повторяю, это невероятная ответственность. Не знаю, справимся ли мы с ней» (с. 27). Перечитывая публикации Екатерины Юрьевны и вновь переживая краткие часы общения с нею, я откровенно признаюсь, что она служит для меня удивительным примером бескорыстного и самоотверженного служения высокому библиотечному гуманизму, воплощенному в изящную филологическую форму.

4.1.5. Безупречное служение библиотечное. «Прекрасное должно быть величаво», – говорил А.С. Пушкин, и поэтому величественное слово ***служение*** должно быть в библиотечном лексиконе. Для меня примером безупречного библиотечного служения является теоретик библиотечного обслуживания ***Маргарита Яковлевна Дворкина.*** Маргарита Дворкина – человек поколения шестидесятников, детство которых пришлось на суровые послевоенные годы, личностное формирование – на романтическую оттепель 50-х – 60-х годов. Поэтическое слово было созвучным эпохе, и многотысячные аудитории собирались на стадионах ради задушевной лирики, а иногда и воинствующей публицистики. Жажда чтения овладела массами, библиотеки были переполнены читателями, а в Публичную библиотеку имени М.Е. Салтыкова-Щедрина или в Библиотеку СССР имени В.И. Ленина выстраивались очереди за час до открытия. Профессия библиотекаря была престижной, хотя и небогатой, конкурсы на библиотечные и библиографические факультеты были немногим меньше, чем в театральные вузы. В Московском и Ленинградском библиотечных институтах на кафедрах библиотековедения, библиографии, детской литературы в полемике и дискуссиях формировались основы библиотечно-библиографической науки и образования, которые сегодня мы именуем классическими.

[391] Екатерина Гениева: завещание «Когда я думаю о рае, я представляю библиотеку» // Библиотечное дело. 2015. № 13. С. 26–27.

Педагогический процесс в библиотечной школе был раздвоен. С одной стороны, он был нацелен на воспитание идеологических работников, осуществляющих *библиотечную работу* с трудящимися массами в соответствии с принципом коммунистической партийности. С другой стороны, сохранялись унаследованные от интеллигентов-книжников Серебряного века традиции *служения* культурному просвещению народа. Сущность этих традиций заключалась в нравственном и эстетическом воспитании читателей путем рекомендации лучших книг, помощи в усвоении и использовании прочитанного[392]. В том и в другом случае *самоотверженное служение* ставилось во главу угла библиотечной школы, и называлось оно не «обслуживание запросов», а «педагогическая работа с читателями».

Молодой специалист Маргарита Дворкина отлично освоила как технологию библиотечного обслуживания, так и идеалы библиотечного служения, и после окончания МГБИ в 1959 году безупречно руководствовалась ими на всех участках библиотечной отрасли. Два десятилетия были посвящены практической работе в различных московских библиотеках и органах научно-технической информации. В эти годы были познаны и освоены технологические приемы библиотечного обслуживания не на уровне формального исполнительства, а на уровне методического мастерства. Об этом свидетельствуют первые публикации пытливого библиотекаря[393]. В качестве мастера, умудренного многолетним опытом библиотечной практики, Маргарита Яковлевна в 1979 году вернулась в альма матер – Московский государственный институт культуры. Начался научно-педагогический период её жизненного пути, который продолжается до сих пор. Этот период стал временем становление М.Я. Дворкиной как ведущего библиотековеда нашей страны.

Именно с тех пор библиотечное служение стало главным смыслом жизни Маргариты Яковлевны и в качестве доцента, а затем профессора МГИК, и в качестве главного научного сотрудника НИО библиотековедения РГБ, и в качестве председателя Диссертационного совета Российской государственной библиотеки (при её

[392] Ванеев А.В. Библиотечная педагогика // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 175–176; Он же. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. С. 52–53.

[393] Дворкина М.Я. Организация справочно-информационных фондов республиканских (областных) объединений В/О «Союзсельхозтехника». М., 1972. 41 с.; Она же. Предшественницы // В мире книг. 1976. № 10. С. 47; Она же. Индивидуальная работа с читателями в ЦБС: метод. рекомендации. М.: ГБЛ, 1987. 55 с.

непосредственном участии было защищено более сорока диссертаций). В её многообразной творческой деятельности широкая эрудиция, неустанное трудолюбие, исследовательский талант счастливо сочетаются с бескорыстной доброжелательностью к людям и неизбывной готовностью к самоотверженному служению Библиотеке. На примере научного творчества и жизненного пути М.Я. Дворкиной особенно отчетливо просматриваются структура и масштаб библиотечного служения, свойственные нашим выдающимся библиотековедам. Перечислим некоторые методологические моменты.

Во-первых, необходимо инициирование новой, актуальной теории фундаментального значения. Маргарита Яковлевна – первооткрыватель *общей теории библиотечного обслуживания,* которая воплотилась в монографии «Библиотечное обслуживание: теоретический аспект»[394] и стала предметом её докторской диссертации, защищенной в 1994 г. в МГИК. Всесторонне осмыслив феномен библиотечного обслуживания, М.Я. Дворкина пришла к выводу, что библиотечное обслуживание – целостная системная деятельность, направленная на обеспечение доступа к документам с целью удовлетворения и развития потребностей пользователей библиотек, оно представляет собой динамичную систему, включенную в социальные подсистемы информации и культуры, выполняя информационную, коммуникативную, культурную, когнитивную и другие функции. Схематично библиотечное обслуживание описывается как деятельность, элементами которой являются: субъекты (библиотекарь и пользователь), потребности пользователя (объект деятельности), запрос пользователя (предмет обслуживания), услуга (положительный результат), отказ (отрицательный результат). Учитывая изменения в библиотечном деле, связанные с технизацией, технологизацией, социальной направленностью, интеллектуализацией, открытостью, возросшим культурным уровнем специалиста, Дворкина характеризует библиотечное обслуживание как «новую реальность»[395], существенно отличающуюся от классической работы с читателями. Главные отличия состоят в том, что исключается принцип партийности, а вместе с ним и педагогическое воздействие на читателя. Зато учитывается воздействие библиотечной среды

[394] Дворкина М.Я. Библиотечное обслуживание: теоретический аспект: монография. М.: Изд-во МГИК, 1993. 249 с. ; Она же. Библиотечное обслуживание как система: учеб. пособие. М.: Изд-во МГИК, 1991. 162 с.

[395] Дворкина М.Я. Библиотечное обслуживание: новая реальность: лекции. М.: Изд-во МГУКИ; Профиздат, 2003. 47 с.

как «реального и виртуального пространства деятельности библиотекаря и пользователя библиотеки[396].

Во-вторых, нельзя довольствоваться узкими рамками собственной теории. Нужен выход на общее библиотековедение и смежные дисциплины, следует войти в курс современных инновационных проектов. Маргарита Яковлевна полностью удовлетворяет этому требования. Логика теории библиотечного обслуживания вынудила её принять участие в бесконечной дискуссии об объекте и предмете библиотековедения[397]; она задается сакраментальным вопросом «что есть информация?»[398]; её беспокоит библиотечная инноватика[399] и профессионально-мировоззренческая проблема институционализации библиотечного дела[400]. Нельзя не обратить внимание на глубокое проникновение библиотековеда М.Я. Дворкиной в содержание научной информатики, результатом которого стала монография «Информационное обслуживание: социокультурный подход»[401]. Опыт познания информационной проблематики в дальнейшем пригодился для разработки теории библиотечно-информационной деятельности.

В-третьих, эмоционально окрашенное служения Библиотеке и Книге возможно только при условии хорошего знания их драматической истории и личностного её переживания. Не случайно М.Я. Дворкина выбрала в качестве темы своей кандидатской диссертации «Революционно-демократические библиотеки и их роль

---

[396] Дворкина М.Я. Библиотечная среда и библиотечное влияние: к постановке вопроса // Сов. библиотековедение. 1991. № 1. С. 26–29; Она же. Библиотечная среда: теория и организация: научно-практическое пособие. М.: Литера, 2009. 93 с.

[397] Дворкина М.Я. И вновь об объекте и предмете библиотековедения // Библиотековедение. 2005. № 4. С. 36–40; Она же. Библиотека: сфера образования, науки, культуры, интеллектуального и культурно-досугового обслуживания // Библиосфера. 2013. № 1. С. 81–82.

[398] Дворкина М.Я. Что такое информация? // НТИ. Сер. 1. 2002. № 8. С. 33–35.

[399] Дворкина М.Я., Гусева Е.Н. Инновации в библиотеках: сб. статей. М.: Пашков дом, 2010. 131 с.; Она же. Как долго длится инновация? // Библиосфера. 2009. № 4. С. 15–18.

[400] Дворкина М.Я. Институционализация библиотек // Библиосфера. 2011. № 4. С. 7–10; Она же. Библиотека как социальный институт и учреждение // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты: проблемно-ориентированный науч. сб. / Сост. М.И. Акилина. М.: Пашков дом, 2013. С. 13–30.

[401] Информационное обслуживание: социокультурный подход. М.: Профиздат, 2001. 111 с.; см. также: Столяров Ю.Н. М.Я. Дворкина – навигатор теории информационного обслуживания // Науч. и техн. б-ки. 2002. № 3. С. 131–140.

в развитии социальных функций библиотек России (конец 50-х – начало 60-х годов XIX в.)» (защищена в МГИК в 1979 г.). С тех пор историческая проблематика всегда присутствовала в круге её интересов. Она составитель и редактор сборников сообщений «Из истории московских библиотек» и международных конференций «Библиотека в контексте истории», руководила секцией «История библиотек и библиотечного дела Москвы» Московской библиотечной ассоциации. М.Я. Дворкина – автор многочисленных публикаций по истории библиотечного дела в нашей стране. В отличие от фактографических историков-летописцев, она задумывается над синергетическими закономерностями, управляющими библиотечной историей. Её исследование инерции библиотечной истории[402] дает ей право на звание «первооткрывателя библиотечной историософии (философии истории)». Кстати, обладая мудрой толерантностью, Маргарита Яковлевна, насколько я смог заметить, избегает вступать в полемику с коллегами. Единственное исключение – рецензия на курс лекций И.В. Балковой по истории библиотечного дела[403].

В-четвертых, кульминацией научно-педагогической деятельности неординарного библиотековеда является подготовка учебника для высшей библиотечной школы. М.Я. Дворкина внесла выдающийся вклад в библиотечное образование: она стала научным редактором и основным автором учебника по общему библиотековедению, рекомендованного для студентов, обучающихся по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» (квалификация «Бакалавр»)[404]. В этом учебнике впервые в библиотечной учебной литературе представлена глава «Библиотечно-информационная деятельность: общая характеристика», написанная М.Я. Дворкиной. Основой для подготовки главы послужило фундаментальное исследование автора, результаты которого изложены в монографии, вышедшей в свет в 2009 г.[405]. Фундаментальная значимость монографии заключается в том, что она создана на стыке информатики,

[402] Дворкина М.Я. Инерция библиотечной истории // Библиосфера. 2006. № 1. С. 3–5; Она же. Периодизация – это отражение сущностных изменений // Библиотековедение. 1996. № 3. С. 96–99.

[403] Дворкина М.Я. Курс лекций, вызывающий разочарование // Библиосфера. 2014. № 4. С. 107–108.

[404] Общее библиотековедение: учебник / науч. ред. М.Я. Дворкина, Л.И. Сальникова. М.: МГИК, 2015. 300 с.

[405] Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. М.: Изд-во ФАИР, 2009. 256 с.

изучающей информационную деятельность, и библиотековедения, исследующего библиотечную деятельность. Отсюда – дефиниция понятия ***библиотечно-информационная деятельность*** как «разновидность информационной деятельности (мемориально-информационной), обеспечивающей выполнение библиотекой основных функций и миссии перед обществом»[406]. Исходя из данной дефиниции, М.Я. Дворкина рассматривает виды, технологические процессы, организацию и эволюцию библиотечно-информационной деятельности, создавая в конечном счете стройную библиотековедческую теорию. В контексте этой теории библиотека дефинируется как «информационный социальный институт, учреждения которого собирают документированную (и не только) информацию, осуществляют её аналитико-синтетическую переработку и другие виды деятельности, создавая максимум возможностей для извлечения пользователями из нее необходимой информации для своей учебной, профессиональной, реабилитационной, досуговой и другой деятельности»[407].

Маргарита Яковлевна Дворкина охотно делится с коллегами и библиотечным студенчеством опытом безупречного служения библиотечного. Ею опубликовано более трехсот печатных работ, как монографий и учебников, так и статей в журналах и сборниках. Перечитывая её публикации, ощущаешь живое биение ищущей мысли, и невольно хочется подключиться к творческому поиску. Каким образом подключиться? По принципиальным вопросам мы с Маргаритой Яковлевной единомышленники, а спорить по мелочам жалко времени. Тем не менее, позволю себе высказать одно *«замечание на полях сочинений М.Я. Дворкиной»*.

Меня смущает полисемия слова «библиотека», которая укоренилась в нашем библиотековедении и с которой Маргарита Яковлевна готова примириться. Я имею в виду понимание библиотеки и в качестве учреждения (организации), и в качестве социального института (см. выше дефиницию «библиотека»). Реальное учреждение, именуемое «библиотека», известно всем. Абстракция «социальный институт» используется в социологии для обозначения «исторически

[406] Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. М.: Изд-во ФАИР, 2009. С. 239; Общее библиотековедение: учебник / науч. ред. М.Я. Дворкина, Л.И. Сальникова. М.: МГИК, 2015. С. 107.

[407] Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. М.: Изд-во ФАИР, 2009. С. 50.

сложившейся устойчивой формы организации совместной деятельности людей»[408], которая не отождествляется с отдельным учреждением, а мыслится как система специализированных учреждений. История библиотек началась задолго до нашей эры, библиотечный же институт, по мнению М.Я. Дворкиной, возник во второй половине XVIII – начале XX в., когда «появились публичные библиотеки, затем профессиональное образование, печать, когда широкие круги общества осознали потребность в библиотеке, её значимость»[409]. Не могу понять, зачем потребовалось совокупность социальных элементов, образовавших библиотечный социальный институт, метафорически именовать «библиотека». Тем более, что, заглядывая в будущее, Маргарита Яковлевна высказывает предположение: «Может сложиться ситуация, когда библиотека перестанет быть самостоятельным социальным институтом. Однако как учреждение библиотека сохранится в структуре института социальной памяти, социальных институтов науки и образования, социальном информационном институте»[410]. Значит, тогда полисемия «расклеится» сама собой. Пока же она проникает на страницы библиотечных учебников, где присутствует раздел «Библиотека как социальный институт»[411]. В результате студенту трудновато уразуметь, что есть библиотека: «учреждение» или «социальный институт»?

Почему не назвать вещи своими именами: библиотека – это учреждение, а библиотечный социальный институт – это не учреждение, а многофункциональная социальная система, включающая основные и вспомогательные (инфраструктурные) службы, социальные потребности, цели и задачи, социальные группы, нормы и правила действия[412]. Библиотечный институт объединяет не только центры библиотечного обслуживания, но и библиотечные школы,

[408] Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19.

[409] Дворкина М.Я. Библиотека как социальный институт и учреждение // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты: проблемно-ориентированный науч. сб. / Сост. М.И. Акилина. М.: Пашков дом, 2013. С. 26.

[410] Там же. С. 27.

[411] Глава 5. Библиотека как социальный институт // Библиотековедение. Общий курс: учебник для бакалавров / науч. ред. А.Н. Ванеев, М.Н. Колесникова. СПб.: Профессия, 2013. С. 87–116; Глава 5. Библиотека как социальный институт. Социальные функции библиотеки // Общее библиотековедение: учебник для бакалавров / науч. ред. М.Я. Дворкина, Л.И. Сальникова. М.: МГИК, 2015. С. 88–104.

[412] Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 215–218.

научно-исследовательские организации, органы управления, общественные ассоциации и др. Возникает вопрос: если сотрудник всякой библиотеки есть работник библиотечного института, то преподаватель библиотечного факультета может считать себя также работником библиотечного института? Неясна ситуация с «библиотечным служением»: когда работник состоит в штате библиотеки, он, очевидно, является библиотечным служащим, а если он стал сотрудником журнала «Библиотека», то продолжается ли его «служение библиотечное»? На мой взгляд, на всех этапах своей деятельности Маргарита Яковлевна Дворкина безупречно осуществляла *служение библиотечное* не где-нибудь, а в библиотечном институте, хотя не всегда числилась в штате библиотеки. Что же такое «библиотечный институт»?

4.1.6. Идущий впереди. Биография каждого человека интересна и поучительна, но есть личности, жизненный путь которых отражает не отдельные эпизоды повседневности, а течение исторического времени. Это знаковые личности, которые привлекают внимание историков, и не случайно ***Владимир Константинович Клюев***, единственный из своих сверстников, родившихся в 1957 году, был удостоен персональной статьи в «Библиотечной энциклопедии» (2007). Нельзя не отметить его удивительную способность опережать время, быть впереди, находиться в авангарде. Как это возможно в неторопливой, строго говоря, консервативной библиотечной профессии? Обратимся к фактам.

Вся трудовая биография Владимира Константиновича связана с Московским государственным институтом культуры. Избрав библиотечную профессию, он стал образцово-показательным студентом советской высшей школы, был Ленинским стипендиатом и дважды награждался нагрудным знаком Минвуза СССР и ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу». В 1978 году окончил с отличием дневное отделение библиотечного факультета МГИК, в течение трех лет возглавлял комсомольскую организацию Института и удостоился наградного знака ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле» (1980). Однако политическая карьера не привлекала пытливого молодого человека. Он поступает в очную аспирантуру по кафедре библиотековедения МГИК и под научным руководством энциклопедичного мэтра К.И. Абрамова (1920–2001) в марте 1984 года защищает кандидатскую диссертацию, посвященную становлению и перспективам развития подготовки библиотечных кадров высшей квалификации. С этого же 1984 года началась более чем тридцатилетняя

преподавательская деятельность В.К. Клюева: сперва в качестве рядового, затем старшего преподавателя, потом доцента, наконец, профессора и Почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Стремительная педагогическая карьера молодого ученого проходила в бурной обстановке коренных социально-экономических и мировоззренческих трансформаций, которые болезненно деформировали сознание библиотечной интеллигенции: «мы воспитывались при зрелом социализме, а теперь должны адаптироваться к дикому капитализму». Если для интеллигентов-книжников личностными убеждениями были бескорыстный альтруизм, забота об общественном благополучии, презрение к пошлости и насилию, благоговение перед культурой, то в атмосфере рыночного либерализма произошла девальвация традиционных интеллигентских ценностей. Избавление России от гуманистической интеллигентности приветствовал «постгуманист» Виктор Ерофеев: «Крушение гуманизма (как казенного, так и «подлинного») запечатлелось в здоровом скептицизме, в понимании того, что зло в человеке лежит глубже, по словам Достоевского, чем это кажется лекарям-социалистам и убежденным демократам, совсем глубоко, на самом дне, откуда ласково взирает на нас входящий в моду маркиз де Сад»[413]. Авторитетный социолог Н.Е. Покровский подтверждал: «В наши дни профессор университета – профессия весьма сомнительного престижа (не мог никуда «по делу» устроиться, вот и работает профессором). То же касается любой другой «умной» профессии в искусстве, науке, медицине, школьной педагогике»[414]. Распад Советского Союза в 1991 году усугубил кризис наших библиотек, начавшийся еще в 80-е годы. Советский библиотечный социальный институт был создан партией и государством для выполнения приоритетных идейно-воспитательных, просветительных, культурно-досуговых функций, которые вдруг утратили актуальность. Перед библиотечной школой встал экзистенциональный вопрос об адаптации к изменившимся условиям.

Владимир Константинович не уклонился от решения этого вопроса, не изменил своему призванию «идти впереди». Он выступил инициатором и автором концепций и методологического оснащения

[413] Ерофеев Вик. Крушение гуманизма № 2 // Ерофеев В. Страшный суд: Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М., 1996. С. 442.

[414] Покровский Н.Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 35.

профессионально значимых новаторских вузовских курсов «Экономика библиотечно-информационной деятельности», «Маркетинг библиотечно-информационной деятельности», «Библиотечное право» («Правовое обеспечение библиотечно-информационной деятельности»), активно участвовал в формировании и развитии базовой библиотековедческой дисциплины «Менеджмент библиотечно-информационной деятельности». Благодаря учебным пособиям и научным статьям Л.Н. Герасимовой, М.Я. Дворкиной, Е.Ю. Качановой, В.К. Клюева, С.Г. Матлиной, Г.Б. Паршуковой, И.М. Сусловой, Е.М. Ястребовой проблематика менеджмента и маркетинга заняла важное место в профессиональном мировоззрении постсоветских библиотекарей, знаменуя новый этап в развитии отечественного библиотековедения.

Необходимо признать, что в обновлении библиотечной науки роль лидера в области менеджерских разработок принадлежит научно-педагогическому коллективу кафедры управления информационно-библиотечной деятельностью МГИК, которую с 2007 года возглавляет профессор В.К. Клюев. На кафедре сформировалась авторитетная профильная научная школа, только под руководством В.К. Клюева успешно защищены 10 кандидатских диссертаций. Особенно важно, что на кафедре постоянно действует творческий семинар студентов и авторские научные кружки, в рамках которых молодыми новаторами выполняются учебно-научные исследования, актуальные научно-прикладные курсовые и выпускные квалификационные работы – дипломные исследования, магистерские диссертации[415]. Творческую тональность в жизни кафедры, разумеется, задает заведующий, на счету которого более 650 научных и учебно-методических трудов на русском и иностранных языках, общим объемом около 430 печатных листов. Сфера научных интересов В.К. Клюева не ограничивается теорией и практикой управления библиотечно-информационной деятельностью, его внимание–привлекают микроэкономические аспекты функционирования библиотеки, организационно-правовые регуляторы библиотечного дела, развитие профессионального библиотечно-информационного образования. Он вместе с И.М. Сусловой соавтор первого отечественного профилированного учебника «Менеджмент библиотечно-информационной деятельности» (два издания в 2009–2010).

[415] Клюев В.К. Интеграция науки и практики (к 10-летию кафедры управления информационно-библиотечной деятельностью МГУКИ) / В.К. Клюев // Библиотековедение. 2014. № 5. С. 116–120.

В 2017 году под научной редакцией и при соавторстве В.К. Клюева вышел в свет учебник для бакалавров «Маркетинг библиотечно-информационной деятельности». Опыт внедрения современной многоуровневой системы библиотечно-информационного образования обобщен в многочисленных аналитических статьях Владимира Константиновича[416].

Развитие проблематики менеджмента и маркетинга – важный вклад в модернизацию постсоветского библиотечного дела, поэтому уместно обратить внимание на отраслевые особенности библиотечного маркетинга, тем более, что В.К. Клюев стоял у истоков его отечественной интерпретации. Обычно библиотековеды исходят из дефиниции, предложенной классиком маркетологии Филиппом Котлером: «***маркетинг*** – вид человеческой деятельности, направленной на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена»[417]. Эта формулировка показывает, что маркетинг имеет место в тех случаях, когда осуществляется *обмен*, то есть *сделка*, или «акт получения от кого-либо желаемого объекта с предложением чего-либо взамен». В условиях коммерческого рынка, на которые ориентирован классический маркетинг, процедура «обмена-сделки» ясна и понятна: товар обменивается на соответствующую сумму денег или на другой товар (случай бартера). В процессе библиотечного обслуживания никакой сделки между библиотечным работником и клиентом библиотеки не происходит: любой налогоплательщик совершенно бесплатно получает информационно-библиотечную услугу, отдавая библиотеке в обмен «простое человеческое спасибо». Следовательно, библиотечный маркетинг – это *маркетинг некоммерческий,* а «некоммерческий маркетинг в корне отличается от маркетинга коммерческого» тем, что он ориентирован на социальный эффект, а не на прибыль от продаж.

Общепринятым в наши дни стало предложенное В.К. Клюевым определение: «***библиотечный маркетинг*** – это управленческая деятельность библиотеки, организованная на принципах классического маркетинга, направленная на достижение целей полного удовлетворения потребностей пользователей и обеспечения адаптации библиотеки к современным социально-экономическим

[416] Клюев В.К. Традиции и новации отраслевой магистерской подготовки (из практики Московского государственного института культуры) // Библиотековедение. 2016. Т. 65. № 5. С. 593–598.

[417] Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М. : ООО «И.Д. Вильямс», 2012. С. 18.

условиям»[418] [7]. В это определение необходимо внести два уточнения. Во-первых, управленческую деятельность библиотеки нельзя «организовывать на принципах классического маркетинга», поскольку эти принципы ориентированы на максимизацию прибыли, что библиотекам не свойственно. Точнее было бы указать «использующая *технологии* классического маркетинга», что соответствует практике некоммерческого маркетинга. Во-вторых, цитированное определение нацеливает библиотеки на максимально полное удовлетворение информационных запросов каждого пользователя, то есть реализацию максимы рыночной экономики «клиент всегда прав». Более корректно ориентироваться на выполнение требований профессиональной *библиотечной этики*, которые регламентируют отношения библиотечных работников с обществом, пользователями библиотеки и друг с другом (см. Кодекс этики российского библиотекаря, принятый Конференцией РБА в 2011 г.). Тогда получается следующая дефиниция: ***библиотечный маркетинг*** *– это управленческая деятельность библиотеки, использующая технологии классического маркетинга, направленная на выполнение требований профессиональной библиотечной этики и обеспечение адаптации библиотеки к современным социально-экономическим условиям*. Именно в данном контексте мы ведём с юбиляром многолетние дискуссии.

Отметим, что научно-педагогический диапазон деятельности В.К. Клюева не ограничивается масштабами кафедры или Московского государственного института культуры. Он ведущий разработчик базового третьего (2010) и модернизированных того же третьего поколения (2015, 2016) Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» (уровни бакалавриата и магистратуры). В.К. Клюев является многолетним избранным председателем Учебно-методического совета вузов России по образованию в области библиотечно-информационной деятельности. Пожалуй, главным его резонансным достижением в этом качестве является реализация межвузовского издательского серийного проекта учебников «Бакалавр библиотечно-информационной деятельности». Он выступил инициатором и организатором подготовки этой серии из 12 учебников по всем основным курсам профессионального обучения в отраслевом бакалавриате, которые были

[418] Суслова И.М., Клюев В.К. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности: учебник. СПб.: Профессия, 2009. С. 225.

написаны авторскими коллективами ведущих педагогов различных вузов вместе с известными библиотековедами-практиками и выпущены в свет в 2013–2017 гг. издательством «Профессия». Столь масштабного научно-педагогического проекта наша библиотечная школа не знала никогда.

Импозантная фигура Владимира Константиновича представлена и на международной арене. Он входил в состав российской профессиональной делегации на Конгрессах ИФЛА в Хельсинки (2012) и Лионе (2014), освоил программу профессионального лидерства в Иллинойском университете (США, 2013). В.К. Клюев – вице-президент (а ранее более 20 лет был учёным секретарём) отделения «Библиотековедение» Международной академии информатизации (МАИ) при ООН. Главная задача Отделения, уверенно возглавляемого с начала его статуирования как академического общественно-научного объединения профессором Ю.Н. Столяровым, – консолидация интеллектуальных ресурсов библиотечной сферы России, республик СНГ и других стран с целью повышения авторитета библиотечной науки и практики в мировом сообществе. Один из аспектов кураторства вице-президента Клюева – организация и популяризация многообразной деятельности отраслевого отделения и академиков-библиотековедов (см., например, обобщающую статью[419]. Владимир Константинович востребован и многими другими общественными организациями: он академик Академии менеджмента в образовании и культуре, член Российского профессорского собрания, действительный член Гильдии экспертов в области профессионального образования, член Центрального дома ученых РАН (секция книги), входит в состав постоянных комитетов двух секций РБА и др. Его охотно приглашают в редколлегии профессиональных журналов, в учёные и попечительские советы федеральных и крупных региональных научных библиотек. Чтобы быть всегда «идущим впереди», В.К. Клюев продолжает учиться, – в декабре 2015 г. окончил программу профессиональной переподготовки по направлению «Менеджмент» на факультете дополнительного профессионального образования МГИК. Юбилей В.К. Клюева – хороший повод для того, чтобы вспомнить замечательную плеяду российской библиотечной интеллигенции, наших современников, умеющих опережать вяло текущее время, а также учителей, оставивших нам драгоценное наследие библиотечного гуманизма[420].

[419] Клюев В.К., Захаренко М.П. Библиотековедческий академический отчет // Библиотечное дело. 2015. № 11. С. 39–44.

[420] Соколов А.В. Идущий впереди // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 3. С. 303–307.

4.1.7. Библиотечная методология В.С. Крейденко. ***Методология*** – понятие неоднозначное. Во-первых, *методологией* именуют раздел философии, представляющий собой «тип рационально-рефлекторного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности»[421]. Здесь предметом методологии являются такие методы философствования, как философская интуиция, метод восхождения от абстрактного к конкретному, диалектический метод, анализ и синтез эмпирического материала из различных социально-культурных источников и др. Во-вторых, существует *методология науки,* которая изучает общенаучные и частнонаучные методы. К общенаучным методам относятся: научное наблюдение, эксперимент, научное описание, обобщение, классификация, объяснение, идеализация, мысленное конструирование, доказательство и пр. Частнонаучные методы делятся на логико-математические, естественнонаучные, социально-гуманитарные, технико-технологические[422]. В-третьих, выделяется *практическая методология*, понимаемая как учение об организации разных видов деятельности, в том числе игровой, учебной и трудовой профессиональной деятельности, распространяющейся на сферы духовного и материального производства. Известны также методологии педагогической, управленческой, художественной, врачебной практики[423].

Что касается библиотечного дела, там методологические проблемы вплоть до 80-х гг. не пользовались вниманием; не случайно в библиотечных терминологических словарях, изданных в 1976 и 1986 гг., термин «методология» отсутствует. Показательна точка зрения Г.К. Пузикова, который пришел к выводу, что библиотековедение использует в комплексе методы философии и других наук, а в собственной методологии не нуждается[424]. В наши дни библиотековеды широко используют общенаучные и частнонаучные методы, даже иногда обращаются к философской рефлексии, поэтому сомневаться в существовании научной библиотечной методологии не приходится. Однако в связи с понятием «практическая методология» возникает повод для дискуссии, поскольку затруднительно

[421] Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 553.

[422] Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. С. 56–57.

[423] Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. С. 3.

[424] Пузиков Г.К. О методологии советского библиотековедения // Науч. и техн. б-ки СССР. 1980. № 10. С. 3–6.

определить его соотношение с популярным в наши дни понятием «технология».

Если понимать под *технологией* «комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на изготовление, обслуживание, ремонт и/или эксплуатацию изделия, обусловленных текущим уровнем развития науки, техники и общества»[425], то граница между технологией и практической методологией оказывается размытой. О блужданиях разума свидетельствует статья «библиотечная технология», содержащаяся в «Библиотечной энциклопедии», которая гласит: «*библиотечная технология* – комплекс технологических процессов, ориентированных на реализацию задач библиотечной деятельности, а также методология библиотечно-информационного производства, современное знание о сущности библиотечных технологических процессов, закономерностях и принципах их развития»[426]. Получается, что библиотечная технология включает в свой объем, наряду с «комплексом технологических процессов», всю практическую библиотечную методологию (методологию библиотечно-информационного производства) плюс теоретическое библиотековедческое знание о сущности и закономерностях технологических процессов. В итоге вне технологии остается лишь *частнонаучная методология* как часть библиотековедения, представляющая собой «систему принципов и методов, используемых в научно-исследовательской работе в области библиотечного дела»[427], а практическая методология поглощается библиотечной технологией. Что же представляет собой современная библиотечная методология, охватывающая как науку, так и практику? Чтобы уяснить положение дел, обратимся к трудам профессора Владимира Семеновича Крейденко, который пользуется репутацией авторитетнейшего методолога библиотечной науки и практики. Вспомним некоторые вехи его научной и педагогической карьеры.

Почти полвека назад в качестве молодого кандидата педагогических наук В.С. Крейденко выступил с методологическим докладом «Место и роль эксперимента в библиотечном исследовании» на научной конференции Восточно-Сибирского института культуры[428]. В 1967–1968 гг. он рассматривал методологию экспериментирования

[425] Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. С. 174.

[426] Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 185.

[427] Там же. С. 644.

[428] Крейденко В.С. Место и роль эксперимента в библиотечном исследовании // Первая научная конференция профессорско-преподавательского

в библиотечном деле уже на страницах всесоюзного издания[429]. Перу Владимира Семеновича принадлежит первая отечественная монография, посвященная экспериментам в библиотековедческом познании, которую ГПБ имени М.Е. Салтыкова-Щедрина издала в 1973 г.[430] Не забывал он и о практически важных проблемах систематизации методов пропаганды литературы, изучения чтения и работы с читателями. Накопленный научно-педагогический опыт был обобщен в 1977 г. в относительно скромном учебном пособии[431], которое положило начало серии учебно-методических публикаций Владимира Семеновича в области библиотечной методологии.

Особенно значительными достижениями в этой серии стали: участие в авторских коллективах учебников «Работа с читателями» / под ред. В.Ф. Сахарова (М.: Книга, 1981) и «Библиотековедение. Общий курс» / под ред. К.И. Абрамова и Н.С. Карташова (М.: Кн. палата, 1988), выход в свет учебного пособия для библ. фак. интов культуры и пед. вузов «Библиотечные исследования: Научные основы» (М.: Книга, 1983. 144 с.) и фундаментального учебно-методического пособия «Библиотечные исследования» (М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2007. 352 с.), наконец, глава «Методология библиотековедения» (с. 64–86) в учебнике для бакалавров «Библиотековедение. Общий курс» / под ред. А.Н. Ванеева и М.Н. Колесниковой (СПб.: Профессия, 2013). Затруднительно перечислить библиотечные сборники научных статей и вузовские научные труды, справочники и словари, где В.С. Крейденко выступал в качестве признанного эксперта библиотековедческой методологии. Напомню только, что в 1988 году он блестяще защитил в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина докторскую диссертацию «Исследовательские методы в библиотековедении: Современное состояние и пути повышения эффективности».

Выдающийся вклад Владимира Семеновича Крейденко в методологический раздел отечественного библиотековедения компетентно и аргументированно раскрыт историком библиотековедческой

состава. Тез. докладов, февраль 1966 / Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры. Улан-Удэ, 1966. С. 37–42.

[429] Крейденко В.С. Некоторые вопросы применения эксперимента в библиотечном деле // Библиотеки СССР. Опыт работы. М., 1967. Вып. 35. С. 96–107. Он же. Некоторые вопросы проведения эксперимента в библиотечном деле // Библиотеки СССР. Опыт работы. М., 1968. Вып. 40. С. 49–63.

[430] Крейденко В.С. Эксперимент в библиотековедении. – Л.: ГПБ, 1973. 89 с.

[431] Крейденко В.С. Методология и методика библиотечного исследования: учеб. пособие / ЛГИК им. Н.К. Крупской. – Л., 1977. 81 с.

мысли А.Н. Ванеевым[432]. Однако хотелось бы дополнить портрет ученого методолога и педагога-библиотековеда, нарисованный Анатолием Николаевичем, еще одной немаловажной чертой, характеризующей В.С. Крейденко как библиотечного гуманиста. Я не нашел в публикациях В.С. Крейденко словесную формулировку понятия «библиотечный гуманизм», поэтому рискну предложить собственную интерпретацию, надеясь на то, что она не противоречит взглядам Владимира Семеновича. Вот она: ***библиотечный гуманизм*** – такая система профессиональной библиотечной деятельности, когда библиотека мыслится как рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр национальной книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удаленных пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки. Библиотечный гуманизм характеризует полноту осуществления гуманистической миссии в процессе библиотечной деятельности.

Эмоционально сдержанный профессор Крейденко никогда не афишировал свои гуманистические убеждения, но, если внимательно проанализировать содержание его научной и педагогической деятельности, то нетрудно обнаружить, что те методологические принципы, которыми руководствуется профессор Крейденко, являются основанием ***гуманистической библиотечной методологии***. Суть гуманистической библиотечной методологии профессора Крейденко заключается не просто в профессиональной подготовке бакалавров, магистров или кандидатов наук библиотечно-информационного профиля, а в воспитании нового поколения библиотечной интеллигенции, способного в России XXI века сделать библиотеки гуманистическим оплотом нации. Какие качества развивает В.С. Крейденко у своих воспитанников?

Прежде всего – профессиональная компетентность, соответствующая требованиям *практической методологии* современного библиотечного дела. Эти требования диктуются не только маркетингом рыночной экономики, но и потребностью сохранить просветительские и гуманистические традиции российских библиотек, то есть нормами библиотечного гуманизма. Более полувека В.С. Крейденко, читая курсы по работе с читателями, по библиотечному обслуживанию моноэтничных и полиэтничных регионов,

[432] Ванеев А.Н. Разработка методологических и методических проблем библиотековедения (обзор публикаций второй половины XX в.) // Библиосфера. 2007. № 3. С. 47–52.

обсуждая социально-психологические проблемы читателеведения и «чтениеведения» (теория чтения), приобщает будущих библиотекарей к гуманистической библиотечной методологии. Практически ориентированные знания, умения, навыки базируются на общенаучных и частнонаучных методах познания, которые используются в библиотековедческих исследованиях. Как правило, Владимир Семенович не упрощает и не догматизирует принципы, подходы, классификации, которые применяются в библиотековедении, а излагает их на логико-теоретическом, порой гносеологическом уровне, который соответствует гуманитарной высшей школе. Таким образом, профессор Крейденко готовит своих учеников к самостоятельному познанию и разрешению профессиональных библиотечных проблем завтрашнего дня.

Приоритет гуманистических (культурно-просветительных) ценностей разрешает коллизию между методологией и технологией. Не методология – часть технологии, как полагают некоторые технократы, а технология – часть методологии, ибо всякая технология есть средство достижения методологически обоснованных целей. Следовательно, гуманистические цели первичны в профессиональном библиотечном сознании, а информационно-коммуникационные технологии вторичны и обусловлены поставленными целями. Гуманистическая библиотечная политика должна исходить из аксиомы, что библиотека не столько информационная служба, сколько гуманистический центр книжной культуры и свободного общения людей.

Методологические проблемы утверждения библиотеки как пространства диалога культур и межнационального сотрудничества всегда были близки В.С. Крейденко, который в 1963 году посвятил свою кандидатскую диссертацию комплектованию библиотек в многонациональных республиках. Традиционной областью реализации библиотечной интеллигентности является краеведческая библиотечно-библиографическая деятельность, нацеленная на сохранение культурно-исторической памяти села, города, области, республики. Для патриотического воспитания библиотечного студенчества большое значение имел курс «Библиотечное краеведение», который В.С. Крейденко в содружестве с библиографоведом А.В. Мамонтовым читал студентам библиотечно-информационного факультета в 90-е годы.

Благоговение перед Книгой – характерная черта мировоззрения российского интеллигента, который «обрастает книгами», не заботясь специально об их коллекционировании. Обширная домашняя

библиотека профессора Крейденко – лишнее подтверждение этой закономерности. Её хозяин никогда не был библиотафом, поэтому она всегда открыта для учеников и коллег. Не случайно В.С. Крейденко в компании с другими питерскими интеллигентами-книжниками стал одним из авторов методологического пособия для книголюбов «Домашняя библиотека»[433].

Как видим, гуманистическая библиотечная методология, представленная в научно-педагогическом творчестве Владимира Семеновича Крейденко, имеет не только частнонаучное библиотековедческое значение, но и распространяется на области библиографоведения, книговедения, культурологи, то есть является *межнаучным методологическим учением*. В наши дни, в условиях глобальной информатизации, дегуманизации техногенного общества и угрозы самоубийственного столкновения цивилизаций гуманистическая библиотечная методология приобретает высокую актуальность и востребованность. Дело в том, что она может помочь преодолеть объективно данные противоречия. Реализовать библиотечный гуманизм в условиях техногенного информационного общества невозможно без обращения к информационно-коммуникационным технологиям, без использования Интернета и развития виртуального библиотечного пространства. Поэтому деятельность по информатизации (компьютеризации, интернетизации) библиотек полезна и даже необходима. Однако нужно понимать и отдавать себе отчет, что высокие информационные технологии представляют собой ***средства***, которые могут быть использованы для достижения как гуманных, так и антигуманных целей. Универсальное правило «мыслить глобально – действовать локально» в контексте библиотечного гуманизма выглядит так: «мыслить гуманистично – действовать технологично». Для этого необходимо помнить методологические уроки профессора Крейденко.

4.1.8. Поэтика книжности в эпоху ноосферы. Юбилей – это повод для того, чтобы соотнести личную биографию с историческим временем Отечества, а то и призадуматься о векторе вечной эволюции вселенной. ***Валерий Павлович Леонов***, известный библиографовед, библиотековед, книговед и организатор библиотечного дела в нашей стране ознаменовал свое 75-летие выходом в свет очередной монографии с интригующим названием «Очерк эволюции

[433] Домашняя библиотека / Крейденко В.С., Гордукалова Г.Ф., Петрицкий В.А. и др. Под ред. А.Н. Ванеева. СПб.: Профессия, 2002. 320 с.

поэтики библиографии»[434]. Эта книга не оставила меня равнодушным. Я воспринял её как приглашение к откровенному разговору не только о жизненном пути юбиляра, но и о проблемах и перспективах книжности в нынешнюю и грядущую эпоху. Невольно припомнились пророческие строки Б.Л. Пастернака, которые могут послужить в качестве эпиграфа юбилейного дифирамба.

В родстве со всем, что есть, уверяясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Но мы пощажены не будем,
Когда её не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.[435]

Под аккомпанемент поэзии Пастернака неожиданно переплелись на почве книжности юбилейный сюжет о В.П. Леонове и футурологический сюжет о гипотетической ноосфере. Жизненный путь любого почтенного юбиляра естественно делится на три периода: становление личности – зрелость – самореализация, когда приходит мудрое осознание «родства со всем, что есть». Валерий Леонов как-то сказал о себе самом: «Он был неисправимый романтик. Всю свою творческую жизнь он искал тропинку, соединяющую человека и книгу с Богом». Познавательно проследить, хотя бы на уровне внешней фактографии, истоки благоговения книжного в сознании простого советского мальчугана.

Валерий Леонов родился 20 октября 1942 года в городе Уральске (Казахстан) в семье военнослужащего. В 1947 году семья переехала в западноукраинский городок Почаев, где расположена всемирно известная Свято-Успенская Почаевская лавра. Почаев стал для Валерия «родиной души»: он учился в украинской школе на территории Лавры, одновременно говорил на русском и украинском языках, пристрастился к чтению классической литературы, о чем позаботились школьные библиотекари. После окончания средней школы и музыкальной школы решил приобрести надежную профессию и поступил в техническое училище во Львове, где получил специальность слесаря по ремонту тепловозов и более года

[434] Леонов В.П. Очерк эволюции поэтики библиографии. Санкт-Петербург : Европейский дом, 2017. 228 с.

[435] Пастернак Б.Л. Избранное. В 2 т. Т.1. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1985. С. 310.

работал по специальности. В 1962 году поступил в музыкально-педагогическое училище, совершенствовал навыки игры на баяне и фортепьяно, выступал с оркестром. Благодаря музыке и литературе в сознании молодого романтика возникла уверенность, что «искусство, красота и любовь способны спасти мир». Эту уверенность он не утратил во время службы в советской армии, которая проходила в 1962–1965 гг. в Тбилиси, где постоянно посещал Оперный театр (военнослужащим вход был бесплатный) и в 1964 году был принят в ряды КПСС.

После демобилизации летом 1965 года В.П. Леонов поступил на отделение технических библиотек библиотечного факультета Ленинградского государственного института культуры имени Н.К. Крупской. Учился с увлечением, был ленинским стипендиатом. В 1969 году окончил с отличием ЛГИК и поступил в аспирантуру кафедры информатики. Под научным руководством доцента Анатолия Ивановича Манкевича подготовил и успешно защитил в 1973 году кандидатскую диссертацию на тему «Исследование информативности реферативного издания (на примере реферативного сборника «Экономика промышленности»)». Молодому кандидату наук было 30 лет, завершилось становление личности, и можно подвести итоги первого периода его жизненного пути. Упорно и целенаправленно, личным трудом и талантом Валерий Павлович проложил дорогу от украинской школы на территории Почаевской лавры до кандидата педагогических наук, воспитанника ленинградского библиотечно-информационного вуза. В его активе солидный багаж научных и прикладных знаний, романтическая увлеченность профессией и готовность к дальнейшему продолжению научно-педагогической деятельности.

Период социально-профессиональной и духовно-интеллектуальной зрелости нашего юбиляра начался стажировкой в 1973/74 учебном году в Мэрилендском университете США[436]. Обогащенный мировым опытом в области свертывания научной информации Валерий Павлович вернулся на родину в качестве признанного специалиста в области теории и практики реферирования и аннотирования[437]. На кафедре информатики и технических средств он стал

[436] Поверх барьеров: из истории российско-американского сотрудничества в области образования и культуры: профессиональный опыт директора Библиотеки РАН В.П. Леонова / сост. А.С. Крымская; Б-ка РАН. Санкт-Петербург, 2013. 204 с.

[437] Леонов В.П. Реферирование научно-технической литературы: учеб. пособие для биб. фак-та. Л. : ЛГИК, 1982. 84 с.; Он же. Реферирование

ведущим лектором по курсу информатики и приобрел неформальный авторитет у студентов и преподавателей ЛГИК. Серьезным испытанием моральных и деловых качеств Леонова было избрание его в 1980 году на должность освобожденного секретаря парткома вуза. К этой работе он относился чрезвычайно ответственно, заслужил уважение коллектива института. В 1983 году Валерий Павлович принял должность заведующего кафедрой отраслевых библиографий и с увлечением продолжил научно-педагогическую деятельность. Большой интерес вызвали исследования по формализации и автоматизации реферирования, проведенные по заказу Информэлектро (Москва) в научно-исследовательском секторе ЛГИК под руководством В.П. Леонова. Докторскую диссертацию на тему «Алгоритмизация процессов реферирования и аннотирования научно-технической литературы» он защитил в 1987 г.

В том же году, уступая настойчивым приглашениям директора БАН В.А. Филова, он принял решение покинуть привычную педагогическую стезю и перейти на практическую библиотечную работу в качестве заместителя директора по научной работе. В то время ему было 45 лет, он был зрелым педагогом и научным работником, опытным администратором с непорочной партийной репутацией, почему бы не попробовать себя в качестве руководителя старейшей научной библиотеки страны? Почему отказываться от шанса самореализации, если судьба предлагает этот шанс? Я не знаю, изменил бы свое решение В.П. Леонов, если бы вещие кудесники предсказали ему, с какими испытаниями придется столкнуться в последующие 30 лет. И сегодня, поздравляя его со славным юбилеем, не будем вычеркивать период самореализации из нашего правдивого повествования.

14 и 15 февраля 1988 года произошли два мистических возгорания в книгохранилищах БАН, причины которых до сих пор не известны. В огне погибли 300 тысяч изданий, половина – 152 тысячи – иностранные издания до 1930 года. Общее количество книг, пострадавших от воды, пара, высоких температур – более 6 миллионов. Это крупнейшее бедствие, постигшее библиотеки за все время существования книгопечатания. Поскольку В.А. Филов по состоянию здоровья выбыл из строя, руководство работ по ликвидации последствий пожара пришлось взять на себя В.П. Леонову. Спустя всего месяц после ужасной катастрофы – 15 марта 1988 года Библиотека была вновь открыта для читателей. В июне 1988 года

и аннотирование научно-технической литературы. Новосибирск: Наука, 1986. 176 с.

Президиум Академии наук СССР назначил В.П. Леонова исполняющим обязанности директора БАН, а в ноябре коллектив Библиотеки тайным голосованием избрал его своим директором.

Последующие десятилетия стали для В.П. Леонова и всего коллектива Библиотеки временем самоотверженного труда, профессиональных исканий и нравственных мучений. О трагическом пожаре и послепожарных интригах Валерий Павлович подробно рассказал «в жанре воспоминаний, документов и доносов» в книге «Библиотечный синдром. Записки директора БАН»[438]. 20 лет спустя потребовалось продолжение «Синдрома», чтобы защитить достоинство Академической библиотеки и честь её директора[439].

Не будет преувеличением сказать, что Библиотека Академии наук стала главным смыслом его жизни. Как-то он публично признался: «Библиотека для меня все. Здесь проходит наша жизнь от начала до конца»[440]. Библиотека была постоянным источником вдохновения для романтика Леонова, он сделался её исследователем и певцом. Ей посвящены многие его произведения, в том числе солидный роман-исследование «Судьба библиотеки в России»[441] и одухотворенный «Опыт биографии», подготовленный к 300-летию Библиотеки[442]. Библиотека платила доверием своему директору. В 1995 году его вновь избрали директором, 2001 году он был переизбран в третий раз, и в 2006, и в 2011 гг. Я думаю, что, если бы не формальные ограничения возрастного ценза, то и в 2016 году Валерий Павлович остался во главе Библиотеки на следующее пятилетие. Директорская эпопея В.П. Леонова продолжалась 28 лет – больше, чем у всех предыдущих руководителей Библиотеки, за исключением Иоганна Даниеля Шумахера (1690-1761), который по бессрочному контракту Петра I отслужил 45 лет. Нет сомнений, что жизненная самореализация В.П. Леонова успешно состоялась. Залогом его успеха были профессионализм, чувство долга, сила воли, организаторские способности, исключительная работоспособность

[438] Леонов В.П. Библиотечный синдром. Записки директора БАН. Санкт-Петербург: Облик, 1996. 629 с.

[439] Леонов В.П. Библиотечный синдром-2: Документальное продолжение. Санкт-Петербург: БАН, 2016. 119 с.

[440] Леонов В.П. Первая государственная научная библиотека России // Наука и культура: избранные лекции. Санкт-Петербург: БАН, 2009. С. 91.

[441] Леонов В.П. Судьба библиотеки в России: Роман-исследование. Санкт-Петербург: БАН, 2000. 415.

[442] Леонов В.П. Библиотека Академии наук: опыт биографии. Москва: Наука, 2013. 199 с.

и еще то драгоценное качество, которое древние греки назвали «поэзис».

Поэзис (от греч. poiein творить, производить, сочинять) – поэтическое начало, которое проявляется в самых разных видах деятельности, включая стихотворчество, технику, культивацию природы, социальное и научное творчество. Как вторая основа сложных слов, «-поэйя» присоединяется к корням, обозначающим разные области человеческого бытия с целью подчеркнуть их поэтический, образный, творческий потенциал: *биопоэйя* (поэзия живого), *ноопоэйя* (поэзия мысли), *социопоэйя* (поэзия общества), *технопоэйя* (поэзия техники) и т.п.[443] Логично сконструировать термин «*библиопоэйя*» для обозначения «поэзии книжности».

Особенность мировосприятия В.П. Леонова заключается в том, что он сумел ощутить поэзию книжности и попытался рассказать о ней в своих произведениях. В 2003 году была опубликована книга «Пространство библиотеки» с подзаголовком «Библиотечная симфония»[444]. В этой книге автор утверждал, что Слово, Книга, Текст, с одной стороны, и Музыка, с другой стороны, составляют два аспекта познания одного и того же предмета – сущности человека, его места и назначения на Земле. Поэтическая природа Музыки очевидна, следовательно, словесность в целом и книжность в частности обладают поэтическим потенциалом, который воплощается в пространстве Библиотеки, образуя «Библиотечную симфонию», произведение «библиопоэзии». Библиография также не была забыта. В 2005 году была обнародована лирическая исповедь «Любовь к библиографии»[445], и вслед за ней вышла в свет монография «Библиография как профессия»[446], которая, на мой взгляд, представляет собой подлинную «Библиографическую поэму в прозе». Завершающее её «Рассуждение о библиографической науке и обязанностях библиографа» Жана Франсуа Нэ де ла Рошеля (1751–1837) – это гимн Библиографии, который следует знать наизусть всякому профессиональному библиографу.

Музыка, как неразделенная первая любовь, вновь и вновь звучала в научных публикациях директора Библиотеки Академии наук.

---

[443] Эпштейн М.П. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. С. 358–359.

[444] Леонов В.П. Пространство библиотеки: Библиотечная симфония. Москва: Наука, 2003. 123 с.

[445] Леонов В. Любовь к библиографии // Дружба народов. 2005. № 1. С. 149–153.

[446] Леонов В.П. Библиография как профессия: монография. Москва: Наука, 2005. 128.

В 2008 он предложил библиографам, книговедам и «более широкому кругу читателей» совершить путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства под звуки мексиканской мелодии “Besame mucho”[447]. По словам автора, «всемирно известная мелодия, став воплощением порыва любви, создает настроение надежды, вдохновения и творчества». Действительно, библиопоэзия присутствует буквально на каждой странице этой сравнительно небольшой книги. Достаточно привести некоторые названия её разделов: Нити памяти и пространство книжной культуры; Чтение как путешествие души; О посланиях Велимира Хлебникова и Маршалла Маклюэна; Книга как космический субъект; Книга как врожденная программа человека; Об уроках Александрийской библиотеки. Под звуки знакомой с детства мелодии Валерий Павлович предлагает порассуждать на «тему, актуальную в эпоху электронных коммуникаций: о языке общения, судьбе книги и новой библиотеке» (стр. 194). Эти рассуждения продолжены им в «библиофильском сериале», иллюстрирующем историю мировой книжной культуры[448], и в уже упоминавшемся «Очерке эволюции поэтики библиографии», который заслуживает отдельного дифирамба, поскольку Поэзия звучит непосредственно в названии этого произведения.

Классик отечественной лингвистики В.М. Жирмунский (1891–1971) считал, что все «работы лингвистов бывают трех типов – новые идеи на старом материале, старые идеи на новом материале и, наконец, новые идеи на новом материале»[449]. Если распространить эту типологию на «Очерк» Валерия Павловича, выясняется, что он представляет собой филологическое исследование третьего типа. В нем содержится новая теоретическая идея – поэтика библиографии как отражение её эволюции (поэтический ключ к эволюции библиографии) и новый эмпирический материал, характеризующий три эволюционные ступени библиографии: описательную, социологическую, информационную. Отдельная глава посвящена истории эволюции библиографии в России. Идея поэтики библиографии естественно вытекает из предыдущих научно-эстетических раздумий и библиопоэтических ассоциаций Валерия Павловича и является отправной точкой для формирования *нового направления*

[447] Леонов В.П. Besame mucho: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. Москва: Наука, 2008. 268 с.

[448] Леонов В.П. Международная ассоциация библиофилов: Заметки о встречах на конгрессах и коллоквиумах. Санкт-Петербург: БАН, 2015. 448 с.

[449] Цит. по: Леонов В.П. Очерк эволюции поэтики библиографии. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2017. С. 12.

в науке о Книге. Это направление представляется очень интересным и перспективным, поэтому остановимся на двух проблемах его становления, обсуждаемых в новаторском «Очерке» В.П. Леонова.

1. Определение понятий: от поэтики библиографии к библиопоэтике. Определение исходных понятий – важнейшее методологическое требование, которому Валерий Павлович отдал дань на первых страницах «Очерка». *Поэтику библиографии* он определил как «искусство создавать библиографию», как ответ на вопрос «что библиография, в сущности, есть» (с. 11). Далее на стр. 18 утверждается: «поэтика библиографии есть раздел теории библиографии, изучающий структуру и закономерности эволюции библиографического процесса, а также способы воплощения авторского замысла конкретных периодов и направлений её развития». Что же есть поэтика библиографии: искусная библиографическая деятельность или научная абстракция? Ведь «искусство создавать библиографию» – это библиографическая практика, которая никак не может быть «разделом теории библиографии». К тому же оказывается, что «Поэтику библиографии можно и нужно рассматривать как грамматику библиографического языка» (с. 20). Получается, что Леонов в данном случае далек от «неслыханной простоты», о которой тосковал Б.Л. Пастернак. Почему? Потому что библиография – один из частных институтов книжного дела, наряду с книгоиздательским, книготорговым, библиотечным, библиофильским институтами, и поэтику библиографии нельзя понять в отрыве от поэтики книжности, ибо частное определяется через общее. Отсюда следует, что новаторский порыв В.П. Леонова требует первоначального уяснения поэтики книжности.

Поэтика книжности не сводится к теоретическим структурам, так как поэзия апеллирует не только к Разуму, но и к эмоциям Добра и Красоты. Культуролог В.В. Кравченко в своей «Симфонии человеческой культуры», ссылаясь на данные нейробиологии и нейрофизиологии, подчеркивает, что «разум и эмоции существуют нераздельно: рациональность не функционирует без эмоциональной составляющей»[450]. Поэтому нас не может удовлетворить сведение поэтики к одному из разделов литературоведения. В библиологии при рассмотрении поэтики библиографии, библиотечного дела, библиофильства резонно исходить из следующего определения: ***поэтика книжности*** – *искусство выражения сущности Книги как творческого произведения разума, эстетических переживаний и этических устремлений человека.*

[450] Кравченко В.В. Симфония человеческой культуры. Москва: Аграф, 2017. С. 4.

2. Эволюция книжности: от экологического кризиса к ноосфере. В «Очерке» В.П. Леонова поэтика логично связана с эволюционными этапами развития библиографии от Шумерской цивилизации до электронных медиатехнологий. Если ***книжность*** понимать как *овеществленный феномен духовной культурной эволюции человечества, представляющий собой результат сотворчества рационального мышления, эстетических эмоций и этических нормативов (идеалов, целей, утопий)*, то эволюция книжности отождествляется с эволюцией библиографии, представленной в книге Леонова, при условии учета одной коррективы.

Современную ступень эволюции автор именует «информационной», связывая её с информатизацией общества, ведущей к формированию «информационного общества». Я полагаю, что в периодизации эволюции библиографии и книжности нежелательно оперировать многозначным термином «информация». Под «информацией», как известно, понимаются «сведения, сообщения о чем-либо», которыми обмениваются люди, поэтому «неинформационных» человеческих обществ не существует. Древние Шумеры имеют право именоваться «информационным обществом», как и Россия XXI века. А библиографическая деятельность изначально была и остается «информационной». Кроме того, в нынешних эволюционных учениях будущее связывается не с информатизацией, а с ноосферизацией человечества, то есть образованием «разумной оболочки» на планете Земля. Общим признанием пользуется идея В.И. Вернадского о грядущем перерастании нынешнего кризисного состояния биосферы в состояние ноосферы. Однако трезвые эволюционисты предвидят трудный и длительный процесс целенаправленного построения ноосферы, где не исключен катастрофический финал. Потребуется мобилизация Коллективного Разума и Коллективной Воли человечества[451], что невозможно без использования ресурсов Библиопоэтики и Библиографии как поисковой инфраструктуры Книжности. Поэтому я предпочел бы назвать современный этап эволюции библиографии не «информационным», а «ноосферным».

4.1.9. Удивительное рядом. Юбилейная новелла о Ю.Н. Столярове. *Новелла* – это «небольшой рассказ» об одном или нескольких эпизодах из жизни героя, а *роман* (антипод рассказа) – обширная панорама с большим числом действующих лиц. Очевидно, что юбилейное повествование об интеллигенте-книжнике Юрии

[451] Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. Москва: Устойчивый мир, 2001. С. 154–157.

Николаевиче Столярове должно строиться в жанре интеллектуального, возможно, – лироэпического романа. Однако наши возможности ограничены. Поэтому пришлось остановиться на *новелле*, специфика которой, по словам Гёте, заключается в том, что она должна *удивлять* читателя. В самом деле, разве не удивительно, что деревенский парнишка, родившийся 30 сентября 1938 года в селе Рай-Семёновское Серпуховского района Московской области, ныне, как сказано в Википедии, «известен как один из классиков российского библиотековедения»? Конечно, удивительно. Но этот факт – не единственный аргумент в пользу сочетания юбилейной новеллы о Столярове с общечеловеческим феноменом удивления.

В современной психологии *удивление* понимается как эмоциональная реакция, возникающая у субъекта при столкновении с неожиданным, странным или загадочным явлением. Если обратиться к библиосфере (миру книг) и призадуматься о сущности книжности, то окажется, что национальная библиотека или школьный информационно-библиотечный центр – это *удивительные* явления человеческого гения, это «обыкновенное чудо», или повседневное «удивительное рядом». Особенно важен и интересен феномен интеллигентов-книжников (библиотечной интеллигенции), подробно рассмотренный в публикациях[452]. Не будем оперировать формулами интеллигентности, а ограничимся методом аналогии. Иммануил Кант (1724–1804) в Заключении своей «Критики практического разума» (1788) эмоционально сформулировал критерий, отличающий ученых натуралистов и философов от прочего человечества: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Кант выделил два качества, безусловно свойственные интеллигентным людям: удивление перед бескрайним природным Космосом и благоговение перед культурным Логосом.

По образцу критерия Канта сформулируем критерий распознавания интеллигентов-книжников следующим образом: интеллигент-книжник – это образованный, интеллектуально и этически развитый человек, испытывающий *удивление* перед бескрайностью библиосферы и *благоговение* перед каждой книгой, созданной людьми. Личность Ю.Н. Столярова интересна тем, что она в равной мере

[452] Соколов А.В. Библиотечная интеллигенция в России. Часть 1. XI-XIX века. Исторические очерки. М.: Либерея-Бибинформ, 2007. 192 с. Он же. Поколения русской интеллигенции. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. 672 с.

соответствует, как философскому критерию И. Канта, так и нашему книжно-библиотечному критерию. Начать новеллу о нашем герое целесообразно не с удивительных его достижений, а с обыденных биографических фактов.

1. Фактографическая справка. Профессор Столяров – выходец из крестьянского сословия: его предки по отцовской линии несколько веков жили в подмосковном селе Рай-Семёновское, а по материнской – в деревне Панино Ивановской области, и до сих пор Юрий Николаевич не порывает непосредственную кровную связь со своей «малой родиной». Неслучайно в индивидуальной психологии маститого библиотековеда обнаруживаются долготерпение, стойкость, трудолюбие, честность, бескорыстие, которые удивительно органично сочетаются с добродушным юмором, душевной отзывчивостью, здравым смыслом и врожденным чувством собственного достоинства. Многие из этих качеств национальной ментальности отмечены Н.А. Некрасовым, певцом русского крестьянства, в эпической поэме «Кому на Руси жить хорошо?». Когда же в первых строках некрасовского эпоса я прочитал: «Мужик что бык: втемяшится в башку какая блажь, – колом ее оттудова не выбьешь: упираются, всяк на своем стоит», – то осознал бесспорный факт: в крестьянском сыне Юрии Столярове воплощены основные черты «загадочного» русского национального характера.

Как и подобает прирожденному интеллигенту-книжнику, Юрий Николаевич еще в дошкольном возрасте начал читать русских классиков – Тургенева, Гоголя, Пушкина, Лермонтова. В 1945–1955 гг. он обучался в средней школе посёлка Пролетарский Серпуховского района Московской области, был усердным читателем сельских библиотек, преданным «другом книги». Однако его выпускное сочинение не было удостоено оценки «отлично». Почему? Дело в том, что простодушный паренёк выбрал свободную тему «Мой любимый писатель» и вдохновенно поведал о своих симпатиях к творчеству М.М. Пришвина. Заботливые учителя объяснили ему, что советскому отличнику нужно любить либо А.М. Горького, либо А.А. Фадеева. Впрочем, этот факт не излечил Юрия Столярова от очарования книжностью. Когда случайно (судьба позаботилась!) он узнал о существовании Московского государственного библиотечного института (МГБИ), то без колебаний связал свою судьбу с библиотечной альма матер.

1956–1960 – время обучения воспитанника поселковой школы в МГБИ; учился с увлечением и окончил вуз весьма успешно, хотя

и без отличия. Хронологические вехи трудовой деятельности библиотекаря-библиографа Столярова выглядят просто, но весомо. 1960–1966 – практическая работа в Калужской областной библиотеке имени В.Г. Белинского в качестве методиста и библиографа (1962–1964 перерыв: служба в Советской Армии). В марте 1966 года был зачислен в очную аспирантуру Московского государственного института культуры (МГИК), и с тех пор более полувека (1967−2016) научно-педагогическая деятельность Юрия Николаевича осуществлялась в стенах головного библиотечного вуза страны. Здесь он прошел все ступени вузовской иерархии – от преподавателя, старшего преподавателя, доцента до профессора, заведующего кафедрой, проректора по научной работе (1978–1987). В сентябре 2007 года заслуженный работник высшей школы перешел в Научный центр исследований истории книжной культуры Российской академии наук на должность главного научного сотрудника, продолжая по совместительству педагогическую работу в родном вузе.

На первый взгляд, ничего особенного в карьере профессора Столярова не обнаруживается. Эта карьера – типичный жизненный маршрут трудолюбивой российской профессуры второй половины XX века. Но есть и нетипичная деталь. В истории отечественной библиотечной науки навсегда сохранится факт, что более трех десятков лет: с мая 1986 по декабрь 2016 гг. Ю.Н. Столяров добросовестно и терпеливо пребывал неизменным председателем диссертационных советов по специальностям библиотековедение, библиографоведение, книговедение, которые функционировали в МГИК. Более того. Когда в диссовете появилась специальность «Информационные процессы и системы», гуманитарий Столяров мужественно принял вызов технических наук и содействовал разумной информатизации библиосферы.

Удивительно, что, несмотря на врожденную мужицкую прямоту и бескомпромиссность за долгие годы административной и руководящей работы Юрий Николаевич ухитрился избежать скандалов и конфликтов, противоречащих его нравственным убеждениям. Процитируем некоторые откровенные признания коллег и сотрудников, опубликованные в юбилейном издании[453]. «Могу охарактеризовать Ю.Н. Столярова как исключительно принципиального, трудолюбивого, оригинально мыслящего, умного, талантливого, предельно честного, обязательного и доброго человека» (В.А. Артисевич).

[453] Юрий Николаевич Столяров: биобиблиографический указатель. К 70-летию со дня рождения. М.: Наука, 2008. 232 с.

«Хочется отметить неординарность научного мышления Ю.Н. Столярова, неожиданность его подходов к исследованию библиотековедческих проблем. Обладая неустанным стремлением докопаться до сути научных проблем, ученый часто находит истинное, хотя и нетрадиционное их решение» (М.Я. Дворкина). «Если Столяров уверен в своей правоте, то по любому, даже малозначительному поводу не отступит ни на шаг и будет твердо стоять на своём до конца» (О.П. Коршунов). «Феномен Столярова многогранен, многоаспектен, многопланов, полифункционален, динамичен. Совершенно невозможно предсказать, какими научными высотами он овладеет завтра, какие инновации привнесет в науку, в педагогику высшей школы» (В.В. Скворцов). Личностью не рождаются, личностью становятся, и формирование интеллигента-книжника Столярова – это результат не только его личного таланта и трудолюбия, но и той школы, которую ему посчастливилось пройти. Неслучайно Юрий Николаевич в качестве одного из главных фактов своей биографии постоянно повторяет: я – выпускник школы Юрия Владимировича Григорьева. Мы, естественно, не можем пройти мимо этой удивительной школы, потому что бескорыстное и безусловное почитание учителей и предшественников – одна из заповедей книжной интеллигентности.

2. Школа Ю.В. Григорьева. Расчетливым и эгоистичным интеллектуалам память об учителях, тем более, ушедших из жизни, кажется излишней обузой и архаичным обрядом. Интеллигентность же требует неизбывного почтения к наставникам, которые указали дорогу к священному храму Истины и Справедливости. Столяров не устает трогательно вспоминать и напоминать коллегам о «библиозавре», «идеале ученого и педагога», библиотековеде-энциклопедисте – *Юрии Владимировиче Григорьеве*. Он не жалеет своего драгоценного времени для того, чтобы подготовить к изданию рукописное наследие своего учителя, составить библиографический указатель его трудов, собрать новые данные о Ю.В. Григорьеве[454]. Для нас особый интерес представляют воспоминания аспиранта Столярова о школе Григорьева, которые можно считать «свидетельствами очевидца»[455].

[454] Столяров Ю.Н. «Библиозавр» [Ю.В. Григорьев] // Сельский календарь 1994. М.: Колос, 1993. С. 75; Он же. Идеал ученого и педагога. (К 100-летию профессора Ю.В. Григорьева) // Библиотека. 1999. № 10. С. 50–52; Он же. Библиотековед-энциклопедист: жизнь и труды // Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев (1899–1973). М.: Книжная палата, 1989. С. 7-68; Он же. Уточненные биографические сведения о Ю.В. Григорьеве // Науч. и техн. б-ки. 2004. № 11. С. 63–71.

[455] Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев (1899–1973). М.: Книжная палата, 1989. С. 7–68.

Вот некоторые педагогические принципы и приемы Ю.В. Григорьева, замеченные внимательным наблюдателем. Определяющим в работе Юрия Владимировича с аспирантами было стремление сделать из них научных работников, а не скорейшее доведение их до защиты. Он не жалел времени на общение с учениками, и ежедневно его посещали три–четыре человека, беседа с каждым из которых продолжалась не меньше часа. Режим частого общения с руководителем заставлял молодого человека быть постоянно нацеленным на решение своей научной проблемы. Будучи собранным и целеустремленным, требовательный учёный не терпел в аспирантах расхлябанности и умел доходчиво, но тактично, объяснить провинившемуся порочность его поведения. Ко всем участникам его школы Григорьев обращался на «вы» и по имени-отечеству. Он охотно и доброжелательно работал не только со своими, но и сторонними диссертантами, которые обращались к нему за консультацией. Щедрый энциклопедист был глубоко убежден, что чем больше он отдает людям своих идей, тем больше он сам обогащается, и никогда не скупился на то, чтобы поделиться с коллегами собственными мыслями, еще нигде не опубликованными. Того, кто переставал работать в науке после защиты диссертации, он называл «научным браконделом», и повинным в этом считал научного руководителя.

Личность основоположника научной школы в решающей степени предопределяет круг проблем и методологию их исследования. Восхищаясь своим Учителем, Ю.Н. Столяров вспоминал, что Юрия Владимировича Григорьева всегда отличали творческая одаренность, широта политического, научного и культурного кругозора, большие организаторские способности, жизнерадостность, тонкий юмор, феноменальная память. Он и на больничной койке не прекращал творческой работы. Когда врачи не разрешали ему вставать, он приспособился не только писать лежа, но даже лежа печатать на пишущей машинке. Столярову особенно импонировали в образе жизни Ю.В. Григорьева *честность, точность и добросовестность*, доходящие до *педантизма*. На мой взгляд, эти качества являются «фирменным знаком» школы Григорьева-Столярова.

Круг проблем (тематический профиль) научной школы Ю.В. Григорьева можно поделить на две части: 1) *Ядерная часть* – библиотечное фондоведение как специальное библиотековедческое учение; 2) *Периферийная проблематика* – библиотечно-библиографические, книговедческие, общенаучные и педагогические проблемы, так или иначе связанные с советским учением о библиотечных

фондах, целенаправленно и последовательно развиваемое коллективом научной школы. В течение многих лет ядерная часть учения развивалась на основе методик описания, учета, расстановки, хранения и проверки фондов, разработанных Ю.В. Григорьевым в 30-е – 40-е гг. и обобщенных в монографии «Организация библиотечных фондов» (1953).

Аспирант Столяров с присущей ему энергией и увлеченностью в 1968 году подготовил кандидатскую диссертацию «Комплектование и использование книжных фондов массовых библиотек (Современное состояние и перспективы развития)». Необходимо признать, что нужно было обладать большой научной смелостью, чтобы на уровне кандидатской диссертации предлагать программу развития советской библиотечной сети, которая в ту пору насчитывала более 300 тысяч библиотек с пятимиллиардным книжным фондом, обслуживавшим более 220 миллионов читателей. По сути дела, в условиях плановой экономики для разработки программы развития библиотечной отрасли требовался целый НИИ. Однако школа Ю.В. Григорьева не спасовала перед грандиозностью задачи, и отважный аспирант благополучно защитил свою диссертацию. Советское библиотечное фондоведение успешно формировалось, и в качестве относительно завершенной учебной дисциплины оно было представлено в учебном пособии Григорьев Ю.В. Теоретические основы формирования библиотечных фондов (М.: МГИК, 1973).

Периферийная проблематика фондоведческой школы возникла не спонтанно, а в силу слабой разработанности методологических основ советского библиотековедения. Заслуга Ю.В. Григорьева заключалась в том, что он осознал важность общебиблиотековедческой теории для решения прикладных задач и в 60-е годы выступил в качестве методолога библиотечной науки. В статье «Методологические проблемы советского библиотековедения», опубликованной в «Ученых записках Московского государственного института культуры» (1968. Вып. 15. С. 50–74) он решительно призвал к обогащению библиотечной науки методами социальной психологии, социологии, кибернетики и иных популярных и новых в то время дисциплин. Благодаря призывам Григорьева, советское библиотековедение стало постепенно выходить из методологического застоя и приобрели актуальность дискуссии о предмете и объекте, месте в системе наук и статусе библиотековедения: отрасль знания, наука или учение? Ю.В. Григорьев полагал, что современное библиотековедение располагает всеми предпосылками для того, чтобы перейти со стадии

эмпирического учения на стадию теоретической дисциплины. Сам Юрий Владимирович чутко реагировал на появление в науке новых методологических решений и одним из первых библиотековедов использовал системный подход в своем учении о библиотечных фондах. В духе системологии он решал вопросы о правомерности существенных различий в деятельности массовых и научных библиотек, обусловленных многообразием информационных потребностей общества, и отстаивал принципы централизации и единства библиотечной системы страны, независимо от ведомственных барьеров.

Вместе с тем эпистемологические теории не заслоняли в мировоззрении коммуниста Григорьева идеологическую основу государственной библиотечной политики в Советском Союзе. Эту основу он связывал с принципом партийности и ленинским наследием по вопросам библиотечного строительства. Неслучайно ему было поручено в 1970 году выступить на сессии ИФЛА с докладом «В.И. Ленин и библиотечное дело». Он постарался показать мировой библиотечной общественности, что указания В.И. Ленина о построении системы библиотечного обслуживания населения, о задачах и содержании работы библиотек в условиях культурной революции имеют не локальное российское значение, а обогащают все мировое библиотековедение.

3. Научный университет Ю.Н. Столярова. После ухода из жизни Ю.В. Григорьева верный его ученик Столяров взял на себя ответственность за дальнейшее развитие библиотечного фондоведения. В 1979 году под редакцией Ю.Н. Столярова и Е.П. Арефьевой был издан вузовский учебник «Библиотечные фонды»[456], который ознаменовал становление фондоведения как зрелой библиотековедческой дисциплины. В пятнадцати главах учебника, исходя из понимания библиотечного фонда как системы, Ю.Н. Столяров и его соавторы доходчиво, но строго профессионально, рассмотрели общетеоретические проблемы формирования библиотечных фондов, теорию и практику комплектования и организации фондов. Добротный учебник подытожил многолетнюю творческую деятельность школы Ю.В. Григорьева. Вместе с тем, в системном подходе к библиотечному фонду, воплощенном в главах Ю.Н. Столярова, заметна новаторская устремленность теоретической мысли, которая через год воплотилась в монографию «Библиотека: структурно-функциональный подход»[457]. Эта монография стала манифестом

[456] Библиотечные фонды: учебник для библиотечных факультетов / под ред. Ю.Н. Столярова и Е.П. Арефьевой. М.: Книга, 1979. 296 с.

[457] Столяров Ю.Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. М.: Книга, 1981. 255 с.

о перерастании отечественной школы фондоведения не в очередную научную школу, а в *университет библиосферы (мира книг).* Блестяще защищенная в 1982 году докторская диссертация на тему «Структурно-функциональный анализ библиотеки как системы – теоретико-методологическая основа повышения эффективности и качества библиотечного обслуживания» закрепила фундаментальную значимость теоретико-методологических подходов Юрия Николаевича Столярова. Молодой доктор наук приобрел репутацию ведущего библиотековеда, методолога и теоретика, вокруг которого сложился, образно говоря, *неформальный научный университет библиосферы.*

«Университет» (от латинского universitas – совокупность), в отличие от школы (института) охватывает не одно направление познания, а совокупность (в пределе – универсум) направлений. Каждому направлению соответствует факультет или исследовательский центр. Основанная Ю.В. Григорьевым школа библиотечного фондоведения, как мы уже отмечали, обладала широким теоретико-методологическим кругозором, но все-таки главным предметом её изучения был библиотечный фонд, остальные проблемы затрагивались попутно. Тематическая структура университета Ю.Н. Столярова отражена в его публикациях 1989–2017 годов. С известной долей условности в настоящее время можно её представить в виде, по крайней мере, пяти факультетов плюс центр полемических единоборств.

1. *Фондоведческий факультет* – старейший и любимый факультет, с которым изначально связана и научно-исследовательская, и педагогическая деятельность Юрия Николаевича. Библиотечный фонд – излюбленный предмет его размышлений и переживаний, поскольку именно фонд в системе «библиотека» выполняет базисную, т.е. исходную, ключевую функцию. О бурной, даже несколько сумбурной жизни факультета в 70-е – 90-е гг. Ю.Н. Столяров красочно и доходчиво поведал в своем «Избранном», включившем публикации конца прошлого века[458], с. 279–394. Уместно упомянуть, что в 1991 году вышел в свет авторский учебник «Библиотечный фонд»[459].

Надо признать, что фондоведческий факультет в XXI веке удивляет разнообразием, новизной и творческим исполнением своей учебно-педагогической миссии. Дифференциацию фондоведения отразили: учебное пособие «Библиотечный фонд для детей»

[458] Столяров Ю.Н. Библиотековедение. Избранное. 1960–2000 годы. М.: Пашков дом, 2001. 555 с.

[459] Столяров Ю.Н. Библиотечный фонд: учебник. М.: Кн. палата, 1991. 274 с.

(М.: Школьная библиотека, 2005. 240 с.); учебно-практическое пособие Столяров Ю.Н. Библиотека в экстремальной ситуации (М.: Бибком, 2007. 464 с.); Столяров Ю.Н. Управление библиотечным фондом: учебно-практическое пособие (Орёл: ОГИИК, 2015. 154 с.) О научной интеграции библиотечного фондоведения свидетельствует беспрецедентный исследовательский проект – монография Столяров Ю.Н., Кушнаренко Н.Н., Соляник А.А. «Эволюция библиотечного фондоведения» (М.: Издательство ФАИР, 2007. 688 с.). Демонстрируя запредельную щедрость и самоотверженность, Юрий Николаевич опубликовал дублетом капитальные издания, посвященные библиотечным фондам, но адресованные разным аудиториям: одно «Библиотечный фонд»: учебник для бакалавров (СПб.: Профессия, 2015. 384 с.); другое «Формирование библиотечного фонда»: пособие для практиков (МГУКИ. СПб.: Профессия, 2015. 508 с.). Наконец, нельзя не вспомнить лексикографическое достижение фондоведческого факультета: Библиотечный фонд: словарь-справочник / сост. Е.И. Ратникова, Н.З. Стародубова, Л.М. Толчинская; науч. ред. Ю.Н. Столяров (М.: ИНФРА-М, 2016. 158 с.).

2. *Библиотековедческий факультет* преемственно связан с общенаучно-энциклопедической проблематикой школы Ю.В. Григорьева. Во втором издании Большой Советской энциклопедии (1950) опубликовано несколько статей Юрия Владимировича, в том числе основополагающая статья «Библиотековедение» (Т. 5, с. 154–155). Юрий Николаевич, в свою очередь, опубликовал статьи «Библиотека» и «Библиотековедение» в Большой Российской энциклопедии (2005. Т. 3). На мой взгляд, он предложил «энциклопедическое определение библиотековедения», которое, удачнее всех прочих формулировок. Вот оно: библиотековедение – научная дисциплина документно-коммуникационного цикла, теоретически воспроизводящая библиотеку как научное понятие и объект реальности во всех её связях и опосредованиях. Библиотека понимается как документная система, предназначенная для обеспечения опосредовнного библиотекарем акта коммуникации между пользователем (абонентом) и документом[460].

Ю.Н. Столяров – один из основных авторов «Библиотечной энциклопедии» (М.: Пашков дом, 2007. 1300 с.). На его счету около 40 статей, в том числе статья «Библиотека», которая завершается оптимистически: «Будущее – за автоматизированной библиотекой,

[460] Столяров Ю.Н. Энциклопедическое определение библиотековедения // Библиотековедение. 1998. № 1. С. 54–64.

сочетающей книжную и компьютерную культуру, за электронной библиотекой» (с. 141). Оптимизм автора обусловлен не благими пожеланиями, а логично вытекает из четырехэлементной структурно-функциональной модели, обоснованной в монографии 1981 года. Предложенная Ю.Н. Столяровым концепция библиотеки как системы, состоящей из элементов Д (документ) – А (абонент) – Б (библиотекарь) – МТБ (материально-техническая база), применима как к скромной сельской библиотеке, так и к Национальной электронной библиотеке (НЭБ).

Универсальность и гениальная простота четырехэлементной модели заключается в том, что она годится не только для библиотек, но и для архивов, музеев, информаториев, школ, церквей, вообще – для любых коммуникационных учреждений, располагающих документированной памятью (элементом Д). Столяров мог бы запатентовать данную социально-коммуникационную модель как авторское изобретение, но скромно пренебрег лаврами патентовладельца, посвятив свои усилия дальнейшему совершенствованию исходной модели. В 2002 году он уточнил сущностную модель библиотеки, превратив её в «двухконтурную систему»[461]. Первый контур образуют исходные элементы: библиотечный фонд, контингент пользователей, материально-техническая база, библиотечный персонал, а второй контур – это модели названных четырех элементов и библиотеки в целом. Оказалось, что электронная библиотека имеет в сущности те же самые элементы, что и любая другая библиотека. Однако Столяров не склонен ставить точку и завершает статью как-то невразумительно: «Разработка актуальных теоретических и практических вопросов, связанных с функционированием современной библиотеки будет более успешной, если станет базироваться на правильной методологической основе». Конечно, системная декомпозиция библиотеки – задача непростая, но я полагал, что «правильной методологической основой» являются статьи Столярова, а теперь не знаю, где её искать. Зато в вопросе о принципе партийности я вполне солидарен с его позицией.

Для меня примером интеллигентской честности является небольшая книжечка, опубликованная коммунистом Ю.Н. Столяровым в 1979 году, – «Партийность как основополагающий методологический принцип библиотековедения и библиотечного дела»[462].

[461] Столяров Ю.Н. Библиотека – двухконтурная система // Науч. и техн. б-ки. 2002. № 11. С. 5–24.

[462] Столяров Ю.Н. Партийность как основополагающий методологический принцип библиотековедения и библиотечного дела: учебное пособие. М.: МГИК, 1979. 68 с.

Казалось бы, порядочному фондоведу вовсе не к лицу углубляться в обоюдоострую проблему партийности, осененную авторитетом В.И. Ленина и Н.К. Крупской и опошленную бездарной пропагандой. Тем не менее, дотошный ученик Ю.В. Григорьева сумел сказать новое слово в библиотечной политологии.

Ю.Н. Столяров обратил внимание на наличие в принципе партийности двух сторон: познавательной (гносеологической) и оценочной (аксиологической). «Если оценочная функция, – пишет он, – обязательно связана с общественной практикой и классовыми отношениями, то познавательная функция имеет иную задачу – проникать в сущность изучаемых объектов и явлений» (с. 57). Отсюда делается вывод, что исчерпывающая полнота сбора публикаций (например, всех белогвардейских газет) не противопоказана советским научным библиотекам, а «степень приближения фондов научных библиотек к должной полноте можно квалифицировать как степень соблюдения принципа партийности в его гносеологическом аспекте и – опосредованно – в оценочном» (с. 61).

В государственной библиотечной политике Ю.Н. Столярова, стремившегося «жить не по лжи», всегда возмущали беспринципность, конъюнктурность, огульное отрицание ленинского наследия по библиотечному делу, о чем он решительно заявлял в своих публикациях[463]. Например, в 1977 году, когда обсуждался проект «брежневской» Конституции, библиотековед Столяров опубликовал в газете «Правда» заметку «Не считаясь с расходами» (Правда. 1977. 18 сентября), где предложил включить в Конституцию СССР статью о бесплатности пользования советскими библиотеками. Удивительно, что предложение было принято, и в Основном законе государства впервые в истории человеческой цивилизации появилась статья о библиотеках. Концепция библиотечно-библиографической партийности Ю.Н. Столярова имеет для современной библиотечной науки не только исторический интерес. Она содержит объективную научную истину, не зависящую от идейно-политической атмосферы в стране. Эта истина состоит в том, что всякая библиотека (от детской до патентной) вольно или невольно, осознанно или неосознанно осуществляет идейно-воспитательное воздействие на своих читателей, ибо она социально-коммуникационный центр. Нынешнее

[463] Столяров Ю.Н. Ленинское наследие – достояние современности // Сов. библиотековедение. 1990. № 6. С. 16–25; Он же. Беспринципность как основной принцип современной библиотечной политики // Науч. и техн. б-ки. 1993. № 7. С. 3–16; Он же. Полуправда хуже лжи // Библиотековедение. 1993. № 2. С. 46–52; Он же. Моя позиция − в центре // Науч. и техн. б-ки. 1984. № 6. С. 7–22.

библиотековедение исповедует общечеловеческие ценности и партийный плюрализм, но библиотечная этика не сводится к деидеологизации, ей не противопоказана партийная направленность, если последняя гуманистична.

3. *Документологический факультет.* В 1984 году Ю.Н. Столяров был избран заведующим кафедрой библиотечных фондов и каталогов, и первоначально, в соответствии с традицией школы Ю.В. Григорьева, приоритетное внимание на кафедре уделялось фондоведческим и общим библиотековедческим проблемам. В период перестройки получила распространение идея реформирования библиотечного образования в духе демократизации и информатизации. Отвечая вызовам времени, кафедра Ю.Н. Столярова в 1991 году начала, помимо библиотекарей, готовить специалистов по документоведению, и в связи с этим преобразовалась в кафедру документных ресурсов и документационного обеспечения управления. Это преобразование означало переход от традиционного книгоцентризма в учебном и научном процессе к документоцентризму, не свойственному библиотечной школе. Потребовалось уточнить исходные понятия «документ» и «информация» и производные от них термины «документный ресурс», «информационный ресурс», «документальная система», «информационная система» и др. Основная нагрузка, естественно, досталась заведующему кафедрой, который был вынужден углубиться в области документоведения, документологии, информатики и искать практически интуитивно пути их адаптации к проблематике библиотечных фондов и каталогов. Удивительно, но факт: для использования в учебном процессе кафедры библиотековед Столяров оперативно подготовил полноценные учебные пособия: «Сущность информации» (М.: ГПНТБ России, 2000. 107 с.) и «Документный ресурс» (М.: Либерея, 2001. 149 с.). В 2009 году вышло в свет второе, исправленное и дополненное издание учебного пособия «Документный ресурс» (М.: Либерея-Бибинформ, 2009. 224 с.). Кафедра документных ресурсов и документационного обеспечения управления стала адекватно соответствовать своему названию, о чём свидетельствовала серия научных статей Ю.Н. Столярова, появившаяся в 1999–2002 гг.[464].

[464] Столяров Ю.Н. Онтологический статус документа и его практическое значение для библиотек // Библиотековедение. 1999. № 4–6. С. 50–59; Он же. Документу альтернативы нет // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества: Материалы междунар. конф. «Крым 1999». Т. 1. Судак, 1999. С. 282–284; Он же. О новой научной дисциплине – документологии – и её предмете // Материалы междунар. конф. Ч. 2. Харків:

Становление нового документологического факультета в структуре университета Ю.Н. Столярова требовало чрезвычайных усилий, и одним из источников вдохновения для новоявленных документалистов были труды мечтателя, открывавшего «преждевременные истины», основоположника документологии *Поля Отле* (1868–1944), которого Юрий Николаевич именовал «провидцем и мыслителем планетарного масштаба» и «пионером информатики»[465]. Свое мировоззренческое кредо Отле формулировал следующим образом: «Дошедшие до нас из глубины веков документы и изо дня в день возникающие новые во всех странах и на всех языках хранят в себе всю массу человеческих достижений в области мысли и художественного творчества. Книги и документы вместе составляют графическую память человечества, материальную форму наших знаний, писанный образ цивилизации»[466]. Это кредо предопределило мечту Поля Отле о построении документированной общечеловеческой памяти, воплощению которой он посвятил свою жизнь.

Документы Отле определял как «совокупность фактов или идей, представленных в виде текста или изображения и упорядоченных их составителями согласно классификации или плану, которые определены предметом или целью»[467]. Формулировку основоположника документационной науки можно перевести на современный язык следующим образом: «совокупность фактов и идей» = «информация, точнее, – семантическая информация, или смысл»; «текст или изображения» = «знаки, возможно, – запись»; «упорядоченность согласно классификации или плану» = «синтаксическая структура,

ХДАК, 1999. С. 66–71; Он же. Состояние и ближайшие задачи документоведения // Международный форум по информации и документации. 1999. Т. 24. № 2. С. 34–35; Он же. Термины, производимые от слова документ // Науч. и техн. б-ки. 2000. № 10. С. 64–68; Он же. О соотношении книги с документом, книговедения с документологией // Книга. Исследования и материалы. М.: Терра, 2001. Сб 79. С. 76–84; Он же. Онтологический и метонимический смыслы понятия информация // Науч. и техн. б-ки. 2002. № 3. С. 45–51; Он же. Закон документного оснащения социальных коммуникаций // Библиотековедение. 2002. № 6. С. 22–30.

[465] Столяров Ю.Н. Провидец и мыслитель планетарного масштаба. О Поле Отле и его взглядах // Отле П. Труды по библиотековедению: практическое пособие. М.: Либерея, 2002. С. 7–26; Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / предисл., сост. Р.С. Гиляревского. М.: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2004. 350 с.

[466] Отле П. Труды по библиотековедению: практическое пособие / Вступит. статья и науч. ред. Ю.Н. Столярова. М.: Либерея, 2002. С. 138.

[467] Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики. М., 2004. С. 190.

нормативные требования». Получается дефиниция: ***документ*** – *информация (смысл), представленная в форме знаков (записей), структурно упорядоченных в соответствии с принятыми нормами.* В современной нам научной литературе и в терминологических стандартах нетрудно найти примеры усеченных или переформулированных вариантов дефиниции П. Отле.

В качестве научной дисциплины, изучающей Мир документов (документосферу), Отле постулировал «книго-архиво-музееведение», интегрирующее содержание библиотековедения, библиографоведения, архивоведения, музееведения для выявления общих для них закономерностей. Он назвал общую теорию документа (точнее, – метатеорию) *документологией* (documentology), а прикладное учение о практической работе с документами – *документацией* (documentation) или документационной наукой. Организационным центром документации первоначально был Международный институт библиографии, основанный Отле в 1895 году. Документационная практика и теория быстро распространились в Европе и США, во многих странах образовались общества документации, которые специализировались в области информационного обслуживания науки и техники. В 1937 году была создана Международная федерация документации (МФД), главным достижением которой стало ведение и распространение Универсальной десятичной классификации (УДК). В 1988 году МФД объявила себя Международной федерацией документации и информации (International Federation for Information and Documentation), а в 2002 году прекратила свое существование в силу финансовых трудностей. Однако документационная наука и практика, тесно связанные с глобальным процессом информатизации, продолжают развиваться во всех странах, в том числе и в России.

Во многих российских вузах существуют кафедры документоведческого профиля, а факультет Ю.Н. Столярова выполняет в России роль научного лидера в области документологии. Крупнейшимм научным достижением является фундаментальное учебное пособие «Документология», опубликованное «русским Отле» Столяровым в 2013 году[468]. В этом произведении содержатся 20 лекций, каждая из которых посвящена мировоззренчески актуальным проблемам документации, начиная с эволюции документа как информационного объекта и законов документологии, и заканчивая обзором

[468] Столяров Ю.Н. Документология: учебное пособие. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.

документских фуркаций как движущей силы цивилизационного процесса. С концепцией документологии оказались связаны перспективы интеграции библиотековедения, библиографоведения, книговедения, а также организации библиотечно-библиографического образования[469]. Юрий Николаевич охватил своей творческой мыслью огромный научный плацдарм, границы которого обозначены в курсе лекций для аспирантов и соискателей «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность» (2007), а также в хрестоматии, обобщившей ключевые публикации по трем родственным дисциплинам (2010) [470].

4. *Исторический факультет* – необходимая составляющая библиотечной профессионализации, поскольку всякой библиотеке присуща мемориальная функция. Поэтому история книги, история библиографии, история библиотечного дела (включающая историю крупнейших библиотек и библиотечной науки) являются хорошо разработанными научными и учебными дисциплинами. В университете Ю.Н. Столярова в качестве аксиомы приняты слова А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Приведу только три особенно убедительных факта «уважения к минувшему». О первом факте мы уже говорили, вспоминая научную школу Ю.В. Григорьева. Библиотечная наука обязана Ю.Н. Столярову публикацией одного из основных трудов библиотековеда-энциклопедиста – «Истории русского библиотековедения (1700–1860 годы)»[471]. Автор не успел подготовить рукопись к печати, поэтому редактору пришлось не только комментировать и править текст, но и порою его дополнять и дописывать, то есть выступать в ответственной и хлопотливой роли соавтора.

[469] Столяров Ю.Н. Опыт разработки и преподавания курса «Документология»: история, современное состояние, ближайшие перспективы // Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве. Междунар. Симпозиум. Сб. статей. М., 2007. С. 87–95.

[470] Столяров Ю.Н. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: учебное пособие для аспирантов и соискателей. Орёл: ОГИИК, 2007. 266 с.; Он же. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: хрестоматия для аспирантов и соискателей. Часть 1. Орёл: ОГИИК, 2010. 329 с.; Он же. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: хрестоматия для аспирантов и соискателей. Часть 2. Орёл: ОГИИК, 2010. 314 с.

[471] Григорьев Ю.Н. История русского библиотековедения (1700−1860 годы). Под редакцией и с комментариями профессора Ю.Н. Столярова // Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев (1899−1973). М.: Книжная палата. 1989. С. 69−208.

Второй факт – исследование истории книжной культуры, которому Юрий Николаевич посвятил более двадцати лет своей жизни. В 2017 году, благодаря благородной помощи Челябинского государственного института культуры увидел свет фолиант объемом 58 п.л., озаглавленный «Истоки книжной культуры»[472]. Замысел этого труда грандиозен. Исходя из очевидного тезиса, что собственно истории книжной культуры должен предшествовать огромный пласт её предыстории, Ю.Н. Столяров в качестве основных истоков письменной культуры народов мира рассматривает: мифы о богах и героях – изобретателях письма; фольклор (сказки, былины, песни, заговоры и т.п.); религиозные верования, послужившие основой для «священных писаний» мировых религий, таких, как иудаизм, христианство, ислам, не забывая об антисвятости и эзотеризме, которые невозможны без письменности; наконец, героический эпос, начиная с шумерского Гильгамеша и заканчивая грузинским Витязем в тигровой шкуре. Историки-культуроведы славятся эрудицией и трудолюбием, но в анналах книжной культуры мы не можем найти другого авторского труда, сопоставимого с историко-культурным подвигом интеллигента-книжника Столярова.

Наконец, чрезвычайно важно третье направление деятельности исторического факультета, связанное с сохранением памяти о зачинателях отечественного библиотековедения и роли библиотек в революционных преобразованиях России. Юрий Николаевич считал своим профессионально-нравственным долгом восстановление доброй памяти первого русского государственного библиотекаря Иоганна-Даниила Шумахера (1690−1761) и отечественного просветителя-энциклопедиста Василия Никитича Татищева (1686−1750), которого он почитал первым русским книговедом (Книга: Исследования и материалы. 1986. Сб. 53). В последние годы, благодаря Столярову, мы узнали имена первых библиотековедов современной формации (М.А. Макаровский, В. И. Чарнолуский). Неслучайно имя ученого книжника фигурирует в когорте российских историков XX века[473].

Особенно интересен проект «Неизвестный Рубакин (1862−1946)», задуманный и неуклонно воплощаемый неугомонным Ю.Н. Столяровым. Было известно, что в отделе рукописей Ленинки в соответствии с завещанием Н.А. Рубакина хранится значительная

[472] Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / под ред. В.Я. Рушанина; отв. за выпуск Т.Ф. Берестова. Челябинск: ЧГИК, 2017. 500 с.

[473] Чернобаев А.А. Столяров Юрий Николаевич // Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Т. 2. Саратов: Социально-экономич. ун-т., 2005. С. 372–373.

часть его архива, содержащая чрезвычайно интересные автобиографические материалы, воспоминания современников, рукописи по теории и практике библиопсихологии, общего библиотековедения, книжной культуре, философско-этические наброски. К сожалению, Николай Александрович, особенно к концу жизни, обладал крайне неразборчивым почерком, поэтому его рукописи нуждаются в декодировании, а иногда и в переводе с французского на русский язык. Благодаря помощи Русской школьной библиотечной ассоциации (президент Т.Д. Жукова), Ю.Н. Столярову удалось начать публикацию неизвестных трудов Н.А. Рубакина и подготовить серию статей о личности библиопсихолога и содержании его учения, которые в связи со 155-летием классика отечественной книжности были опубликованы на страницах журналов «Школьная библиотека» и «Научные и технические библиотеки». В настоящее время он готовит к изданию книгу «Возвращенный Рубакин», включающую новые материалы о Н.А. Рубакине и его неопубликованные выступления, в частности, актуальное доныне Открытое письмо ко всем русским грамотным людям «Не пора ли Вам сделаться фанатиками книжного дела?».

5. *Факультет детского творчества* необходим и уместен в структуре университета Ю.Н. Столярова, потому что Юрий Николаевич – прирожденный педагог-воспитатель, проявляющий свою педагогическую озабоченность и одаренность двояко: во-первых, в профессионализации библиотечных работников; во-вторых, в приобщении к книжному чтению подрастающего поколения. Дело в том, что в четырехэлементной модели библиотеки человечность присутствует в двух элементах: Библиотечный персонал (Б) и Абоненты (читатели) библиотеки (А).

О путях формирования библиотечной профессии преподаватель МГИК Столяров призадумался в 70-е годы и написал постановочную статью «Профессия библиотекаря. Почему её выбирают?»[474]. Ответ на этот вопрос профессор Ю.Н. Столяров сумел дать почти три десятилетия спустя, обобщая свой обширный опыт подготовки профессионалов библиотечного дела и общения с ними[475]. Оказалось, что библиотечная профессия привлекает людей, которые выросли в окружении книг, ощущают особую магию книги, не мыслят себя

[474] Столяров Ю.Н. Профессия библиотекаря. Почему её выбирают? // Науч. и техн. б-ки СССР. 1977. № 1. С. 13–27.

[475] Библиотекарь: Выбор профессии. Мастер-класс профессора Ю.Н. Столярова. М.: Либерея-Бибинформ, 2010. 176 с.

в отрыве от литературы («не читать для меня все равно, что не дышать»). Литературную зависимость некоторые библиотекари считают болезнью, но болезнью хорошей. Есть и библиотечные идеалисты, вдохновленные не только тем, что в библиотеках есть прекрасные книги, но и тем, что в них работают прекрасные люди, что библиотека – источник знаний, выводящий читателя из тьмы невежества.

Ясно, что приобщать будущих читателей к магии книги, заражать их «хорошей болезнью» библиофильства, нужно с детских лет, и поэтому Университет Столярова активно сотрудничает с детскими и школьными библиотеками. Ю.Н. Столяров стал идейным вдохновителем и активным разработчиком нескольких всероссийских конкурсов, проведенных Русской школьной библиотечной ассоциацией (РШБА), таких, как конкурс на лучший детский экслибрис для школьной библиотеки (2002−2004), «100 сказок о книге и чтении (2008−2009), «Книжкина больница» (2009−2010). Особенно удачным и интересным оказался Всероссийский конкурс «100 сказок о книге и чтении», проведенный среди учеников 1–4 классов. По материалам конкурса Ю.Н. Столяров подготовил книгу «Сказка – дверь в большой мир: советы взрослым о воспитании у детей культуры чтения сказок», которая нашла самый широкий отклик в среде детских и школьных библиотекарей, а также напомнил советы Н.А. Рубакина о руководстве детским чтением[476].

6. *Центр полемических единоборств* не является лишним звеном в методологическом арсенале Университета Столярова. Было бы странно, точнее, противоестественно, если бы новаторские идеи, корректирующие, а то и опровергающие, привычные догмы и стереотипы воспринимались без сопротивления руководящими органами, консервативными или конъюнктурными коллегами, а то и просто невежественными демагогами. Острый полемический задор украшает почти половину его статей последнего времени. С годами он становится все более изощренным критиком, неутомимым спорщиком, ироничным, а то и саркастичным оппонентом. Но я склонен простить его бескомпромиссную горячность, потому что она обусловлена главным, на мой взгляд, качеством интеллигентской морали – *честностью,* состоящей в самозабвенном поиске *истины ради истины.*

[476] Столяров Ю.Н. Сказка – дверь в большой мир: советы взрослым о воспитании у детей культуры чтения сказок. М.: РШБА, 2012. 224 с.; Он же. Н.А. Рубакин о подборе книг для детей и руководстве детским чтением // Школьная библиотека. 2005. № 7. С. 50–52.

Завершая по необходимости краткую юбилейную новеллу об интеллигенте-книжнике Ю.Н. Столярове, признаюсь, что для меня остались загадкой неистощимость творческой энергии нашего юбиляра и поразительная, точнее, – рекордная научная продуктивность его жизнедеятельности. Ведь добраться до письменного стола писателю-подвижнику удается только в перерывах ежедневных занятий со студентами и аспирантами, бесед с библиотекарями и коллегами-преподавателями, ученых советов и заседаний, командировок, неожиданных совещаний, встреч, мероприятий. Спрос на Столярова очень большой, запредельный, беспощадный. Он нужен людям, потому что он – интеллигент-альтруист, то есть человек с ощущением общественного долга.

Я не знаю российских книговедов, библиотековедов, библиографоведов, которые могли бы соперничать со Столяровым как с ученым и научным руководителем. Творчески работая в нескольких научных направлениях, активно публикуясь в научной периодике (сейчас на его счету около 1000 публикаций), Юрий Николаевич всегда увлеченно и даже самоотверженно выращивал свою научную школу: под его научным руководством на сегодняшний день успешно защищены ровно 50 диссертаций (9 докторских и 41 кандидатская). Среди докторантов Столярова такие яркие и талантливые лидеры современной книжности, как Т.Ф. Берестова, Е.В. Динер, Т.В. Ерёменко, Н.Н. Кушнаренко, Р.С. Мотульский, Е.И. Полтавская, И.С. Пилко, Т.Д. Рубанова. Пожалуй, не найдется такой библиотековедческой диссертации, защищенной в постсоветской России, где в списке литературы отсутствовали бы публикации Ю.Н. Столярова. Короче говоря, совершенно неожиданно наша новелла превратилась в короткий рассказ (short storey) о нравственном подвиге во имя науки и образования. Как оправдать такую метаморфозу?

4. От новеллы к философеме. Новелла – это повествование о каком-то удивительном явлении. Какие эмоциональные реакции может побудить наша новелла об удивительном интеллигенте-книжнике у любознательного читателя? Возможны, по крайней мере, три варианта. Первый: удивился – и позавидовал: мне бы столько публикаций да учеников! Второй вариант: удивился – бескорыстно повосхищался, безмятежно вернулся к делам текущим. Третий вариант: удивился – и призадумался. Именно третий вариант кажется предпочтительным.

В философии *удивление* мыслится как причина познавательной деятельности. Еще Аристотель (384–322 до н.э.) заметил в своей

«Метафизике», что философия начинается с удивления: «И теперь, и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь далее, они задавались вопросом о более значительном» (Met. 982b12). Французский философ Андре Конт-Спонвиль (род. в 1952) солидарен с древним мыслителем: «Философ удивляется тому, что вовсе не удивляет (или больше не удивляет) остальных его современников. Например, существование мира удивительно не потому, что мир непредсказуем, но потому, что он погружает наш ум в недоумение, доходящее до оцепенения»[477]. Если вы захотите юбилейную новеллу прочитать как философему, следуйте простым рекомендациям:

На мир взгляните добрым взглядом,
Перелистайте книжный том
И «удивительное рядом»
Вы обнаружите кругом.
Боясь назойливым казаться,
Один совет я все же дам:
Не уставайте удивляться
Своим коллегам и друзьям!

4.1.10. Библиофутурологическое творчество Якова Шрайберга. История российских библиотек XXI века еще не написана. Она создается сегодня нашими трудами, мечтами, успехами и неудачами. Важно позаботиться о том, чтобы сохранилась память о том добром, мудром и прекрасном, что стало достоянием нашего времени. Поэтому, пользуясь юбилейным предлогом, я хочу напомнить об удивительном творчестве Якова Леонидовича Шрайберга, которое, на мой взгляд, заслуживает эпитета «библиофутурологическое». Под *библиофутурологией* понимается тематический раздел футурологии (прогностики), предметом которого является исследование будущей эволюции библиосферы (книжной коммуникации)[478]. Я.Л. Шрайберг – фигура многогранная: практик библиотечной автоматизации и информатизации; руководитель крупнейшей библиотеки; доктор наук, теоретик библиотечно-информационной деятельности; педагог высшей школы; инициатор и организатор международных профессиональных форумов; наконец, лидер профессионального

[477] Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. С. 644.

[478] Соколов А.В. Библиофутурология: предмет и метод // Библиотековедение. 2015. № 6. С. 23–29.

библиотечного сообщества. Каждая из граней его личности так или иначе связана с библиофутурологией. Покажем это.

В 60-е годы перспективы развития советских библиотек неизменно усматривались в автоматизации библиотечно-библиографических процессов, в построении интегральных автоматизированных систем на основе электронных вычислительных машин второго поколения. Лидером была ГПНТБ СССР, располагавшая командой энтузиастов библиотечного прогресса и собственным вычислительным центром. Поэтому в 1978 году Яков Шрайберг, выпускник факультета вычислительных и управляющих систем Казанского авиационного института, оказался желанным и весьма полезным сотрудником ГПНТБ. Здесь он приобщился к библиотечной системологии и в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Модели разомкнутых сетей массового обслуживания в информационно-вычислительных системах» по специальности «Техническая кибернетика и теория информации». Шрайберг быстро стал одним из ведущих разработчиков Автоматизированной системы Библиотеки и в 1988 году, пройдя по конкурсу, возглавил самое крупное научно-исследовательское подразделение – отдел исследований и разработки автоматизированных библиотечно-информационных систем и сетей. В 1991 году он стал заместителем директора по научной работе и автоматизации, затем – первым заместителем директора. ГПНТБ СССР в эти годы превратилась в крупнейшее информационное и научное учреждение, в главную научно-техническую библиотеку страны, руководство которой требовало стратегического мышления, тактической интуиции, прогностического предвидения. По сути дела он прошел школу практической библиофутурологии, которая документирована в научных публикациях главного конструктора Автоматизированной системы Библиотеки, а с 2006 года генерального директора ФГУ ГПНТБ России[479].

[479] См., например: Шрайберг Я.Л. Синтез математических моделей исследования операций для автоматизированного управления в библиотечно-информационной системе // Международный семинар по теории телетрафика и компьютерному моделированию: сб. докладов. М., 1988. С. 392–400; Он же. Автоматизированная информационно-библиотечная сеть: основные элементы понятийного аппарата // Автоматизированные библиотечно-информационные сети и системы: проблемы разработки, функционирования и развития: сб. науч. тр. / ГПНТБ СССР. М., 1989. С. 19–27; Автоматизация как новое научное направление в библиотечно-информационной области: десять главных принципов автоматизации // Науч. и техн. б-ки. 2000. № 2. С. 5–11; см. также многочисленные публикации в соавторстве с В.М. Ростовцевым, М.В. Гончаровым и другими сотрудниками ГПНТБ.

В 1992 г. Я.Л. Шрайберг начал преподавательскую деятельность в высшей школе, работая по совместительству на кафедре информационных систем МГИК. В 1993-1995 гг. Яков Леонидович вышел на международную арену, организовав вместе со своим другом и помощником Борисом Исаевичем Маршаком широко известную Международную ассоциацию пользователей и разработчиков электронных библиотек и новых информационных технологий (Ассоциация ЭБНИТ). В 1996 году ему было присуждено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», в том же году он получил ученое звание доцента. Знаменательным событием стала защита Я.Л. Шрайбергом в 1999 году докторской диссертации по техническим наукам на тему «Принципы построения автоматизированных библиотечно-информационных систем и сетей». В следующем году по его инициативе в Московском государственном институте культуры была учреждена кафедра электронных библиотек, информационных технологий, которой профессор Шрайберг руководит до настоящего времени. Кафедра подобного профиля является единственной в нашей стране. При разработке образовательной программы выпускников кафедры, формировании педагогического коллектива, разработке методических и учебных пособий в полной мере были реализованы библиофутурологические представления, выработанные заведующим кафедрой и его коллегами в результате осмысления места и роли ГПНТБ России в современной библиотечно-информационной системе[480]. Комплекс учебных дисциплин кафедры включал такие, как «Компьютерные технологии в библиотеках», «Интернет/ Интранет технологии», «Электронные библиотеки», «Проектирование автоматизированных библиотечно-информационных систем» и др. Конечно, здесь опять был востребован библиофутурологический талант Якова Леонидовича. Нельзя не позавидовать питомцам и воспитанникам кафедры, для которых

[480] Шрайберг Я.Л., Гончаров М.В., Шлыкова О.В. Интернет – ресурсы и услуги для библиотек: учеб. пособие. М., 2000. 140 с.; Шрайберг Я.Л., Адамьянц А.О. ГПНТБ России как базовая организация кафедры «Информационных технологий и электронных библиотек» МГУКИ // Информационные технологии в библиотеках и информационное общество: сб. науч. тр. / ГПНТБ России. М., 2001. С. 15–19; Земсков А.И., Шрайберг Я.Л. Электронные библиотеки: учеб. для вузов. М.: ГПНТБ России, 2003. 351 с.; Шрайберг Я.Л., Лиховид Т.Ф. Кафедра электронных библиотек, информационных технологий и систем МГУКИ – 10 лет в строю // Науч. и техн. б-ки. 2010. № 10. С. 60–68.

главная научно-техническая библиотека страны стала полигоном для встречи с вызовами постиндустриальной цивилизации.

Пожалуй, самое интересное проследить за изменениями библиофутурологических взглядов Я.Л. Шрайберга с течением времени. Такая возможность есть. Для этого нужно обратиться к пленарным и ежегодным докладам, с которыми председатель Оргкомитета Шрайберг выступал на международных конференциях «Крым», которые в 1994–2002 гг. были посвящены теме «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества»; в 2003–2014 гг. проходили под девизом «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса», а в 2015–2017 гг. открывали профессиональный форум «Книга. Культура. Образование. Инновации»[481]. В каждом из 24 докладов не только подводились итоги современному состоянию дел и анализировались новейшие информационно-технологические достижения, входящие в практику библиотек, но и уделялось внимание основным трендам и перспективам развития книжного и библиотечно-библиографического дела.

Пленарные доклады 90-х гг. отличались конкретностью и практичностью, они содержат осмысление перспектив равноправного сотрудничества России с западными странами, которое производится в свете рекомендации Экклезиаста: «Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать». В докладе 2000 года изложен проект «автор – издатель – книгораспространитель – библиотекарь – потребитель», нацеленный на оптимизацию процессов создания, распространения и использования печатной и электронной продукции в интересах «дальнейшего развития России по пути демократического гражданского общества». В докладе следующего года констатируется, что одна из главных тенденций развития библиотечного дела сегодня – содействие превращению общества в информационное. Для этого необходимо разработать новую концепцию библиотеки, учитывающую предоставление читателю полнотекстовых электронных изданий через Интернет. С сожалением сообщается, что межведомственная программа «Электронные библиотеки России» не состоялась из-за ведомственных реорганизаций. Поэтому докладчик ратовал за создание систем корпоративной каталогизации, региональных корпоративных библиотечно-информационных систем, межрегиональных и межведомственных

[481] Шрайберг Я.Л. Избранные труды: юбилейное издание: в 3 т. Т. 2. Пленарные и ежегодные крымские доклады. М. ГПНТБ России, 2012. 464 с.

объединений библиотек. Доклад завершался оптимистически: «Нет сомнения в том, что современные тенденции развития общества и библиотечно-информационных технологий приведут к увеличению статуса, роли и материального уровня библиотек. Но только при условии их активного вмешательства в этот процесс. Мы должны хотеть чего-то великого, но нужно также уметь совершать великое; в противном случае это – ничтожное желание». В последующих докладах Я.Л. Шрайберга последовательно развиваются два тезиса: во-первых, возрастание социальной значимости библиотек, повышение их вклада в развитие образования, науки и культуры, в формирование общественного согласия и политической стабильности, благодаря продвижению информационных технологий (при этом отмечается отсутствие в нашей стране «скоординированной государственной политики в области библиотек»); во-вторых, традиционная книга и традиционная библиотека сохранятся в будущем, и реальной перспективой является их сосуществование с электронными библиотеками. Я.Л. Шрайберг не устает повторять: «Пусть библиотеки приобретают новые очертания, осваивают новые технологии, применяют Интернет и мобильную связь, все равно книга, одно из чудес, созданных человечеством, и библиотека будут неразрывны».

Изменились ли его библиофутурологические взгляды и убеждения пять лет спустя, в 2017 году? Обратимся к ежегодному докладу Международного профессионального форума «Крым-2017»[482]. Автор начинает свои рассуждения поистине гуманистической преамбулой: «Сегодня, когда окружающий нас мир становится все более технократичнее, все более агрессивнее, я бы сказал все более жестоким, наша роль − людей образования, культуры, науки, в первую очередь сделать так, чтобы отражение наших мыслей, чувств, желаний, и главное − деяний приводило бы к благу людей, особенно тех, которые в той или иной степени зависимы от нас: от наших возможностей и наших поступков» (с. 5). Прекрасно сказано! Беда в том, что сегодня мы переживаем пятую информационную революцию, когда неимоверно возрастают скорости и объемы обрабатываемой информации, и люди умственного труда испытывают небывалые информационные перегрузки.

В инфосфере возникли ранее неизвестные явления, например, феномен «Большие данные» (Big Data). Источниками Больших

[482] Шрайберг Я.Л. Библиотеки, музеи, вузы и книжный рынок в едином информационном цифровом пространстве: общее и особенное. М.: ГПНТБ России, 2017. 79 с.

данных являются не столько библиотеки, архивы, научные и учебные заведения, оцифровывающие свои фонды, сколько метеорологические данные, сети сотовой связи, данные различных измерительных устройств, аппаратов видеорегистрации и т.д. Бытует сравнение: если все Большие данные записать на диски, то эта стопка дисков растянется от Земли до Луны и еще на четверть пути обратно! Однако, замечает Я.Л. Шрайберг, проблема Больших данных кроется не в их объеме, а в том, что растет количество и разнообразие источников данных и отсутствуют инструменты обработки данных. Он советует библиотекарям, работающим с научной информацией, взять на себя роль посредников: создавать руководства по индексированию, классификации, использованию данных, проектировать схемы метаданных и т.д. Помимо Больших данных, другими трендами в информационной сфере являются: развитие облачных технологий, мобильные технологии, информационная безопасность, «Интернет вещей», 3D-печать, «умные устройства» и другие продукты робототехники и искусственного интеллекта.

Я.Л. Шрайберг в своих библиофутурологических раздумьях обращается к принятой Генеральной Ассамблеей ООН резолюции «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», которая вступила в силу 1 января 2016 года. Библиотеки упоминаются неоднократно в «Повестке дня», причем в таких важнейших целях, как ликвидация бедности и голода на планете. Подчеркивается, что библиотеки являются важным и естественным партнером в решении общественно значимых задач, в особенности тех, которые относятся к образованию. Открытый доступ к информации, сохранение культурного наследия, всеобщая грамотность, доступность коммуникационных услуг – немыслимы без библиотек. Шрайберг резюмирует: «Большие данные и ООНовская Повестка дня вкупе с переходом к шестой информационной революции, на мой взгляд, главные, но не единственные факторы развития современной информационной цифровой среды. Работники музеев, архивов, библиотек вместе с издателями и книгораспространителями должны честно спросить себя: а что мы еще должны сделать, чтобы стать полезными и интересными для современного поколения, живущего в цифровом окружении и хорошо владеющего его возможностями?» (с. 32). У Якова Леонидовича есть ответ на этот вопрос. Вот он.

«Развитие или разрушение человеческой цивилизации с помощью информационных технологий зависит от количественного

проявления положительных или отрицательных форм влияния этих технологий на жизнедеятельность социума. В наше время, когда в мире так много средств связи, в любую минуту мы можем связаться с тем человеком, с которым захотим поговорить. Мы перестаем читать, встречаться, обсуждать прочитанное, а ведь есть только одно средство стать культурным человеком, это – чтение.… Виртуальный мир ни в коем случае не сможет заменить живое общение. Мы теряем общечеловеческие ценности, человеческие коммуникации, мы теряем себя.… Надо встречаться, общаться, сопереживать – во имя нас, во имя наших детей, внуков, друзей, во имя правильного развития нашего общества и процветания нашей страны» (с. 70–71).

Остается только присоединиться к словам талантливого библиофутуролога. Однако Шрайберг не был бы Шрайбергом, если бы он ограничился одними словесными призывами. Будучи человеком дела, Яков Леонидович в 2015 году выступил инициатором образования Национальной библиотечной ассоциации «Библиотеки будущего» (НАББ), которая 4 февраля отпраздновала свой первый день рождения. Очевидна библиофутурологическая направленность нового профессионального объединения, президентом которого был избран Я.Л. Шрайберг. Не случайно приоритетной задачей НАББ объявлена образовательная деятельность, то есть подготовка библиотечного сообщества к встрече с суровыми испытаниями и бифуркациями будущего[483]. Будем надеяться на волю, мудрость, богатый жизненный опыт и здравый смысл Генерального директора ГПНТБ России и Генерала устремленного в будущее Библиотечного Авангарда.

Мемуарно-лирическое настроение заставило меня возродить в памяти легендарную кафедру информатики, другие структурные подразделения института, а, самое главное, – прекрасные лица друзей и коллег, учителей и учеников, спутников, сотрудников, единомышленников. С большим удивлением я обнаружил, что мемуарная лирика не терпит прозаических форматов и требует поэтических откровений, чуждых прозаическому нарративу. В тональности библиопоэтики хотелось бы завершить нынешнюю «Ретроспективу-85».

[483] Национальная библиотечная ассоциация «Библиотеки будущего» – итоги первого года жизни. Интервью с Я.Л. Шрайбергом // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 5. С. 5–9.

4.2. Ренессанс Института культуры

Родимый факультет библиотечный!
Я был не лишним на твоем веку.
Пожалуйста, включи мою строку
В истории твоей папирус бесконечный.

4.2.1. Кафедра информатики. После космического полета Юрия Гагарина, в атмосфере научно-технической революции и торжества кибернетики Министерство культуры РСФСР решило приобщить библиотечную профессию к мировому прогрессу и открыть в подведомственных ему институтах культуры кафедры научной информации. В октябре 1967 года первая кафедра была образована в Ленинградском государственном институте культуры имени Н.К. Крупской (ректор Н.П. Скрыпнев). Дело было так.

Только день на Руси начинается,
Да честной народ просыпается
Уж идет-бредет добрый молодец,
Соколов Аркадий Васильевич
В крепость древнюю, серокаменну,
«Институтом культуры» званную.
На ковры вступает махровые
Перед очи царя суровые,
Идеолога неусыпного
Николая Петровича Скрыпнева.

Вот нахмурил царь брови бархатны,
Отворил уста свои сахарны,
Постучал клюкой неразлучною,
Говорить нача**л** речь научную:

– Ой ты, гой еси, на святой Руси
Времена пошли, что Господь спаси.
До меня дошли слухи странные,
Мол, науки есть иностранные,
Что придумали лбы беспечные
На несчастья библиотечные.

Собери дружинушку ратную
Да науку ту непонятную
Из чужих сторон забери в полон,
Приведи ко мне пред высокий трон.
Коли сделаешь, – награжу, любя,
А не сделаешь, – накажу тебя,
Сложишь голову бесталанную
На клюку мою деревянную.

Кафедра научной информации ЛГИК, вскоре переименованная в кафедру информатики, была первой кафедрой информационного профиля в библиотечном образовании. На долю немногочисленного состава молодой кафедры выпала подготовка учебных программ и учебных пособий, разработка научного содержания «библиотечной информатики», определения места и роли кафедры в библиотечном образовании. В качестве отправной инстанции использовалась теория научной информации ВИНИТИ, но эту теорию нужно было «обиблиотечить», согласовать с курсами библиотековедения и библиографии. Специальные кафедры библиотечного факультета охотно сотрудничали с нами. Особенно крепкие деловые и дружеские отношения связывали нас с кафедрой технической литературы, где под руководством Людмилы Вениаминовны Зильберминц её талантливые и трудолюбивые ученицы Гертруда Гедримович и Валентина Минкина разрабатывали теорию документальных потоков. Спустя несколько лет я напомнил Гертруде о том времени.

Тают отроческие тайны, как туманы на берегах.
Повзрослели мы чрезвычайно, хоть еще не в больших годах.
А когда-то загадки мира открывали, идя под стол,
Зильберминц нас читать учила то БУТИЛ, то ещё БУТОЛ.
И в БУТОЛе когда случайно на вопрос находили ответ,
Будто бы открывали тайну, ну, не тайну – хотя бы секрет.
Помнишь, как из Москвы приехав, информатик Эрлен Бернштайн
Приобщал нас к букету секретов, не секретов, а даже тайн.
От рассеиванья закона бредфордбредили мы во сне,
И три зоны, три зоны, три зоны, как три карты мерещились мне.

Но пришла неожиданно взрослость, тайны сбросили свой покров,
И секреты уплыли в прошлость, как туманы от берегов.
По законам научной школы, чтобы был от науки прок,

И БУТИЛы мы, и БУТОЛы переделываем в поток.
Может быть, недогадливый кто-то превращеньем таким поражен,
А для нас – это просто работа, как для Кио иллюзион.

Из Москвы, озадаченный крайне, приезжал информатик Бернштайн
И просил: дайте тайну Бернштайну! Мы ответили: нету тайн!
Может быть, это было жестоко – дать такой негативный ответ,
Но от истины он недалёко, ведь в теории *наших* потоков
Белых пятен таинственных нет!

1977

В 1971 году кафедра стала инициатором создания хозрасчетного научно-исследовательского сектора (НИС), в котором активно участвовали все кафедры библиотечного факультета, аспиранты и студенты. НИС просуществовал 20 лет. Он имел широкий круг заказчиков на его разработки по всей стране, которые приносили многотысячный доход институту и служили базой для творческой реализации преподавателей и аспирантов ЛГИК. Молодежный состав НИС был не чужд профессиональному фольклору, в котором находили отражение разные текущие события. Например, об организации сектора была сложена на общеизвестный мотив шуточная песня «Подземный ход в науку»:

Серьезно или в шутку, – попробуй, докажи, –
Подземный ход в науку решили проложить,
Подвал арендовали, повесили карниз
И кратко обозвали получившееся «НИС».
Припев: Потолок ледяной, дверь скрипучая,
Картотеки горой, книги кучами,
И народ молодой, элегантный,
Для работы любой релевантный.
Не серебро, не злато искали под землей, –
Концепты, денотаты, дескриптор ключевой,
Тезаурус копили, болела голова,
В тезаурусе были все слова, слова, слова:
Припев: Потолок ледяной...
Дадим друг другу руку, пусть будет нам с тобой
Подземный ход в науку дорогой столбовой,
Еще не знаем сами, где путь проложен наш,
Но ты возьми на память этот нисовский пейзаж:
Припев: Потолок ледяной...

НИС действительно стал «столбовой дорогой» к научным степеням для многих сотрудников сектора и преподавателей вуза. В общении со студентами кафедра информатики всегда придерживалась принципа «учиться нужно весело, чтоб хорошо учиться». Практиковались научно-художественные олимпиады, научные диспуты, которые были поучительны не только для учащихся, но и для их учителей. До сих пор вспоминаю выпускника 1981 года Владимира Голубева (многолетнего директора Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки Белоруссии), который вдохновил меня на мемориальный стих «Вкладыш к диплому».

У меня был студент, он такой был, как все,
Иногда лишь смотрел по-другому.
Мы его одипломили в общем числе,
И, как всем, дали вкладыш к диплому.
Он учился, как все, он конспекты зубрил
По-хорошему и по-дурному,
Он нахально сорил, аморально курил,
А ему дали вкладыш к диплому.
Он, как все, сачковал и, как все, штурмовал,
Но порою по сути предмета
Он меня прерывал, он вопрос задавал,
На который не знал я ответа.
Только он безответности мне не прощал,
Он мне верил, как будто святому,
Он в студента-хвостиста меня превращал,
А ему дали вкладыш к диплому.
Мне с другими теперь проводить семинар.
Я у группы спрошу незнакомой:
– У кого есть вопрос? А в ответ – тишина.
Ведь ему дали вкладыш к диплому.
На вопросы, которые я не сумел,
Жизнь ответит ему по-простому,
Но мне кажется, будто и я поумнел,
Что и мне дали вкладыш к диплому.

Кафедра поддерживала деловые и дружеские контакты со всеми вузами культуры СССР и приобрела даже международную известность. Летом 1975 года группа студентов и преподавателей посетила ГДР с научно-практическим визитом, который оставил свой

след в кафедральном фольклоре. Гимном группы была песня «Добрая примета»:

Дождик, дождик, дождик на вокзале,
Дождик в переулках и проспектах,
Если дождь в дорогу провожает, –
Это, вроде, добрая примета.
Странствуя по свету
Долгою тропою,
Добрую примету, добрую примету
Возим мы с собою.
Ляйпциг, Ляйпциг встретил нас дождями,
Дрезден, Дрезден повстречал нас ливнем,
Мокли, мокли мы под Кёнигштайном,
В Хале, и в Потсдаме, и в Берлине.
Странствует по свету,
Нас сопровождая,
Добрая примета, добрая примета
Капля дождевая.
За границей капли дождевые
Все на ленинградские похожи,
И блестят, как камни дорогие,
На ресницах девушек хороших.
Бодрыми шагами
Шествуем по свету
С мокрыми ногами, с мокрыми ногами
С доброю приметой.
Капли, капли, капли дождевые,
Будто бы в магическом кристалле,
Города для нас совсем чужие
В дом знакомый преобразовали.
И по белу свету
Сколько ни хожу я,
Верю я в примету, верю я в примету –
Каплю дождевую.

Состав кафедры постоянно изменялся: в 1967 году в составе кафедры числились 5 преподавателей и один лаборант; в 1970 году стало 8 штатных преподавателей, три лаборанта, плюс штат технического кабинета вуза; в 1973 году кафедра информатики была

переименована в кафедру специального библиотековедения, стала выпускающей кафедрой вновь организованного факультета специальных библиотек, и состав её увеличился до 16 преподавателей. На кафедре сложился дружный, доброжелательный, работоспособный коллектив, и о каждом доценте или лаборанте можно рассказать в стихах и в прозе, как и было принято на кафедральных праздничных заседаниях. Не буду злоупотреблять временем читателя и ограничусь только тремя персонами.

Кафедра информатики на библиотечном факультете всегда исходила из аксиомы, что в библиотечной школе информатика существует для библиотечного дела, а не библиотечное дело для информатики. Поэтому важно использовать теорию информатики и, прежде всего, – теорию информационного поиска для совершенствования справочно-библиографического аппарата. В этом отношении показательно диссертационное исследование Риммы Федоровны Грининой, защищенное в феврале 1973 года, мораль которого выражена в следующей басне:

Не очень высок и не очень широк
Предметный стоял в ГПБ каталог.
Ходила молва, что основы основ
Его заложил баснописец Крылов.
Года пролетали над ним, не спеша,
И вобщем-то он никому не мешал.
Но было угодно злодейке-судьбе,
Чтоб Гринина Римма пришла в ГПБ.
Она натолкнулась на тот каталог
И стала исследовать, чем же он плох.
Она зачисляет его в ИПС,
Ему измеряет размеры и вес,
Затем конструирует лингво-модель,
Где шуму немного, но много потерь,
И вот получает научный итог:
Инверсно-реверсный гигант-каталог.
А где ему дом уготован и кров, –
Не смог бы ответить и мудрый Крылов.
Сей басни мораль заключается в том,
Чтоб Ленисполком понастроил хором,
И был бы в хоромах высокий чертог,
В котором предметный стоял каталог.

Первым аспирантом очного обучения на кафедре информатики был талантливый и социально зрелый (рабочий стаж, служба в армии, ленинский стипендиат) Валерий Леонов, который под научным руководством доцента А.И. Манкевича в 1973 году успешно защитил диссертацию на тему «Информативность реферативных изданий». Благодаря счастливому стечению обстоятельств возникла возможность командировать его на стажировку сроком 10 месяцев в Мерилендский университет (США). После успешного возвращения в 1974 году молодой кандидат наук стал штатным преподавателем кафедры информатики, и на торжественном заседании по этому поводу была оглашена характеристика Леонова, якобы полученная от его армейского сослуживца. Вот она:

Если вы меня просили, я, конечно, расскажу.
Мы с Леоновым служили там, где я сейчас служу.
Жизнь солдатская известна: раз и два, шагай в строю,
И Леонов топал честно, вспоминая мать свою.
По особенным приметам он себя не отличал,
Только в части культпросвета был большой оригинал.
Мы на вечер танцевальный, на концерт или в кино,
Он – к своей избе-читальне, словно пьяница к пивной.
Мы внушаем коллективно: отвлекись! а он в ответ:
– Мало, мол, информативна эта ваша культпросвет.
Замполиту нет покоя, у начдива мондраже:
Чтоб солдат читал запоем прошлогодние РЖ!
В остальном он парень редкий, парень – русская душа,
Я пошел бы с ним в разведку или съездил бы в СеША.
Ни в Чикаго, ни в Нью Йорке не поникнет головой.
Подписал: Василий Теркин, Н-ской части рядовой.

Наконец, нельзя не воспроизвести, хотя бы словесно, колоритную фигуру доцента Дмитрия Иосифовича Блюменау, о котором его собственная жена Ирина самокритично выразилась так:

Бегут времена, словно бурный поток, и я вспоминаю доныне:
Димитрий – изящный, как греческий бог, и я, я – немного богиня.
Ах, Димочка – Дима, морской офицер, и выправка есть, и фигура,
Но что характерно: умен, как Вольтер, а я, я ведь тоже не дура.
Ах, Димочка – Дима, почти идеал, я тоже была идеальной,
Но он информатике душу отдал и сделался паранормальный.

Его не прельщает уже Купидон, в нем нету любовного жара,
До паранауки додумался он, как будто ему я не пара.
У Димки наука, у Димки дела, он занят, он пишет писульки.
Я даже собачку себе завела, чтоб с кем-то ходить на прогулки.
Однажды его прочитала статью в какой-то подборке журнальной
И скорбно подумала: – Матерь твою!.. Как странно… Как парадоксально.
Как парадоксально, что греческий бог вступил с информацией в схватку
И в паранормальной борьбе изнемог. Как странно, как скорбно, как сладко.
Бегут времена, словно бурный поток, и я понимаю с годами,
Что паранормальный Димитрий не плох. А я? Вы же видите сами!

2000

Постоянные структурные преобразования ЛГИК, которые затрагивали кафедру, не всегда воспринимались безболезненно, потому что нарушались сложившиеся межличностные связи и симпатии (антипатий и конфликтных ситуаций мы практически не знали). В конце 1974 года большая кафедра специального библиотековедения была разделена на две половины, и на её последнем заседании прозвучали слова:

Бывает, товарищ, минута такая,
Когда притворяться нельзя,
Когда друг на друга мы смотрим, вздыхая,
Когда расстаются друзья.
И в будни и в праздник бывали мы вместе,
Делили слова и дела.
И разум делили. И общею честью
Нам кафедра наша была.
Наверное, многому жизнь нас научит,
И может быть, в разных местах
Нам будет не хуже, а может быть, лучше,
Но все-таки будет не так.
По новым дорогам куда-то шагая,
О прошлом не помнить нельзя.
Бывает, товарищ, минута такая,
Когда расстаются друзья.

1974

4.2.2. Структуры Института культуры. Кафедра информатики изначально была немаловажным структурным элементом вуза,

и ректор Н.П. Скрыпнев счел нужным включить заведующего кафедрой в состав Ученого совета ЛГИК. Сменивший Скрыпнева энергичный и амбициозный Евгений Яковлевич Зазерский активизировал деятельность Совета и вдохновил меня на следующие строки:

Мы сегодня не стоим
На месте;
Мы бежим, бежим, бежим
Все вместе.
Нам привычен стал режим
Этот;
Мы бежим, когда сидим
В советах.
Мы бежим не налегке,
Вразвалку,
А во всю свою, кхе-кхе,
Дыхалку.
На плечах своих несем
Культуру
И, как можем, поддаем
Аллюру.
Тут вопил какой-то плут
И Иуда,
Мол, куда культуру прут
И откуда?
Мол, нельзя её трясти
Да лапать,
Из культуры не сплести
Лапоть.
Тут раскрыл один доцент
Свой лекторий,
И поплелся диссидет
В крематорий.
Говорю я ректору:
Боюся,
Что назавтра поутру
Загнуся.
А мне ректор: бога мать,
Надо, Федя,
Надо, Федя, развивать

Вкус к победе!
Поменяй свои штаны
На шорты,
Только мы с тобой должны
Бить рекорды!
И отбросил я своё
Сомненье,
Понял я, что бытиё –
Суть движенье.
Финишируем сейчас,
Чтоб завтра
Этот финиш стал для нас
Новым стартом.
1983

Главным структурным элементом всякого вуза являются деканаты, потому что они обеспечивают взаимосвязь между преподавательским коллективом и студенческой массой. Эта взаимосвязь строится по-разному в зависимости от формы обучения (очная, вечерняя, заочная), но во всех случаях главная нагрузка и главная ответственность ложится персонально на декана. Воистину ***библиотечные деканы – образования титаны.*** Мне всегда хотелось воспеть их самоотверженный труд. Жаль, что нечасто выпадает такая возможность.

Н.Г. Чагиной

По Марсову полю, по Марсову полю
В зимнюю стынь и в осеннюю сонь
Девчонки идут в свою высшую школу,
И путь освещает им вечный огонь.

Их учат о Марсе, их учат о Марксе,
Их учат в течение тысячи дней
О том, как нести в пролетарские массы
Немеркнущий свет марксианских идей.

Про все забывают девчонки беспечно –
Про Марса, про Маркса, про тысячу дней,
Но знают навечно и помнят навечно
Лишь то, что дороже всего и родней.

Про Нину Григорьевну помнят девчата.
Студенческой юности, время, не тронь,
Ты видишь, она у дверей деканата,
Как вечная память, как вечный огонь.

И минули годы, и выросли дети.
Стареть бы не надо, да, видно, нельзя.
Спасибо за то, что живете на свете
Вы, Нина Григорьевна, юность моя!

1999

Н.П. Сироткиной

Темная ночь. Над Невой опускается тишь.
Догорает последний фонарь на последнем трамвае.
В темную ночь ты в своем деканате не спишь,
За учебным процессом следишь и слезу утираешь.
Целый поток затерялся, как пули в степи.
Темная ночь его призрачный след скрывает.
Что с них возьмешь? Если кто-то на лекции спит,
Он от детской кроватки тайком в институт прибегает.
Смотрит студент в глубину твоих ласковых глаз,
Капля дрожит на девичьей крутой реснице.
Темная ночь в голове у студента сейчас,
И тебе от него ничего, ничего не добиться.
Но, наконец, наступает последний момент:
Темных ночей непроглядная мгла спадает,
В белую ночь свой диплом получает студент
И тебе преподносит цветы и глаза утирает.
Верю твоим материнским бессонным очам,
Солнечный свет бесконечно из них струится,
Верю я в то, что, пока ты не спишь по ночам,
Даже в самую темную ночь ничего не случится.

1978

Н.Г. Донченко

Образование заочное,
Ты – как зачатье непорочное.
Из пустоты рождаешь ты
Младенцев чудной красоты.

Девицы единоутробные,
Духовно – ангелоподобные,
Библиотечный деканат
Для них родная Альма мат.
Они не просто небожители,
Они – профессии спасители,
Поскольку очник дорогой
В библиотеки – ни ногой.
Зато подвижники-заочницы
Докажут, что не зря пророчнески
Ванеев, не жалея сил,
Их непорочности учил.
2008

О каждой из кафедр института культуры хочется сказать особо, но я не могу этого сделать. Поэтому только двум, но зато очень разным, преподнесу ренессансный привет.

Кафедре детской литературы

Подарили нам года
Щедрое наследство –
Голубые города
Золотого детства.

Надевали мы, спеша,
Взрослости оковы,
Но остались сторожа
Детства золотого.

Беспокойная душа,
Пламенное сердце –
Старожилы-сторожа
Золотого детства.

Им досталась благодать,
Сладкая забота:
Книжки детские читать,
Верить в Дон Кихота,

В жизни то уразуметь,
Что не всем понятно,
Нас, безумных, пожалеть
Нелицеприятно.

Ну, а мы, мой друг седой,
Скажем без кокетства,
Что завидуем порой
Старожилам детства.

Беспокойная душа,
Пламенное сердце –
Старожилы-сторожа
Золотого детства.

1976

Кафедре гражданской обороны

Слагались о вас былины
И сказки во все времена,
Красавцы гардемарины
И стройные мичмана.

Во время лихой годины
Верила вам страна,
Красавцы гардемарины
И стройные мичмана.

После морской пучины
Культура вам не страшна,
Красавцы гардемарины
И стройные мичмана.

У вас на висках седины,
У вас на груди ордена,
Красавцы гардемарины
И стройные мичмана.

Поверили мы отныне
В культурного Нептуна,
Красавцы гардемарины
И стройные мичмана.

Немеркнущие мужчины,
Вам вечная юность дана,
Красавцы гардемарины
И стройные мичмана.
1982

4.2.3. Ренессансная портретная галерея. Эти стихотворные зарисовки появились по случаю юбилеев, защит, других памятных поводов. Их интерес в том, что они сохранили своеобразный аромат времени, который трудно передать в документирующей прозе. Это типичный профессиональный фольклор. Возможно, что стихотворные портреты известных наших деятелей по-новому высветят их для молодого поколения, а сверстникам напомнят об учителях, друзьях, соперниках. Получился очень пёстрый вернисаж. Я пытался систематизировать хаос, но потом отказался от этой безумной затеи и перешел на формально-хронологический порядок появления тех или иных героев моего Ренессанса.

Дорогие друзья! Не забытый романс,
Не забавные карикатуры, –
Мне хотелось бы вам подарить Ренессанс,
Ренессанс Института Культуры.
Чтоб, войдя в Летний сад, удивили ваш взгляд
Не шедевры античной скульптуры,
А друзей и подруг ренессансный парад –
Вечный штат Института Культуры.
К сожалению, я не смогу наяву
Мнемозину представить в граните, –
Лишь портреты словесные я назову,
Ну, а вы меня верно поймите.

Г.Г. Фирсов

Есть Человек. В его натуре
Всегдашний поиск, вечный бой,

И он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой.

Окончив дело, по привычке
Берется он за новый труд
И переходит из Публички
В Библиотечный институт.

В обширной отрасли Культуры
Немало кто облюбовал
Себе струю, светлей лазури,
Его же звал девятый вал.

Туда идет он доброхотом,
Где полки книжные подряд
Под информационным гнетом,
Как мачты, гнутся и скрипят;

Где круговерть дискуссий свищет,
Где ничего понять нельзя.
– Увы, он счастия не сыщет…–
Ему пророчили друзья.

Но нет! Ни время, ни усталость
Не властны над его судьбой,
А седина – как белый парус –
Над беспокойной головой.

1972

О.П. Коршунов

Как ныне решил библиограф Олег
В теории стать Генералом,
И начал своих неразумных коллег
Разить он мечом и кинжалом.
Он был справедлив, но он был и суров,
И взялся за дело недаром:
Троповский и Брискман, Теплов и Здобнов
Повержены мощным ударом.
Развенчан им Тугов, и Трубников бит,
И прочих огромная масса, –

Вся рать теоретиков мёртвой лежит,
Не тронул он лишь Карла Маркса.
На Книге с Читателем, как на коне
В Науку он едет в марксистской броне.

Из мудрого ВАКа навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Который, как миру известно всему,
Заветов грядущего вестник.
Увидел кудесник побитых коллег
И вещее слово Олегу изрек:
– О грозный Олег, мне побитых не жаль,
Они неразумное племя,
Но ты загляни в ваш научный сераль, –
Увидишь ты смутное время.
Грядет в понедельник защита твоя,
И вдруг посредине защиты
Из мёртвой главы гробовая змея
Покажет язык ядовитый.
И столько получишь ты черных шаров,
Сколько наделал ты мёртвых голов.

Олег в предсказание вдумчиво вник,
И старцу ответил сурово:
– Кудесник, ты лживый, безумный старик,
Не знаешь обычаев новых!
Меня не страшит гробовая змея,
Угрозы её и шипенья,
Покуда на мне боевая броня
Марксистского чудо-ученья.
А если погибну в неравном бою,
То после олеговой тризны
Признает общественность правду мою,
Хоть лучше, конечно, при жизни.

Известен финал: доказал Коршунов,
Что наши марксисты мудрей колдунов.

1975

М.М. Гаккель

Заиграла где-то флейта вальс «Осенний сон»,
Наступило бабье лето – бархатный сезон.
Солнышко еще не прячет щедрые лучи,
Лишь порою дождь поплачет, ветер поворчит.
Провожают в школу мамы маленьких ребят,
А студенты входят сами прямо в деканат.
Приобщиться им охота к тайнам ремесла,
Чтоб с читателем работа их не обошла.
Бабье лето не случайно лучшее из лет,
В нем «очей очарованье», как сказал поэт.
Отшумела баламутность буйных вешних вод,
И легла на сердце мудрость, как на древо − плод.
Счастлив тот, кто бабье лето, бархатный сезон,
Словно добрую примету, положил в ладонь.

1979

М.А. Брискман

Не мутит Неву непогода, не осень вспугнула гроза, –
Идет в институт Воевода, чтоб новое слово сказать.
В фигуре его коренастой неистовый демон живет,
Он мест не обходит опасных, он сам их себе создает.
Скрываясь за бровью косматой, глаза его зорко следят:
Не бродят ли где супостаты под кровлями книжных палат.
Он мощью своей исполинской привык оппонентов крушить.
Задумал тогда Решетинский стандартом его устрашить.
Но только не очень-то просто забрать Воеводу в полон,
Он мыслит всегда не по Госту, и этим-то он и силён!
Он любит арабские сказки, и если имеет досуг,
Читает, что пишут в Дамаске его кандидаты наук.
В каких он бывал заварухах, каким обжигался огнём,
Лишь «Летопись книжная» глухо потомкам расскажет потом.
Вдоль вольной Невы он шагает, зовет его снова борьба,
И яркое солнце играет на шишках сократова лба.

1981

И.Е. Баренбаум

О благородный Книжный Петербург,
О лавка Смирдина, о тишина Публичной,
О пушкинский вольнолюбивый дух,
О разночинцев почерк романтичный!...
Шли годы. Бурь порыв мятежный,
Тревоги шумной суеты
Заволокли ваш образ нежный
И скрыли милые черты.
Всем стала информация нужна,
Развился дефицит бумажной целлюлозы,
На месте книжных лавок Смирдина
Воздвигнуты дворцы советской прозы.
Петров преобразился город.
Весёлых пушкинских харит,
Чтоб утолялся книжный голод,
Трудоустроили в Горлит.
И благородный Книжный Петербург,
Как чудные мгновенья наших дедов,
Как искра Божия, забылся б и потух,
Когда б не подвиг их, жрецов и книговедов.
Из поколенья в поколенье
Они хранят его черты,
Как божество, как вдохновенье,
Как гений чистой красоты.

1982

И.В. Гудовщикова

Патриотика благородная – как возвышенность рукотворная;
Рядом с нею Международная – как вершина, нам не покорная.
Не отдельной стране-отечеству в её малости или крупности,
Это вызов всему человечеству, человеческой совокупности.
Притчи мудрые, сказки детские вымывает река забвения.
Библиографы самые дерзкие образуют отряд спасения.
Это крест не плебея, а кесаря, да и кесаря-то не всякого,
Ибо лавры Конрада Геснера тяжелее венца Мономахова.
Нелегко раскопать зловредности многоречья и многоязычия,
По объему и амбивалентности доходящие до неприличия.
Пробиваясь осадой и штурмами, добираясь до слоя культурного,
Чудодействуют библиоштурманы второго и высшего уровня.

Из незримого и неслышного, из учености и из глупости
Создают они Летопись Книжную человеческой совокупности.
Патриотика благородная – как возвышенность рукотворная;
Рядом с нею Международная – как вершина, нам не покорная.

1988

А.Н. Ванеев

Мы с тобою не дружили, не ловили окуньков;
Разным идолам служили, разных славили богов.
Ненавижу я интриги, но за мной водился грех:
Я ванеевские книги изучал тайком от всех.
От компьютерных идиллий я бежал в библиохрам,
Чтоб вдохнуть там книжной пыли инновационный шарм.
Одного мне только жалко, и скорбят о том стихи,
Что с тобою на рыбалке не сварили мы ухи.

1995

Коллегам-женщинам

Назло лукавому Амуру
В наш век орала и меча
Вы беззащитную Культуру
Взвалили на свои плеча.
Но сердце женское тоскует
О доме, где покой и корм;
А злое мужичье взыскует
То перестроек, то реформ.
Из авантюры в авантюру
Они стремят свои следы;
А женщины хранят Культуру
И гений чистой Красоты.

1999

Е.Н. Буринская

Шепот, робкое дыханье, трели соловья …
Юных дней воспоминанье, я или не я?
ЛГИК. Студенчество. Страницы. Жизненный этап.
Ах, как хочется влюбиться. Брискман иль Бухштаб?
Краеведческих законов правда или ложь.
Обольстительный Леонов. Что с него возьмешь?
Что возьмешь с такого парня? То, что взять нельзя:
Шепот, робкое дыханье, трели соловья …

Годы. Встречи и разлуки. Роковые дни.
Дети выросли. А внуки? Будут и они.
Мы, увы, не молодеем, но не в этом зло.
Нам привыкнуть к юбилеям очень тяжело.
Более всего печалит, милые друзья,
Что никто нам не подарит трели соловья.
Юбилей годов не прячет за кружком нулей.
А за ним чего маячит? Снова – юбилей!
Снова тостов громыханье. Тише. Слышу я:
Шепот, робкое дыханье, трели соловья.

2000

Г.И. Позднякова

Скрывая нашу бестолковость,
Твердим избитые слова.
Талант – единственная новость,
Которая всегда права.

Смолкают дрязги пересудов,
Когда в какой-то дивный миг,
Как сверхъестественное чудо,
Талант приоткрывает лик.

Талант, он скупости не знает,
Даров своих не бережет.
И кое-что перепадает
Нам, грешным, от его щедрот.

И постигаем, как не странно,
Что мы ума не лишены.
Что жить бездарно, бесталанно
Мы тоже, тоже не должны.

Талант – единственная новость,
Которая всегда права,
А Генриэтта Позднякова
Всегда талантливо нова.

2004

М.Н. Колесникова

Зал затих. Он представленья хочет.
И сегодня очередь моя.
Председатель, словно авве отче,
Сострадая, смотрит на меня.

За грехи и промахи расплата
Наступает. Избавленья нет.
В роли беспощадного Пилата
Выступает первый оппонент.

А второй – как кровожадный слепень,
Третий – тоже демон во плоти.
Да, конечно, докторскую степень
Обрести – не поле перейти.

Я, искатель истины Марина,
Я в научный гений неспроста
Верю, как Мария Магдалина
Верила в распятого Христа.
А придется за науку нашу
Пострадать, уж я не обману.
Я всегда готова выпить чашу,
Если надо, даже не одну!

2006

В.С. Крейденко

Мы еще не монументы,
Не добыча для архива, –
Книжники-интеллигенты
Ленинградского разлива.

Закаляли наш характер
Классики литературы
Крупская, как *альма матер,*
Нам трепала шевелюры.

Жаль, конечно, шевелюру,
Но не жаль прическу сбросить

Чтобы книжную культуру
Нам не опростоволосить.

Мы за временем бежали,
Торопя года скупые,
Помнят книжные скрижали
Наши дактилоскопии.

Будут правнуки-студенты
Удивляться: что за диво!
Книжники-интеллигенты
Ленинградского разлива.

Добрые, как космонавты,
И наивные, как дети,
Помнящие слово Правды,
А не форум в Интернете.

Мы же им, мой друг старинный,
Посоветуем читати
Том Надежды Константины
В нецифрованном формате.

Пусть у них судьба другая
Но потомок пусть поймет,
Что тот, кто с Книгой по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

2015

ПОСТСКРИПТУМ

Если память жива, не забыты слова
Из неспетой еще партитуры,
Значит, есть у нас шанс сотворить Ренессанс,
Ренессанс Института Культуры.

Библиографический список. 2013–2018

2013

1. Соколов А.В. Люди, которые делают фундаментальную науку // Библиотековедение. 2013. № 1. С. 72–74.
2. Соколов А.В. Государственная политика построения информационного общества и библиотеки: постановка проблемы // Скворцовские чтения. Библиотечное дело – 2013. М.: МГУКИ, 2013. С. 97–101.
3. Соколов А.В. О взаимосвязях информатики и библиотековедения или Информация – «гений чистой красоты» // Школьная библиотека. 2013. № 2–3. С. 24–30.
4. Соколов А.В. Информатические опусы. Опус 11. Явления и сущность информационной потребности // Науч. и техн. б-ки. 2013. № 4. С. 7–20.
5. Соколов А.В., Степанов В.К. В поисках библиотечного счастья // Университетская книга. 2013. Март. С. 50–57.
6. Соколов А.В., Степанов В.К. В поисках библиотечного счастья // Университетская книга. 2013. Апрель. С. 56–62.
7. Соколов А.В., Степанов В.К. В поисках библиотечного счастья // Университетская книга. 2013. Май. С. 38–42.
8. Соколов А.В. Гуманистическая миссия библиотек в информационном обществе // Информация и научное мировоззрение: сб. статей. М.: РШБА, 2013. С. 11–45.
9. Соколов А.В. Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек. Часть 1 // Библиотековедение. 2013. № 3. С. 24–30.
10. Соколов А.В. Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек. Часть 2 // Библиотековедение. 2013. № 4. С. 25–28.
11. Соколов А.В. Информатические опусы. Опус 12. Информатизация библиотек в теории и на практике // Науч. и техн. б-ки. 2013. № 5. С. 9–25.
12. Соколов А.В. Информатические опусы. Опус 13. Информационный поиск как разновидность аналитико-синтетической переработки информации // Науч. и техн. б-ки. 2013. № 6. С. 5–23.
13. Соколов А.В. Объект в человеческом измерении. К теории библиографической ноосферы // Мир библиографии. 2013. № 1. С. 70–71.

14. Соколов А.В. Информатизация и гуманизация как ориентиры библиотечной политики // Вестник ЧГАКИ. 2013. № 2. С. 7–22.
15. Соколов А.В. О взаимосвязях информатики и библиотековедения // Метафизика. 2013. № 4. С. 168–175.
16. Соколов А.В. Теоретические основы аналитико-синтетической переработки информации // Аналитико-синтетическая переработка информации: учебник. СПб. : Профессия, 2013. С. 12–51.
17. Соколов А.В. Сущность библиотечного гуманизма // Вестник БАЕ. 2013. № 2. С. 44–48.
18. Соколов А.В. Ю.Н. Столяров как зеркало русского библиотековедения // Науч. и техн. б-ки. 2013. № 10. С. 72–76.
19. ***Соколов А.В. Педагог-библиотекарь и библиотечная педагогика. Статьи и доклады. М. : РШБА, 2013. 36 с.***[484]
20. Соколов А.В., Виноградова В.А. Важный вклад в библиотечный менеджмент и библиотечную профессиологию // Библиотековедение. 2013. № 6. С. 119–122.
21. Соколов А.В. Научно-исследовательский сектор ЛГИК: 1971–1991 // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 4. С. 15–19.
22. Соколов А.В. Студенты на коммуникационном распутье // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 4. С. 54–57.
23. Соколов А.В. Информация как метафора // Педагогика высшей школы: интерактивные технологии в образовании и культуре / Труды СПбГУКИ. Т. 200. СПбГУКИ, 2013. С. 416–424.
24. Соколов А.В. Педагогические форматы библиотечной школы // Вестник МГУКИ. 2013. № 5. С. 136–152.
25. Соколов А.В. Библиотечный гуманизм в информационном обществе // Библиопанарама. 2013. № 2. С 25–29.
26. Соколов А.В. Библиотечный гуманизм в теории и на практике // Современный читатель и библиотека: выбор коммуникационных практик: сб. статей / РНБ. СПб., 2013. С. 13–29.
27. Соколов А.В. Педагог-библиотекарь и библиотечная педагогика // Школьная библиотека. 2013. № 9–10. С. 39–45.
28. Соколов А.В. Пути преодоления кризиса // Наука управлять: стратегия библиотекаря. М.: Журнал «Библиотека», 2013. С. 397–406.
29. Соколов А.В. Библиография в эпохи великих перемен // Библиография. 2013. № 4. С. 61–66.

[484] Полужирным шрифтом выделены книги и брошюры, т.е. произведения печати, изданные в виде кодекса.

30. Соколов А.В. Что есть информационная потребность? // Анализ информации в науке, культуре, бизнесе: сб. науч. статей. СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2013. С. 7–17.

2014

31. ***Соколов А.В. Ретроспектива-80: сборник научных трудов. Т. 1. Библиотечно-информационная школа. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2014. 512 с.***
32. ***Соколов А.В. Ретроспектива-80: сборник научных трудов. Т. 2. Философия информации и социология информационного общества. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2014. 446 с.***
33. ***Соколов А.В. Ретроспектива-80: сборник научных трудов. Т. 3. Книжность – гуманистический оплот нации. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2014. 478 с.***
34. ***Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс. Очерки о прошлом и будущем библиографической науки. Челябинск : Изд-во ЧГАКИ, 2014. 490 с.***
35. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Библиография как гуманистическая инфраструктура информационного общества. Статья первая // Библиография. 2014. № 1. С. 58–66.
36. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Библиография как гуманистическая инфраструктура информационного общества. Статья вторая // Библиография. 2014. № 2. С. 37–53.
37. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Библиография как гуманистическая инфраструктура информационного общества. Статья третья // Библиография. 2014. № 3. С. 72–88.
38. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Библиография как гуманистическая инфраструктура информационного общества. Статья четвертая // Библиография. 2014. № 4. С. 19–32.
39. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Библиография как гуманистическая инфраструктура информационного общества. Статья пятая // Библиография. 2014. № 5. С. 44–57.
40. Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Системный подход и классификация функций библиографии в документоцентристской парадигме // Библиосфера. 2014. № 2. С. 9–14.
41. Соколов А.В. Парадигма О.П. Коршунова. Статья первая // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 4. С. 70–77.

42. Соколов А.В. Парадигма О.П. Коршунова. Статья вторая // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 5. С. 38–44.
43. Соколов А.В. Парадигма О.П. Коршунова. Статья третья // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 6. С. 34–55.
44. Соколов А.В. Парадигма О.П. Коршунова. Статья четвертая // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 7. С. 5–13.
45. Соколов А.В. Теоретические концепции библиографической деятельности // Справочник библиографа. 4-е изд. СПб.: Профессия, 2014. С. 9–22.
46. Соколов А.В. Индексирование документов // Справочник библиографа. 4-е изд. СПб.: Профессия, 2014. С. 484–488.
47. Соколов А.В. Год культуры в эпоху информатизации // Библиотековедение. 2014. № 1, С. 16–22.
48. Соколов А.В. 50 лет раздумий о библиотечной информатике // Скворцовские чтения. Библиотечное дело – 2014. Часть 1. М.: МГУКИ, 2014. С. 101–104.
49. Соколов А.В. Библиоутопии и библиоантиутопии в эпоху кризиса книжности // Библиотечное дело. 2014. № 6. С. 2–6.
50. Соколов А.В. Библиография как ризома инфосферы // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2. С. 181–183.
51. Соколов А.В. Важнейшие темы Всемирного форума IASL – 2014 // Школьная библиотека. 2014. № 7. С. 5.
52. Соколов А.В. Философия информации на страницах «Вестника ЧГАКИ». Часть 1 // Вестник ЧГАКИ. 2014. № 2. С. 175–181.
53. Соколов А.В. Философия информации на страницах «Вестника ЧГАКИ». Часть 2 // Вестник ЧГАКИ. 2014. № 3. С. 177–183.
54. Соколов А.В. Цифровые библиотеки в российской культуре XXI века // Информационные ресурсы – футурологический аспект: материалы Всероссийской научно-практич. конф. СПб.: ЦГПБ им. В.В. Маяковского, 2014. С. 7–16.
55. Соколов А.В. Педагогика и маркетинг в российских библиотеках // Сахаровские чтения. 2014: сб. статей. СПб.: КультИнформПресс, 2014. С. 78–81.
56. Соколов А.В., Столяров Ю.Н. Концепции реализации библиотечно-информационной магистратуры в России // Науч. и техн. б-ки. 2014. № 11. С. 5–28.
57. Соколов А.В. Цифровые библиотеки в российской культуре XXI века // Университетская книга. 2014. Ноябрь. С. 60–64.
58. Соколов А.В. Библиотечная азбука XXI века // Библиотечное дело. 2014. № 19. С. 5.

59. Соколов А.В. Родом из героического поколения библиотечной интеллигенции // Библиотечное дело. 2014. № 23. С. 2–6.
60. ***Соколов А.В. Социальные коммуникации: учебник. СПб. : Профессия, 2014. 288 с.***

2015

61. Соколов А.В. Социальные субъекты управления библиотечным делом: библиотечная триада // Библиотековедение. 2015. № 1. С. 27–31.
62. Соколов А.В. С чего начинается магистратура? // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 1. С. 143–149.
63. Соколов А.В. Библиотечный маркетинг в гуманистическом прочтении // Скворцовские чтения. Библиотечное дело – 2015 : материалы междунар. конф. Часть 2. М.: МГУКИ, 2015. С. 140–145.
64. Соколов А.В. Библиотечная маркетология // Библиотечное дело. 2015. № 3. С. 2–9.
65. Соколов А.В. Ступени библиотечно-информационного образования: Что? Где? Как? Зачем? Почему? // Труды СПбГИК. Т. 205. СПб.: Изд-во СПбГИК, 2015. С. 9–23.
66. Соколов А.В. Верификация Утопии–XXI и диагноз нашего общества: рецензия на монографию И.Д. Тузовского // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 2. С. 186–189.
67. Соколов А.В. Библиотечный маркетинг, национальная электронная библиотека, библиотечная педагогика // Библиосфера. 2015. № 2. С. 15–21.
68. Соколов А.В. Профилированное обучение библиотечно-информационных бакалавров и магистров // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 5. С. 3–19.
69. Соколов А.В. Библиотечная профессиология и сумма технологий // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 6. С. 3-14.
70. Соколов А.В. Гуманистическая библиотечная методология профессора Крейденко // Библиотечное дело. 2015. № 14. с. 24–29.
71. Соколов А.В. Миражи. Россия. 2045. Библиофутурологическая лекция // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 10. С. 53–66.
72. Соколов А.В. НЭБ в постиндустриальной России: обещания и риски. Часть 1 // Университетская книга. 2015. Октябрь. С. 68–71.

73. Соколов А.В. НЭБ в постиндустриальной России: обещания и риски. Часть 2 // Университетская книга. 2015. Ноябрь. С. 54–57.
74. Соколов А.В. Российская идентичность и библиотечная идентичность // Библиотековедение. 2015. № 3. С. 31–35.
75. Соколов А.В. Чтение как момент истины // Библиотековедение. 2015. № 4. С. 63–66.
76. Соколов А.В. Библиография как инфраструктура библиосферы // Библиография и книговедение. 2015. № 4. С. 26–34.
77. Соколов А.В. Д.Е. Шехурин – зачинатель информационного менеджмента // Вестник СПбГУКИ, 2015. № 6. С. 14–17.
78. Соколов А.В. Феномен НЭБ в библиосфере. Раздумья русского интеллигента-книжника // Медиатека и мир. 2015. № 4. С. 11–14.
79. Соколов А.В. Библиофутурология: предмет и метод // Библиотековедение. 2015. № 6. С. 23–29.

2016

80. Соколов А.В. Функции библиосферы. Часть 1 // Науч. и техн. б-ки. 2016. № 1 С. 7–25.
81. Соколов А.В. Функции библиосферы. Часть 2 // Науч. и техн. б-ки. 2016. № 2. С. 5–24.
82. Соколов А.В. Наследие информатиков первого поколения. К 90-летию со дня рождения Д.Е. Шехурина // Научно-техническая информация. Серия 1. 2016. № 1. С. 38–40.
83. Соколов А.В. Библиосфера в зоне риска // Литературная газета. 2016. 13 апреля.
84. Соколов А.В. На путях познания документосферы. Первое приближение к сущности документа: эмпирический подход // Науч. и техн. б-ки. 2016. № 5. С. 7–28.
85. Соколов А.В. На путях познания документосферы. Второе приближение к сущности документа: информационный подход // Науч. и техн. б-ки. 2016. № 6. С. 3–22.
86. Соколов А.В. На путях познания документосферы. Третье приближение к сущности документа: гуманистический подход // Науч. и техн. б-ки. 2016. № 7. С. 3–23.
87. Соколов А.В. Безупречное служение библиотечное (к юбилею М.Я. Дворкиной) // Библиотековедение. 2016. № 2. С. 177–182.

88. Соколов А.В. Когнитивный подход к документу и документосфере // Научно-техническая информация. Серия 2. 2016. № 7. С. 1–8.
89. Соколов А.В. Четыре сферы бытия. Между прошлым и будущим // Мир библиографии. 2016. № 1. С. 2–12.
90. Соколов А.В. Библиотека как национальная ценность в эпоху глобализации (элементы библиотечной аксиологии) // Библиотековедение. 2016. Т. 65. № 4. С. 376–385.
91. Соколов А.В. Документосфера как предмет преподавания в библиотечно-информационной школе // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2. С. 182–187.
92. Соколов А.В. Библиографическая траектория – от информационной инфраструктуры к постмодернистскому симулякру // Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций: сб. материалов. СПб.: ЦГПБ им. В.В. Маяковского, 2016. С. 15–22.
93. Соколов А.В. НЭБ как технологическая основа гуманистического модельного стандарта // Университетская книга. 2016. Ноябрь. С. 50–54.
94. Соколов А.В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России: профессионально-мировоззренческое пособие. М.: РШБА, 2016. 384 с.
95. Соколов А.В. Библиография как инфраструктура общества знаний // Общетеоретические и футурологические проблемы библиографии: материалы II Международного библиографического конгресса. М.: Пашков дом, 2016. С. 6–20.
96. Соколов А.В. Столетняя эволюция библиографии: от науки до симулякра // Библиография в современном медиакультурном пространстве: сб. науч. статей. Самара: Изд-во СГИК, 2016. С. 16–21.
97. Соколов А.В. Библиотека будущего – предмет библиофутурологии. Интернетосфера vs библиосфера // Библиотечное дело. 2016. № 24. С. 2–9.
98. Соколов А.В. Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2016. С. 43– 66.
99. Соколов А.В. Современная библиотека в информационно-коммуникационной среде. СПб. : Изд-во СПбГИК, 2016. С. 7–67; 144–383.

2017

100. Соколов А.В. Рождение профессии // Школьная библиотека. 2017. № 2. С. 11–26.
101. Соколов А.В. Год экологии, экология культуры и образования // Школьная библиотека. 2017. № 5. С. 4–11.
102. Соколов А.В. Педагог-библиотекарь и библиотечная педагогика: статьи и доклады. М.: РЩБА, 2017. 36 с.
103. Соколов А.В. Вестники ноосферы в вузах культуры // Вестник культуры и искусств / ЧГИК. 2017. № 2. С. 179–184.
104. Соколов А.В. Идущий впереди // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 3. С. 303–307.
105. Соколов А.В. Документосфера в культурном пространстве России // Культурное пространство России: генезис и трансформации. СПб.: Изд-во СПбГИК, 2017. С. 131–145.
106. Соколов А.В. Из поколения библиотечных восьмидесятников // Библиография и книговедение. 2017. № 3. С. 124–132.
107. Соколов А.В. Экология культуры в год экологии // Гармонизация межэтнических отношений и развитие национальных культур: этнос в пространстве библиотеки: сб. матер. конференции. Екатеринбург: СОМБ, 2017. С. 58–69.
108. Соколов А.В. Библиофутурологическое творчество Якова Шрайберга. Дифирамб ко дню рождения // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 8. С. 81–89.
109. Соколов А.В. Экологическая деятельность педагога-библиотекаря // Школьная библиотека. 2017. № 9. С. 32–39.
110. Соколов А.В. Ноосфера и библиотеки // Науч. и техн. б-ки. 2017. № 9. С. 71–82.
111. Соколов А.В. Библиопсихология и ноосфера // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 4. С. 378–384.
112. Соколов А.В. Библиотека – пространство человечности и книжности // Библиотечное дело. 2017. № 19. С. 9–12.
113. Соколов А.В. Концепции и легенды в библиотечном мышлении // Сахаровские чтения. 2017: сб. статей. СПб.: СПбГИК, 2017.С. 74–91.
114. Соколов А.В. Поэтика книжности в эпоху ноосферы // Библиография и книговедение. 2017. № 5. С. 148–153.
115. Соколов А.В. Ноосфера или некросфера: куда идет человечество? // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. № 2. С. 20–36.

2018

116. Соколов А.В. Человечность и книжность в эпоху ноосферы // Библиография. 2018. № 1. С. 3–23.
117. Соколов А.В. Смысл библиотечной профессии в современной России // Науч. и техн. б-ки. 2018. № 5. С. 5–13.
118. Соколов А.В. Научные маршруты Т.Ф. Берестовой // Библиография. 2018. № 3. С. 73–90.
119. Соколов А.В. Концепции развития библиотечного дела и библиофутурология // Университетская книга. 2018. Июль-август. С. 46–52.
120. Соколов А.В. Смыслы библиографии и смыслы истории // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. М.Д. Афанасьев, Н.К. Леликова, А.Ю. Самарин. М., 2018 (в печати).

Summary

«School of library and information science and noosphere» covers studies of the author in the areas of library science and bibliography, informatics and document studies, theory of social communication, culture studies and futurology, revealed in scientific publications of 2013–2018 (120 titles).

The focus is on comprehension of the noosphere hypothesis and contradictions of postindustrial civilization of the 21st century. New theoretical problems are considered –interaction of bibliosphere, document sphere and infosphere in the cultural space of Russia; combination of library pedagogics and library marketing; formation of the digital library system and prospects for the library profession; interpretation of bibliography as the search infrastructure of the information society and bibliofuturology as the concept of forecasting book communication. The implementation of proactive training and the use of cultural heritage of the bibliosphere for humanization of the noosphere is of critical importance for the future of mankind. Various concepts of the noosphere and the human noosphere model are considered, as well as the role of the library profession in developing the Russian way to the noosphere.

Continuing the tradition of previous «retrospectives», the edition includes the memoir-lyrical section called (following the poetic line) «My friends' fabulous features» aimed at preserving the spirit of the professional community typical of our scientific pedagogical generation. The contents of the publication can be interesting and useful to scholars , lecturers and students of humanities. At large it is addressed to the Russian intelligentsia of the 21st century.

Научное издание

А. В. Соколов

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ШКОЛА И НООСФЕРА

Редакторы М. Е. Лисовская, А. С. Шитова

Подписано в печать 12.12.2018. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 27,75. Уч.-изд. л. 27,75. Тираж 100 экз. Зак. 84494

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры»
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2. Тел. 8(812)318 97 16

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У